

Пушкинъ. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

А. С. Пушкинъ 12-ти лѣтъ.

Съ гравюры Е. Гейтмана, по оригиналу К. П. Брюллова или С. Г. Чирикова.

Сочиненія и письма

А. С. Пушкина.

Томъ первый.

Сочиненія и письма

А. С. Пушкина.

Критически провѣренное и дополненное по рукописямъ изданіе, съ біографическимъ очеркомъ, вступительными статьями, объяснительными примѣчаніями и художественными приложеніями,

подъ редакціей

П. О. Морозова.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“, 7 рота, 20.
Городская контора: Невскій 50.

Сочиненія и письма

А. С. Пушкина.

Томъ первый.

Мелкія стихотворенія

1812—1824.

С.-Петербургъ.
Типографія Товарищества „Просвѣщеніе“, 7 рота, 20.
1903.

Бумага безъ примѣси древесной массы.

Предисловіе.

Настоящее изданіе сочиненій и писемъ А. С. Пушкина представляетъ переработку вышедшаго въ 1887 году, подъ моей редакціей, изданія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературнаго Фонда) и, подобно послѣднему, имѣетъ цѣлью дать читателямъ, во-первыхъ, по возможности полный и тщательно провѣренный текстъ произведеній великаго нашего поэта, а во-вторыхъ — пособіе для занимающихся изученіемъ Пушкина и его эпохи.

Соотвѣтственно этой цѣли, мною вновь пересмотрѣны, исправлены и дополнены по подлиннымъ рукописямъ Пушкина, хранящимся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ и Императорской Публичной Библіотекѣ, находящіяся въ этихъ собраніяхъ произведенія и письма поэта; текстъ произведеній, напечатанныхъ при жизни Пушкина, свѣренъ съ печатными изданіями. При этомъ, по примѣру Академическаго изданія, принято за правило основной текстъ печатать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ передъ глазами поэта въ послѣдній разъ — въ печати или въ рукописи, а первоначальныя чтенія и варіанты указывать въ примѣча-

ніяхъ; исключенія изъ этого общаго правила допущены только въ тѣхъ случаяхъ, когда данное произведеніе при жизни Пушкина не было напечатано и въ рукописи осталось неизвѣстнымъ, или когда подлинный пушкинскій текстъ подвергался цензурнымъ или вообще постороннимъ измѣненіямъ. Нѣкоторыя произведенія, которыхъ самъ поэтъ, судя по ихъ содержанію, не предназначалъ для печати и которыя, притомъ, не сохранились въ подлинныхъ его рукописяхъ, не включены въ текстъ, а размѣщены въ соотвѣтственныхъ примѣчаніяхъ.

Въ виду крайней затруднительности, а во многихъ случаяхъ — даже и невозможности возстановить подлинное пушкинское правописаніе, въ текстѣ настоящаго изданія соблюдено правописаніе, нынѣ общепринятое, тѣмъ болѣе, что и самъ Пушкинъ никогда не держался послѣдовательно какой-либо опредѣленной орѳографической системы.

По отдѣльнымъ томамъ сочиненія Пушкина расположены въ настоящемъ изданіи слѣдующимъ образомъ:

Томъ I: Мелкія стихотворенія 1812—1824 гг.
„ II: Мелкія стихотворенія 1825—1836 гг.; Пѣсни западныхъ славянъ; сказки; народныя пѣсни, записанныя и переведенныя Пушкинымъ.
„ III: Поэмы и драматическія произведенія въ стихахъ.
„ IV: Евгеній Онѣгинъ.
„ V: Романы, повѣсти и драматич. произведенія въ прозѣ.

Томъ VI: Журнальныя статьи и замѣтки; дневникъ; записки; черновыя критическія статьи; Путешествіе въ Азрумъ.

„ VII: Исторія пугачевскаго бунта и историческіе матеріалы.

„ VIII: Письма 1815—1837.

Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ сочиненія Пушкина размѣщены въ строго-хронологическомъ порядкѣ; подъ каждымъ отдѣльнымъ произведеніемъ, гдѣ это оказалось возможнымъ, отмѣчено время его написанія, причемъ хронологическія данныя вновь провѣрены по рукописямъ; за произведеніями вполнѣ законченными помѣщаются, подъ соотвѣтствующими годами, черновые отрывки и наброски.

Болѣе или менѣе значительныя исправленія и дополненія прежняго текста сдѣланы во всѣхъ указанныхъ отдѣлахъ, за исключеніемъ лишь „Исторіи пугачевскаго бунта“, которая перепечатана съ перваго изданія безъ всякихъ перемѣнъ (только примѣчанія къ ней Пушкина, въ свое время не попавшія въ печать, внесены на соотвѣтствующія мѣста и вновь свѣрены съ рукописью). Не перечисляя всѣхъ поправокъ и дополненій, укажемъ лишь наиболѣе значительныя:

Въ отдѣлѣ стихотвореній, помимо многочисленныхъ исправленій отдѣльныхъ словъ или стиховъ, дополнены многіе черновые наброски, которые, при новомъ пересмотрѣ рукописей, удалось прочесть болѣе правильно, чѣмъ прежде; нѣкоторые отрывки, оказавшіеся въ рукописяхъ и ранѣе неизвѣстные, пе-

чатаются здѣсь впервые (напр.: I, 274, 306, 556, 571, 603; II, 38, 189 и др.); также впервые введены въ собраніе сочиненій Пушкина переведенныя имъ на французскій языкъ русскія пѣсни.

Изъ поэмъ поправки и дополненія коснулись, главнымъ образомъ: „Кавказскаго Плѣнника“ (черновые варіанты), „Цыганъ“, „Полтавы“, „Мѣднаго Всадника“ и „Родословной моего героя“; въ особенности тщательно свѣренъ съ рукописью текстъ „Анджело“. По тремъ рукописямъ и первому печатному изданію исправленъ текстъ „Бориса Годунова“ и указаны разночтенія; болѣе мелкія исправленія сдѣланы въ „Скупомъ Рыцарѣ“, „Каменномъ Гостѣ“ и „Русалкѣ“.

Текстъ „Евгенія Онѣгина“ провѣренъ по пушкинскимъ изданіямъ, а изъ рукописей взяты дополненія и варіанты, отчасти еще не бывшіе въ печати.

Изъ повѣстей — „Капитанская Дочка“ свѣрена съ подлинною рукописью, изъ которой также взято немало поправокъ и дополненій, указанныхъ въ примѣчаніяхъ къ этой повѣсти. Вновь исправленъ по рукописи и отчасти дополненъ также и „Дубровскій.“

Черновыя журнальныя статьи и замѣтки также во многихъ мѣстахъ подверглись болѣе или менѣе значительнымъ исправленіямъ сравнительно съ изданіемъ Литературнаго Фонда.

Наконецъ, отдѣлъ писемъ значительно дополненъ письмами, появившимися въ печати въ теченіе послѣднихъ 16-ти лѣтъ, причемъ письма, бывшія намъ доступными въ подлинникахъ, тщательно съ ними свѣрены и исправлены.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда текстъ воспроизводится по рукописи, слова и фразы зачеркнутыя печатаются въ прямыхъ скобкахъ [ ], а слова, вставленныя по догадкѣ или прочитанныя не вполнѣ увѣренно, — въ прямыхъ скобкахъ *курсивомъ*.

Отдѣлу стихотвореній, а также и каждому крупному произведенію Пушкина, предпосланы небольшія историко-литературныя введенія, въ которыхъ излагается исторія созданія и литературная судьба даннаго сочиненія; болѣе мелкія подробности — біографическія, библіографическія и историко-литературныя—отнесены, вмѣстѣ съ варіантами, въ примѣчанія, гдѣ, между прочимъ, указаны заимствованія изъ писателей русскихъ и иностранныхъ и подражанія имъ, сообщены свѣдѣнія о лицахъ и фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ данному произведенію, и отмѣчены критическіе отзывы, явившіеся въ печати при жизни поэта или сообщенные ему его друзьями. При возможной сжатости изложенія, редакція заботилась, однако, о томъ, чтобы не пропустить въ этихъ примѣчаніяхъ ничего существеннаго, пользуясь для нихъ обширнымъ матеріаломъ пушкинской литературы прежнихъ лѣтъ, а въ особенности — двухъ „юбилейныхъ“ годовъ — 1887 и 1899. Важнѣйшія изъ пособій, къ которымъ приходилось постоянно обращаться, указаны въ началѣ примѣчаній къ I тому; къ нимъ слѣдуетъ присоединить вышедшіе уже во время печатанія настоящаго изданія „Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина“, собранные покойнымъ академикомъ Л. Н. Майковымъ (С.-Петербургъ, 1902), которыми редакція

воспользовалась для дополнительныхъ примѣчаній къ I-му тому, и книгу проф. И. А. Шляпкина: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“ (Спб. 1903), давшую матеріалъ для примѣчаній и дополненій къ слѣдующимъ томамъ. *)

Къ соотвѣтствующимъ томамъ прилагаются алфавитные указатели: стихотвореній — по ихъ заглавіямъ и первому стиху, лицъ и нѣкоторыхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ и примѣчаніяхъ, и писемъ — по фамиліямъ лицъ, къ которымъ они адресованы.

П. Морозовъ.

*) Въ ссылкахъ обозначаются сокращенно: „Майковъ, Мат.“ „Шляпкинъ“.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе.
Біографическій очеркъ . . 1
Введеніе къ стихотвореніямъ 1

1812.

I. Пѣсня 27, 387*)
II. Делія 28, 388
III. Измѣны . . . 28, 388

1814.

I. Къ сестрѣ . . 32, 389
II. Къ другу-стихотворцу . . 36, 391
III. Кольна . . . 39, 395
IV. Эвлега . . . 43, 396
V. Осгаръ . . . 45, 396
VI. Леда 48, 396
VII. Венерѣ отъ Лаисы . . . 50, 396
VIII. Красавицѣ, которая нюхала табакъ . . . 50, 397
IX. Stances . . . 51, 398
X. Къ Натальѣ . 52, 398
XI. Къ молодой актрисѣ . . . 54, 399
XII. Опытность . . 56, 399
XIII. Блаженство . 57, 399

Стр.

XIV. Пирующіе студенты . . . 60, 399
XV. Къ Батюшкову 63, 406
XVI. Къ Н. Г. Ломоносову . . . 66, 407
XVII. Романсъ . . . 67, 408
XVIII. Mon portrait . 68, 409
XIX. Городокъ . . 69, 410
XX. Казакъ . . . 81, 415
XXI. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ 83, 417
XXII. Эпиграмма . . 89, 419
XXIII. Подражаніе французскому 89, 419
XXIV. Несчастіе Клита 90, 419

1815.

I. Бова 91, 420
II. Наполеонъ на Эльбѣ . . . 99, 425
III. Къ Дельвигу 102, 425
IV. Лицинію . . 103, 428
V. Старикъ . . 106, 431
VI. Вода и вино 106, 431
VII. Батюшкову . 107, 431
VIII. Эпиграмма . 108, 432
IX. Ив· Ив. Пущину . . . 108, 433

*) Первая цифра относится *къ тексту*, вторая — *къ примѣчаніямъ*.

Стр.

X. А. И. Галичу 110, 433
XI. Мечтатель . 112, 434
XII. Посланіе къ А. И. Галичу 114, 434
XIII. Посланіе къ Юдину . . 118, 435
XIV. Князю А. М. Горчакову . 125, 437
XV. Моему Аристарху . . . 126, 438
XVI. Разсудокъ и любовь . . 130, 441
XVII. Гробъ Анакреона . . 131, 441
XVIII. Мое завѣщаніе друзьямъ 132, 444
XIX. Моя эпитафія 134, 446
XX. Погребъ . . 135, 446
XXI. Воспоминаніе 135, 456
XXII. Слеза . . . 137, 450
XXIII. Къ живописцу 137, 452
XXIV. Роза 138, 453
XXV. Сраженный рыцарь . . 139, 453
XXVI. На возвращеніе Государя Императора 140, 454
XXVII. Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ . . . 143, 454
XXVIII. Вишня . . . 144, 455
XXIX. Отъ всенощной 146, 455

1816.

I. Фавнъ и пастушка . . 147, 456
II. Къ Машѣ . 154, 457
III. Усы 155, 457
IV. Пробужденіе 157, 458
V. Желаніе . . 158, 458
VI. Пѣвецъ . . 159, 460
VII. Къ ней . . 159, 460
VIII. Посланіе Лидѣ . . . 160, 460
IX. КъМорфею 162, 461
X. Сонъ . . . 162, 462
XI. Посланіе къ князю А. М. Горчакову 169, 463
XII. Къ принцу Оранскому 171, 463
XIII. Амуръ и Гименей . . 172, 465
XIV. Слово милой . . . 174, 466
XV. Лилѣ . . . 174, 467
XVI. Истина . . 174, 467
XVII. Фіалъ Анакреона . . 175, 467
XVIII. Наѣздники 176, 468
XIX. Пуншевая пѣсня . . 178, 471
XX. Заздравный кубокъ . . 179, 471
XXI. Къ Наташѣ 180, 472
XXII. Уныніе: „Медлительно влекутся дни мои“... 181, 472
XXIII. Осеннее утро . . . 181, 473
XXIV. Уныніе: „Мой милый другъ, разстался я съ тобою“... . 182, 474
XXV. Элегія: „Я думалъ, что любовь“... 183, 476
XXVI. Элегія: „Счастливъ кто въ страсти“..... 184, 476
XXVII. Элегія: „Опять я вашъ“..... 185, 476

Стр.

XXVIII. Элегія: „Я видѣлъ смерть“... 186, 477
XXIX. Любовь одна... . . . 186, 479
XXX. Наслажденіе 188, 479
XXXI. Окно . . . 189, 479
XXXII. Мѣсяцъ . . 190, 480
XXXIII. Надпись къ бесѣдкѣ . 191, 480
XXXIV. Твой и мой 191, 480
XXXV. Къ письму 191, 481
XXXVI. Друзьямъ . 192, 481
XXXVII. А. А. Шишкову . . . 192, 482
XXXVIII. Боже, царя храни! . . 193, 485
XXXIX. Къ молодой вдовѣ . . 194, 486
XL. Экспромптъ на А. . . . 195, 488
XLI. Надпись на мой портретъ . . . 195, 489
XLII. Завѣщаніе . 196, 489
XLIII. Она . . . 196, 489
XLIV. На смерть стихотворца 196, 489
XLV. Скажи, что новаго?.. . 197, 489
XLVI. Больны вы, дядюшка?.. 197, 489
XLVII. Вотъ Виля . 197, 489
XLVIII. Заутра съ свѣчкой грошевою... 197, 490
XLIX. Эпиграммы на Пучкову 198, 490

1817.

I. Торжество Вакха 199, 491
II. Сновидѣніе . 201, 491

Стр.

III. Стансы: Ты мнѣ велишь... . . 202, 492
IV. Письмо къ Лидѣ 203, 493
V. Добрый совѣтъ 204, 494
VI. Couplets . . . 204, 494
VII. Къ Баболовскому дворцу . 206, 495
VIII. Именины . . 206, 495
IX. К. П. Бакуниной 206, 495
X. Къ портрету Чаадаева . . 207, 495
XI. Къ портрету Каверина . . . 207, 496
XII. Къ портрету Молоствова... . . . . 207, 497
XIII. Къ Каверину . 207, 498
XIV. Въ альбомъ Зубову . . 208, 501
XV. Портретъ . . 208, 501
XVI. Исторія стихотворца . . . 209, 502
XVII. Съ позволенія сказать . . . 209, 502
XVIII. Дельвигу . . 210, 502
XIX. Въ альбомъ. Илличевскому... . . 211, 504
XX. Въ альбомъ Пущину . . 211, 504
XXI. Вотъ здѣсь лежитъ 212, 504
XXII. Разлука . . . 212, 505
XXIII. Товарищамъ . 213, 506
XXIV. Посланіе къ В. Л. Пушкину... 214, 506
XXV. Безвѣріе . . 217, 508
XXVI. Къ ней . . . 219, 509
XXVII. Къ Жуковскому 220, 510
XXVIII. Простите, вѣрныя дубравы... . . . 224, 518

Стр.

XXIX. Е. С. Огаревой 224, 519
XXX. А. И. Тургеневу . . . 225, 520
XXXI. Княгинѣ А. И. Голицыной . 226, 524
XXXI Н. И. Кривцову . . . 227, 526

1818.

I. Ѳ. Ф. Юрьеву 228, 529
II. Прелестницѣ . 229, 530
III. Выздоровленіе 230, 531
IV. Н. И. Кривцову (Другу отъ друга)... . . 231, 532
V. Къ Чаадаеву . 232, 533
VI. Мечтателю . . 232, 533
VII. Къ портрету Жуковскаго . 233, 534
VIII. Жуковскому . 233, 534
IX. Въ альбомъ Е. Я. Сосницкой 234, 537
X. Добрый человѣкъ 234, 537
XI. Эпиграммы на Карамзина . 235, 537
XII. На кн. Голицына 235, 539
XIII. На Фотія . . 235, 540
XIV. На Каченовскаго 236, 540
XV. Про себя . . 236, 541
XVI. Наденькѣ . . 237, 541
XVII. К*** 237, 541
XVIII. Черновые наброски:
Позволь душѣ моей . . . 237, 541
Какъ сладостно 237, 542
И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ . . . 237, 542
Стр.
Я мало жилъ 542
Кому красавица назначена судьбами . 542
Сказки (Noël), отрывокъ . 543

1819.

I. На А. М. Колосову . . . 239, 544
II. Ѳ. Ф. Юрьеву 239, 545
III. Къ ***: Не спрашивай, зачѣмъ 240, 546
IV. Веселый пиръ 240, 547
V. Отвѣтъ на вызовъ 241, 547
VI. Оленькѣ Массонъ 241, 548
VII. Орлову . . . 242, 548
VIII. В. В. Энгельгардту . . . 244, 549
IX. Къ Щербинину 245, 551
X. Стансы Я. Н. Толстому . . 246, 552
XI. Деревня . . . 247, 554
XII. Домовому . . 249, 556
XIII. Недоконченная картина . . 249, 556
XIV. Возрожденіе . 250, 557
XV. Записка къ Жуковскому . . 250, 557
XVI. Русалка . . . 251, 559
XVII. Вольность . . 253, 559
XVIII. Н. В. Всеволожскому . . 256, 563
XIX. Кн. А. М. Горчакову . . . 258, 565
XX. Къ нему же . 259, 565
XXI. Платонизмъ . 260, 566
XXII. Дорида . . . 261, 567
XXIII. Доридѣ . . 261, 567
XXIV. Ты и я . . . 262, 568

Стр.

XXV. Черновые наброски:
Напрасно, милый другъ . 262, 568
Воспоминаньемъ упоенный 263, 568
Скажи, какія заклинанья 263, 569
Все призракъ, суета . . . 263, 569
Недавно, тихимъ вечеркомъ . . . 264, 569

1820.

I. Мнѣ бой знакомъ 265, 570
II. Эпиграммы на Аракчеева . . 265, 570
III. Погасло дневное свѣтило . . . 266, 570
IV. Чаадаеву . . . 267, 692
V. Нереида . . . 268, 572
VI. Таврическая звѣзда (Рѣдѣетъ облаковъ...) . . . 268, 573
VII. Дочери Кара-Георгія . . . 269, 573
VIII. Мнѣ васъ не жаль 269, 575
IX. Къ портрету кн. Вяземскаго . 270, 575
X. Черная шаль . 270, 576
XI. Увы, зачѣмъ . 272, 577
XII. Эпиграмма на Каченовскаго 272, 578
XIII. Когда бъ писать ты началъ сдуру 273, 578
XIV. Какъ брань тебѣ не надоѣла . 277, 579
XV. На Ѳ. И. Толстого 273, 579

Стр.

XVI. Черновые наброски:
На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный . 274, 581
Аптеку позабудь 274, 581

1821.

I. Земля и море 275, 582
II. Дѣва 276, 583
III. Діонея . . . 276, 584
IV. Красавица передъ зеркаломъ . . . 276, 585
V. Муза . . . 277, 585
VI. Желаніе . . 277, 587
VII. Я пережилъ свои желанья 279, 589
VIII. Къ Аглаѣ . 279, 590
IX. Война . . . 281, 591
X. Кинжалъ . . 282, 592
XI. П. А. Катенину . . . 283, 595
XII. Чаадаеву . . 284, 598
XIII. Къ моей чернильницѣ . 286, 602
XIV. Еврейкѣ . . 289, 602
XV. Наперсница волшебной старины . . 290, 603
XVI. Сѣтованіе . 291, 603
XVII. Н. С. Алексѣеву . . . 291, 605
XVIII. Гробъ юноши 293, 608
XIX. Наполеонъ . 294, 610
XX. Элегія: Умолкну скоро я . 298, 612
XXI. Къ ***: Мой другъ, забыты мной . . 299, 613
XXII. Подражаніе: Въ крови горитъ . . . 299, 614

Стр.

XXIII. Къ Овидію . 300, 614
XXIV. Десятая заповѣдь . . . 303, 615
XXV. П. С. Пущину 304, 616
XXVI. Г - жѣ Эйхфельдъ . . 304, 616
XXVII. Лизѣ страшно полюбить 305, 616
XXVIII. Всегда такъ будетъ и бывало . . . 305, 616
XXIX. Эпиграмма на Каченовскаго 305, 617
XXX. Эпиграмма: Составленъ онъ 305, 617
XXXI. Черновые наброски:
Завидую тебѣ 306, 617
Наперсница моихъ сердечныхъ думъ . . . 306, 617
Вечерня отошла давно 306, 618
Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ . . 307, 618
Въ твою свѣтлицу . . 308, 618
Вотъ муза . 308, 618
Чугунъ Кагульскій . 308, 618
Въ Юрзуфѣ бѣдный мусульманъ . 308, 618
Изъ неоконченной сатиры . . . 310, 619
В. Л. Давыдову . . . 312, 620
Кишиневскія дамы . . . 313, 621

Стр.

Тодорашка въ васъ влюбленъ . . 315, 621
Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ . . . 315, 622
Оставя честь 316, 622
Ты правъ, хоть онъ поэтъ . . . 316, 622

1822.

I. Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный . . 317, 622
II. Примѣты . . 318, 624
III. Друзьямъ . . 318, 625
IV. Узникъ . . . 319, 626
V. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ 320, 626
VI. Птичка . . . 323, 629
VII. Уединеніе . . 323, 629
VIII. Пріятелю . . 324, 630
IX. Баратынскому изъ Бессарабіи 324, 630
X. Ему же . . . 325, 630
XI. Гречанкѣ . . 325, 630
XII. Адели 326, 632
XIII. Первое посланіе цензору . 327, 632
XIV. Къ Ѳ. Н. Глинкѣ 330, 635
XV. У Клариссы денегъ мало . 331, 636
XVI. Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати . . . 331, 636
XVII. Жалоба . . . 331, 636
XVIII. Русскому Гесснеру 332, 637
XIX. Черновые наброски:
Начало посла-

нія къ кн. Вяземскому . 332, 637
Начало посланія къ брату 332, 638
Изъ записки къ пріятелю 333, 638
Мой другъ, уже три дня 333, 638
Къ ***: Ты правъ, мой другъ . . . 334, 639
Красы Лаисъ, завѣтные пиры 335, 640
Пиры, любовницы, друзья 335, 641
Я говорилъ предъ хладною толпой 335, 641
Таврида . . 336, 642
Какъ наше сердце своенравно . . 336, 642
На тихихъ берегахъ Москвы . . . 337, 642
Зачѣмъ раздался громъ войны . . . 338, 642
Себѣ ты выбралъ, Зензевей . . . 338, 643
Кто, волны, васъ остановилъ . . . 338, 643
Венерѣ, Фебу и Ѳемидѣ . 338, 643
Въ голубомъ эѳира полѣ 338, 643
Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой . . 339, 643
О Геліосъ, внемли . . 339, 643

1823.

I. Изъ записки къ В. Е. Горчакову 340, 645
II. Демонъ 340, 645
III. Княгинѣ М. А. Голицыной . . 341, 650
IV. Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну . . 342, 650
V. Элегія: Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты 342, 651
VI. Ночь 343, 652
VII. Возстань, о Греція 343, 652
VIII. Сказали разъ царю 344, 652
IX. Свободы сѣятель пустынный . . 344, 653
X. Недвижный стражъ дремалъ 345, 654
XI. Телѣга жизни . 347, 655

1824.

I. А. Л. Давыдову . . . 348, 656
II. Иностранкѣ . 349, 656
III. Тимковскій царствовалъ 349, 658
IV. На Воронцова 349, 658
V. Къ морю . . 350, 660
VI. Аквилонъ . . 352, 663
VII. Прозерпина . 353, 664
VIII. Испанскій романсъ . . . 354, 665
IX. Къ Языкову . 355, 665
X. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ . . . 356, 666

Стр.

XI. Второе посланіе цензору 363, 669
XII. О дѣва-роза . 365, 671
XIII. Фонтану Бахчисарайскаго дворца . . 365, 672
XIV. Виноградъ . 366, 672
XV. Ненастный день потухъ 366, 673
XVI. Коварность . 367, 673
XVII. Подражаніе Шенье: Ты вянешь и молчишь . . 368, 673
XVIII. Подражанія Корану . . 369, 674
XIX. Дружба . . . 375, 681
XX. Признаніе . 376, 681
XXI. Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки 377, 681
XXII. Туманскій правъ . . . 377, 682
XXIII. Воспитанный подъ барабаномъ . . . 378, 682
XXIV. Охотникъ до журнальной драки . . . 378, 682
XXV. Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ . . 378, 683

Стр.

XXVI. Эпиграммы на наводненіе . 378, 683
XXVII. Черновые наброски:
Все кончено 379, 683
Графу О*** 379, 683
Презрѣвъ и шопотъ укоризны . . 380, 684
Едва уста краснорѣчивы . . . 381, 684
Надо мной въ лазури ясной . . . 381, 684
Стою печально на кладбищѣ . . . 381, 684
Два чувства дивно близки къ намъ 381, 684
Забывъ и рощу, и свободу . . . 382, 684
Младенцу . 382, 685
Мнѣ жаль векія жены . 382, 685
Л. С. Пушкину . . . 383, 685
Сабурову . 383, 685
Примѣчанія . . . 385 — 686
Дополнительныя примѣчанія . . . 686 — 696

Списокъ художественныхъ приложеній.

А. С. Пушкинъ 12-ти лѣтъ. Съ гравюры Е. Гейтмана, по оригиналу К. П. Брюллова или С. Г. Чирикова.

А. С. Пушкинъ въ лицейской формѣ.

А. С. Пушкинъ. Съ рисунка Жюля Вернэ.

Святогорскій монастырь.

Могила А. С. Пушкина въ Святогорскомъ монастырѣ.

„19 октября 1825 г.“, факсимиле. (Стихотвореніе см. т. II, стр. 19.)

А. С. Пушкинъ

(біографическій очеркъ).

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился 26 мая 1799 г. въ Москвѣ. Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, ведущаго свою родословную еще съ XIII столѣтія и имѣющаго въ числѣ своихъ представителей нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ въ старой нашей исторіи, но въ XVIII вѣкѣ уже обѣднѣвшаго и утратившаго прежнее свое значеніе. Подобно всѣмъ дворянамъ своего времени, Сергѣй Львовичъ въ молодости служилъ въ гвардіи; но вскорѣ послѣ своей женитьбы онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, такъ какъ неподалеку оттуда у него было небольшое имѣніе Захарьино. Жена его, Надежда Осиповна, была родная внучка извѣстнаго „арапа Петра Великаго“, Абрама Петровича Ганнибала, который въ дѣтствѣ былъ купленъ для Петра Великаго въ Константинополѣ, былъ царемъ воспитанъ, отданъ въ военную службу и умеръ въ глубокой старости уже въ царствованіе императрицы Екатерины II (1781).

Онъ владѣлъ нѣсколькими помѣстьями, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, было и село Михайловское въ Псковской губерніи. Изъ сыновей этого Ганнибала одинъ, Иванъ Абрамовичъ, участвовалъ въ турецкой войнѣ 1769-74 гг. и прославился взятіемъ порта Наварина; другой Ганнибалъ, Осипъ Абрамо-

вичъ, былъ отцомъ матери нашего поэта. Впослѣдствіи Пушкинъ вспомнилъ своего знаменитаго прадѣда и дѣда въ стихотвореніи „Моя Родословная“.

О наваринскомъ Ганнибалѣ вспоминаетъ онъ также и въ стихотвореніи „Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ“. Біографію же своего прадѣда онъ думалъ изложить въ разсказѣ „Арапъ Петра Великаго“, который, однако, остался неоконченнымъ.

Будущій поэтъ получилъ первоначальное воспитаніе въ родительскомъ домѣ, вмѣстѣ съ своей старшей сестрой Ольгой Сергѣевной, подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ, преимущественно французовъ; но отношенія родителей Пушкина къ дѣтямъ не отличались особенною внимательностью, и дѣти, въ сущности, были предоставлены самимъ себѣ больше, чѣмъ постороннимъ воспитателямъ. Сергѣй Львовичъ, какъ и его старшій братъ Василій Львовичъ, довольно извѣстный въ свое время стихотворецъ, получилъ блестящее по понятіямъ той поры образованіе, прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ, писалъ даже французскіе стихи и имѣлъ большую библіотеку, состоявшую преимущественно изъ произведеній французскихъ писателей XVII-го и XVIII-го столѣтій. Эта-то библіотека, къ которой маленькій Пушкинъ, вмѣстѣ съ своей сестрой, получилъ свободный доступъ, какъ только выучился читать по-французски, имѣла большое вліяніе на умственное развитіе и вкусы мальчика: восьми, девяти лѣтъ онъ уже пытается писать французскіе стихи и сочиняетъ комедіи, разыгрывая ихъ передъ сестрою. Французскій языкъ въ домѣ Пушкиныхъ вообще былъ господствующимъ, и будущій величайшій русскій поэтъ въ родномъ домѣ могъ говорить по-русски только съ своей бабушкой, Марьей Алексѣевной Ганнибалъ, да съ крѣпостной няней Ариной

Родіоновной, которая, зная огромный запасъ всякаго рода пѣсенъ, сказокъ, поговорокъ и пр., сумѣла заинтересовать ими своего питомца. Впослѣдствіи, въ пору вынужденной жизни поэта въ Псковской деревнѣ, та же няня снова пробудила въ немъ живой интересъ къ сокровищамъ родного слова и народной поэзіи.

Мальчику шелъ уже 12-й годъ, когда родители рѣшили помѣстить его въ учебное заведеніе. Сначала предполагалось отдать его въ іезуитскую коллегію въ Петербургѣ, гдѣ воспитывались тогда дѣти знатныхъ семей; но въ началѣ 1811 года объявлено было о предстоящемъ осенью открытіи новаго учебнаго заведенія, — Лицея въ Царскомъ Селѣ, и Сергѣй Львовичъ, по совѣту одного изъ своихъ друзей, А. И. Тургенева, поручилъ своему брату отвезти сына въ Петербургъ и помѣстить его въ Лицей. Живя въ Петербургѣ у дяди Василія Львовича, мальчикъ готовился къ вступительному экзамену; здѣсь же, въ домѣ дяди, онъ встрѣчался съ представителями тогдашняго литературнаго круга, Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ и другими, съ которыми уже въ эту пору у него завязались прочныя отношенія на всю жизнь. Царскосельскій Лицей былъ открытъ 19 октября 1811 года; вмѣстѣ съ Пушкинымъ принято было туда 30 мальчиковъ, изъ которыхъ многіе получили подготовку въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ съ давнихъ поръ была развита особенная любовь къ литературѣ. Это же направленіе перешло и въ Лицей: юные воспитанники новаго учебнаго заведенія скоро составили свое литературное общество, въ которомъ самое видное мѣсто занялъ Пушкинъ вмѣстѣ съ барономъ Дельвигомъ; они начали издавать рукопис-

ный журналъ, наполняя его своими произведеніями въ стихахъ и прозѣ, внимательно слѣдили за всѣми литературными новостями и, наконецъ, стали посылать свои сочиненія въ редакціи петербургскихъ и московскихъ журналовъ: первое появившееся въ печати стихотвореніе Пушкина — „Другу-стихотворцу“ — помѣщено было въ одной изъ лѣтнихъ книжекъ московскаго „Вѣстника Европы“ 1814 г. · Въ школьныхъ своихъ занятіяхъ Пушкинъ во все время лицейскаго курса не поднимался выше средняго уровня; профессора, признавая его даровитость и остроуміе, въ то же время замѣчали у него совершенное отсутствіе прилежанія и способности къ усидчивому труду; притомъ, 15-ти лѣтній лицеистъ интересовался почти исключительно литературой, — французской и русской, — и все свободное время отдавалъ литературнымъ занятіямъ. Въ Лицеѣ имъ было написано много стихотвореній; онъ пробовалъ свои юныя силы во всѣхъ родахъ: то, въ подражаніе легкимъ французскимъ поэтамъ прошлаго столѣтія и Батюшкову, воспѣвалъ веселое, беззаботное молодое житье, пирушки, вино, любовь, то, идя по слѣдамъ Жуковскаго, сочинялъ грустно-чувствительные романсы и баллады, задумывалъ поэму и драму изъ древней русской исторіи, комедію въ стихахъ изъ современной свѣтской жизни, и пр. Близкія отношенія къ Жуковскому и Батюшкову, въ которыхъ юный поэтъ видѣлъ своихъ учителей и руководителей, — къ Карамзину, стоявшему тогда во главѣ новаго литературнаго движенія, къ молодому, бойкому и остроумному стихотворцу и критику кн. Вяземскому, съ которымъ Пушкинъ скоро подружился, — все это не осталось безъ вліянія на характеръ и направленіе юнаго поэта, который сразу примкнулъ къ кружку писателей, со-

единившихся вокругъ Карамзина и Жуковскаго, и еще на лицейской скамьѣ былъ принятъ въ число членовъ литературнаго общества „Арзамасъ“, высмѣивавшаго дѣятельность писателей стариннаго склада, противниковъ Карамзина. На экзаменѣ 1815 года Пушкинъ, въ присутствіи Державина, прочелъ свое стихотвореніе „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, напечатанное вслѣдъ за тѣмъ въ журналѣ „Россійскій Музеумъ“ съ полною подписью автора. Стихотвореніе оканчивалось восторженнымъ обращеніемъ къ Жуковскому: „О, скальдъ Россіи вдохновенный!“. Державинъ былъ тронутъ, похвалилъ юношу-лицеиста и предсказалъ ему литературную извѣстность.

Кромѣ писателей, Пушкинъ, въ бытность въ Лицеѣ, болѣе или менѣе близко сошелся съ нѣкоторыми изъ офицеровъ стоявшаго въ Царскомъ Селѣ гусарскаго полка, въ числѣ которыхъ были упоминаемый въ I-й главѣ „Онѣгина“ Каверинъ и Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени, имѣвшій большое вліяніе на юнаго лицейскаго поэта и впослѣдствіи на всю жизнь оставшійся его другомъ.

Лѣтомъ 1817 г. Пушкинъ окончилъ курсъ въ Лицеѣ и, разставшись съ товарищами, переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сейчасъ же былъ зачисленъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ. Побывавъ у отца, жившаго въ ту пору въ Псковской губерніи, молодой поэтъ, уже получившій извѣстность въ литературѣ, спѣшилъ воспользоваться своей свободой и началъ вести разсѣянную свѣтскую жизнь, вродѣ той, какую ведетъ Онѣгинъ (въ I-й главѣ романа), въ кругу богатой и праздной молодежи. Впрочемъ, въ то же время онъ не прерывалъ и своихъ поэтическихъ занятій, и въ 1820 г. окончилъ пер-

вую большую свою поэму „Русланъ и Людмила“, начатую еще въ Лицеѣ. Нѣкоторыя слишкомъ вольныя стихотворенія, которыя, какъ и все, что писалось Пушкинымъ, быстро распространились въ обществѣ, навлекли на молодого поэта неудовольствіе высшаго правительства, вслѣдствіе чего онъ былъ отправленъ на службу въ попечительство колонистовъ южнаго края, находившееся въ Екатеринославѣ, подъ управленіемъ генерала Инзова. Вскорѣ послѣ пріѣзда туда Пушкинъ заболѣлъ, и ему представился случай съѣздить съ семействомъ генерала Раевскаго на кавказскія минеральныя воды и въ Крымъ. Подъ впечатлѣніемъ этой поѣздки написаны были имъ поэмы „Кавказскій плѣнникъ“ и „Бахчисарайскій фонтанъ“, въ которыхъ находятся прекрасныя картины кавказской и крымской природы.

Между тѣмъ, Инзовъ, получивъ новый постъ временнаго намѣстника Бессарабской области, переѣхалъ на жительство въ Кишиневъ, куда переведено было и управленіе колоніями южнаго края, а потому тамъ долженъ былъ поселиться и Пушкинъ. Въ этомъ полудикомъ въ ту пору городѣ, среди пестраго населенія молдаванъ и грековъ, поэту было очень не по себѣ; единственнымъ утѣшеніемъ его было чтеніе книгъ и журналовъ, которые доставлялись ему изъ Петербурга, изученіе иностранныхъ литературъ, въ особенности — современной французской и англійской, и поэзія.

Въ Кишиневѣ, между прочимъ, написана была стихотворная повѣсть „Братья-разбойники“ и начата поэма „Цыганы“.

Въ половинѣ 1823 г. Пушкинъ былъ переведенъ на службу въ Одессу, въ канцелярію Новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова. Здѣсь поэтъ

нашелъ давно утраченныя имъ приманки европейской жизни, — блестящее общество, театръ, итальянскую оперу, — и снова увидѣлъ передъ собой море, которое такъ очаровало его во время пребыванія на южномъ берегу Крыма; но его новый начальникъ отнесся къ нему далеко не такъ добродушно, какъ Инзовъ, снисходительно смотрѣвшій на всѣ его шалости. Графъ Воронцовъ требовалъ отъ поэта самаго строгаго исполненія служебныхъ обязанностей, къ чему Пушкинъ не чувствовалъ никакой склонности. Неудовольствіе генералъ-губернатора было причиною удаленія Пушкина изъ Одессы: въ концѣ іюля 1824 г. поэтъ получилъ приказаніе ѣхать въ имѣніе своей матери, село Михайловское Псковской губерніи, и жить тамъ безвыѣздно, подъ надзоромъ.

Скучно и однообразно потянулись дни молодого поэта въ уединенной деревнѣ далекаго сѣвернаго уѣзда, гдѣ единственной подругой его жизни была старая няня Арина Родіоновна, которая по-прежнему, какъ во времена его дѣтства, развлекала его своими разсказами и сказками. „Что за прелесть эти сказки!“ писалъ онъ одному изъ своихъ друзей: „каждая есть поэма!“ Сказки эти, а также и слышанныя имъ отъ крестьянъ пѣсни, онъ сталъ записывать, и впослѣдствіи обработалъ въ прекрасныхъ стихахъ. Въ Михайловскомъ же онъ закончилъ начатую еще подъ кишиневскими впечатлѣніями поэму „Цыганы“ и продолжалъ свой стихотворный романъ „Евгеній Онѣгинъ“. Чтеніе „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина и другихъ историческихъ сочиненій, а также Шекспира, среди произведеній котораго имѣется цѣлый рядъ драматическихъ хроникъ изъ старой англійской исторіи, дало нашему поэту мысль написать подобную же хронику изъ исторіи русской;

такимъ образомъ явился „Борисъ Годуновъ“,— пьеса, которую Пушкинъ, въ подражаніе старинным русскимъ драматическимъ произведеніямъ, озаглавилъ: „Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ“. Здѣсь же Пушкинъ началъ собирать матеріалы для біографіи своего знаменитаго прадѣда Абрама Петровича Ганнибала, которую онъ хотѣлъ обработать въ видѣ повѣсти „Арапъ Петра Великаго“; но повѣсть эта, какъ уже сказано выше, осталась недописанною.

Переписка съ младшимъ братомъ, Львомъ Сергѣевичемъ, и съ петербургскими друзьями, которые исполняли разныя порученія поэта, заботились о напечатаніи его стиховъ, высылали ему журналы и книги и сообщали литературныя новости, конечно, до нѣкоторой степени утѣшала его въ одиночествѣ; но эта переписка все же не могла замѣнить ему общества живыхъ людей, и поэту подчасъ становилось очень грустно... Особенно грустнымъ чувствомъ проникнуто его стихотвореніе, посвященное лицейской годовщинѣ, 19 октября 1825 года, въ которомъ онъ вспоминаетъ веселое собраніе товарищей въ день основанія Лицея и обращается къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Поэтъ говоритъ о своемъ деревенскомъ одиночествѣ, съ восторгомъ вспоминаетъ о неизмѣнныхъ чувствахъ дружбы, которыя соединяютъ товарищей, и о той отрадѣ, какую доставили ему посѣщенія Пущина, барона Дельвига и кн. Горчакова.

Но эти рѣдкія посѣщенія друзей были только мимолетными свѣтлыми событіями въ одинокой жизни поэта, дѣлившаго свои долгіе зимніе вечера только съ „доброй подружкой своей бѣдной юности“, старой няней, которой онъ читалъ свои новыя произведенія.

Впрочемъ, въ этой уединенной жизни Пушкина въ Михайловскомъ судьба послала ему нѣкоторое утѣшеніе. Невдалекѣ отъ деревни Пушкина находилось село Тригорское, принадлежавшее вдовѣ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, у которой были двѣ молоденькія дочки. Пушкинъ познакомился съ сосѣдкой и сталъ часто бывать въ Тригорскомъ. Сюда же пріѣзжала погостить племянница Осиповой, красавица Анна Петровна Кернъ, съ которой поэтъ уже встрѣчался прежде, въ Петербургѣ, и которой онъ посвятилъ стихотвореніе „Я помню чудное мгновенье“. Сынъ г-жи Осиповой отъ перваго брака, Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, студентъ дерптскаго (юрьевскаго) университета, также пріѣхалъ, зимой 1824 — 25 г., къ матери и привезъ съ собой своего товарища, поэта Николая Михайловича Языкова. Молодые люди скоро познакомились и подружились съ Пушкинымъ, и всѣ трое весело проводили время то въ Михайловскомъ, то въ Тригорскомъ.

Вульфъ и Языковъ пріѣзжали въ Тригорское и Михайловское также и лѣтомъ 1825 г., и на слѣдующую зиму. Навѣщалъ поэта и его братъ Левъ, и Дельвигъ, привозившіе съ собой петербургскія новости . . .

Въ сентябрѣ 1826 г. вскорѣ послѣ воцаренія и коронаціи новаго государя, Николая Павловича, Пушкинъ былъ вызванъ въ Москву; государь принялъ его ласково, позволилъ ему жить въ Москвѣ и объявилъ ему свою волю, чтобы онъ впередъ все написанное представлялъ на собственную цензуру Его Величества. Время, проведенное Пушкинымъ послѣ того въ Москвѣ, было для него настоящимъ торжествомъ: его вездѣ принимали съ почетомъ, съ восторгомъ слушали его „Бориса Годунова“ и другія

произведенія; при его главномъ участіи тогда же основался новый журналъ „Московскій Вѣстникъ“, въ которомъ онъ сталъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ. Въ маѣ 1827 г. ему позволено было жить въ Петербургѣ, откуда онъ нерѣдко ѣздилъ въ Москву. Въ эту пору (1827 — 28 гг.) имъ написана была поэма „Полтава“ и много лирическихъ стихотвореній.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Москву поэтъ встрѣтился и познакомился съ юной 16-лѣтней красавицей Натальей Николаевной Гончаровой, влюбился въ нее, сдѣлалъ предложеніе, но получилъ отказъ. Огорченный этимъ, онъ уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ шла тогда война съ турками, — въ армію графа Паскевича, — и вмѣстѣ съ арміей дошелъ до Арзрума. Памятниками этой поѣздки являются: рядъ кавказскихъ стихотвореній и „Путешествіе въ Арзрумъ“. Вернувшись опять въ Москву, онъ возобновилъ свое предложеніе Гончаровой, и на этотъ разъ получилъ согласіе. По поводу предстоящей женитьбы, отецъ выдѣлилъ ему родовое имѣніе Болдино, въ Нижегородской губерніи; поэтъ отправился туда осенью 1830 г. Въ это время разыгралась холера, повсюду учреждены были карантины, и Пушкинъ оказался отрѣзаннымъ отъ всего міра въ своей отдаленной деревнѣ, гдѣ ему пришлось пробыть больше трехъ мѣсяцевъ. Это вынужденное одиночество было для него чрезвычайно плодотворно: здѣсь онъ почти окончилъ „Онѣгина“ и написалъ цѣлый рядъ лучшихъ своихъ произведеній: драмы — „Скупой Рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“, „Пиръ во время чумы“, „Каменный Гость“, пять повѣстей, изданныхъ потомъ подъ названіемъ „Повѣсти Бѣлкина“ („Выстрѣлъ“, „Метель“, „Гробовщикъ“, „Барышня-крестьянка“,

„Станціонный Смотритель"), шутливую „Исторію села Горохина" и много стихотвореній, а также небольшой шуточный разсказъ въ стихахъ „Домикъ въ Коломнѣ".

Въ февралѣ 1831 г. состоялась свадьба Пушкина, а на лѣто онъ вмѣстѣ съ молодой женой переѣхалъ въ Царское Село, гдѣ оставался до осени, отрѣзанный отъ Петербурга холерой и карантинами, но за то — въ обществѣ Жуковскаго, съ которымъ онъ теперь видѣлся почти каждый день. Въ эту пору Пушкинъ обработалъ въ стихахъ народныя сказки, когда-то записанныя имъ со словъ Арины Родіоновны, написалъ послѣднюю главу „Евгенія Онѣгина" и задумалъ заняться исторіей Петра Великаго. Государь, одобривъ это намѣреніе поэта, повелѣлъ зачислить его на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ и открыть ему доступъ во всѣ архивы для собиранія историческихъ матеріаловъ. Петра Великаго Пушкинъ уже вывелъ въ своей поэмѣ „Полтава"; теперь имъ написана была другая поэма „Мѣдный Всадникъ", гдѣ тотъ же государь изображается какъ строитель Петербурга, и описывается бывшее въ Петербургѣ въ 1824 г. наводненіе. Въ связи съ этой поэмой находится начатый въ 1833 г., но оставшійся неотдѣланнымъ, стихотворный очеркъ „Родословная моего героя", гдѣ Пушкинъ хотѣлъ представить историческую судьбу нѣкогда знатной, но съ теченіемъ времени обѣднѣвшей дворянской семьи. Около того же времени написана повѣсть „Дубровскій", появившаяся въ печати уже только по смерти Пушкина, драма „Русалка" и стихотворный разсказъ „Анджело", содержаніе котораго заимствовано изъ драмы Шекспира „Мѣра за мѣру".

Начиная съ зимы 1832 г. Пушкинъ посвящаетъ большую часть своего времени архивнымъ занятіямъ.

Работая въ архивахъ, онъ, между прочимъ, нашелъ матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта 1773 - 1774 годовъ, еще никѣмъ не обработанные, и рѣшился заняться историческимъ повѣствованіемъ объ этомъ событіи. Для того, чтобы лично познакомиться съ мѣстами, гдѣ дѣйствовалъ Пугачевъ, Пушкинъ осенью 1833 г. побывалъ въ Казани и Оренбургѣ, осматривалъ мѣстности, разспрашивалъ старожиловъ и въ концѣ того же года представилъ государю, въ рукописи, Исторію Пугачевскаго бунта, которая и была напечатана въ слѣдующемъ, 1834 году. Въ то же время, работая надъ этой Исторіей, Пушкинъ написалъ повѣсть „Капитанская Дочка", дѣйствіе которой разыгрывается посреди событій пугачевщины.

Въ 1834 - 35 гг. литературная дѣятельность поэта представляется не особенно плодовитою; правда, имъ было написано въ эту пору нѣсколько лирическихъ стихотвореній, но всѣ сколько-нибудь крупные его литературные замыслы остались невыполненными. Между прочимъ, заинтересовавшись исторіей среднихъ вѣковъ, Пушкинъ задумалъ изобразить эту эпоху въ рядѣ драматическихъ картинъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Сцены изъ рыцарскихъ временъ", — но эти сцены остались только въ наброскахъ. Въ то же время онъ заинтересовался и народной поэзіей западныхъ славянъ, — сербовъ и хорватовъ, — и, пользуясь отчасти книжкой французскаго писателя Мериме, отчасти — сборникомъ сербскихъ пѣсенъ Караджича, написалъ 16 пѣсенъ, изображающихъ разныя событія изъ времени борьбы славянъ съ турками, а также — обычаи и вѣрованія сербовъ.

Въ своей писательской дѣятельности Пушкинъ былъ не только поэтомъ, но и журналистомъ: его всегда живо интересовали вопросы литературные,

особенно — критика, и со времени своего возвращенія изъ Михайловскаго въ Москву онъ постоянно принималъ довольно дѣятельное участіе сперва въ „Московскомъ Телеграфѣ“ Полевого, потомъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ и, наконецъ, въ „Литературной Газетѣ“, которую издавалъ его товарищъ по Лицею, баронъ Дельвигъ. Въ этихъ изданіяхъ Пушкинъ помѣщалъ небольшія замѣтки о различныхъ литературныхъ новостяхъ, главнымъ образомъ стараясь противодѣйствовать неблагородному и торгашескому направленію нѣкоторыхъ тогдашнихъ газетъ и журналовъ. Но его уже давно занимала мысль объ изданіи собственной политической и литературной газеты, для которой онъ выработалъ подробный планъ. Планъ этотъ не осуществился; но Пушкину дано было разрѣшеніе издавать литературный журналъ подъ названіемъ „Современникъ“, который долженъ былъ выходить разъ въ три мѣсяца. Это изданіе было начато съ 1836 года: первая книжка „Современника“, начинающаяся стихотвореніемъ „Пиръ Петра Перваго“, вышла въ апрѣлѣ; затѣмъ все лѣто 1836 г., которое Пушкинъ прожилъ на дачѣ на Каменномъ Островѣ, было посвящено работамъ по журналу, и въ 4-й книжкѣ явилась повѣсть „Капитанская Дочка“, написанная, какъ уже сказано выше, во время занятій поэта исторіей пугачевскаго бунта.

Изданіе журнала хотя и принесло съ собою для Пушкина разныя новыя заботы и хлопоты, но замѣтно ободрило и оживило его: онъ горячо отдался своей новой дѣятельности и готовилъ для своего „Современника“ много статей въ стихахъ и прозѣ. Такъ, между прочимъ, онъ задумывалъ написать большой романъ изъ жизни современнаго русскаго

общества, гдѣ, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, были бы выведены также и нѣкоторыя историческія личности. Но всѣмъ этимъ планамъ и замысламъ не суждено было осуществиться. Въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ, къ которому Пушкинъ и его жена принадлежали по своему положенію, поэтъ, отличавшійся всегда пылкимъ характеромъ и рѣзкою насмѣшливостью, нажилъ себѣ много враговъ, которые всѣми силами старались ему вредить и вызывать противъ него неудовольствіе. Эти люди стали распространять объ Пушкинѣ и о его женѣ самыя пошлыя сплетни и, разсчитывая вызвать его на какой-нибудь рѣзкій поступокъ, который могъ бы ему повредить, стали подсылать къ нему безымянныя ругательныя письма. Раздражительный поэтъ не въ состояніи былъ спокойно отнестись къ этимъ оскорбленіямъ и написалъ рѣзкое письмо голландскому посланнику барону Геккерену, котораго считалъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ всѣхъ клеветническихъ выходокъ; воспитанникъ барона, кавалергардскій офицеръ Дантесъ, отвѣчалъ Пушкину вызовомъ на дуэль. Не смотря на всѣ старанія друзей поэта, въ особенности — Жуковскаго, предупредить этотъ поединокъ, онъ всетаки состоялся 27 января 1837 г. Пушкинъ былъ смертельно раненъ въ правый бокъ пулею изъ пистолета — и черезъ два дня, 29 января, скончался въ страшныхъ мученіяхъ.

Тѣло поэта было отвезено въ Святогорскій монастырь (Псковской губерніи, невдалекѣ отъ села Михайловскаго) и тамъ погребено рядомъ съ могилами его матери и дѣда, О. А. Ганнибала.

Въ 1880 г. 6-го іюня, торжественно открытъ памятникъ Пушкину въ Москвѣ, на Тверскомъ бульварѣ.

Мелкія стихотворенія

1812—1824.

Пушкинъ, какъ извѣстно, началъ писать стихи еще въ дѣтствѣ, подъ вліяніемъ чтенія, къ которому онъ рано пристрастился; а такъ какъ въ ту пору онъ читалъ исключительно по-французски и, по свидѣтельству своего брата, Льва Сергѣевича, при своей необыкновенной памяти, къ 11-ти годамъ уже „зналъ наизусть всю французскую литературу", то естественно, что и эти первыя попытки стихотворства были на французскомъ языкѣ. Сестра поэта, Ольга Сергѣевна, разсказывала, что ея братъ въ дѣтствѣ любилъ импровизировать маленькія комедіи въ стилѣ Мольера, и даже устроилъ нѣчто вродѣ театра, гдѣ авторомъ и актеромъ былъ онъ самъ, а публикой — сестра. Однажды „публика" освистала его комедію „L'Escamoteur," — что̀ и подало ему поводъ къ эпиграммѣ:

Dis-moi, pourquoi „L'Escamoteur"
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! C'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

Ознакомившись съ Лафонтеномъ, Пушкинъ сталъ сочинять басни, а начитавшись „Генріады" — Вольтера, задумалъ шуточную эпопею въ 6-ти пѣсняхъ, содержаніемъ которой должна была служить война между

карликами и карлицами во времена короля Дагобера. Героемъ поэмы былъ карликъ Toly, отчего она и получила названіе La Tolyade. Она начиналась слѣдующими стихами:

Je chante ce combat que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Mathurin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche.

Поэма попала въ руки французу-гувернеру, который расхохотался при первыхъ же стихахъ, — и раздосадованный авторъ бросилъ свое произведеніе въ печку. Приведенные стихи сохранились въ памяти Ольги Сергѣевны — и, конечно, нельзя ручаться, чтобы они не были невольно измѣнены и отчасти исправлены при передачѣ ихъ П. В. Анненкову долгое время спустя (*Mat.*, 12 - 13). Въ совершенствѣ владѣя французскимъ языкомъ, Пушкинъ и въ болѣе поздніе годы, въ Лицеѣ, иногда писалъ на этомъ языкѣ легкіе куплеты. До насъ дошли нѣкоторые изъ нихъ: „Стансы“ и „Мой портретъ“ — 1814 г. и „Куплеты“ на тему: „До пріятнаго свиданія“ — 1817 г. Но по выходѣ изъ Лицея поэтъ, какъ кажется, уже совсѣмъ оставилъ это французское стихотворство. Есть извѣстіе, что впослѣдствіи онъ считалъ подобныя упражненія на чужомъ языкѣ вредными для русской поэтической техники.

Съ тою же воспріимчивостью увлекся Пушкинъ и русской поэзіей, съ которою онъ близко познакомился уже въ Лицеѣ. Профессоръ русской и латинской словесности Н. Ѳ. Кошанскій, руководившій литературнымъ образованіемъ воспитанниковъ Лицея, старался развивать ихъ вкусъ и поощрять ихъ къ сочиненію стиховъ; среди товарищей Пушкина оказалось нѣсколько мальчиковъ, не лишенныхъ поэти-

ческаго дарованія: баронъ Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Илличевскій; вскорѣ возникли рукописные журналы — „Лицейскій мудрецъ", „Для удовольствія и пользы", „Неопытное перо", „Пловцы" и др., наполнявшіеся прозой и стихами юныхъ писателей; импровизировались такъ называемыя „національныя" лицейскія пѣсни, т. е. куплеты сатирическаго содержанія на профессоровъ и воспитателей, распѣвавшіеся большею частью на голосъ моднаго въ ту пору „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ" Жуковскаго, и т. д. Въ этомъ школьническомъ стихотворствѣ, конечно, Пушкинъ принималъ выдающееся участіе, и въ воспоминаніяхъ его товарищей сохранилось нѣсколько его шутокъ и эпиграммъ, которыя нами не вносятся въ собраніе его стихотвореній, какъ переданныя только по памяти. Такъ, напр., П. А. Ефремовъ, въ изданіи сочиненій Пушкина 1880 (I, 58), напечаталъ, со словъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина, эпиграмму на графа А. К. Разумовскаго, бывшаго въ лицейскую пору Пушкина министромъ народнаго просвѣщенія:

„Ты слышалъ вѣсть смѣшную?
„Разумникъ получилъ, вѣдь, ленту голубую!"
— Богъ съ нимъ! Я недругъ никому:
Дай Богъ и царствія небеснаго ему!

Л. Н. Майковъ, перепечатавшій эту эпиграмму въ академическомъ изданіи (I^2, 83 и прим., 99), замѣтилъ, однако, что „голубой", т. е. андреевской, ленты гр. Разумовскій никогда не получалъ. Ив. Ив. Пущинъ, въ своихъ запискахъ о Пушкинѣ, вспоминаетъ о слѣдующей его шуткѣ, сказанной товарищу Есакову, гдѣ упоминается о нравившейся послѣднему дѣвицѣ Вельо:

И останешься съ вопросомъ
На брегу замерзлыхъ водъ:

„Мамзель Шредеръ съ краснымъ носомъ
„Милыхъ Вельо не ведетъ?“ [1])

Нѣтъ сомнѣнія, что очень многое изъ написаннаго Пушкинымъ въ Лицеѣ утратилось навсегда; но несомнѣнно также и то, что никакія новыя находки не измѣнили бы общаго заключенія о характерѣ юношеской поэзіи Пушкина, достаточно извѣстной по довольно многочисленнымъ ея образцамъ.

Изъ сохранившихся лицейскихъ стихотвореній Пушкина самыя раннія относятся къ 1812 году: это — „Пѣсня“, „Делія“ и „Измѣны“. Первое изъ нихъ написано въ сотрудничествѣ съ А. Д. Илличевскимъ, который одно время считался серьезнымъ соперникомъ Пушкина въ стихотворствѣ, пока не убѣдился въ рѣшительномъ превосходствѣ своего геніальнаго товарища; второе уже вполнѣ самостоятельно развиваетъ сродную тему; третье, подобно первымъ двумъ, навѣяно легкой эротической поэзіей Парни, котораго Пушкинъ хорошо зналъ и впослѣдствіи не переставалъ цѣнить. Отъ 1813 г. мы не имѣемъ ни одного стихотворенія Пушкина; но за то въ 1814 г. ихъ насчитывается уже 24; въ этомъ же году пять его стихотвореній появляются въ „Вѣстникѣ Европы“. По словамъ самого Пушкина (въ посланіи къ Дельвигу 1815 г.), его „сосваталъ съ музами дядюшка-поэтъ“ Василій Львовичъ, который, какъ это видно изъ сравненія печатнаго текста раннихъ пушкинскихъ стихотвореній съ рукописнымъ, иногда, отдавая въ печать стихи юноши-племянника, вносилъ въ нихъ свои поправки. Кромѣ того, въ названномъ посланіи Пушкинъ указываетъ и на своихъ „предателей-друзей,“ которые, безъ вѣдома автора, „невин-

[1]) Л. Майковъ. Пушкинъ, стр. 65.

ное творенье украдкой въ городъ шлютъ и плодъ уединенья тисненью предаютъ". Судя по содержанію посланія, можно думать, что въ числѣ этихъ „предателей", желавшихъ прославить юнаго поэта, былъ и Дельвигъ. Въ томъ же посланіи Пушкинъ называетъ себя „метроманомъ", намекая этимъ на свою охоту къ стихамъ и на значительное ихъ количество. Дѣйствительно, его поэтическая производительность быстро развивается: въ теченіе одного 1815 года цѣлыхъ 18 его стихотвореній является въ журналѣ Вл. Измайлова „Россійскій Музеумъ или Журналъ Европейскихъ Новостей", гдѣ печатались также и первые опыты Дельвига и Илличевскаго, да одно стихотвореніе („Наполеонъ на Эльбѣ") — въ „Сынѣ Отечества". Общее же число стихотвореній, въ 1815 году написанныхъ, доходитъ до 27-ми. Въ слѣдующемъ году ихъ насчитывается уже до 50-ти.

Въ 1816 г.[1]) Пушкинъ составилъ списокъ своихъ стихотвореній, куда, однако, вошло не все, до тѣхъ поръ имъ написанное; съ другой стороны, здѣсь указаны и такія стихотворенія, которыхъ мы въ настоящее время не имѣемъ. Вотъ этотъ любопытный перечень, въ томъ видѣ, какъ онъ набросанъ Пушкинымъ на оборотѣ листа, на которомъ переписано его стихотвореніе: „Пирующіе студенты" (этотъ автографъ находится теперь въ коллекціи Александровскаго Лицея):

I Часть.

Посланія.	*Лирическія.*
Къ Александру.	Наполеонъ на Эльбѣ.
Къ Жуковскому.	Воспоминанія въ Ц. Селѣ.

[1]) А не въ 1815, какъ ошибочно сказано въ академическомъ изданіи (I^2, прим., стр. 6).

.....*
Къ Батюшкову.
Къ Галичу.
.....
Дельвигу. *
Дельвигу.
Сестрѣ. *
Бонапарте. *
Къ Юдину.
Пущину.
.....
Ломоносову.
Трубецкому.
Лицинію.
Кюхельбекеру.
Аристарху.
Оправданная лѣнь.
Друзьямъ.
Шишкову.
Актрисѣ.
Завѣщаніе [1]).
Оранскому принцу.
Пѣвецъ.
Слеза.
Истина.
Усы.
Мечтатель.
Ринальда.
Двѣ пѣсни.
Пирующіе студенты.
—
XV элегій.
Эпиграммы. Надписи.
Картины.
Леда.

Если принять предположеніе П. А. Ефремова, что заглавіе „Оправданная лѣнь“ относится къ отрывку 1816 г. „Сонъ“, то, все-таки, изъ приведеннаго перечня остаются намъ неизвѣстными 7 стихотвореній: два посланія къ Жуковскому, одно — къ Пущину, посланія къ Бонапарте, Кюхельбекеру и кн. Трубецкому и стихотвореніе „Ринальда“; кромѣ того, изъ числа стихотвореній 1812—1816 гг. подъ рубрику

[1]) Послѣднее заглавіе зачеркнуто. Черты, проведенныя подъ заглавіями: „Къ Жуковскому“, „Къ Галичу“ и „Пущину“, означаютъ, что подъ этими заглавіями было написано по два стихотворенія. Значеніе звѣздочекъ, выставленныхъ при нѣкоторыхъ заглавіяхъ, неизвѣстно.

„элегій“ можетъ быть отнесено не болѣе семи, между тѣмъ какъ Пушкинъ считалъ ихъ 15. Подъ посланіемъ „Къ Александру“, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть стихотвореніе „На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году“, а подъ заглавіемъ „Картины“ — написанное подъ вліяніемъ Парни стихотвореніе „Фавнъ и Пастушка“.

Начиная съ 1814 года, въ стихотвореніяхъ Пушкина чувствуется болѣе или менѣе сильное вліяніе излюбленныхъ имъ русскихъ поэтовъ — Батюшкова, Жуковскаго, а кое-гдѣ — и „дядюшки-поэта“ В. Л. Пушкина; въ торжественныхъ случаяхъ („Воспоминанія въ Ц. Селѣ“, „Наполеонъ на Эльбѣ“, „Безвѣріе“) Пушкинъ является отчасти подражателемъ Державина, а въ сказкѣ „Бова“ заимствуется кое-чѣмъ и у Хераскова, Карамзина и Радищева, о знаменитой книгѣ котораго „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ онъ, вѣроятно, слышалъ еще въ бытность свою въ Лицеѣ, хотя прочелъ ее, должно быть, уже позже. Наряду съ русскими поэтами, Пушкинъ продолжаетъ вдохновляться также и иностранными образцами. Въ ихъ числѣ первое мѣсто, по силѣ вліянія на нашего поэта, принадлежитъ въ эту пору Парни и однороднымъ представителямъ французской такъ наз. „анакреонтической“ поэзіи (Шапелль, Грекуръ, Грессе, Лафаръ, Шолье). Въ ряду лицейскихъ стихотвореній Пушкина можно насчитать по крайней мѣрѣ 16 такихъ, въ которыхъ вліяніе этой „анакреонтической“ поэзіи, съ ея изящною чувственностью, проповѣдью поэтической праздности и эпикурейскаго наслажденія жизнью, сказалось вполнѣ опредѣленно. Юноша-Пушкинъ, несомнѣнно, въ этомъ своемъ увлеченіи слѣдовалъ примѣру „россійскаго Парни“ — Батюшкова, а также и примѣру поэта еще болѣе старшаго по-

колѣнія, Нелединскаго-Мелецкаго, имя котораго онъ самъ называетъ въ числѣ „пѣвцовъ нѣги“, рядомъ съ именами Парни и Тибулла. Другимъ учителемъ Пушкина въ поэзіи былъ Жуковскій, вліяніемъ котораго объясняются не только заимствованія стихотворнаго размѣра (въ нѣкоторыхъ посланіяхъ и стихотвореніяхъ „Пирующіе студенты“ и „Мечтатель“) и неопредѣленно-мечтательный тонъ нѣкоторыхъ стихотвореній, но и подражанія Оссіану. Въ стихотвореніи „Городокъ“ 15-ти лѣтній Пушкинъ даетъ любопытный и, безъ сомнѣнія, имѣющій автобіографическое значеніе перечень своихъ любимыхъ писателей, русскихъ и иностранныхъ. Въ числѣ послѣднихъ мы видимъ здѣсь на первомъ планѣ — Вольтера, изъ котораго, однако, у Пушкина найдется очень немного прямыхъ заимствованій; нельзя не отмѣтить особеннаго увлеченія нашего поэта вольтеровской „Дѣвственницей“: эту „книжку славную, золотую, незабвенную“, эту „библію харитъ“, онъ подарилъ уѣзжавшему въ Англію своему пріятелю Кривцову, и впослѣдствіи, въ своемъ деревенскомъ уединеніи, даже собрался-было ее переводить. За Вольтеромъ на полкѣ юнаго лицейскаго поэта стоятъ классики: Гомеръ, Виргилій, Горацій, которыхъ онъ въ ту пору, впрочемъ, едва ли читалъ даже во французскихъ переводахъ: вѣрнѣе, Гомеръ подвернулся подъ перо только для риѳмы съ Вольтеромъ, точно такъ же, какъ и Горацій, съ его постоянною риѳмою: „граній“ и въ сопоставленіи съ Державинымъ, взятъ изъ посланія Батюшкова „Мои Пенаты“; что касается Виргилія, то Пушкинъ впослѣдствіи, въ наброскахъ къ „Онѣгину“, сознавался, что онъ въ школьные годы „читалъ охотно Апулея (или „Елисея“ — ирои-комическую эпопею Василья Майкова), — а надъ Виргиліемъ зѣвалъ“. Рядомъ

съ классиками поставленъ Тассо, вѣроятно, дѣлившій одинаковую съ ними участь; за нимъ слѣдуетъ Лафонтенъ, басни котораго Пушкинъ, конечно, зналъ наизусть, и „воспитанники Амура“ — Парни, Вержье и Грекуръ, которымъ нашъ поэтъ удѣлялъ гораздо болѣе вниманія. Этотъ рядъ иностранныхъ писателей завершается Руссо, Расиномъ и Мольеромъ; двое послѣднихъ были хорошо извѣстны Пушкину съ дѣтства и на всю жизнь остались его любимцами. Въ самомъ концѣ поставленъ „грозный Аристархъ“ классической французской словесности, Лагарпъ, съ своимъ 16-томнымъ „Лицеемъ“, который такъ долго служилъ для словесниковъ своего рода критической библіей.

Изъ русскихъ поэтовъ въ этомъ каталогѣ пушкинской библіотеки отмѣчены: Державинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Богдановичъ, Карамзинъ, Фонвизинъ, Княжнинъ и Озеровъ; но дороже всего для владѣльца библіотеки — не эти корифеи прежняго времени, уже отжившіе свой вѣкъ, а та „завѣтная тетрадь“, въ которой списаны не бывшія въ печати произведенія, представляющія вольное и живое литературное слово: здѣсь находятся и игривыя сказочки и сатиры князя Д. П. Горчакова, автора знаменитыхъ въ свое время „Святокъ“, и „Видѣніе на берегахъ Леты“ Батюшкова, гдѣ такъ жестоко досталось „пѣитамъ“ стариннаго склада, и „Опасный Сосѣдъ“ В. Л. Пушкина, и трагикомедія Крылова „Трумфъ“, и, наконецъ, произведенія извѣстнаго эротическаго поэта екатерининскихъ временъ, которому Пушкинъ рѣшительно отказывается подражать. И дѣйствительно, если ему и случалось иногда — и въ лицейскую пору, и позже — обмолвиться стихами слишкомъ откровеннаго содержанія, то, во-первыхъ, та-

кихъ стиховъ у него найдется очень немного, а вовторыхъ, въ нихъ нѣтъ и тѣни того грубаго цинизма, которымъ прославился Барковъ; ихъ чрезмѣрная вольность почти оправдывается ихъ легкимъ остроумiемъ, напоминающимъ однородныя шутки французскихъ поэтовъ.

Обращаясь къ внѣшней сторонѣ раннихъ стихотвореній Пушкина, мы видимъ, что поэтъ и въ отношеніи формы находится въ довольно тѣсной зависимости отъ Батюшкова и Жуковскаго. Такъ, онъ усваиваетъ любимую этими поэтами форму „посланія," въ которую вкладываетъ иногда автобiгроафическое, а чаще — условно-подражательное содержаніе; другой любимой формой, у нихъ же заимствованной, является элегія. Тѣмъ же образцамъ слѣдуетъ Пушкинъ и въ выборѣ стихотворнаго размѣра: цѣлый рядъ стихотвореній написанъ характернымъ для Батюшкова (заимствованнымъ у Шолье и Грессе) трехстопнымъ ямбомъ съ двойными риѳмами, который употребляется также и Жуковскимъ, Нелединскимъ, В. Пушкинымъ, а изъ младшихъ поэтовъ — кн. Вяземскимъ; въ другомъ рядѣ стихотвореній мы встрѣчаемъ александрiйскiй стихъ, къ которому Пушкинъ не разъ возвращался и въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ; два стихотворенія, какъ уже указано выше, написаны размѣромъ „Пѣвца во станѣ"; въ элегіяхъ преобладающимъ размѣромъ является пятистопный ямбъ, любимый также Батюшковымъ и Жуковскимъ. Впрочемъ, уже въ стихотвореніяхъ 1814 года („Кольна", „Къ молодой актрисѣ", „Къ Батюшкову") появляется столь любимый Пушкинымъ въ пору его зрѣлости четырехстопный ямбъ. По требованіямъ размѣра, Пушкинъ очень часто прибѣгаетъ къ усѣченіямъ и разнымъ

архаическимъ формамъ (особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи „Кольна“, гдѣ подобныя формы встрѣчаются чуть не въ каждомъ стихѣ), а иногда допускаетъ и неправильныя ударенія. Въ отношеніи риѳмы въ раннихъ стихотвореніяхъ Пушкина мы видимъ большую неопытность и небрежность; но всѣ эти недостатки начинающаго поэта быстро устраняются по мѣрѣ развитія его таланта, — и къ послѣднему году его лицейской жизни отъ нихъ уже не остается почти никакого слѣда. Стихъ Пушкина быстро вырабатывается, пріобрѣтаетъ гладкость и звучность; по содержанію своему, его поэзія представляетъ еще „перепѣвы“, но уже такіе, въ которыхъ иногда слышатся самостоятельныя, своеобразныя нотки; игривыя эротическія темы Парни и Батюшкова обрабатываются Пушкинымъ легко и оригинально; томная мечтательность Жуковскаго и напыщенная риторика Державина воспроизводятся имъ одинаково вѣрно и выдержанно, — хотя, въ сущности, уже ни та, ни другая не привлекаютъ его сочувствій.

Школьные годы кончились, — и Пушкинъ спѣшитъ насладиться радостью свободы и той поэтической праздностью, которая такъ привлекала его въ произведеніяхъ легкихъ французскихъ стихотворцевъ, „наслѣдниковъ Тибулла и Парни“. Это чувство и является преобладающимъ въ его стихотвореніяхъ перваго петербургскаго періода, — до удаленія на югъ; въ его многочисленныхъ посланіяхъ къ молодымъ пріятелямъ, модницамъ прелестницамъ и т. п. отражается разсѣянная свѣтская жизнь, такъ живо описанная впослѣдствіи въ первой главѣ „Онѣгина“, съ холостыми пирушками, театральными похожденіями и любовными приключеніями, поглотившими значительную часть его тогдашней жизни. Но, не смотря на

такую обстановку, талантъ его росъ и развивался, быстро освобождаясь отъ постороннихъ вліяній и приводя въ изумленіе прежнихъ его руководителей. „Стихи чертенка-племянника чудесно хороши“, — писалъ въ 1818 году кн. Вяземскій къ Жуковскому: „этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ“. Безъ преувеличенія можно сказать, что пушкинскіе стихи, появляясь въ журналахъ того времени, — въ этихъ тощихъ книжечкахъ, напоминающихъ ученическія тетрадки, — одни давали имъ гораздо больше содержанія, чѣмъ всѣ остальныя статьи, которыя едва-ли кѣмъ и читались. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Пушкинъ находилъ время работать и надъ своей первой поэмой „Русланъ и Людмила“, которая привела въ восторгъ его „побѣжденнаго учителя“ Жуковскаго и въ которой онъ, можно сказать, подвелъ итогъ поэтическимъ симпатіямъ своей юности. Близость къ Чаадаеву, къ „обществу умныхъ“ или, какъ онъ ихъ назвалъ, — „молодыхъ якобинцевъ“, и прежняя тѣсная связь съ Карамзинымъ и Жуковскимъ, какъ литературными руководителями, даютъ его чувствамъ и мыслямъ иное направленіе. Среди эротическихъ стихотвореній этой эпохи поражаютъ изяществомъ мысли и формы поэтическія обращенія къ Жуковскому, „глубоко вдохновенному пѣвцу всего прекраснаго“; наряду съ ними стоитъ знаменитое стихотвореніе „Деревня“, въ которомъ такъ ярко выразился благородный образъ мыслей поэта и его политическій идеалъ:

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Въ этихъ словахъ заключается, можно сказать, про-

грамма, которой Пушкинъ не измѣнялъ во всю свою жизнь: уничтоженіе крѣпостного рабства царскою властью и установленіе тою же властью гражданской свободы, основанной на просвѣщеніи. Прочитавъ эти стихи, императоръ Александръ сказалъ: „Поблагодарите Пушкина за *добрыя чувства*, внушаемыя его поэзіей", — слова, о которыхъ поэтъ вспомнилъ семнадцать лѣтъ спустя, говоря о своихъ заслугахъ передъ родиной:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что *чувства добрыя* я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

„Вольнолюбивыя" мечты и надежды, вмѣстѣ съ вѣрою въ лучшее будущее, жили въ душѣ поэта и разгорались тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе сгущался мракъ, нависшій надъ умственною жизнью русскаго общества. Въ 1818 г. онъ писалъ Чаадаеву:

Мы ждемъ, съ волненьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья...

а въ 1820 г., въ то самое время, когда Магницкій, Руничъ и ихъ достойные сотрудники уже совсѣмъ приготовились погасить русское просвѣщеніе и настойчиво совѣтовали „такъ оградить Россію отъ Европы, чтобы и слухъ происходящихъ тамъ неистовствъ не достигалъ до нея", — изъ-подъ пера Пушкина выливается восторженный гимнъ свободѣ.

Онъ не лукавитъ самъ съ собой и не боится бросать убійственныя эпиграммы въ лицо властнаго временщика и ханжей-гасильниковъ просвѣщенія. Извѣстно, что эти эпиграммы и вольнолюбивыя стихотворенія Пушкина, столь же рѣзко противорѣчившія тогдашнему настроенію, сколько они были согласны съ

идеалами первыхъ лѣтъ александровскаго царствованія, были причиною удаленія поэта въ Бессарабію.

Впечатлѣнія Бессарабіи, Кавказа и Крыма отразились въ поэзіи Пушкина великолѣпными картинами южной природы; личныя отношенія и любовныя увлеченія сказались въ рядѣ элегій и поэтическихъ признаній. Въ то же время поэтъ много читалъ, много думалъ и отзывался на разные современные вопросы — какъ русской общественной и въ особенности литературной жизни, — напр. въ посланіи „Къ цензору“ или въ эпиграммахъ, въ которыхъ онъ „весело клеймилъ зоила и невѣжду пятномъ своихъ чернилъ“, — такъ и политической жизни Европы („Наполеонъ“, „Недвижный стражъ“, „Кинжалъ“, „Смерть Ріэго“ и пр.). Изъ петербургскихъ друзей своихъ поэтъ вспоминаетъ Чаадаева, обращаясь къ нему съ задушевнымъ посланіемъ; свою судьбу онъ сравниваетъ съ судьбою Овидія — и посвящаетъ славному римскому изгнаннику одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній, а также и вдохновенныя строфы въ „Цыганахъ“. Но преобладающимъ мотивомъ душевнаго настроенія Пушкина въ годы его кишиневской жизни является грустное чувство одиночества, горькое разочарованіе въ людяхъ, для которыхъ онъ пѣлъ свои вольнолюбивыя пѣсни и которые съ такимъ робкимъ эгоизмомъ отвернулись отъ него, когда „средь оргій жизни шумной“ его постигло изгнаніе... Этому настроенію отвѣчалъ мрачный, разочарованный тонъ поэзіи Байрона, съ которою Пушкинъ познакомился въ это время и которая очень сильно задѣвала струны его собственнаго сердца, чтобы не отразиться въ его произведеніяхъ. Замѣчательно, однако, что и въ пору наибольшаго увлеченія Байрономъ Пушкинъ не перевелъ ни одного изъ его стихотвореній.

То же настроеніе преобладаетъ въ стихотвореніяхъ Пушкина и въ пору его жизни въ Одессѣ. Біографы и критики поэта говорятъ обыкновенно, что уѣзжая изъ Одессы на сѣверъ, онъ распрощался съ властителемъ своихъ думъ, авторомъ „Чайльдъ-Гарольда“. Дѣйствительно, въ его вдохновенномъ обращеніи „Къ морю“ въ мощномъ аккордѣ слились характерные звуки байроновской лиры: любовь къ природѣ, разочарованіе въ людяхъ, ненависть къ тиранніи и ложному просвѣщенію. Но подражателемъ Байрона нашъ поэтъ въ то время уже не былъ.

Въ уединеніи своей псковской деревни, среди невольнаго досуга, Пушкинъ находитъ единственную отраду въ литературныхъ занятіяхъ; его творческій геній мужаетъ и крѣпнетъ, пріобрѣтая новую силу и оригинальность; его требованія отъ жизни, его идеалы становятся опредѣленнѣе; живя въ непосредственной близости съ простымъ народомъ, поэтъ начинаетъ интересоваться его бытомъ и воззрѣніями, прислушивается къ его сказкамъ и пѣснямъ, открывая въ нихъ „много истинной поэзіи“, и, наконецъ, обращается къ русской исторіи. Но въ то же время расширяется знакомство его и съ европейскими литературами, и въ его многочисленныхъ произведеніяхъ отголоски европейской поэзіи проявляются съ гораздо большимъ разнообразіемъ, нежели прежде. Обратившись, мимоходомъ, къ старому своему любимцу Парни („Прозерпина“), Пушкинъ вдохновляется трагической судьбой Шенье, которому и посвящаетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ стихотвореній. Чтеніе Библіи и Корана вызываетъ у него подражанія Пѣсни Пѣсней и откровеніямъ восточнаго пророка; онъ пробуетъ переводить Аріосто, „Дѣвственницу“; создаетъ „Сцену изъ Фауста“; вдохновляется

разсказомъ римскаго историка о Клеопатрѣ; продолжаетъ начатаго еще въ Одессѣ „Онѣгина“ — и мимоходомъ пишетъ „Нулина“. Въ деревенскомъ уединеніи онъ живѣе вспоминаетъ и товарищей своей ранней юности, изъ которыхъ двое успѣли навѣстить его, — и посвящаетъ имъ трогательную „Лицейскую годовщину“ 1825 г. Лучшимъ комментаріемъ къ этой порѣ поэтической дѣятельности Пушкина служитъ его переписка съ братомъ и петербургскими друзьями, которымъ онъ повѣряетъ и свои задушевныя мысли, и свои литературные планы...

Минута освобожденія изъ Михайловскаго, откровенная бесѣда съ новымъ государемъ, не похожимъ на своего предшественника, — показалась Пушкину призывомъ къ общественной дѣятельности; онъ былъ увѣренъ, что его „освобожденная мысль“ получитъ возможность дѣйствовать на общество, пробуждая въ немъ тѣ стремленія къ изящной формѣ и разумному содержанію жизни, которыя усвоены были самимъ поэтомъ еще въ ранней молодости, невредимо пронесены черезъ всѣ житейскія невзгоды и теперь получали болѣе опредѣленное выраженіе, переходя изъ заоблачныхъ, отвлеченныхъ, „вольнолюбивыхъ“ надеждъ и мечтаній на реальную почву практической жизни. *Воспитаніе общества путемъ литературы* — вотъ та формула, въ которой можно свести всѣ начинанія Пушкина въ николаевскую эпоху: возможное распространеніе образованія, „пробужденіе добрыхъ чувствъ“, въ которыхъ болѣе всего нуждался „жестокій вѣкъ“, указаніе — хотя бы отдаленнымъ намекомъ — на иные, высшіе идеалы, чѣмъ тѣ чисто-животныя побужденія, какими жило тогдашнее большинство. Поэтъ изъ своего деревенскаго затворничества вынесъ самостоятельное творчество,

интересъ къ родной исторіи и народной поэзіи; чтеніе лѣтописей и Карамзина вызвало появленіе „Бориса Годунова“; знакомство съ народной поэзіей сказалось переработкою пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ; въ исторіи времени болѣе близкаго къ намъ поэтъ былъ особенно увлеченъ колоссальною личностью Петра Великаго, творца новой Россіи и ея новаго государственнаго строя. Образованіе государственной силы подъ руководствомъ централизаціи, блескъ власти и патріотизмъ, развернувшійся въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ подъ вліяніемъ политическихъ событій, производили на Пушкина глубокое впечатлѣніе: отъ сильной власти онъ ожидалъ для Россіи всѣхъ благъ цивилизаціи, если только эта власть приметъ себѣ за образецъ „вѣчнаго работника на тронѣ“, который „придалъ мощно бѣгъ державный кормѣ родного корабля“. Личность царя-преобразователя являлась поэту съ разныхъ сторонъ, — но всегда въ ореолѣ славы и величія, какъ высокій идеалъ для потомковъ („семейнымъ сходствомъ будь же гордъ, — во всемъ будь пращуру подобенъ...“): онъ изображалъ Петра и въ поэмахъ, и въ мелкихъ стихотвореніяхъ, и въ разсказѣ изъ жизни своего прадѣда Ибрагима и, наконецъ, задумалъ собирать матеріалы для исторіи этой геніальной личности, такъ сильно подѣйствовавшей на воображеніе поэта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, но уже въ гораздо меньшей степени, занимали Пушкина и другія историческія лица — Екатерина II, Пугачевъ... Но занятія исторіей Петра Великаго, точно такъ же, какъ и Исторія пугачевскаго бунта, были только случайными эпизодами въ литературной дѣятельности поэта ...

Годы 1828 — 1830 были для Пушкина временемъ особенной плодовитости: къ первымъ двумъ

изъ этихъ годовъ относится наибольшее количество написанныхъ имъ мелкихъ стихотвореній, а къ послѣднему — цѣлый рядъ крупныхъ произведеній, созданныхъ осенней порой въ дальней нижегородской деревнѣ: Повѣсти Бѣлкина, „Скупой Рыцарь“, „Каменный Гость“, „Пиръ во время чумы“, „Моцартъ и Сальери“, „Домикъ въ Коломнѣ“. Въ этомъ же году былъ оконченъ и „Евгеній Онѣгинъ“. Въ ряду стихотвореній 1827 и 1828 гг. особенно выдаются посвященныя воспоминаніямъ поэта о своихъ друзьяхъ-декабристахъ („Аріонъ“, „Пущину“, „Посланіе въ Сибирь“) и о своемъ прошломъ, обращенія къ Дельвигу, Языкову, Плетневу, стансы къ друзьямъ: „Нѣтъ, я не льстецъ“, „Анчаръ“; къ 1829 г. относится рядъ стихотвореній, вызванныхъ впечатлѣніями Кавказа изъ эпохи „Путешествія въ Арзрумъ“, и затѣмъ — впечатлѣніями деревенской жизни, а также рядъ эпиграммъ, въ которыхъ отразились тогдашніе литературные споры. Въ 1830 году, въ пору деревенскаго одиночества, когда вдохновеніе поэта работало съ особенной силой, его мысль обращается то къ впечатлѣніямъ деревенской жизни („Бѣсы“, „Шалость“, „Осень“), то къ воспоминаніямъ о своемъ прошломъ („Цыганы“, „Безумныхъ лѣтъ“, „Разставаніе“, „Для береговъ отчизны дальной“, „Заклинаніе“), то къ тяжелымъ впечатлѣніямъ настоящаго („Моя родословная“), то, наконецъ, къ мотивамъ иностранной поэзіи (Барри Корнуоллъ) и антологическимъ картинкамъ („Царскосельская статуя“, „Отрокъ“, „Риѳма“, „Трудъ“). Рядъ произведеній этого года завершается вызваннымъ современными впечатлѣніями стихотвореніемъ „Герой“, съ его знаменательнымъ требованіемъ для героя — сердца...

1831 годъ, — годъ женитьбы Пушкина — былъ въ поэтическомъ отношеніи мало производителенъ: къ этому году относится только семь стихотвореній, изъ которыхъ два посвящены женѣ поэта, одно — лицейской годовщинѣ, одно („Эхо“) написано на мотивъ изъ Томаса Мура, а остальныя три вызваны польскимъ возстаніемъ. Немногимъ производительнѣе былъ и 1832 годъ, къ которому относятся, впрочемъ, „Дубровскій“ и „Русалка“: въ этомъ году написано всего 10 стихотвореній, изъ которыхъ самое замѣчательное — „Подражаніе Данту“ — осталось неоконченнымъ, такъ же, какъ и три другихъ: „Въ еврейской хижинѣ“, „Юдиѳь“ и „Альфонсъ“; изъ остальныхъ четыре написаны въ альбомы, а два представляютъ отголоски личнаго чувства поэта.

Въ 1833 году помѣты подъ стихотвореніями Пушкина указываютъ на продолжительный перерывъ — съ января по сентябрь. Въ первой половинѣ года, за разными хлопотами, поэту было не до стиховъ; въ началѣ осени онъ ѣздилъ въ Казань, Оренбургъ и Симбирскъ, въ поискахъ матеріаловъ для своей Исторіи пугачевскаго бунта, а октябрь провелъ въ нижегородской деревнѣ, гдѣ, наконецъ, и настала для для него пора досужнаго творчества. Въ это время создавались „Капитанская Дочка“, „Мѣдный Всадникъ“ и „Анджело“; къ этому же времени относится и шесть мелкихъ стихотвореній: „Гусаръ“, „Сватъ Иванъ“, „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“, „Родригъ“ и два перевода изъ Мицкевича.

Самымъ скуднымъ въ отношеніи поэтической производительности былъ для Пушкина 1834 годъ: этимъ годомъ отмѣчены только три стихотворенія: начало перевода изъ Буньяна, „Мицкевичъ“ и „Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ“. На этотъ разъ

почти безплодною оказалась и обычная осень въ Болдинѣ: изъ деревни Пушкинъ привезъ только „Пиковую Даму“...

1835 годъ начинается подражаніями Анакреону и антологическими стихотвореніями. За ними слѣдуютъ „Туча“, „Полководецъ“, „Пиръ Петра Великаго“, сатирическая ода „На выздоровленіе Лукулла“, причинившая поэту столько тяжелыхъ непріятностей, и полное грустныхъ предчувствій, навѣянное воспоминаніями прошлаго, неоконченное стихотвореніе „Вновь я посѣтилъ“...

Наконецъ, послѣдній годъ поэтической дѣятельности Пушкина — 1836 — отмѣченъ яснымъ отпечаткомъ грусти. Поэтъ все больше и больше чувствуетъ себя въ тискахъ окружающей его жизни, въ которой все соединилось противъ него, которая его ежечасно гнететъ и мучитъ и отъ которой ему такъ хотѣлось бы убѣжать на волю, на деревенскій просторъ, чтобы „себѣ лишь самому служить и угождать“. Его измученное сердце жадно проситъ покоя, словно предчувствуя, что оно долго не выдержитъ въ сгустившейся надъ нимъ нездоровой атмосферѣ. Этимъ тяжелымъ предчувствіемъ полна и его послѣдняя Лицейская Годовщина, читая которую поэтъ залился слезами... И въ то же время, въ своемъ „Exegi monumentum“ онъ какъ бы подводитъ итогъ всей своей поэтической дѣятельности и указываетъ своимъ преемникамъ высокую цѣль...

„Лирика Пушкина, — этотъ рядъ блестящихъ стихотвореній за 25 лѣтъ его литературной дѣятельности, — представляетъ не только высокія художественныя произведенія, но и лѣтопись времени и личной жизни поэта“, говоритъ проф. П. В. Владими-

ровъ [1]). „За ней скрываются событія времени и чуткая душа поэта, откликавшаяся, какъ эхо, на всѣ явленія внѣшней и внутренней жизни. Многое, написанное подъ живымъ впечатлѣніемъ минуты, поэтъ берегъ отъ печати, уничтожалъ, сокращалъ, опускалъ намеки. Тѣмъ не менѣе, ни у кого изъ русскихъ поэтовъ нѣтъ столько искренности въ душевной исповѣди, столько глубины въ оцѣнкѣ русской дѣйствительности, какъ у Пушкина... Въ его стихотвореніяхъ передъ нами проходятъ: побѣды Наполеона I, торжество Россіи, годы, послѣдовавшіе за возвращеніемъ Александра I изъ европейскаго похода, годы реакціи и ссылки Пушкина, отношенія поэта къ императору Николаю, военныя движенія, тревожныя событія 1830 и 1831 гг... И личная жизнь поэта, начиная съ родственныхъ и товарищескихъ отношеній, съ годовъ Лицея, съ вступленія въ жизнь свѣта, литературы, службы, — до интимныхъ отношеній къ женщинамъ, къ мучительному чувству любви, къ упоенію ею, къ раздумьямъ, къ страданьямъ и смерти, къ надеждамъ и отчаянію, — все это отразилось въ поэзіи Пушкина. Не вымученными, не односторонними стихами выливались чувства и мысли поэта, а разнообразными, бойкими переливами мелодій грустныхъ и торжественныхъ, веселыхъ и желчныхъ, горячихъ до самозабвенія и нѣжныхъ до дѣтской незлобивости“...

Стихотворенія Пушкина при жизни поэта печатались въ разныхъ журналахъ и альманахахъ, — иногда даже безъ его вѣдома и противъ его желанія. Первое ихъ собраніе было имъ составлено и издано подъ его руководствомъ его братомъ Львомъ Сер-

[1]) А. С. Пушкинъ и его предшественники въ русск. литературѣ. Кіевъ 1899, стр. 61 — 62.

гѣевичемъ и Плетневымъ въ 1826 г., подъ заглавіемъ: „Стихотворенія Александра Пушкина“ (Спб., 1826, Типографія Департамента Народнаго Просвѣщенія, 8⁰, XI и 192 стр., съ эпиграфомъ изъ Проперція: Aetas prima canat Veneres extrema tumultos). Для этого изданія Пушкинъ, по его выраженію, „выстиралъ черное бѣлье наскоро“, т. е. пересмотрѣлъ свою старую лицейскую тетрадь 1817 г., многія изъ вписанныхъ въ нее стихотвореній значительно исправилъ, надъ другими надписалъ: „передѣлать“, „не надо“, „переписать“ — и, въ концѣ концовъ, какъ взыскательный къ себѣ художникъ, выбралъ изъ всего этого стараго запаса только 14 крупныхъ пьесъ, да 9 эпиграммъ и надписей, — всего 23 стихотворенія. Всего же въ книжкѣ помѣщено 17 элегій, 24 „разныхъ стихотвореній“, 21 эпиграммъ и надписей, 12 „подражаній древнимъ“, 16 посланій и 9 подражаній Корану. Въ концѣ помѣщены примѣчанія, а въ началѣ — предисловіе. Любопытныя подробности объ этомъ первомъ изданіи стихотвореній Пушкина находятся въ его перепискѣ съ братомъ и Плетневымъ 1825 г.

Плетневымъ, вѣроятно, написано и помѣщенное въ началѣ книжки предисловіе:

„Собранныя здѣсь стихотворенія не составляютъ полнаго изданія всѣхъ сочиненій А. С. Пушкина. Его поэмы помѣщены будутъ современемъ въ особенной книжкѣ. Мы теперь предлагаемъ только то, что не могло войти въ собраніе собственно-называемыхъ поэмъ.

„Въ короткое время авторъ нашъ успѣлъ соединить голоса читателей въ пользу своихъ поэтическихъ дарованій. Мы считаемъ себя въ правѣ ожидать особеннаго вниманія и снисхожденія публики къ нынѣшнему изданію его стихотвореній. Любопытно, даже поучительно будетъ для занимающихся словесностію,

сравнить четырнадцати-лѣтняго Пушкина съ авторомъ „Руслана и Людмилы“ и другихъ поэмъ. Мы желаемъ, чтобы на собраніе наше смотрѣли, какъ на исторію поэтическихъ его досуговъ въ первое десятилѣтіе авторской жизни.

„Многія изъ сихъ стихотвореній напечатаны были прежде въ періодическихъ изданіяхъ. Иныя, можетъ быть, нами и пропущены. При всемъ томъ, это первое, въ нѣкоторомъ порядкѣ, собраніе небольшихъ стихотвореній такого автора, котораго всѣ читаютъ съ удовольствіемъ. Какъ издатели, мы передъ нимъ и передъ публикою извиняемся особенно въ томъ, что, по недосмотрѣнію корректора, остались въ нашей книжкѣ значительныя типографическія ошибки.“

Изданіе это было скоро распродано; но Пушкинъ, не смотря на предложенія книгопродавцевъ, не торопился съ новымъ собраніемъ своихъ стихотвореній и приступилъ къ нему только три года спустя. Въ 1829 г. онъ издалъ двѣ части новаго собранія (Стихотворенія Александра Пушкина. Спб., въ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія. Часть I — 224 стр., часть II — 176 стр.). Третья часть этого изданія вышла въ Спб. въ 1832 (208 стр.), четвертая — въ 1835 г. (189 стр.)

Въ первыхъ двухъ томахъ настоящаго изданія помѣщаются всѣ извѣстныя намъ стихотворенія Пушкина, за исключеніемъ, во-первыхъ, тѣхъ изъ нихъ, которыя самимъ Пушкинымъ были сообщены въ письмахъ и составляютъ нераздѣльную ихъ часть, почему и будутъ напечатаны въ собраніи писемъ (т. VIII), во-вторыхъ, — тѣхъ, которыя входятъ въ составъ повѣствователь-

ныхъ произведеній, драматическихъ сценъ или прозаическихъ статей и будутъ напечатаны въ текстѣ этихъ произведеній. Избѣгая вообще повтореній, мы, однако, отступаемъ отъ этого общаго правила въ тѣхъ случаяхъ, когда стихотворенія, входящія въ составъ писемъ Пушкина, имъ самимъ были напечатаны съ варіантами. Въ такихъ случаяхъ печатная редакція стихотворенія помѣщается въ настоящемъ отдѣлѣ, а сообщенная въ письмѣ — въ текстѣ послѣдняго. Кромѣ того, нами по необходимости пропущено незначительное количество стихотвореній, которыя въ настоящее время не могутъ быть напечатаны.

Стихотворенія размѣщаются въ хронологическомъ порядкѣ, вновь провѣренномъ на основаніи рукописныхъ и печатныхъ данныхъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи. Основанія разногласій нашихъ въ этомъ отношеніи съ прежними изданіями приведены въ примѣчаніяхъ. Въ концѣ каждаго года помѣщены извлеченные изъ рукописей поэта и вновь съ ними свѣренные черновые наброски стихотвореній. „Занимаясь тетрадями Пушкина“, — говоритъ извѣстный знатокъ пушкинскихъ рукописей и авторъ перваго ихъ описанія В. Е. Якушкинъ [1]), — „невольно поражаешься той массой труда, которую поэтъ клалъ на отдѣлку своихъ произведеній: его черновыя исчерканы иногда совершенно, представляютъ собой нерѣдко нѣсколько редакцій одной и той же пьесы; даже очень мелкія стихотворенія подвергались иногда такой же тщательной отдѣлкѣ... Біографами его все еще недостаточно выяснена эта черта, которую великій поэтъ такъ хорошо отмѣтилъ въ великомъ царѣ: и Пушкинъ тоже „вѣчный былъ работникъ...“ Эти чер-

[1]) „Рукописи А. С. Пушкина“, Рус. Стар. 1884, февр. — дек.

новые наброски, отрывки мыслей поэта въ едва намѣченной стихотворной формѣ, представляютъ, вмѣстѣ съ варіантами къ стихотвореніямъ, получившимъ впослѣдствіи окончательную обработку, большой интересъ для біографіи Пушкина и исторіи его творчества.

Въ примѣчаніяхъ даны варіанты, взятые изъ рукописей и печатныхъ изданій. Въ варіантахъ и черновыхъ наброскахъ слова, зачеркнутыя поэтомъ, помѣщаются въ *прямыхъ* скобкахъ [ ], а слова, вставленныя по догадкѣ или прочитанныя не вполнѣ увѣренно— въ прямыхъ скобкахъ *курсивомъ*.

Въ приложеніи къ настоящему собранію стихотвореній Пушкина помѣщены записанныя имъ народныя пѣсни, а также сдѣланный имъ въ 1836 г. для французскаго путешественника Леве-Веймарса французскій переводъ 11-ти русскихъ пѣсенъ.

Въ концѣ второго тома помѣщенъ алфавитный указатель всѣхъ стихотвореній, — по ихъ заглавіямъ и начальнымъ стихамъ.

1812.

I.

Пѣсня.

О Делія драгая!
Спѣши, моя краса!
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса;
Безмолвно мѣсяцъ покатился;
Спѣши: твой Аргусъ удалился,
И тронулъ сонъ его глаза.

Подъ сѣнью потаенной
Дубравной тишины,
Гдѣ токъ уединенный
Сребристыя волны
Журчитъ съ унылой Филомелой,
Готовъ пріютъ любви веселой
И блескомъ освѣщенъ луны.

Накинутъ ночи тѣни
Покровы намъ свои,
И дремлютъ рощей сѣни,
И быстро часъ любви
Летитъ, — я весь горю желаньемъ!
Спѣши, о Делія, свиданьемъ,
Пади въ объятія мои!

II.

Делія.

Ты ль передо мною,
Делія моя?
Разлученъ съ тобою,
Сколько плакалъ я!
Ты ль передо мною,
Или сонъ мечтою
Обольстилъ меня?

Ты узнала ль друга?
Онъ не то, что былъ;
Но тебя, подруга,
Все жь не позабылъ;
И твердитъ унылый:
„Я любимъ ли милой,
„Какъ, бывало, былъ?“

Что теперь сравнится
Съ долею моей?
Вотъ, слеза катится
По щекѣ твоей ...
Делія стыдится ...
Что теперь сравнится
Съ долею моей?

III.

Измѣны.

„Все миновалось!
„Мимо промчалось
„Время любви!
„Страсти мученья,

„Въ мракѣ забвенья
„Скрылися вы.
„Такъ, я премѣны
„Сладость вкусилъ,
„Гордой Елены
„Цѣпи забылъ.
„Сердце, ты въ волѣ!
„Все позабудь;
„Въ новой сей долѣ
„Счастливо будь.
„Только весною
„Зефиръ младою
„Розой плѣненъ;
„Въ юности страстной
„Былъ я прекрасной
„Въ сѣть увлеченъ.
„Нѣтъ, я не буду
„Впредь воздыхать,
„Страсть позабуду:
„Полно страдать!
„Скоро печали
„Встрѣчу конецъ.
„Ахъ, для тебя ли,
„Юный пѣвецъ,
„Прелесть Елены
„Розой цвѣтетъ?
„Пусть весь народъ,
„Ею прельщенный,
„Вслѣдъ за мечтой
„Мчится толпой;
„Въ мирномъ жилищѣ,
„На пепелищѣ,
„Въ чашѣ простой
„Стану въ смиреньѣ
„Черпать забвенье,
„И для друзей
„Рѣзвой рукою

„Двигать струною
„Арфы моей“.

Въ скучной разлукѣ
Такъ я мечталъ,
Въ горести, въ мукѣ
Себя услаждалъ,
Въ сердцѣ возженный
Образъ Елены
Мнилъ истребить:
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумалъ любить.
Какъ вѣтерочекъ
Ранней порой
Гонитъ листочекъ
Съ рѣзвой волной, —
Такъ непрестанно
Непостоянной
Страстью игралъ:
Лилу, Темиру, —
Всѣхъ обожалъ,
Сердце и лиру
Всѣмъ посвящалъ.
Что же? Напрасно
Съ груди прекрасной
Шаль я срывалъ.
Тщетны измѣны!
Образъ Елены
Въ сердцѣ пылалъ.
Ахъ, возвратися,
Радость очей!
Хладна, тронися
Грустью моей!
Тщетно взываешь,
Бѣдный пѣвецъ;
Нѣтъ, не встрѣчаешь

Мукамъ конецъ!..
Такъ до могилы
Грустенъ, унылый,
Крова ищи;
Всѣми забытый,
Терномъ увиты
Цѣпи влачи...

1814.

I.

Къ сестрѣ.

Ты хочешь, другъ безцѣнный,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой,
И съ лирою забвенной,
Мечтами окрыленной,
Оставилъ монастырь
И край уединенный,
Гдѣ непрерывный миръ
Во мракѣ опустился,
И въ пустыни глухой
Безмолвно воцарился
Съ угрюмой тишиной!..

. . . . . .

И быстрою стрѣлой
На Невскій брегъ примчуся,
Съ подругой обнимуся
Весны моей златой,
И какъ пѣвецъ Людмилы, [1]
Мечты невольникъ милый,
Взошедъ подъ отчій кровъ,
Несу тебѣ не злато —
Чернецъ я не богатый —

Въ подарокъ *пукъ стиховъ.* [2]
Тайкомъ взошедъ въ диванну,
Хоть помощью пера,
О, какъ тебя застану,
Любезная сестра?
Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жанъ-Жака ли читаешь? [3]
Жанлисъ ли предъ тобой? [4]
Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ [5]
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греемъ и Томсономъ [6]
Ты пренеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Въ долъ вѣетъ вѣтерокъ,
И шепчетъ лѣсъ кудрявый,
И мчится величавый
Съ вершины горъ потокъ?
Иль моську престарѣлу,
Въ подушкахъ посѣдѣлу,
Окутавъ въ длинну шаль
И съ нѣжностью лелѣя,
Ты къ ней зовешь Морфея?
Иль смотришь въ темну даль
Задумчивой Свѣтланой
Надъ шумною Невой?
Иль звучнымъ фортепьяно,
Подъ бѣглою рукой,
Моцарта оживляешь,
Иль тоны повторяешь
Пиччини иль Рамо? [7]

Но вотъ ужь я съ тобою!
И въ радости нѣмой
Твой другъ разцвѣлъ душою,
Какъ ясный вешній день.
Забыты дни разлуки,

Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тѣнь.

Но это лишь мечтанье!
Увы, въ монастырѣ,
При блѣдномъ свѣчъ сіяньѣ,
Одинъ пишу къ сестрѣ.
Все тихо въ мрачной кельѣ;
Защелка на дверяхъ,
Молчанье — врагъ веселья —
И скука — на часахъ!
Стулъ ветхій, необитый,
И шаткая постель,
Сосудъ, водой налитый,
Соломенна свирѣль —
Вотъ все, что предъ собою
Я вижу, пробужденъ;
Фантазія, тобою
Одной я награжденъ! [8]
Тобою пренесенный
Къ волшебной Иппокренѣ,
И въ кельѣ я блаженъ!

Что было бы со мною,
Богиня, безъ тебя?
Знакомый съ суетою,
Пріятной для меня,
Увлекшись въ даль судьбою,
Я вдругъ, въ глухихъ стѣнахъ,
Какъ Леты на брегахъ,
Тобою похищенный,
Явился заключенный,
И скрипнули врата,
Сомкнувшись надо мною,
И міра красота
Одѣлась черной мглою!..
Съ тѣхъ поръ гляжу на свѣтъ,

Какъ узникъ изъ темницы
На яркій блескъ денницы.
Свѣтило дня взойдетъ,
Лучъ кинувъ позлащенный
Сквозь узкое окно,
Но сердце помраченно
Не радуетъ оно.
Иль позднею зарею,
Какъ лучъ на небесахъ,
Покрытыхъ чернотою,
Темнѣетъ въ облакахъ, —
Съ унынiемъ встрѣчаю
Я сумрачную тѣнь
И вздохомъ провожаю
Скрывающійся день,
Сквозь слезъ смотрю въ рѣшетки,
Перебирая четки.

Но время протечетъ,
И съ каменныхъ воротъ
Падутъ, падутъ запоры,
И въ пышный Петроградъ
Черезъ долины, горы
Ретивые примчатъ;
Спѣша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои,
Подъ столъ клобукъ съ веригой —
И прилечу разстригой
Въ объятія твои!

II.

Къ другу стихотворцу.

Аристъ! И ты въ толпѣ служителей Парнаса!
Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса,
За лаврами спѣшишь опасною стезей
И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, лѣса, унылыя могилы,
Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай;
Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
Ихъ напечатаютъ — и цѣлый свѣтъ забудетъ.
Быть можетъ, и теперь, отъ шума удалясь
И съ глупой музою навѣкъ соединясь,
Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды
Сокрытъ другой отецъ второй Тилемахиды.
Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива:
На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
Страшись безславія! Что, если Аполлонъ
Услышавъ, что и ты полѣзъ на Геликонъ,
Съ презрѣньемъ покачавъ кудрявой головою,
Твой геній наградитъ — спасительной лозою?

Но что? Ты хмуришься и отвѣчать готовъ:
„Пожалуй", скажешь мнѣ, — „не трать излишнихъ словъ;
„Когда на что рѣшусь, ужь я не отступаю,
„И знай, мой жребій палъ: я лиру избираю.
„Пусть судитъ обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлый свѣтъ;
„Сердись, кричи, бранись, — а я таки поэтъ."

Аристъ! Не тотъ поэтъ, кто риѳмы плесть умѣетъ
И, перьями скрипя, бумаги не жалѣетъ;

Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштеину французовъ побѣждать.
Межь тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертные, и честь, и слава россовъ,
Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ, —
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
Творенья громкія Риѳматова, Графова,
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гніютъ у Глазунова; [1]
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать,
И Фебова на нихъ проклятія печать.

Положимъ, что на Пиндъ взобравшися счастливо,
Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтутъ;
Но мнишь ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ,
За то, что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
Что ты уже берешь на откупъ государства,
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь,
И, лежа на боку, спокойно ѣшь и спишь?
Не такъ, любезный другъ, писатели богаты:
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки;
Лачужки подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы;
Катится мимо ихъ Фортуны колесо;
Родился нагъ — и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо;
Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ;
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ; [2]
Ихъ жизнь — рядъ горестей, гремяща слава — сонъ.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
„Да что же“, говоришь, — „судя о всѣхъ такъ строго,
„Перебирая все, какъ новый Ювеналъ,
„Ты о поэзіи со мною толковалъ;
„А самъ, поссорившись съ парнасскими сестрами,

„Мнѣ проповѣдывать пришелъ сюда стихами?
„Что сдѣлалось съ тобой? Въ умѣ ли ты иль нѣтъ?“

Аристъ! Безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ
Въ деревнѣ, помнится, съ мірянами простыми,
Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, въ довольствѣ жилъ —
И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы, подъ-вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
Попалися ему навстрѣчу мужики:
„Послушай, батюшка“, сказали простяки, —
„Настави грѣшныхъ насъ: ты пить вѣдь запрещаешь,
„Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
„И вѣримъ мы тебѣ; да что жь сегодня самъ?..“
— „Послушайте“, сказалъ священникъ мужикамъ:
„Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте,
„Живите хорошо, а мнѣ не подражайте...“

И мнѣ то самое пришлося отвѣчать;
Я не хочу себя нимало оправдать:
Счастливъ, кто, ко стихамъ не чувствуя охоты,
Проводитъ тихій вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
Своими одами журналовъ не тягчитъ,
И надъ экспромптами недѣли не сидитъ:
Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнаса,
Не ищетъ чистыхъ музъ, ни пылкаго Пегаса;
Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшитъ;
Спокоенъ, веселъ онъ. Аристъ, онъ не піитъ!

Но полно разсуждать, — боюсь тебѣ наскучить
И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
Теперь, любезный другъ, я далъ тебѣ совѣтъ.
Оставишь ли свирѣль, умолкнешь или нѣтъ?
Подумай обо всемъ и выбери любое:
Быть славнымъ — хорошо, спокойнымъ — лучше вдвое.

III.

Кольна.

(Подражаніе Оссіану).

Фингалъ послалъ Тоскара воздвигнуть на берегахъ источника Кроны памятникъ побѣды, одержанной имъ нѣкогда на семъ мѣстѣ. Между тѣмъ какъ онъ занимался симъ трудомъ, Карулъ, сосѣдственный государь, пригласилъ его къ пиршеству. Тоскаръ влюбился въ дочь его Кольну; нечаянный случай открылъ взаимныя ихъ чувства и осчастливилъ Тоскара.

Источникъ быстрой Каломоны,
Бѣгущій къ дальнимъ берегамъ!
Я зрю: твои взмущенны волны
Потокомъ мутнымъ по скаламъ
При блескѣ звѣздъ ночныхъ сверкаютъ
Сквозь дремлющій, пустынный лѣсъ,
Шумятъ и корни орошаютъ
Сплетенныхъ въ темный кровъ древесъ.
Твой мшистый брегъ любила Кольна,
Когда по небу тѣнь лилась;
Ты зрѣлъ, когда въ любви не вольна
Здѣсь другу Кольна отдалась.

Въ чертогахъ Сельмы царь могучихъ
Тоскару юному вѣщалъ:
„Гряди во мракъ лѣсовъ дремучихъ,
„Гдѣ Крона катитъ черный валъ,
„Шумящей прохлажденъ осиной:
„Тамъ рядъ является могилъ;
„Тамъ съ вѣрной, храброю дружиной
„Полки враговъ я расточилъ,
„И много, много сильныхъ пало;
„Ихъ гробы черный вранъ стрежетъ.
„Гряди — и тамъ, гдѣ ихъ не стало,
„Воздвигни памятникъ побѣдъ!“
Онъ рекъ, — и въ путь безвѣстный, дальный

Пустился съ бардами Тоскаръ;
Идетъ во мглѣ ночи печальной,
Въ вечерній хладъ, въ полдневный жаръ.
Денница красная выводитъ
Златое утро въ небеса,
И вотъ, уже Тоскаръ подходитъ
Къ мѣстамъ, гдѣ въ темные лѣса
Бѣжитъ сѣдой источникъ Кроны
И кроется въ долины сонны.
Воспѣли барды гимнъ святой;
Тоскаръ обломокъ горъ кремнистыхъ
Усильно мощною рукой
Влечетъ изъ бездны волнъ сребристыхъ,
И съ шумомъ на высокій брегъ
Въ густой и дикій злакъ повергъ;
На немъ повѣсилъ черны латы,
Покрытый кровью предковъ мечъ,
И круглый щитъ, и шлемъ пернатый,
И обратилъ онъ къ камню рѣчь:

„Вѣщай, сынъ шумнаго потока,
„О храбрыхъ позднимъ временамъ!
„Да въ страшный часъ, какъ ночь глубока
„Въ туманахъ ляжетъ по лѣсамъ,
„Пришлецъ, дорогой утомленный,
„Возлегши подъ надежный кровъ,
„Воспомнитъ вѣки отдаленны
„Въ мечтаньи сладкомъ легкихъ сновъ!
„Съ разсвѣтомъ алыя денницы,
„Лучами солнца пробужденъ,
„Онъ узритъ мрачныя гробницы...
„И грознымъ видомъ пораженъ
„Вопроситъ сынъ иноплеменный:
„Кто памятникъ воздвигъ надменный?
„И старецъ, лѣтами согбенъ,
„Речетъ: «Тоскаръ нашъ незабвенный,
«Герой умчавшихся временъ!»

Небесъ сокрылся вѣчный житель,
Заря потухла въ небесахъ;
Луна въ воздушную обитель
Спѣшитъ на темныхъ облакахъ.
Ужь ночь на холмѣ. Берегъ Кроны
Съ окрестной рощею заснулъ.
Владыка сильный Каломоны,
Иноплеменныхъ другъ, Карулъ
Призвалъ Морвенскаго героя
Въ жилище Кольны молодой
Вкусить пріятности покоя
И пить изъ чаши круговой.

. . . . . .

Близь пепелища всѣ возсѣли;
Веселья барды пѣснь воспѣли,
И въ пѣнѣ кубокъ золотой
Кругомъ несется чередой.
Печаленъ лишь пришелецъ Лоры,
Главу ко груди преклонилъ:
Задумчиво онъ страстны взоры
На нѣжну Кольну устремилъ, –
И тяжко грудь его вздыхаетъ,
Въ очахъ веселья блескъ потухъ,
То огнь по членамъ пробѣгаетъ,
То нѣгою томится духъ;
Тоскуетъ, втайнѣ ощущая
Волненье сильное въ крови;
На юны прелести взирая,
Онъ полну чашу пьетъ любви.

Но вотъ, ужь дубъ престалъ дымиться,
И тѣнь мрачнѣе становится,
Чернѣетъ тусклый небосклонъ,
И царствуетъ въ чертогахъ сонъ.

. . . . . .

. . . . . .

Рѣдѣетъ ночь; заря багряна

Лучами солнца возжена;
Предъ ней златится твердь румяна;
Тоскаръ, покинувъ ложе сна,
Быстротекущей Каломоны
Идетъ по влажнымъ берегамъ,
Спѣшитъ узрѣть долины Кроны
И внемлетъ плещущимъ волнамъ.
И вдругъ изъ сѣни темной рощи,
Какъ въ часъ весенней полуночи
Изъ облакъ мѣсяцъ золотой,
Выходитъ ратникъ молодой.
Мечъ острый на бедрѣ сіяетъ,
Копье десницу воружаетъ,
Надвинутъ на чело шеломъ,
И гибкій станъ покрытъ щитомъ;
Зарею латы серебрятся
Сквозь утренній въ долинѣ паръ.

„О юный ратникъ!“ — рекъ Тоскаръ:
„Съ какимъ врагомъ тебѣ сражаться?
„Ужель и въ сей странѣ война
„Багритъ ручьевъ струисты волны?
„Но все спокойно — тишина
„Окрестъ жилища нѣжной Кольны“.

— „Спокойны дебри Каломоны,
„Цвѣтетъ отчизны край златой;
„Но Кольна тамъ не обитаетъ;
„И нынѣ по стезѣ глухой
„Пустыню съ милымъ протекаетъ,
„Плѣнившимъ сердце красотой!“

„Что рекъ ты мнѣ, младой воитель?
„Куда сокрылся похититель?
„Подай мнѣ щитъ твой!“ — И Тоскаръ
Пріемлетъ щитъ, пылая мщеньемъ;
Но вдругъ исчезъ геройства жаръ:

Что зритъ онъ съ сладкимъ восхищеньемъ,
Не въ силахъ въ страсти воздохнуть,
Пылая вдругъ восторгомъ новымъ?..
Лилейна обнажилась грудь,
Подъ грознымъ дышуща покровомъ...
„Ты ль это?“ — возопилъ герой,
И трепетно, рукой дрожащей,
Съ главы снимаетъ шлемъ блестящій —
И Кольну видитъ предъ собой.

IV.

Эвлега.

Вдали ты зришь утесъ уединенный?
Пещеры въ немъ изрылась глубина;
Темнѣетъ входъ, кустами окруженный;
Вблизи шумитъ и пѣнится волна.
Вечоръ, когда туманилась луна,
Здѣсь милаго Эвлега призывала,
Здѣсь тихій гласъ горамъ передавала
Во тьмѣ ночной, печальна и одна:

„Приди, Одульфъ! Ужь роща поблѣднѣла,
„На дикій мохъ Одульфа ждать я сѣла,
„Пылаетъ грудь, за вздохомъ вздохъ летитъ.
„О, сладко жить, мой другъ, душа съ душою!
„Приди, Одульфъ! Забудусь я съ тобою,
„И поцѣлуй любовью возгоритъ!

„Бѣги, Осгаръ! Твои мнѣ страшны взоры,
„Твой грозенъ видъ и хладны разговоры!
„Оставь меня, не мною торжествуй:
„Уже другой въ ночи со мною дремлетъ,
„Ужь на зарѣ другой меня объемлетъ,
„И сладостенъ его мнѣ поцѣлуй!

„Что жь медлитъ онъ свершить мои надежды?
„Для милаго я сбросила одежды,
„Завистливый покровъ у ногъ лежитъ.
„Но чу — идутъ!.. Такъ, это другъ надежный!
„Ужь начались восторги страсти нѣжной,
„И поцѣлуй любовью возгоритъ".

Идетъ Одульфъ: во взорахъ — упоенье,
Въ груди — любовь, и прочь бѣжитъ печаль...
Но близь него во тьмѣ сверкнула сталь,
И вздрогнулъ онъ — родилось подозрѣнье:
„Кто ты?" спросилъ, „почто ты здѣсь? Вѣщай!
„Отвѣтствуй мнѣ, о сынъ угрюмой ночи!"

— „Безсильный врагъ, Осгара убѣгай!
„Въ пустынной тьмѣ что ищутъ робки очи?
„Страшись меня: я страстью воспаленъ;
„Въ пещерѣ здѣсь Эвлега ждетъ Осгара!"
Булатный мечъ въ минуту обнаженъ,
Огонь летитъ струями отъ удара.

Услышала Эвлега стукъ мечей
И бросила со страхомъ хладъ пещерный.
„Приди узрѣть предметъ любви твоей!"
Вскричалъ Одульфъ подругѣ нѣжной, вѣрной.
„Измѣнница! Ты здѣсь его зовешь?
„Во тьмѣ ночной васъ услаждаетъ нѣга;
„Но дерзкаго въ Валгаллѣ ты найдешь".

Онъ поднялъ мечъ, и съ трепетомъ Эвлега
Падетъ на дернъ, какъ клокъ летучій снѣга,
Метелицей отторженный отъ скалъ.
Другъ на друга соперники стремятся,
Кровавый токъ по камнямъ побѣжалъ;
Въ кустарники съ отчаяньемъ катятся;
Послѣдній гласъ Эвлегу призывалъ —
И смерти хладъ ихъ ярость оковалъ.

V.

Осгаръ.

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лорѣ путникъ шелъ; его напрасно очи
Ночлега мирнаго искали въ тьмѣ густой.
Пещеры нѣтъ предъ нимъ; на берегѣ угрюмомъ
Не видитъ хижины, наслѣдья рыбаря;
Вдали дремучій боръ качаютъ вѣтры съ шумомъ,
Луна за тучами, и въ морѣ спитъ заря.

Идетъ, и на скалѣ, обросшей влажнымъ мохомъ,
Зритъ барда стараго — веселье прошлыхъ лѣтъ:
Склонясь сѣдымъ челомъ надъ воющимъ потокомъ,
Въ безмолвіи временъ онъ созерцалъ полетъ.
Зубчатый мечъ висѣлъ на вѣтви мрачной ивы.
Задумчивый пѣвецъ взоръ тихій обратилъ
На сына чуждыхъ странъ, и путникъ боязливый
Содрогся въ ужасѣ и мимо поспѣшилъ.

„Стой, путникъ, стой!“ вѣщалъ пѣвецъ вѣковъ минувшихъ:
„Здѣсь пали храбрые; почти ихъ бранный прахъ,
„Почти геройство чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!“
Пришлецъ главой поникъ — и, мнилось, на холмахъ
Возставшій рядъ тѣней главы окровавленны
Съ улыбкой гордою на странника склонялъ.
— „Чей гробъ я вижу тамъ?“ вѣщалъ иноплеменный
И барду посохомъ на берегъ указалъ.

Колчанъ и шлемъ стальной, къ утесу пригвожденный,
Бросали тусклый лучъ, луною озлатясь.
— „Увы, здѣсь палъ Осгаръ!“ рекъ старецъ вдохновенный.

„О, рано юношѣ насталъ послѣдній часъ!
„Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ ратномъ строѣ
„Онъ первыя стрѣлы съ веселъемъ ожидалъ,
„И рвался изъ рядовъ, и палъ въ кипящемъ бо҃ѣ...
„Покойся, юноша! Ты въ брани славной палъ!

„Во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Осгаръ Мальвину;
„Не разъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
„Вечерній свѣтъ луны, скользящій на долину,
„И тѣнь, упадшую съ приморскихъ грозныхъ скалъ.
„Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли;
„Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ!..
„Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
„И вечеръ горести для юноши насталъ!..

„Однажды, въ темну ночь, зимы порой унылой,
„Осгаръ стучится въ дверь красавицы младой,
„И шепчетъ: «Юный другъ, не медли, здѣсь твой милый!»
„Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
„Стучитъ и слушаетъ: лишь вѣтры съ свистомъ вѣютъ;
«Ужели спишь теперь, Мальвина?» Мгла вокругъ,
„Валится снѣгъ, власы въ туманѣ леденѣютъ:
«Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!»

„Онъ въ третій разъ стучитъ. Со скрипомъ дверь шатнулась;
„Онъ входитъ съ трепетомъ; несчастный, что жь узрѣлъ?
„Темнѣетъ взоръ его; Мальвина содрогнулась;
„Онъ зритъ — въ объятіяхъ измѣнницы Звигнелъ!
„И ярость дикая во взорахъ закипѣла;
„Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой;
„Онъ грозный мечъ извлекъ — и нѣтъ уже Звигнела,
„И блѣдный духъ его сокрылся въ тьмѣ ночной!

„Мальвина обняла несчастнаго колѣна,

„Но, взоры отвративъ: «Живи!» вѣщалъ Осгаръ,
«Живи, ужь я не твой: презрѣна мной измѣна,
«Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ».
„И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчаньѣ,
„Окованъ мрачною, безмолвною тоской:
„Исчезло сладкое навѣкъ очарованье!
. . . . . .

„Я видѣлъ юношу. Поникнувъ головою,
„Мальвины имя онъ въ отчаяньи шепталъ;
„Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою,
„На сердцѣ горестномъ унынья мракъ лежалъ.
„На друга дѣтскихъ лѣтъ взглянулъ онъ торопливо:
„Уже недвижный взоръ друзей не узнавалъ;
„Отъ пиршествъ удаленъ, въ пустынѣ молчаливой
„Онъ одиночествомъ печаль свою питалъ.

„И длинный годъ провелъ Осгаръ среди мученій.
„Вдругъ грянулъ трубный гласъ: Оденовъ сынъ, Фингалъ,
„Велъ грозныхъ на мечи, въ кровавый пылъ сраженій;
„Осгаръ послышалъ вѣсть и бранью воспылалъ.
„Здѣсь мечъ его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ бѣжала;
„Покрытый ранами, здѣсь палъ на груду тѣлъ;
„Онъ палъ; еще рука меча кругомъ искала,
„И крѣпкій сонъ вѣковъ на сильнаго слетѣлъ.

„Побѣгли вспять враги — и тихій миръ герою!
„И тихо все вокругъ могильнаго холма!
„Лишь въ осень хладную, безмѣсячной порою,
„Когда вершины горъ тягчитъ сырая тьма,
„Въ багровомъ облакѣ, одѣянна туманомъ,
„На камнѣ гробовомъ уныла тѣнь сидитъ,
„И стрѣлы дребезжатъ, стучитъ броня съ колчаномъ,
„И кленъ, зашевелясь, таинственно шумитъ.“

VI.

Леда.

(Кантата).

Средь темной рощицы, подъ тѣнью липъ душистыхъ,
Въ высокомъ тростникѣ, гдѣ чистымъ жемчугомъ
Вздувалась пѣна водъ сребристыхъ,
Колеблясь тихимъ вѣткомъ,
Покровъ красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежалъ —
И прелести ея потокъ волной игривой
Съ весельемъ орошалъ.

Житель рощи торопливый,
Будь же скроменъ, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Измѣнить страшитесь ей!
Леда робостью трепещетъ,
Тихо дышитъ снѣжна грудь,
Ни волна вокругъ не плещетъ,
Ни зефиръ не смѣетъ дуть.
Въ рощѣ шорохъ утихаетъ,
Все въ прелестной тишинѣ;
Нимфа далѣе ступаетъ,
Робкой ввѣрившись волнѣ.

Но что-то межь кустовъ прибрежныхъ восшумѣло,
И чувство робости прекрасной овладѣло:
Невольно вздрогнула, не въ силахъ воздохнуть...
И вотъ, пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,
Къ красавицѣ плыветъ: веселья полна грудь
Съ шумящей пѣною отважно волны гонитъ,
Крылами воздухъ бьетъ,
То въ кольца шею вьетъ,
То гордую главу, смирясь, предъ Ледой клонитъ...

Леда смѣется...
Вдругъ раздается
Радости крикъ...
Видъ сладострастный:
Къ Ледѣ прекрасной
Лебедь приникъ...
Слышно стенанье...
Нимфа лѣсовъ
Съ нѣгою сладкой
Видитъ украдкой
Тайну боговъ.

Опомнясь, наконецъ, красавица младая
Открыла тихій взоръ, въ томленьяхъ воздыхая,
И что жь увидѣла? — На ложѣ изъ цвѣтовъ
Она покоится въ объятіяхъ Зевеса;
Межь ними юная любовь, —
И пала таинства прелестнаго завѣса!

Симъ примѣромъ научитесь,
Розы, дѣвы красоты;
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды:
Въ темной рощицѣ таится
Часто пламенный Эротъ,
Съ хладной струйкою катится,
Стрѣлы прячетъ въ пѣнѣ водъ.
Симъ примѣромъ научитесь,
Розы, дѣвы красоты;
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды!

VII.

Венерѣ отъ Лаисы, при посвященіи ей зеркала.

(Изъ Вольтера).

Вотъ зеркало мое — прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будетъ ввѣкъ;
Сѣдого времени не страшна ей обида:
Она — не смертный человѣкъ.
Но я, покорствуя судьбинѣ,
Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла
Ни той, которой я была,
Ни той, которой нынѣ.

VIII.

Красавицѣ, которая нюхала табакъ.

Возможно ль? Вмѣсто розъ, Амуромъ насажденныхъ,
Тюльпановъ, гордо наклоненныхъ,
Душистыхъ ландышей, ясминовъ и лилей,
Которыхъ ты всегда любила
И прежде всякій день носила
На мраморной груди своей, —
Возможно ль, милая Климена?
Какая странная во вкусѣ перемѣна!
Ты любишь обонять не утренній цвѣтокъ,
А вредную траву зелену,
Искусствомъ превращенну
Въ пушистый порошокъ!
Пускай уже сѣдой профессоръ Геттингена
На старой каѳедрѣ согнувшися дугой,

Вперивъ въ латынщину глубокій разумъ свой,
Раскашлявшись, табакъ толченый
Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукой;
Пускай младой драгунъ усатый,
Поутру сидя у окна,
Съ остаткомъ утренняго сна, [1]
Изъ трубки пенковой дымъ гонитъ сѣроватый;
Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
У граціи въ отпуску и у любви въ отставкѣ, [2]
Которой [3] держится вся прелесть на подставкѣ,
Которой [4] безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ,
Злословитъ, молится, зѣваетъ [5]
И съ вѣрнымъ табакомъ [6] печали забываетъ.
А ты, прелестная! Но если ужь табакъ
Такъ [7] нравится тебѣ... О, пылъ воображенья!
Ахъ! Если бъ, превращенный въ прахъ,
И въ табакеркѣ въ заточеньѣ,
Я въ персты нѣжные твои попасться могъ!
Тогда бъ, въ сердечномъ восхищеньѣ,
азъ ыпался на грудь, подъ шалевый платокъ, [8]
И даже, можетъ быть... Но что? мечта пустая!
Не будетъ этого никакъ!
Судьба завистливая, злая! [9]
Ахъ, отчего я не... табакъ!

IX.

Stances.

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclose,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui;

Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose
L'aimable fille des amours
Tombe fanée à peine éclose!
Il a fui, le temps des beaux jours!

Eudoxie, aimez! le temps presse:
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

X.

Къ Натальѣ.

Такъ, и мнѣ узнать случилось,
Что за птица Купидонъ;
Сердце страстное плѣнилось,
Признаюсь: и я влюбленъ!
Пролетѣло счастья время,
Какъ, любви не зная бремя,
Я живалъ, да попѣвалъ,
Какъ въ театрѣ и на балахъ,
На гуляньяхъ иль въ воксалахъ,
Легкимъ зефиромъ леталъ;
Какъ, смѣясь, во зло Амуру
Я писалъ карикатуру
На любезный женскій полъ.
Но напрасно я смѣялся:

Наконецъ и самъ попался:
Самъ, увы, съ ума сошелъ!
Смѣхи, вольность, все подъ лавку;
Изъ Катоновъ я въ отставку,
И теперь я — селадонъ;
Миловидной жрицы Тальи
Видѣлъ прелести Натальи —
И ужь въ сердцѣ Купидонъ!

Такъ, Наталья, признаюся:
Я тобою полоненъ;
Въ первый разъ еще — стыжуся —
Въ женски прелести влюбленъ;
Цѣлый день, какъ ни верчуся,
Лишь тобою занятъ я;
Ночь придетъ, — и лишь тебя
Вижу я въ пустомъ мечтаньѣ;
Вижу, въ легкомъ одѣяньѣ
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Бѣлой груди колебанье,
Снѣгъ затмившей бѣлизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мракъ безмолвной ночи —
Духъ въ восторгъ приводятъ мой!..
Я одинъ въ бесѣдѣ съ нею;
Вижу дѣвственну лилею,
Трепещу, томлюсь, нѣмѣю...
А проснулся — вижу мракъ
Вкругъ постели одинокой...
Испускаю вздохъ глубокій;
Сонъ лѣнивый, томноокій,
Отлетаетъ на крылахъ;
Страсть сильнѣе становится
И, любовью утомясь,
Я слабѣю каждый часъ, —
Все къ чему-то умъ стремится...

Но, Наталья, ты не знаешь,
Кто твой нѣжный селадонъ?
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смѣетъ онъ
И надѣяться?.. Наталья!
Выслушай еще меня:
Не владѣтель я сераля,
Не арапъ, не турокъ я;
За учтиваго китайца,
Грубаго американца
Почитать меня нельзя;
Не представь и нѣмчурою,
Съ колпакомъ на волосахъ,
Съ кружкой, пивомъ налитою,
И съ цыгаркою въ зубахъ;
Не представь кавалергарда
Въ каскѣ, съ длиннымъ палашомъ, —
Не люблю я бранный громъ:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчатъ моей руки...

Кто же ты, болтунъ влюбленный?
. . . . . .

XI.

Къ молодой актрисѣ.

Ты не наслѣдница Клероны;
Не для тебя свои законы
Владѣлецъ Пинда начерталъ;
Тебѣ не много Богъ послалъ;
Твой голосокъ, тѣлодвиженья,
Нѣмыя взоровъ обращенья
Не стоютъ, признаюсь, похвалъ
И шумныхъ плесковъ удивленья;
Жестокой суждено судьбой

Тебѣ актрисой быть дурной...
Но, Хлоя, ты мила собой,
Тебѣ вослѣдъ толпятся смѣхи,
Сулятъ любовникамъ утѣхи, —
Итакъ, вѣнцы передъ тобой,
И несомнительны успѣхи.

Ты плѣннымъ зрителя ведешь,
Когда безъ такта ты поешь,
Недвижно стоя передъ нами,
Поешь, и часто невпопадъ;
А мы усердными руками
Всѣ громко хлопаемъ. Кричатъ:
„Bravo! bravissimo! чудесно!“
Свистки сатириковъ молчатъ,
И всѣ покорствуютъ прелестной.

Когда, въ неловкости своей,
Ты сложишь руки у грудей,
Или поднимешь ихъ, и снова
На грудь положишь, не стыдясь;
Когда Милона молодова,
Лепеча что-то не для насъ,
Въ любви, безъ чувства, увѣряешь,
Или безъ памяти, въ слезахъ,
Холодный испуская „ахъ“,
Спокойно въ кресла упадаешь,
Краснѣя и чуть-чуть дыша,
Всѣ шепчутъ: „Ахъ, какъ хороша!“
Увы, другую бъ освистали!
Велико дѣло красота!
О Хлоя, мудрые солгали:
Не все на свѣтѣ суета.

Плѣняй же, Хлоя, красотою!
Стократъ блаженъ любовникъ тотъ,
Который нѣжно предъ тобою,

Осмѣлясь, о любви поетъ,
Въ стихахъ и прозою, на сценѣ,
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвѣчать,
Не смѣя молвить объ измѣнѣ;
Блаженъ, кто можетъ роль забыть
На сценѣ съ миленькой актрисой,
Жать руку ей, надѣясь быть
Еще блаженнѣй за кулисой!

XII.

Опытность.

Кто съ минуту переможетъ
Хладнымъ разумомъ любовь,
Бремя тягостныхъ оковъ
Ей на крылья не возложитъ, —
Пусть не смѣйся, не рѣзвись,
Съ строгой мудростью дружись;
Но съ разсудкомъ вновь заспоришь —
Радъ не радъ, но дверь отворишь,
Какъ проказливый Эротъ
Постучится у воротъ.

Испыталъ я самъ собою
Истину сихъ правыхъ словъ.
„Добрый путь! прости, любовь!
„За богинею слѣпою,
„Не за Хлоей полечу,
„Счастье, счастье ухвачу!“
Мнилъ я въ гордости безумной.
Вдругъ услышалъ хохотъ шумный,
Оглянулся... и Эротъ
Постучался у воротъ.

Нѣтъ, мнѣ, видно, не придется

Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жить,
И покамѣстъ жизни нить
Старой Паркой тамъ прядется,
Пусть владѣетъ мною онъ:
Веселиться — мой законъ!
Смерть откроетъ гробъ ужасный,
Потемнѣютъ взоры ясны,
И не стукнется Эротъ
У могильныхъ ужь воротъ.

XIII.

Блаженство.

Въ рощѣ сумрачной, тѣнистой,
Гдѣ, журча въ травѣ душистой,
Свѣтлый бродитъ ручеекъ,
Ночью, на простой свирѣли
Пѣлъ влюбленный пастушокъ;
Томный гулъ унылы трели
Повторялъ въ глуши долинъ...

Вдругъ изъ глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Рѣзвыхъ фавновъ господинъ,
Выбѣжалъ Эрміевъ сынъ:
Розами рога обвиты,
Плющъ на черныхъ волосахъ,
Козій мѣхъ, виномъ налитый,
У сатира на плечахъ.
Богъ лѣсовъ, въ дугу склонившись
Надъ искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушалъ пѣсенки ночной,
Въ ладъ качая головой.

„Дни, протекшіе въ весельи!“
(Пѣлъ въ тоскѣ пастухъ младой)

„Отчего, явясь мечтой,
„Вы какъ тѣнь изъ глазъ исчезли
„И покрылись вѣчной тьмой?
„Ахъ! когда во мракѣ нощи,
„При таинственной лунѣ,
„Въ темну сѣнь прохладной рощи,
„Сладко спящей въ тишинѣ,
„Медленно, рука съ рукою,
„Съ нѣжной Хлоей приходилъ,
„Кто сравниться могъ со мною?
„Хлоѣ былъ тогда я милъ!
„А теперь мнѣ жизнь — могила,
„Бѣлый свѣтъ душѣ постылъ,
„Грустенъ лѣсъ, потокъ унылъ...
„Хлоя другу измѣнила:
„Я для милой ужь не милъ!..“

Звукъ исчезъ свирѣли тихой;
Смолкъ пѣвецъ, — и тишина
Воцарилась въ рощѣ дикой;
Слышно, плещетъ лишь волна,
И колышетъ повиликой
Тихо вѣющій зефиръ.
Древъ оставя сѣнь густую,
Вдругъ является сатиръ.
Чашу дружбы круговую
Пѣнистымъ сребря виномъ,
Рекъ съ осклабленнымъ лицомъ:

„Ты унылъ, ты сердцемъ мраченъ;
„Посмотри жь, какъ сокъ прозраченъ
„Блещетъ, освѣтясь луной!
„Выпей чашу — и душой
„Будешь такъ же чистъ и ясенъ.
„Вѣрь мнѣ: стонъ въ бѣдахъ напрасенъ.
„Лучше, лучше веселись,
„Въ горѣ съ Бахусомъ дружись!“

И пастухъ, взявъ чашу въ руки,
Скоро выпилъ всю до дна.
О, могущество вина!
Вдругъ сокрылись скорби, муки,
Мракъ душевный вмигъ исчезъ,
Лишь фіалъ къ устамъ поднесъ, —
Все мгновенно премѣнилось,
Вся природа оживилась:
Счастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую;
Пьетъ ужь третью... но въ глазахъ
Видъ окрестный потемнился —
И несчастный... утомился.
Томну голову склоня,
„Научи, сатиръ, меня“,
Говоритъ пастухъ со вздохомъ, —
„Какъ могу бороться съ рокомъ?
„Какъ могу счастливымъ быть?
„Я не въ силахъ вѣчно пить.“

— „Слушай, юноша любезный,
„Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
„Мигъ блаженства вѣкъ лови;
„Помни дружбы наставленья:
„Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
„Нѣтъ и счастья безъ любви;
„Такъ поди жь теперь, съ похмелья,
„Съ Купидономъ помирись,
„Позабудь его обиды,
„И въ объятіяхъ Дориды
„Снова счастьемъ насладись!“

XIV.

Пирующіе студенты.

Друзья! досужный часъ насталъ,
Все тихо, все въ покоѣ:
Скорѣе скатерть и бокалъ!
Сюда, вино златое!
Шипи, шампанское, въ стеклѣ!
Друзья! почто же съ Кантомъ
Сенека, Тацитъ на столѣ,
Фольянтъ надъ фоліантомъ?
Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ —
Мы полемъ овладѣемъ!
Безъ нихъ, [1] ученыхъ дураковъ, —
Безъ нихъ мы пить умѣемъ!

Ужели трезваго найдемъ
За скатертью студента?
На всякій случай изберемъ,
О други, [2] президента.
Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
И пуншъ, и грогъ душистый,
А вамъ, спартанцы, поднесетъ
Воды въ стаканѣ чистой.
Апостолъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Галичъ, vale!
Ты — Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.
Главу вѣнками убери,
Будь нашимъ президентомъ, —
И станутъ самые цари
Завидовать студентамъ.

Дай руку, Дельвигъ! Что ты спишь?
Проснись, лѣнивецъ сонный!

Ты не подъ каѳедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни: здѣсь кругъ твоихъ друзей,
Бутыль, виномъ налита;
За здравье нашей музы пей,
Парнасскій волокита!
Острякъ любезный, по рукамъ!
Полнѣй бокалъ досуга,
И вылей сотню эпиграммъ
На недруга и друга!

И ты, красавецъ молодой,
Сіятельный повѣса!
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее — завѣса!
Хотя студентъ, хотя я пьянъ,
Но скромность почитаю;
Придвинь же пѣнистый стаканъ:
На все благословляю!

Товарищъ милый, другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку,
Оставимъ въ чашѣ круговой
Педантамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
Нерѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ
И тотчасъ помиримся.

А ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышишь!
Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь.
Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краевъ;
Разсудокъ, Богъ съ тобою!

А ты, повѣса изъ повѣсъ,
На шалости рожденный,
Удалый хватъ, головорѣзъ,
Пріятель задушевный!
Бутылки, рюмки разобьемъ
За здравіе Платова,
Въ казачью шапку пуншъ нальемъ —
И пить давайте снова.

Приближься, милый нашъ пѣвецъ,
Любимый Аполлономъ,
Воспой властителя сердецъ
Гитары тихимъ звономъ:
Какъ сладостно въ стѣсненну грудь
Томленье звуковъ льется;
Но мнѣ ли страстью воздохнуть?
Нѣтъ, пьяный лишь смѣется.

Но что? Я вижу все вдвоемъ:
Двоится штофъ съ аракомъ,
Вся комната пошла кругомъ,
Покрылись очи мракомъ...
Гдѣ вы, товарищи, гдѣ я?
Скажите, Вакха ради!
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради.
Писатель! За свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ! Прочти свои стихи,
Чтобъ мнѣ уснуть скорѣе!

XV.

Къ Батюшкову.

Философъ рѣзвый и піитъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженныхъ любимецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ!
Почто на арфѣ златострунной
Умолкнулъ, радости пѣвецъ?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Разстался съ Фебомъ наконецъ?

Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душистыхъ,
Межь кудрей вьющихся, златыхъ,
Подъ тѣнью тополовъ [1] вѣтвистыхъ,
Въ кругу красавицъ молодыхъ,
Заздравнымъ не стучишь фіаломъ,
Любовь и Вакха не поешь;
Довольный счастливымъ [2] началомъ,
Цвѣтовъ парнасскихъ вновь не рвешь;
Не слышенъ нашъ Парни россійскій!
Пой, юноша! Пѣвецъ тіисскій
Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ;
Съ тобою твой прелестный другъ,
Лилета, красныхъ дней отрада:
Пѣвцу любви — любовь награда.
Настрой же лиру, по струнамъ
Летай игривыми перстами,
Какъ вешній зефиръ по цвѣтамъ,
И сладострастными стихами,
И тихимъ шопотомъ любви
Лилету въ свой шалашъ зови;
И звѣздъ ночныхъ при блѣдномъ свѣтѣ,
Плывущихъ въ дальной вышинѣ,
Въ уединенномъ кабинетѣ,
Волшебной внемля тишинѣ,

Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливецъ милый, орошай;
Но, упоенъ любовью страстной,
И нѣжныхъ музъ не забывай!
Любви нѣтъ болѣ счастья въ мірѣ:
Люби — и пой ее на лирѣ.

Когда жь къ тебѣ въ досужный часъ
Друзья, знакомые сберутся,
И вина пѣнныя польются,
Отъ плѣна съ трескомъ свободясь, —
Описывай въ стихахъ игривыхъ
Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
Вокругъ накрытаго стола,
Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой,
И стукъ блестящаго стекла;
И гости дружно стихъ веселый,
Бокалъ въ бокалъ ударя въ ладъ,
Нестройнымъ хоромъ повторятъ.

Поэтъ! Въ твоей предметы волѣ
Во звучны струны смѣло грянь,
Съ Жуковскимъ пой кроваву брань
И грозну смерть на ратномъ полѣ:
И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
И ты, постигнутый судьбою,
Какъ россъ, питомцемъ [3] славы палъ!
Ты палъ и хладною косою
Едва, скошенный, не увялъ! *)

Иль, вдохновенный Ювеналомъ,
Вооружись сатиры жаломъ;
Подчасъ прими ея свистокъ,
Рази, осмѣивай порокъ,
Шутя, показывай смѣшное,

*) Кому не извѣстны „Воспоминанія на 1807 годъ“ ?

И, если можно, насъ исправь;
Но Тредьяковскаго оставь
Въ столь часто рушимомъ покоѣ:
Увы! Довольно безъ него
Найдемъ безсмысленныхъ поэтовъ;
Довольно въ мірѣ есть предметовъ,
Пера достойныхъ твоего!

Скажи, по милости, Графону,
Ползкомъ ползущу къ Геликону,
Чтобъ пересталъ совсѣмъ писать
И бѣдныхъ насъ морить со скуки;
Скажи ему, что наши внуки
Не станутъ вздоръ его читать...
Все, все позволено поэту!
Скажи всему, коль хочешь, свѣту,
Что Висковатовъ невпопадъ
Уродовъ выставилъ на сцену,
Визжать заставилъ Мельпомену;
Что Клитъ былъ добрый человѣкъ,
Тихонько проводилъ свой вѣкъ,
Своимъ домкомъ тихонько правилъ,
И жилъ безъ горя, безъ заботъ,
Покамѣстъ не печаталъ одъ,
Гдѣ здравый смыслъ вверхъ дномъ поставилъ,
Гдѣ мы навидѣлись всего,
Гдѣ „всѣ чудовища геенны —
„На жертву агнцы обреченны“,
Гдѣ нѣтъ лишь смысла одного.

Но что?... Цѣвницею моею,
Безвѣстный въ мірѣ семъ поэтъ,
Я пѣсни продолжать не смѣю.
Прости, — но помни мой совѣтъ:
Доколѣ, музами любимый,
Ты Піэридъ горишь огнемъ,
Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,

Въ подземный ты не снидешь домъ,
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя, младой Назонъ,
Эротъ и Граціи вѣнчали,
А лиру строилъ Аполлонъ.

XVI.

Къ Н. Г. Ломоносову.

И ты, любезный другъ, оставилъ
Надежну пристань тишины,
Челнокъ свой весело направилъ
По влагѣ бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно свѣтятъ небеса,
Ладья крылатая пустилась, —
Расправитъ Счастье паруса.
Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
Вблизи ты ужасъ не видалъ,
Чтобъ бурный вихорь не вздувалъ
Предъ челнокомъ шумящи воды!
Дай Богъ, подъ вечеръ, къ берегамъ
Тебѣ пристать благополучно,
И отдохнуть спокойно тамъ
Съ Любовью, Дружбой неразлучно!
Нѣтъ, ты не можешь ихъ забыть!
Но что! Не скоро, можетъ быть,
Увижусь я, мой другъ, съ тобою
Укромной хаты въ тишинѣ:
За чашей пунша круговою
Подчасъ воспомнишь обо мнѣ;
Когда жь пойду на новоселье
(Заснуть — вѣдь общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: „Дай Богъ ему веселье!
„Онъ въ жизни хоть любить умѣлъ“.

XVII.

Романсъ.

Подъ вечеръ, осенью ненастной,
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ, [1]
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ.
Все было тихо: лѣсъ и горы,
Все спало въ сумракѣ ночномъ;
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ.

И на невинномъ семъ твореньѣ, [2]
Вздохнувъ, остановила ихъ:
„Ты спишь, дитя, мое мученье, —
„Не знаешь горестей моихъ!
„Откроешь очи — и, тоскуя,
„Ты къ груди не прильнешь моей,
„Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
„Несчастной матери твоей!

„Ее манить напрасно будешь!
„Мнѣ вѣчный стыдъ — вина моя!
„Меня навѣки ты забудешь...
„Но не забуду я тебя.
„Дадутъ покровъ тебѣ чужіе
„И скажутъ: Ты для насъ чужой!
„Ты спросишь: Гдѣ мои родные?
„И не найдешь семьи родной!

„Несчастный! Будешь грустной думой
„Томиться межь другихъ дѣтей,
„И до конца съ душой угрюмой
„Взирать на ласки матерей.
„Повсюду странникъ одинокій,
„Всегда судьбу свою кляня,

„Услышишь ты упрекъ жестокій...
„Прости, прости тогда меня!

„Ты спишь!.. Позволь себя несчастной
„Прижать къ груди въ послѣдній разъ!
„Законъ неправедный, ужасный,
„Къ страданью осуждаетъ насъ.
„Пока лѣта не отогнали
„Невинной радости твоей,
„Спи, милый! Горькія печали
„Не тронутъ дѣтства тихихъ дней!“

Но вдругъ за рощей освѣтила,
Вблизи ей, хижину луна.
Блѣдна, трепещуща, уныла,
Къ дверямъ приблизилась она,
Склонилась, тихо положила
Младенца на порогъ чужой,
Со страхомъ очи отвратила—
И скрылась въ темнотѣ ночной.

XVIII.

Mon Portrait.

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature:
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

Onc il ne fut de babillard,
Ni docteur de Sorbonne

Plus ennuyeux et plus braillard
Que moi-même en personne.

Ma taille à celle des plus longs
Ne peut être égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

J'aime et le monde, et son fracas,
Je hais la solitude;
J'abhorre et noises et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée
Je dirais ce que j'aime encor,
Si je n'étais au lycée.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui! tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie —
Ma foi — voilà Pouchkine.

XIX.

Городокъ.

(Къ ***).

Прости мнѣ, милый другъ,
Двухлѣтнее молчанье:
Писать тебѣ посланье
Мнѣ было недосугъ.

На тройкѣ принесенный
Изъ родины смиренной
Въ великій градъ Петра,
Отъ утра до утра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ,
Зѣвая, веселился
Въ театрѣ, на пирахъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Увы! ни на часокъ,
Какъ будто у налоя
Въ великій четвертокъ
Измученный дьячекъ.
Но слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выѣхалъ теперь,
Ужь вытолкалъ за дверь
Заботы и печали,
Которыя играли —
Стыжусь — столь долго мной,
И въ тишинѣ святой
Философомъ лѣнивымъ,
Отъ шума вдалекѣ,
Живу я въ городкѣ,
Безвѣстностью счастливомъ.
Я нанялъ свѣтлый домъ:
Съ диваномъ, съ камелькомъ,
Три комнатки простыя;
Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
И ткани выписныя
Не кроютъ ихъ паркетъ;
Окошки — въ садъ веселый,
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черемухой цвѣтутъ;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладну тѣнь даютъ,

Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжный
Сплелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрый ручеекъ,
Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
Невидимый для взора,
Лепечетъ у забора.
Здѣсь добрый твой поэтъ
Живетъ благополучно,
Не ходитъ въ модный свѣтъ,
На улицѣ каретъ
Не слышитъ стукъ докучный;
Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
Лишь изрѣдка телѣга
Скрипитъ по мостовой,
Иль путникъ въ домикъ мой,
Пришедъ искать ночлега,
Дорожною клюкой
Въ калитку постучится... [1]

Блаженъ, кто веселится
Въ покоѣ, безъ заботъ,
Съ кѣмъ втайнѣ Фебъ дружится
И маленькій Эротъ!
Блаженъ, кто на просторѣ,
Въ укромномъ уголкѣ,
Не думаетъ о горѣ,
Гуляетъ въ колпакѣ,
Пьетъ, ѣстъ, когда захочетъ,
О гостѣ не хлопочетъ!
Никто, никто ему
Лѣниться одному
Въ постелѣ не мѣшаетъ;
Захочетъ — Аонидъ
Толпу къ себѣ сзываетъ;
Захочетъ — сладко спитъ,
На Риѳмова [2] склоняясь
И тихо забываясь.

Такъ я, мой милый другъ,
Теперь расположился,
Съ толпой безстыдныхъ слугъ
Навѣки распростился;
Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скучаю,
И часто цѣлый свѣтъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ — мертвецы,
Парнасскіе жрецы:
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою,
Со мной они живутъ;
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозаики шутливы —
Въ порядкѣ стали тутъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Издѣтства сталъ піитъ;
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ;
Соперникъ Эврипида,
Эраты нѣжный другъ,
Арьоста, Тасса внукъ —
Скажу ль? — отецъ Кандида!
Онъ все: вездѣ великъ
Единственный старикъ!
На полкѣ за Вольтеромъ
Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ;
Въ часъ утренній досуга
Я часто другъ отъ друга
Люблю ихъ отрывать.
Питомцы юныхъ грацій,

Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій
Является вдвоемъ. [3]
И ты, пѣвецъ любезный,
Поэзіей прелестной
Сердца привлекшій въ плѣнъ,
Ты здѣсь, лѣнтяй безпечный,
Мудрецъ простосердечный,
Ванюша Лафонтенъ,
Ты здѣсь! И Дмитревъ нѣжный,
Твой вымыселъ любя,
Нашелъ пріютъ надежный
Съ Крыловымъ близь тебя. [4]
Но вотъ наперсникъ милый
Психеи златокрылой! [5]
О, добрый Лафонтенъ!
Съ тобой онъ смѣлъ сразиться...
Коль можешь ты дивиться, —
Дивись: ты побѣжденъ!
Воспитаны Амуромъ
Вержье, Парни съ Грекуромъ [6]
Укрылись въ уголокъ;
Не разъ они выходятъ
И сонъ отъ глазъ отводятъ
Подъ зимній вечерокъ.
Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ,
Съ Мольеромъ-исполиномъ
Фонвизинъ и Княжнинъ.
За ними, хмурясь важно,
Ихъ грозный Аристархъ
Является отважно
Въ шестнадцати томахъ.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видѣть вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу.

Кладбище обрѣли
На самой нижней полкѣ
Всѣ школьнически толки,
Лежащіе въ пыли:
Визгова [7] сочиненья,
Глупона [8] псалмопѣнья,
Извѣстныя творенья,
Увы, однѣмъ мышамъ!
Миръ вѣчный и забвенье
И прозѣ, и стихамъ!
Но ими огражденну
(Ты долженъ это знать)
Я спряталъ потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свитокъ драгоцѣнный,
Вѣками сбереженный,
Отъ члена русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата,
Я даромъ получилъ.
Ты, кажется, въ сомнѣньѣ?..
Не трудно отгадать:
Такъ, — это сочиненья,
Презрѣвшія печать!
Хвала вамъ, чада славы, [9]
Враги парнасскихъ узъ!
О князь, наперснікъ музъ! [10]
Люблю твои забавы,
Люблю твой колкій стихъ
Въ посланіяхъ твоихъ,
Въ сатирѣ — знанье свѣта
И слога чистоту,
И въ рѣзвости куплета
Игриву остроту.
И ты, насмѣшникъ смѣлый,
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ адѣ стихъ веселый

Поэтовъ раздражилъ,
Какъ въ юношески лѣты,
Въ волнахъ туманной Леты
Ихъ гуртомъ потопилъ! [11]
И ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ,
Въ картинахъ столь богатый
И вкуса образецъ! [12]
И ты, шутникъ безцѣнный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжалъ
Игривой Тальѣ далъ!
Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
Чья кисть скомпонируетъ
Такой оригиналъ?
Тутъ, вижу я, съ Чернавкой
Подщипа слезы льетъ,
Здѣсь князь дрожитъ подъ лавкой,
Тамъ дремлетъ весь совѣтъ;
Въ трагическомъ смятеньи
Плѣненные цари,
Забывъ войну, сраженья,
Играютъ въ кубари... [13]
Но назову ль дѣтину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнилъ лишь собой? [14]
О ты, высотъ Парнаса
Бояринъ небольшой,
Но пылкаго Пегаса
Наѣздникъ удалой!
Намаранныя оды,
Убранство чердаковъ,
Гласятъ изъ рода въ роды:
Великъ, великъ... Свистовъ!
Твой даръ цѣнить умѣю,
Хоть, право, не знатокъ;

Но здѣсь тебѣ не смѣю
Хвалы сплетать вѣнокъ:
Свистовскимъ должно слогомъ
Свистова воспѣвать...
Но убирайся съ Богомъ!
Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать.

О вы, въ моей пустынѣ
Любимые творцы!
Займите же отнынѣ
Безпечности часы.
Мой другъ! Весь день я съ ними —
То въ думу углубленъ,
То мыслями своими
Въ Элизій пренесенъ.
Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ, —
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной,
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьею волынкой.
Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Феба
Во цвѣтѣ дней возьметъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ,
Превыше смертныхъ станетъ,
И Слава громко грянетъ:
„Безсмертенъ ввѣкъ піитъ!“ [15]

Но ею мнѣ ль гордиться,
Но мнѣ ль безсмертьемъ льститься?..
До слезъ я спорить радъ,
Не бьюсь лишь объ закладъ...
Какъ знать? и мнѣ, быть можетъ,
Печать свою наложитъ
Небесный Аполлонъ;
Сіяя горнимъ свѣтомъ,
Безтрепетнымъ полетомъ
Взлечу на Геликонъ.
Не весь я преданъ тлѣнью; [16]
Съ моей, быть можетъ, тѣнью
Полуночной порой
Сынъ Феба молодой,
Мой правнукъ просвѣщенный,
Бесѣдовать придетъ
И, мною вдохновенный,
На лирѣ воздохнетъ.

Покамѣстъ, другъ безцѣнный
Каминомъ освѣщенный,
Сижу я подъ окномъ
Съ бумагой и перомъ.
Не Слава предо мною,
Но Дружбою одною
Я нынѣ вдохновенъ.
Мой другъ, я счастливъ ею;
Почто жь ея сестрой,
Любовію младой,
Напрасно пламенѣю?
Иль юности златой
Вотще даны мнѣ розы,
И лить навѣки слезы
Въ юдоли, гдѣ расцвѣлъ, —
Мой горестный удѣлъ?..
Пѣвца сопутникъ милый,
Мечтанье легкокрыло!

О, будь же ты со мной!
Дай руку Сладострастью,
И съ чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвенія тропой;
И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣнивый макъ
Покроетъ томны очи,
На вѣтреныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ тѣсный,
Тихонько постучись,
И въ тишинѣ прелестной
Съ любимцемъ обнимись!
Мечта! въ волшебной сѣни
Мнѣ милую яви,
Мой свѣтъ, мой добрый геній,
Предметъ моей любви!
И блескъ очей небесный,
Ліющихъ огнь въ сердца,
И Грацій станъ прелестный,
И снѣгъ ея лица!
Представь, что на колѣняхъ
Покоясь у меня,
Въ порывистыхъ томленьяхъ
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устахъ,
Горитъ лицо прекрасной
И слезы на глазахъ!.. [17]
Почто стрѣлой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманетъ — и пропалъ
Бѣглецъ невозвратимый!
Не слышитъ плачъ и стонъ,
И гдѣ крылатый сонъ?
Исчезнетъ обольститель,
И въ сердцѣ грусть-мучитель!

Но все ли, милый другъ,
Быть счастья въ упоеньѣ?
И въ грусти томный духъ
Находитъ наслажденье:
Люблю я въ лѣтній день
Бродить одинъ съ тоскою,
Встрѣчать вечерню тѣнь
Надъ тихою рѣкою,
И съ сладостной слезою
Въ даль сумрачну смотрѣть;
Люблю съ моимъ Марономъ
Подъ яснымъ небосклономъ
Близь озера сидѣть,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжный,
Оставя злакъ прибрежный,
Любви и нѣги полнъ,
Съ подругою своею,
Закинувъ гордо шею,
Плыветъ во златѣ волнъ;
Или, для развлеченья,
Оставя книгъ ученье,
Въ досужный мнѣ часокъ,
У добренькой старушки
Душистый пью чаекъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней,
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ же вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаетъ;
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она сторонъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала, [18]
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала;

Ѳома свою хозяйку
Ни за что наказалъ,
Антошка балалайку,
Играя, разломалъ, —
Старушка все разскажетъ;
Межь тѣмъ, какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое;
А я сижу смиренно,
Въ мечтаньяхъ углубленный,
Не слушая ее.
На риѳмы удалова
Такъ нѣкогда Свистова [19]
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.
Ахъ, видно, Богъ пыталъ
Тогда мое терпѣнье!

Иль добрый мой сосѣдъ,
Семидесяти лѣтъ,
Уволенный отъ службы
Маіоромъ отставнымъ,
Зоветъ меня изъ дружбы
Хлѣбъ-соль откушать съ нимъ.
Вечернею пирушкой
Старикъ развеселясь
За дѣдовскою кружкой,
Въ прошедшемъ углубясь,
Съ очаковской медалью
На раненой груди,
Воспомнитъ ту баталью,
Гдѣ, роты впереди,
Летѣлъ навстрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ,
И палъ на долъ кровавый
Съ булатнымъ палашемъ. [20]
Всегда я радъ душою

Съ нимъ время провождать,
Но, Боже, виноватъ!
Я каюсь предъ Тобою:
Служителей Твоихъ,
Поповъ я городскихъ
Боюсь, боюсь бесѣды,
И свадебны обѣды
Затѣмъ лишь не терплю,
Что сельскихъ іереевъ,
Какъ папа іудеевъ,
Я вовсе не люблю;
А съ ними крючковатый
Подъяческій народъ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплотъ.
Но, другъ мой, если вскорѣ
Увижусь я съ тобой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами
(И слово ужь сдержу),
Я съ сельскими попами
Молебенъ отслужу.

XX.

Казакъ.

Разъ, полунощной порою,
Сквозь туманъ и мракъ,
Ѣхалъ тихо надъ рѣкою
Удалой казакъ.

Черна шапка на бекренѣ,
Весь жупанъ въ пыли,
Пистолеты при колѣнѣ,
Сабля до земли.

Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вотъ, предъ нимъ двѣ, три избушки,
Выломанъ заборъ;
Здѣсь — дорога въ деревушки,
Тамъ — въ дремучій боръ.

„Не найду въ лѣсу дѣвицы,“
Думалъ хватъ Денисъ:
„Ужь красавицы въ свѣтлицы
„На ночь убрались.“

Шевельнулъ донецъ уздою,
Шпорой прикольнулъ,
И помчался конь стрѣлою, —
Къ избамъ завернулъ.

Въ облакахъ луна сребрила
Дальни небеса;
Подъ окномъ сидитъ уныла
Дѣвица-краса.

Храбрый видитъ красну дѣву,
Сердце бьется въ немъ;
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву —
Вотъ ужь подъ окномъ.

Ночь становится темнѣе,
Скрылася луна.
„Выдь, коханечка, скорѣе,
„Напои коня.“

— Нѣтъ, къ мужчинѣ молодому
Страшно подойти,

Страшно выйти мнѣ изъ дому,
Коню дать воды.

„Ахъ, небось, дѣвица красна,
„Съ милымъ подружись!“
— Ночь красавицамъ опасна.
„Радость, не страшись!

„Вѣрь, коханечка, — пустое;
„Ложный страхъ отбрось!
„Тратишь время золотое;
„Милая, небось!

„Сядь на борзаго: съ тобою
„Въ дальній ѣду край;
„Будешь счастлива со мною:
„Съ другомъ всюду рай!“

Что же дѣвица? Склонилась,
Побѣдила страхъ,
Робко ѣхать согласилась,
Счастливъ былъ казакъ!

Поскакали, полетѣли...
Дружку другъ любилъ:
Былъ ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

XXI.

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ.

Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;

Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышитъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

Плыветъ — и блѣдными лучами
Предметы [1] освѣтила вкругъ;
Аллеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ, и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополемъ сплелась младая ива
И отразилася въ кристалѣ зыбкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой;
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды
Его лѣнивою волной;
А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы росской храмъ?

Не се ль Элизіумъ полнощный,
Прекрасный царскосельскій садъ,
Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На лонѣ мира и отрадъ?
Увы! промчалися тѣ времена златыя,
Когда подъ скипетромъ великія жены
Вѣнчалась славою счастливая Россія,
Цвѣтя подъ кровомъ тишины!

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ [2] лѣтъ;
Воззрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ россъ вѣщаетъ:
„Исчезло все, Великой нѣтъ!“
И въ думу углубленъ, надъ злачными брегами

Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ:
Протекшія лѣта [3] мелькаютъ предъ очами,
И въ тихомъ восхищеньѣ духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами,
Надъ твердой, мшистою скалой
Вознесся памятникъ. Ширяяся крылами
Надъ нимъ сидитъ орелъ младой.
И цѣпи тяжкія, и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго [4] столпа трикраты обвились,
Кругомъ подножія, шумя, валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ улеглись. [5]

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой,
О, сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, поносенъ
И [6] славенъ родинѣ драгой!
Безсмертны вы вовѣкъ, о росски исполины,
Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ;
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
Потомки грозные [7] славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали! [8]
Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный,
И вскорѣ новый вѣкъ зурѣлъ
И брани новыя и ужасы военны:
Страдать — есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя;

Возсталъ вселенной бичъ [9] — и вскорѣ лютой [10] брани
Зардѣлась грозная заря!

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,
И села мирныя, и грады въ мглѣ [11] пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ [12] плугъ.

Идутъ — ихъ силѣ нѣтъ препоны:
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ съединясь полкахъ, [13]
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались!.. Идутъ въ дали туманной...
Звучатъ кольчуги и мечи!

Страшись, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталъ и старъ и младъ; летятъ на дерзновенныхъ;
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужь близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря;
Ихъ цѣль — иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за царя.

Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянъ ратниками долъ,
За строемъ строй течетъ, всѣ местью, славой дышутъ,
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ;
Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ,
И се — пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,

Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ
И брызжетъ кровь на щитъ.

Сразились: русскій — побѣдитель!
И вспять бѣжитъ надменный галлъ;
Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:
Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый;
О, бородинскія кровавыя поля!
Не вы неистовству и гордости предѣлы:
Увы, на башняхъ галлъ Кремля!..

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ!
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни...
Вотще лишь гнѣвомъ [14] духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору [15] градъ являлся величавый, —
Развалины теперь одни.
Москва! сколь русскому твой зракъ унылый страшенъ!
Исчезли зданія вельможей и царей,
Все пламень истребилъ; вѣнцы затмились башенъ,
Чертоги [16] пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ сѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала, —
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней ночи
Веселье шумное туда не полетитъ; [17]
Не блещутъ ужь въ огняхъ [18] брега и свѣтлы рощи:
Все мертво, все молчитъ...

Утѣшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца!
Отяготѣла днесь [19] на ихъ надменны выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,
Ихъ кровь не престаетъ въ снѣгахъ рѣками течь,
Бѣгутъ—и въ тьмѣ ночной ихъ гладъ и смерть срѣтаютъ,
А [20] съ тыла гонитъ россовъ мечъ.

О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! И вы въ могилы пали...
О страхъ! О грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья, и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факелъ мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой!
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьѣ,
Москва въ унынiи, какъ степь въ полнощной мглѣ, —
А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье,
И благотворный миръ землѣ.

Достойный внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянской бардъ дружины,[21]
Мой духъ восторгомъ не горитъ!
О, если бъ Аполлонъ піитовъ даръ чудесный
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! Тобою восхищенъ,
На лирѣ бъ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во тьмѣ временъ!

О скальдъ Россіи вдохновенный,

Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, [22] съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой!
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

XXII.

Эпиграмма.

Аристъ намъ обѣщалъ трагедію такую,
Что всѣ отъ жалости въ театрѣ заревутъ,
Что слезы зрителей рѣкою потекутъ...
Мы ждали драму золотую.
И что же? Дождались — и, нечего сказать,
Достоинству ея нельзя убавить вѣсу:
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалостну піесу.

XXIII.

Подражаніе французскому.

Супругою твоей я такъ плѣнился,
Что если бъ три въ удѣлъ достались мнѣ,
Подобныя во всемъ твоей женѣ,
То даромъ двухъ я бъ отдалъ сатанѣ,
Чтобъ третью лишь принять онъ согласился.

XXIV.

Несчастіе Клита.

Внукъ Тредьяковскаго Клитъ гекзаметромъ пѣсенки пишетъ,
Противу ямба, хорея злобой ужасною дышитъ:
Мѣра простая сія все портитъ, по мнѣнію Клита,
Смыслъ затмѣваетъ стиховъ и жаръ охлаждаетъ піита.
Спорить о томъ я не смѣю; пусть онъ безвинныхъ поноситъ;
Ямбъ охладилъ риѳмача, гекзаметры жь онъ заморозитъ.

1815.

I.

Бова.

(Отрывокъ изъ поэмы).

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Еллинскія,
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ,
Съ Шапеленомъ и съ Риѳматовымъ
Воспѣвать героевъ Сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи;
Разбиралъ я нѣмца Клопштока
И не могъ понять премудраго;
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ:
Я хочу, меня чтобъ поняли
Всѣ, отъ мала до великаго.
За Мильтономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крилъ парить,
Не дерзалъ въ стихахъ безсмысленныхъ
Въ серафимовъ жарить пушками,
Съ сатаною обитать въ раю,
Иль святую Богородицу
Вмѣстѣ славить съ Афродитою:
Не бывалъ я грѣховодникомъ!
Но вчера, въ архивахъ рояся,

Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизисъ остроумія,
Словомъ — Жанну Орлеанскую,
Прочиталъ — и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

О Вольтеръ, о мужъ единственный!
Ты, котораго во Франціи
Почитали богомъ нѣкіимъ,
Въ Римѣ — дьяволомъ, антихристомъ,
Обезьяною — въ Саксоніи,
Ты, который на Радищева
Кинулъ было взоръ съ улыбкою, —
Будь теперь моею музою!
Пѣть я тоже вознамѣрился,
Но — сравняюсь ли съ Радищевымъ?

Не запомню, сколько лѣтъ спустя
Послѣ рождества Спасителя,
Царь Додонъ со славой царствовалъ
Въ Свѣтомірѣ, сильномъ городѣ.
Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
Не прямой досталъ дорогою,
Но убивъ царя законнаго,
Бендокира Слабоумнаго.
Царь Додонъ не Слабоумнаго
Былъ достоинъ злого прозвища,
Но тирана неусыпнаго
(Онъ однако не имѣлъ его).
Лѣнь мнѣ всѣ его достоинства
И пороки вамъ показывать;
Вы слыхали, люди добрые,
О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
Не снималъ съ себя оружія,
Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
Всюду пролеталъ съ побѣдою,

Міръ крещеный потопилъ въ крови,
Не щадилъ и некрещенаго
И, въ ничтожество низверженный
Александромъ, грознымъ ангеломъ,
Жизнь проводитъ въ униженіи
И, забытый всѣми, кличется
Нынѣ Эльбы императоромъ...
Вотъ, таковъ-то былъ и царь Додонъ!

Разъ, собравъ бородачей совѣтъ
(Безбородыхъ не любилъ Додонъ),
На престолѣ пригорюнившись,
Произнесъ онъ имъ такую рѣчь:

„Вы, которые совѣтами
„Облегчали тяжесть скипетра,
„Услаждали участь царскую"
(Не горька она была ему),
„Мудрые друзья, сподвижники!
„Къ вамъ прибѣгнуть я рѣшаюся:
„Что мнѣ дѣлать нынѣ? Слушайте!"

Всѣ привстали, важно хмуряся,
Низко, низко поклонилися
И, поправя усъ и бороду,
Сѣли на скамьи дубовыя.
„Вамъ извѣстно", продолжалъ Додонъ,
„Что искусствомъ и неправдою
„Я достигъ престола шаткаго
„Бендокира Слабоумнаго,
„Сочетался съ Милитрисою,
„Милой женкой Бендокировой,
„И въ темницу посадилъ Бову,
„Принца крови, сына царскаго.
„Легче, легче захватить было
„Слабоумнаго златой вѣнецъ,
„Чѣмъ, надѣвъ вѣнецъ на голову,

„За собою удержать его.
„Вотъ, уже народъ безсмысленный,
„Ходя въ праздники по улицамъ,
„Межь собой не разъ говаривалъ:
„Дай Богъ помочь королевичу!
„Вѣдь Бова уже не маленькій,
„Не въ отца своей головушкой;
„Нужды нѣтъ, что за рѣшеткою, —
„Онъ моимъ опасенъ замысламъ.
„Что мнѣ дѣлать съ нимъ, скажите мнѣ?“

Все собранье призадумалось,
Всѣ въ молчаньѣ потупили взоръ.
То-то, право, золотой Совѣтъ:
Не болтали здѣсь, а думали.
Арзаморъ, мужъ старый, опытный,
Ротъ открылъ-было (совѣтовать,
Знать, хотѣлось посѣдѣлому),
Громко крякнулъ, но одумался,
И въ молчаньѣ закусилъ языкъ.
Ко лбу перстъ приставя тщательно
Лѣкарь славный, Эскулапа внукъ,
Эзельдорфъ, обритый весь, зѣвалъ,
Табакеркою поскрипывалъ,
Но молчалъ: своей премудрости
Онъ предъ всѣми не показывалъ.
Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею,
Стражи трона, славны рыцари,
Всѣ сидѣли будто вкопаны.
Громобурь, извѣстный силою,
Но умомъ не проницательный,
Думалъ, думалъ — и нечаянно
Задремалъ и захрапѣлъ въ углу.
Что примѣра лучше дѣйствуетъ,
Что людьми сильнѣй ворочаетъ?
Вотъ, зѣвнули подъ перчаткою
Храбрый Мировзоръ съ Ивашкою,

И Полканъ, и Арзаморъ сѣдой,
И ко груди приклонилися
Тихо головами буйными.
Глядь—съ Додономъ задремалъ Совѣтъ,
Захрапѣли многомыслящи!

Долго бъ спать было совѣтникамъ,
Если бъ нѣмцу не пришлось изъ рукъ
Табакерку на полъ выронить;
Табакерка покатилася
И о шпору вдругъ ударилась
Громобуря, крѣпко спавшаго,
Загремѣла, раздвоилася,
Отлетѣла въ разны стороны.
Храбрый воинъ пробуждается,
Озираетъ все собраніе;
Между тѣмъ табакъ разсыпался,
Къ носу рыцаря подъемлется, —
И чихнулъ герой съ досадою,
Такъ, что своды потрясаются,
Окна всѣ дрожатъ и сыплются,
И на петляхъ двери хлопаютъ;
Пробуждается собраніе.

„Что тутъ думать?“ закричалъ герой:
„Царь! Бова тебѣ не надобенъ,
„Ну, — и къ чорту королевича!
„Рѣшено — ему въ живыхъ не быть!
„Послѣ, братцы, вы разсудите,
„Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться.“
Тѣмъ и кончилъ: храбры воины
Рѣчи любятъ лаконически.

„Ладно, мы тебя послушаемъ!“
Царь промолвилъ, потянувшися;
„Завтра, други, мы увидимся,
„А теперь ступайте всѣ домой.“

Оплошалъ Додонъ отсрочкою;
Не твердилъ онъ, вѣрно, въ азбукѣ:
„Не откладывай до завтраго,
„Что сегодня можешь выполнить.“
Разошлися всѣ придворные.
Ночь межь тѣмъ уже сгущалася;
Царь Додонъ въ постелю царскую
Вмѣстѣ съ милой легъ супругою,
Съ несравненной Милитрисою,
Къ ней спиною повернувшися:
Въ эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотѣлося.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая дѣвица,
Ангелъ станомъ, взоромъ, личикомъ,
Бѣлой ручкой, нѣжной ножкою,
Съ госпожи снявъ платье шелково,
Юбку, чепчикъ, ленты, кружева,
Все подъ ключъ въ комодѣ спрятала
И пошла тихонько въ дѣвичью.
Тамъ она сама раздѣлася,
Подняла съ трудомъ окошечко,
И легла въ постель пуховую,
Ожидая друга милаго,
Свѣтозара, пажа царскаго:
Къ темной ночкѣ обѣщался онъ
Изъ окна прыгнуть къ ней въ комнату.
Ждетъ-пождетъ дѣвица красная —
Нѣтъ какъ нѣтъ все друга милаго.
Чу... бьетъ полночь... что же Зоинька?
Видитъ: входитъ къ ней въ окошечко —
Кто же? другъ ли сердца нѣжнаго?
Нѣтъ, совсѣмъ не то, читатели!
Видитъ Зоя привидѣніе: [1]
Старичишка [2] съ длинной шапкою,
Въ балахонѣ вмѣсто мантіи,

А. С. Пушкинъ въ лицейской формѣ.

Опоясанный мочалкою,
Видъ противный: глазъ на выкатѣ, [3]
Ротъ разинутъ, зубы скалятся,
Уши длинныя, ослиныя
Надъ плечами громко хлопаютъ...
Зоя смотритъ [4] — и со трепетомъ
Узнаетъ она, читатели,
Бендокира Слабоумнаго.

Трепетна, смятенья полная,
Стала на колѣни Зоинька,
Съединила ручку съ ручкою,
Потупила очи ясныя,
Прочитала скорымъ шопотомъ [5]
То, что ввѣкъ не могъ я выучить, —
Отче нашъ и Богородицу —
И тихохонько промолвила:
„Что я вижу? Боже! Господи!
„О Никола, Савва мученикъ,
„Осѣните беззащитную!
„Ты ли это, царь нашъ, батюшка?
„Отчего, скажи, оставилъ ты
„Нынѣ царствіе небесное?“

Страннымъ свѣтомъ [6] освѣтившися,
Тѣнь рекла прекрасной Зоинькѣ:
„Зоя, Зоя! не страшись, мой свѣтъ!
„Не пугать тебя мнѣ хочется,
„Не на то сюда явился я
„Съ того свѣта привидѣніемъ;
„Весело пугать живыхъ людей,
„Но могу ли веселиться я,
„Если сына Бендокирова,
„Милаго Бову царевича,
„На кострѣ изжарятъ завтра же?“

Бѣдный царь заплакалъ жалобно;

Больно стало доброй дѣвушкѣ.
— „Чѣмъ могу, скажи, помочь тебѣ?
„Я во всемъ тебѣ покорствую“.

„Вотъ что хочется мнѣ, Зоинька:
„Изъ темницы сына выручи,
„И сама въ жилище мрачное
„Сядь на мѣсто королевича;
„Пострадай ты за невиннаго;
„Поклонюсь тебѣ низехонько
„И скажу: спасибо, Зоинька!“

Зоинька тутъ призадумалась:
Это жестко ей казалося —
За спасибо въ темну яму сѣсть;
Но, имѣя чувства нѣжныя,
Зоя втайнѣ согласилася
На такое предложеніе.

Такъ, ты правъ, оракулъ Франціи,
Говоря, что жены слабыя,
Противъ стрѣлъ Эрота юнаго,
Всѣ имѣютъ душу добрую,
Сердце нѣжно-непритворное!

— „Но скажи, о царь возлюбленный!“
Зоя молвила покойнику:
„Какъ могу — ну, посуди ты самъ, —
„Пренестись въ темницу мрачную,
„Гдѣ горюетъ твой любезный сынъ?
„Пятьдесятъ отборныхъ воиновъ
„Днемъ и ночью стерегутъ его;
„Мнѣ ли, слабой, робкой женщинѣ,
„Обмануть ихъ очи зоркія?“

— „Будь спокойна, случай найдется;
„Поклянись лишь только, милая,

„Не отвергнуть сего случая,
„Если самъ тебѣ представится."

„Я клянусь!" сказала дѣвица.
Вмигъ исчезло привидѣніе,
Изъ окошка быстро вылетѣвъ.
Воздыхая тихо, Зоинька
Опустила тутъ окошечко
И, въ постелѣ успокоившись,
Скоро, скоро сномъ забылася...
. . . . . .

II.

Наполеонъ на Эльбѣ.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
Надъ мрачной Эльбою носилась тишина;
Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала
Туманная луна;
Уже на западѣ, сѣдой одѣтый мглою,
Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ;
Одинъ во тьмѣ ночной надъ дикою скалою
Сидѣлъ Наполеонъ.
Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы:
Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ
И, къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
Свирѣпо прошепталъ:
„Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
„Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
„Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
„Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой;
„Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
„О, скоро ли, напѣнясь подъ рулями,
„Меня помчитъ покорная волна,
„И спящихъ водъ прервется тишина?..
„Волнуйся, ночь, надъ эльбскими скалами,

„Мрачнѣе тьмись за тучами, луна!
„Тамъ ждутъ меня безстрашныя дружины;
„Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй,
„Ужь міръ лежитъ въ оковахъ предо мной!
„Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины,
„И гряну вновь погибельной грозой,
„И вспыхнетъ брань! За галльскими орлами
„Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полетитъ,
„Кровавый токъ въ долинахъ закипитъ,
„И троны въ прахъ низвергну я громами,
„И сокрушу Европы дивной щитъ!..
„Но вкругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
„Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
„Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
„Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой;
„Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
„О счастье! злобный обольститель!
„И ты, какъ сладкій сонъ, сокрылось отъ очей,
„Средь бурей тайный мой хранитель
„И вѣрный пестунъ съ юныхъ дней!
„Давно ль невидимой стезею
„Меня ко трону ты вело
„И скрыло дерзостной рукою
„Въ вѣнцахъ лавровое чело?
„Давно ли съ трепетомъ народы
„Несли мнѣ робко дань свободы,
„Знамена чести преклоня,
„Дымились громы вкругъ меня,
„И слава въ блескѣ надъ главою
„Неслась, прикрывъ меня крыломъ?..
„Но туча грозная нависла надъ Москвою,—
„И грянулъ мести громъ!..
„Полнощи царь младой, ты двигнулъ ополченья, —
„И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ.
„Отозвалось могущаго паденье:
„И миръ землѣ и радость небесамъ,
„А мнѣ — позоръ и заточенье!

„И раздробленъ мой звонкій щитъ,
„Не блещетъ шлемъ на полѣ браней,
„Въ прибрежномъ злакѣ мечъ забытъ
„И тускнетъ на туманѣ.
„И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей
„Напрасно чудится мнѣ смерти завыванье
„И стукъ блистающихъ мечей,
„И падшихъ ярое стенанье.
„Лишь плещущимъ волнамъ внимаетъ жадный слухъ;
„Умолкъ сраженій кликъ знакомый,
„Вражды кровавой гаснутъ громы,
„И факелъ мщенія потухъ.
„Но близокъ часъ, грядетъ минута роковая!
„Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
„Кругомъ простерта мгла густая
„И, взоромъ гибели сверкая,
„Блѣднѣющій Мятежъ на палубѣ сидитъ.
„Страшись, о Галлія! Европа, мщенье, мщенье!
„Рыдай! Твой бичъ возсталъ — и все падетъ во прахъ,
„Все сгибнетъ — и тогда, въ всеобщемъ разрушеньѣ,
„Царемъ возсяду на гробахъ!“

Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны тѣни,
И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны сѣни,
Дрожащій, слабый свѣтъ на западъ изливалъ;
Восточная звѣзда играла въ океанѣ,
И зрѣлася ладья, бѣгущая въ туманѣ
Подъ сводомъ эльбскихъ грозныхъ скалъ.
И Галлія тебя, о хищникъ, осѣнила!
Побѣгли съ трепетомъ законные цари...
Но зришь ли? Гаснетъ день, мгновенно тьма сокрыла [1]
Лицо пылающей зари;
Простерлась тишина надъ бездною сѣдою,
Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
Все смолкло... Трепещи: погибель надъ тобою
И жребій твой еще сокрытъ!

III.

Къ Дельвигу.

Послушай, музъ невинныхъ
Лукавый клеветникъ!
Въ тиши полей пустынныхъ,
Природы ученикъ,
Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою:
И я главой поникъ
Предъ милой суетою.
Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ музами сосваталъ.
Сначала я игралъ,
Шутя стихи маралъ,
А тамъ — переписалъ,
А тамъ — и напечаталъ!
И что же? Радъ, не радъ, —
Но вотъ, уже я братъ
Тому, сему, другому...
Что дѣлать? Виноватъ!

Измѣнникъ! Съ Аполлономъ
Ты, видно, заодно,
А мнѣ — прослыть Прадономъ
Отнынѣ суждено!
Вездѣ бѣды застану...
Увы мнѣ, метроману!
Куда сокроюсь я?
Измѣнники-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ,
И плодъ уединенья
Тисненью предаютъ, —
Бумагу убиваютъ!

Поэта окружаютъ
Съ улыбкой остряки:
„Признайтесь“, — намъ сказали,
„Вы пишете стишки?
„Увидѣть ихъ нельзя ли?
„Вы въ нихъ изображали,
„Конечно, ручейки,
„Конечно, василечекъ,
„Лѣсочекъ, вѣтерочекъ,
„Барашковъ и цвѣтки?..“

О Дельвигъ! Начертали
Мнѣ музы мой удѣлъ;
Но ты ль мои печали
Умножить захотѣлъ?
Межь лѣни и Морфея
Безпечный духъ лелѣя,
Еще хоть годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:
Я, право, нѣги сынъ!
А тамъ—хоть нѣтъ охоты,
Но придутъ ужь заботы
Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ Графовымъ восхищаться...
Помилуй, Аполлонъ!

IV.

Лицинію.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вѣнчанный [1] лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развалясь, Ветулій молодой

Въ толпу народную летитъ по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину
клонятъ;
Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонятъ! [2]
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ стремитъ усердный взглядъ;
Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья, [3]
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
И дѣти малыя, и старцы въ сѣдинахъ, —
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнный,
Есть нѣкій памятникъ почетный и священный.
О Ромуловъ народъ! Скажи: давно ль ты палъ?
Кто васъ поработилъ и властью оковалъ? [4]
Квириты гордые подъ иго преклонились;
Кому жь, о небеса, кому поработились?
Скажу ль? — Ветулію! Отчизны стыдъ моей,
Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ править,
На Римъ простеръ яремъ, отечество безславитъ;
Ветулій — римлянъ царь!.. О стыдъ, о времена! [5]
Или вселенная на гибель предана?

Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
„Куда ты, нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметъ?“
— „Куда? Не знаю самъ; давно молчу и вижу;
„Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу“. [6]
Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
Смиренно поклонясь Фортунѣ и мечтамъ,
Сѣдого циника примѣромъ научиться?
Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ про-
ститься,
Гдѣ все продажное: законы, правота,
И консулъ, и трибунъ, и честь, и красота? [7]
Пускай Глицерія, красавица младая,

Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
Неопытность другихъ въ наемну ловитъ сѣть! [8]
Намъ стыдно слабости, съ морщинами, имѣть;
Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій.
Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ Корнелій,
Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ домъ! [9]
Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
Въ деревню пренесемъ отеческіе лары!
Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
Найти нетрудно намъ укромный, свѣтлый домъ, [10]
Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,
Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья. [11]
И тамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ камелькѣ,
Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ сатирѣ праведной порокъ изображу [12]
И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.

О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья!
Предвижу грознаго величія конецъ:
Падетъ, падетъ во прахъ вселенныя вѣнецъ!
Народы юные, сыны свирѣпой брани,
Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани, [13]
И горы, и моря оставятъ за собой
И хлынутъ на тебя кипящею рѣкой.
Исчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокій;
И путникъ, устремивъ на груды камней око,
Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ: [14]
„Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ!“

V.

Старикъ.

(Изъ Марота).

Ужь я не тотъ любовникъ страстный,
Кому дивился прежде свѣтъ:
Моя весна и лѣто красно
Навѣкъ прошли, пропалъ и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младова!
Я твой служитель вѣрный былъ;
Ахъ, если бъ могъ родиться снова,
Ужь такъ ли бъ я тебѣ служилъ!

VI.

Вода и вино.

Люблю я въ полдень воспаленный
Прохладу черпать изъ ручья,
И въ рощѣ тихой, отдаленной
Смотрѣть, какъ плещетъ въ брегъ струя;
Когда жь вино въ края поскачетъ,
Напѣнясь въ чашѣ круговой,
Друзья, скажите — кто не плачетъ,
Заранѣ радуясь душой?

Да будетъ проклятъ дерзновенный,
Кто первый грѣшною рукой,
Нечестьемъ буйнымъ ослѣпленный,
О страхъ, смѣсилъ вино съ водой!
Да будетъ проклятъ родъ злодѣя!
Пускай не въ силахъ будетъ пить,
Или, стаканами владѣя,
Лафитъ съ цымлянскимъ различить!

VII.

Батюшкову.

Въ пещерахъ Геликона
Я нѣкогда рожденъ,
Во имя Аполлона
Тибулломъ окрещенъ,
И свѣтлой Иппокреной
Съ издѣтства напоенный,
Подъ кровомъ вешнихъ розъ,
Поэтомъ я возросъ.

Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полюбилъ,
Въ дни рѣзвости златые
Мнѣ дудку подарилъ;
Знакомясь съ нею, рано
Дудилъ я безпрестанно;
Нескладно хоть игралъ,
Но музамъ не скучалъ.

А ты, пѣвецъ забавы
И другъ пермесскихъ дѣвъ, —
Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,
Простясь съ Анакреономъ,
Спѣшилъ я за Марономъ
И пѣлъ, при звукахъ лиръ,
Войны кровавый пиръ.

Дано мнѣ мало Фебомъ:
Охота — скудный даръ;
Пою подъ чуждымъ небомъ,
Вдали домашнихъ ларъ,
И, съ дерзостнымъ Икаромъ
Страшась летать недаромъ,

Бреду своимъ путемъ:
„Будь всякій при своемъ.“

VIII.

Эпиграмма.

Бывало, прежнихъ лѣтъ герой,
Окончивъ славну брань съ противной стороной,
Повѣситъ мечъ войны средь отческія кущи;
А трагикъ нашъ Бурунъ, скончавъ чернильный бой,
Повѣсилъ уши.

IX.

Ив. Ив. Пущину.

Любезный именинникъ,
О Пущинъ дорогой!
Прибрелъ къ тебѣ пустынникъ
Съ открытою душой;
Съ пришельцемъ обнимися,
Но добраго пѣвца
Встрѣчать не суетися
Съ параднаго крыльца:
Онъ гость безъ этикета,
Не требуетъ привѣта
Лукавой суеты;
Прими жь его лобзанья
И чистыя желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостямъ пирушку:
На столикъ вощаной
Поставь пивную кружку
И кубокъ пуншевой.
Старинный собутыльникъ,
Забудемся на часъ!

Пускай ума свѣтильникъ
Погаснетъ нынѣ въ насъ,
Пускай старикъ крылатый
Летитъ на почтовыхъ!
Намъ дорогъ мигъ утраты
Въ забавахъ лишь однихъ.

Ты счастливъ, другъ сердечный!
Въ спокойствіи златомъ
Течетъ твой вѣкъ безпечный,
Проходитъ день за днемъ,
И ты въ бесѣдѣ граціи,
Не зная черныхъ бѣдъ,
Живешь, какъ жилъ Горацій,
Хотя и не поэтъ.
Подъ кровомъ небогатымъ
Ты вовсе не знакомъ
Съ зловѣщимъ Иппократомъ,
Съ нахмуреннымъ попомъ;
Не видишь у порогу
Толпящихся заботъ;
Нашли къ тебѣ дорогу
Веселость и Эротъ;
Ты любишь звонъ стакановъ
И трубки дымъ густой,
И демонъ метромановъ
Не властвуетъ тобой.
Ты счастливъ въ этой долѣ;
Скажи, чего же болѣ
Мнѣ другу пожелать?
Придется замолчать...

Дай Богъ, чтобъ я, съ друзьями
Встрѣчая сотый май,
Покрытый сѣдинами,
Сказалъ тебѣ стихами:
„Вотъ кубокъ, наливай!

„Веселье, будь до гроба
„Сопутникъ вѣрный нашъ,
„И пусть умремъ мы оба
„При стукѣ полныхъ чашъ!“

4 мая.

X.

А. И. Галичу.

Пускай угрюмый риѳмотворъ,
Повитый макомъ и крапивой,
Холодныхъ одъ творецъ ретивый,
На скучный ладъ сплетая вздоръ,
Зоветъ обѣдать генерала;
О Галичъ, вѣрный другъ бокала
И жирныхъ утреннихъ пировъ!
Тебя зову, мудрецъ лѣнивый,
Въ пріютъ поэзіи счастливой,
Подъ отдаленный нѣги кровъ!
Давно въ моемъ уединеньи,
Въ кругу бутылокъ и друзей,
Не зрѣли кружки мы твоей,
Подруги долгихъ наслажденій,
Остротъ и хохота гостей.
Въ тебѣ трудиться нѣтъ охоты:
Садись на тройку злыхъ коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети въ счастливый городокъ,
Зайди къ жиду Золотареву, [1]
Въ его всѣмъ общій уголокъ;
Мы тамъ, собравшися въ кружокъ,
Прольемъ вина струю багрову,
И съ громомъ двери на замокъ
Запретъ веселье молодое,
И хлынетъ пиво золотое,
И гордый на столѣ пирогъ

Друзей стѣсненными рядами,
Сверкая свѣтлыми ножами,
Съ тобою храбро осадимъ,
И мигомъ стѣны разгромимъ;
Когда жь, виномъ отягощенный,
Съ главой, въ колѣни преклоненной,
Захочешь въ мирѣ отдохнуть
И вдругъ, спускаясь на подушку,
Дабы спокойнѣе заснуть,
Уронишь налитую кружку
На старый бархатный диванъ, —
Тогда посланія, куплеты,
Баллады, басенки, сонеты
Покинутъ скромный нашъ карманъ, —
И крѣпокъ сонъ лѣнивца будетъ!..
Но рюмокъ звонъ тебя разбудитъ,
Ты вскочишь съ бодрой головой,
Оставишь смятую подушку,
Подымешь милую подружку, —
И въ кельѣ снова пиръ горой.

О Галичъ! Время невозвратно
И близокъ, близокъ грозный часъ,
Когда, послыша славы гласъ,
Покину кельи кровъ пріятный,
Татарскій сброшу свой халатъ.
Простите, дѣвственныя музы!
Прости, пріютъ младыхъ отрадъ!
Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я, питомецъ важныхъ музъ, —
Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!
О Галичъ, Галичъ, поспѣшай!
Тебя зовутъ и сонъ лѣнивый,
И другъ ни скромный, ни спѣсивый,
И кубокъ, полный черезъ край!

XI.

Мечтатель.

По небу крадется луна,
На холмѣ тьма сѣдѣетъ,
На воды пала тишина,
Съ долины вѣтеръ вѣетъ;
Молчитъ пѣвица вешнихъ дней
Въ пустынѣ темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тихъ полетъ полнощи.

И мирной нѣги уголокъ
Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминѣ гаснетъ огонекъ,
И свѣчка нагорѣла;
Стоитъ боговъ домашнихъ ликъ,
Въ кивотѣ небогатомъ,
И блѣдный теплится ночникъ
Предъ глинянымъ пенатомъ.

Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,
Я въ сладки думы погруженъ
На ложѣ одинокомъ;
Съ волшебной ночи темнотой,
При мѣсячномъ сіяньѣ,
Слетаютъ рѣзвою толпой
Крылатыя мечтанья.

И тихій, тихій льется гласъ,
Дрожатъ златыя струны:
Въ глухой, безмолвный мрака часъ
Поетъ мечтатель юный;
Исполненъ тайною тоской,
Мечтаньемъ вдохновенный,

Летаетъ рѣзвою рукой
По лирѣ оживленной.

Блаженъ, кто въ низкій свой шалашъ
Въ мольбахъ не проситъ счастья!
Ему Зевесъ — надежный стражъ
Отъ грознаго ненастья;
На макахъ лѣни, въ тихій часъ,
Онъ сладко засыпаетъ,
И бранныхъ трубъ ужасный гласъ
Его не пробуждаетъ.

Пускай, ударя въ звучный щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавый, —
Прелестна сердцу тишина:
Нейду, нейду за славой.

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ
И дни веду смиренно;
Дана мнѣ лира отъ боговъ, —
Поэту даръ безцѣнный;
И муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла
И, горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью

И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

О, будь мнѣ спутницей младой
До самыхъ вратъ могилы!
Летай съ мечтаньемъ надо мной,
Расправя легки крилы;
Гони ты мрачную печаль,
Плѣняй ты умъ обманомъ
И милой жизни свѣтлу даль
Кажи ты за туманомъ!

И тихъ мой будетъ поздній часъ,
И смерти добрый геній
Шепнетъ, у двери постучась:
„Пора въ жилище тѣней!..“
Такъ въ зимній вечеръ сладкій сонъ
Приходитъ въ мирны сѣни,
Вѣнчанный макомъ и склоненъ
На посохъ томной лѣни...

XII.

Посланіе къ А. И. Галичу.

Гдѣ ты, лѣнивецъ мой,
Любовникъ наслажденья?
Ужель уединенья
Не милъ тебѣ покой?
Ужели мнѣ съ тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать,
И больше не видать
Парнасскаго бродяги?
На Пиндѣ мой сосѣдъ, —
И ты отъ музъ укрылся;
Минутный домосѣдъ,

Съ пенатами простился.
Ужь темный уголокъ
И садикъ опустѣли,
Гдѣ мы подъ вечерокъ
За рюмками шумѣли,
Гдѣ Комъ насъ угощалъ
Форелью, пирогами,
И пѣнистый бокалъ
Намъ Бахусъ подавалъ.
Бѣгутъ за днями дни
Безъ дружескихъ собраній;
Веселыхъ пированій
Веселые сыны
Съ тобой разлучены,
И шумныя бесѣды,
И долгіе обѣды
Не столь оживлены.

Одинъ въ каморкѣ тѣсной,
Вечерней тишиной,
Хочу, мудрецъ любезный,
Бесѣдовать съ тобой.
Ужь темна ночь объемлетъ
Брега спокойныхъ водъ,
Мурлыча, въ кельѣ дремлетъ
Спѣсивый, старый котъ.
Покамѣстъ сонъ прелестный
Подъ сѣнью тихихъ крилъ
Въ обители безвѣстной
Меня не усыпилъ,
Морфея въ ожиданьѣ
Въ постелѣ я лежу,
И бѣглое посланье,
Безъ строгаго старанья,
Предателю пишу.

Далече той станицы,

Гдѣ Фебовы сестрицы
Мнѣ съ нѣгой вьютъ досугъ, —
Скажи, среди столицы
Чѣмъ занятъ ты, мой другъ?
Ужель пріютъ поэта
Теперь средь вихря свѣта,
Вдали родныхъ полей,
И ближнихъ, и друзей?
Ужель въ театрѣ шумномъ
Гдѣ дюжій Аполлонъ
Партеромъ полоумнымъ
Прославленъ, оглушенъ,
Измученный напѣвомъ
Безсмысленныхъ стиховъ,
Ты спишь подъ страшнымъ ревомъ
Актеровъ и смычковъ?
Или — мудрецъ придворный —
Съ улыбкою притворной
Предъ лентою цвѣтной
Поникнувъ головой,
Съ вертушкою слѣпой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столомъ
Въ куплетѣ заказномъ
Трусливо величаешь?..
Нѣтъ, добрый Галичъ мой!
Поклону ты не сроденъ;
Другъ мудрости прямой
Правдивъ и благороденъ:
Онъ любитъ тишину,
Судьбѣ своей послушный,
На барскую казну
Взираетъ равнодушно,
Рублямъ откупщика
Смѣясь веселымъ часомъ,
Не сниметъ колпака
Философъ предъ Мидасомъ.

Пускай не друженъ онъ
Съ Фортуною коварной,
Но Вакхомъ награжденъ
Философъ благодарный,
Когда сей богъ младой,
Вечернею порой,
Лафитъ и грогъ янтарный
Съ улыбкой на устахъ
Въ стеклѣ ему подноситъ
И каплю выпить проситъ.
Качаясь на ногахъ,
Мечтанье обнимая,
Любовь его ведетъ,
И Дружба молодая
Вѣнки ему плететъ.
И счастливъ онъ, признаться,
На дѣлѣ, не въ мечтахъ,
Когда минуты мчатся
Веселья на крылахъ,
Когда друзья-поэты
Съ утра до ночи съ нимъ
Шумятъ, поютъ куплеты,
Пьютъ мозель разогрѣтый,
Пріятелямъ своимъ
Посланія читаютъ,
И трубку разжигаютъ
Безриѳминымъ лихимъ!

Оставь же городъ скучный,
Съ друзьями съединись
И съ ними неразлучно
Въ пустынѣ оживись.
Бѣги, бѣги столицы,
О Галичъ мой, сюда!
Здѣсь, розовой денницы
Не видя никогда,
Лѣнясь подъ одѣяломъ,

Съ тибурскимъ мудрецомъ
Мы часто за бокаломъ
Проснемся — и заснемъ.
Смотри, тебѣ въ награду
Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
Несетъ свою балладу,
И стансы винограду,
И къ лиліи куплетъ, —
И полонъ становится
Твой малый, тѣсный домъ;
Вотъ, съ милымъ острякомъ
Нашъ пѣсельникъ тащится
По лѣстницѣ съ гудкомъ, —
И всѣ къ тебѣ нагрянемъ
И снова каждый день
Стихами, прозой станемъ
Мы гнать печали тѣнь.
Подруги молодыя
Насъ будутъ посѣщать:
Намъ жизни дни златые
Не страшно расточать.
Подѣлимся съ забавой
Мы вѣкомъ остальнымъ,
Съ волшебницею-славой
И съ Вакхомъ молодымъ.

XIII.

Посланіе къ Юдину.

Ты хочешь, милый другъ, узнать
Мои мечты, желанья, цѣли
И тихій гласъ простой свирѣли
Съ улыбкой дружества внимать; —
Но можно-ль рѣзвому поэту,

Невольнику мечты младой,
Въ картинѣ быстрой и живой
Изобразить въ порядкѣ свѣту
Все то, что въ юности златой
Воображеніе мнѣ кажетъ?

Теперь, когда въ покоѣ лѣнь,
Укрывъ меня въ пустынну сѣнь,
Своею цѣпью чувства вяжетъ,
И вѣкъ мой тихъ, какъ ясный день,
Пустого нѣги украшенья
Не видя въ хижинѣ моей,
Смотрю съ улыбкой сожалѣнья
На пышность бѣдныхъ богачей
И, счастливый самимъ собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю завтра, ни вчера,
Доволенъ скромною судьбою,
И думаю: „Къ чему пѣвцамъ
„Алмазы, яхонты, топазы,
„Порфирныя пустыя вазы,
„Драгія куклы по угламъ?
„Къ чему имъ сукна Альбіона
„И пышные чехлы Ліона
„На модныхъ креслахъ и столахъ?
„Какая нужда въ зеркалахъ
„И ложе шалевое въ спальной?
„Не лучше-ли въ деревнѣ дальной
„Или въ смиренномъ городкѣ,
„Вдали столицъ, заботъ и грома,
„Укрыться въ мирномъ уголкѣ,
„Съ которымъ роскошь незнакома,
„Гдѣ можно въ праздникъ отдохнуть?“
О, если-бы когда нибудь
Сбылись поэта сновидѣнья!
Ужель отрадъ уединенья
Ему вкусить не суждено?

Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
Съ заборами — въ рѣкѣ волнистой —
Съ мостомъ и рощею тѣнистой
Зерцаломъ водъ отражено. [1]
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ клёновъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ.
Туда зарею поспѣшаю
Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ,
Въ лугахъ тропинку извиваю,
Тюльпанъ и розу поливаю,
И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!
Вотъ здѣсь, подъ дубомъ наклоненнымъ,
Съ Гораціемъ и Лафонтеномъ
Въ пріятныхъ погруженъ мечтахъ;
Вблизи ручей шумитъ и скачетъ,
И мчится въ влажныхъ берегахъ,
И свѣтлый токъ съ досадой прячетъ
Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ.

Но вотъ ужь полдень. Въ свѣтлой залѣ
Весельемъ круглый столъ накрытъ;
Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ;
Дымятся щи; вино въ бокалѣ;
И щука въ скатерти лежитъ.
Сосѣди шумною толпою
Взошли, прервали тишину;
Садятся; чашъ внимаемъ звону;
Всѣ хвалятъ Вакха и Помону
И съ ними красную весну.

Вотъ кабинетъ уединенный,

Гдѣ я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивыхъ красотъ,
Вдали нахмуренныхъ заботъ
И той волшебницы лукавой,
Которая весь міръ вертитъ,
Въ трубу немолчную гремитъ,
И — помнится — зовется славой,
Живу съ природной простотой,
Съ философической забавой
И съ музой рѣзвой и младой...
Вотъ мой каминъ. Подъ вечеръ темный,
Осенней бурною порой,
Люблю подъ сѣнію укромной
Предъ нимъ задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать, [2]
Или въ минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потомъ свои творенья.
Вотъ здѣсь... Но быстро привидѣнья, [3]
Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ, —
Мечты находятъ, исчезаютъ,
Какъ тѣнь на утренней зарѣ.

Межь тѣмъ какъ въ кельѣ молчаливой,
Во плѣнъ отдался я мечтамъ,
Рукой безпечной и лѣнивой
Разбросивъ риѳмы здѣсь и тамъ,
Я слышу топотъ, слышу ржанье:
Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментика сіяньѣ
Гусаръ промчался подъ окномъ...
И гдѣ вы, мирныя картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльяхъ я мечты:
Огни во станѣ догораютъ;

Межь нихъ, окутанный плащемъ,
Съ сѣдымъ, усатымъ казакомъ
Лежу, — вдали штыки сверкаютъ,
Лихіе ржутъ, бразды кусаютъ,
Да изрѣдка грохочетъ громъ,
Летя съ высокаго раската...
Трепещетъ бранью грудь моя,
При блескѣ браннаго булата
Огнемъ пылаетъ взоръ, и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь въ ряды враговъ орломъ
Несется съ грознымъ сѣдокомъ,
Съ размаха сыплются удары...
О вы, отеческіе лары,
Спасите юношу въ бояхъ
Тамъ свищетъ саблей онъ зубчатой,
Тамъ киверъ зыблется пернатый;
Съ черкесской буркой на плечахъ
И молча преклонясь ко гривѣ,
Онъ мчитъ стрѣлой по скользкой нивѣ
Съ цыгарой дымною въ зубахъ...

Но лаврами побѣдъ увиты
Бойцы изъ чаши мира пьютъ;
Военной славою забытый,
Спѣшу въ смиренный мой пріютъ:
Нашедъ на полѣ битвъ и чести
Одни болѣзни, костыли,
Навѣкъ оставилъ саблю мести...
Ужь вижу въ сумрачной дали
Мой тѣсный домикъ, рощи темны,
Калитку, садикъ, ближній прудъ, —
И снова я, философъ скромный,
Укрылся въ милый мнѣ пріютъ,
И міръ забывъ, и имъ забвенный,
Покой души вкушаю вновь.

Скажи, о сердцу другъ безцѣнный:
Мечта-ль и дружба, и любовь?
Доселѣ въ рѣзвости безпечной
Брели по розамъ дни мои;
Въ невинной ясности сердечной
Не зналъ мученій я любви.
Но быстро день за днемъ умчался, —
Гдѣ-жь дѣтства ранніе слѣды?
Прелестный возрастъ миновался,
Увяли первые цвѣты!
Ужь сердце въ радости не бьется
При миломъ видѣ мотылька,
Что въ воздухѣ кружитъ и вьется
Съ дыханьемъ тихимъ вѣтерка, —
И въ безпокойствѣ непонятномъ
Пылаю, тлѣю, кровь горитъ,
И все языкомъ, сердцу внятнымъ,
О нѣжной страсти говоритъ.
Подруга возраста златаго,
Подруга красныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Тебя-ли вижу, взоровъ свѣтъ,
Другъ сердца, милая Мертваго?
Вездѣ со мною образъ твой,
Вездѣ со мною призракъ милый,
Во тьмѣ полуночи унылой,
Въ часы денницы золотой.
То на концѣ аллеи темной
Вечерней, тихою порой,
Одну, въ задумчивости томной,
Тебя я вижу предъ собой,
Твой шалью станъ непокровенный,
Твой взоръ, на груди потупленный,
Въ щекахъ любви стыдливый цвѣтъ...
Все тихо, брежжетъ лунный свѣтъ;
Нахмурясь, тополь шевелится;
Ужъ сумракъ тусклой пеленой
На холмы дальніе ложится,

И завѣсъ рощицы струится
Надъ тихо спящею волной,
Осеребренною луной.
Одна ты въ рощицѣ со мною,
На костыли мои склонясь,
Стоишь подъ ивою густою,
И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвясь,
На снѣжну грудь прохладой дуетъ,
Играетъ локономъ власовъ
И ногу стройную рисуетъ
Сквозь бѣлоснѣжный твой покровъ...
То часомъ полночи глубокимъ
Предъ теремомъ твоимъ высокимъ .
Угрюмой зимнею порой
Я жду красавицу драгую;
Готовы сани; мракъ густой;
Все спитъ, одинъ лишь я тоскую,
Зову часовъ лѣнивый бой...
И шорохъ чудится глухой,
И вотъ, ужь шопотъ слышу сладкій;
Съ крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша, идетъ украдкой,
И дѣва друга обняла.
Помчались кони, вдаль пустились,
По вѣтру гривы распустились,
Несутся въ снѣжной глубинѣ;
Прижалась робко ты ко мнѣ,
Чуть-чуть дыша; мы обомлѣли,
Въ восторгахъ чувства онѣмѣли...
Но что! Мечтанья отлетѣли!
Увы! Я счастливъ былъ во снѣ...

Въ отрадной музамъ тишинѣ
Простыми звуками свирѣли,
Мой другъ, я для тебя воспѣлъ
Мечту, младыхъ пѣвцовъ удѣлъ;
Питомецъ музъ и вдохновенья,

Стремясь фантазіи вослѣдъ,
Находитъ въ сердцѣ наслажденья
И на пути грозящихъ бѣдъ.
Минуты счастья золотыя
Пускай мнѣ Клоѳо не совьетъ:
Въ мечтахъ всѣ радости земныя!
Судьбы всемощнѣе поэтъ.

XIV.

Князю А. М. Горчакову.

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ,
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможѣ знатному съ поклономъ
Подноситъ оду въ двѣсти строфъ;
Но я, любезный Горчаковъ,
Не просыпаюсь съ пѣтухами
И напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ,
Я пѣть пустого не умѣю
Высоко, тонко и хитро,
И въ лиру превращать не смѣю
Мое гусиное перо.
Нѣтъ, нѣтъ, любезный князь, — не оду
Тебѣ намѣренъ посвятить;
Что прибыли соваться въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслѣдъ Державину парить?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой-какъ стихи на именины!

Что долженъ я, скажи, въ сей часъ
Желать отъ чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Дѣтей, любезную супругу,
Или богатства, громкихъ дней,

Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлеченъ былъ въ путь кровавый,
Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ,
И чтобъ побѣда за тобою,
Какъ древле Невскому герою,
Всегда, вездѣ летала вслѣдъ?
Не сладострастія поэтъ
Такою пѣсенкой поздравитъ:
Онъ лучше музъ навѣкъ оставитъ...
Дай богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ
Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура
Провелъ межь Вакха и Амура!
А тамъ, когда стигійскій брегъ
Мелькнетъ въ туманномъ отдаленьѣ,
Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоеньѣ
Ты, съ томной сладостью въ очахъ,
Изъ рукъ младого Купидона
Вступая въ мрачный челнъ Харона,
Уснулъ... Елены на грудяхъ!

30 августа.

XV.

Моему Аристарху.

Помилуй, трезвый Аристархъ
Моихъ бакхическихъ посланій!
Не осуждай моихъ мечтаній
И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ!
Плоды веселаго досуга
Не для безсмертья рождены,
Но развѣ такъ сбережены, —
Для самого себя, для друга,
Да для Темиры молодой. [1]
Помилуй, сжалься надо мной!

Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой:
Я знаю самъ свои пороки; [2]
Конечно, бѣденъ геній мой:
За риѳмой часто холостой,
На зло законамъ сочетанья,
Бѣгутъ трехстопные толпой
На *аю, аетъ* и на *ой.*
Еще немногія признанья:
Я ставлю (кто же безъ грѣха?)
Для мѣры часто восклицанья,
Для смысла — лишнихъ три стиха; [3]
Не хорошо!.. Но оправданья
Позволь мнѣ скромно принести: [4]
Мои летучія посланья
Въ потомствѣ будутъ ли цвѣсти?
Не думай, цензоръ мой угрюмый,
Что я бѣснуюсь по ночамъ,
Объятый стихотворной думой,
Что лѣнью жертвую стихамъ,
Что, засвѣтивъ свою лампаду, [5]
Едва дыша, нахмуря взоръ,
За вѣрный столъ, [6] крехтя, засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу — трехстопный вздоръ...
Такъ пишетъ (молвить не въ укоръ)
Конюшій дряхлаго Пегаса
Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ,
Служитель старенькій Парнаса, [7]
Родитель старенькихъ стиховъ,
И одъ не слишкомъ громозвучныхъ,
И сказочекъ довольно скучныхъ...

Люблю я праздность и покой,
И мнѣ досугъ совсѣмъ не бремя;
И днемъ найду себѣ я время, [8]
Когда нечаянной порой

Стихи кропать найдетъ охота
На славу дружбы иль Эрота: [9]
Сижу ли съ добрыми друзьями
Лежу ль въ постелѣ пуховой,
Брожу ль надъ тихими водами
Въ дубравѣ темной и глухой,
Задумаюсь, взмахну руками,
На риѳмахъ вдругъ заговорю,
И никого ужь не морю
Моими тайными стихами.
Но если я когда-нибудь, [10]
Желая въ нѣгѣ отдохнуть,
Расположусь передъ каминомъ
Одинъ, свободнымъ господиномъ,
Поймаю прежню мысль мою,
То не для имени поэта
Мараю два иль три куплета,
И ихъ въ полголоса пою.

Но знаешь ли, о мой гонитель,
Какъ я бесѣдую съ тобой?
Безпечный Пинда посѣтитель,
Я съ музой нѣжусь молодой...
Ужь утра яркое свѣтило
Поля и рощи озарило;
Давно пропѣли пѣтухи!
Въ полглаза дремля и зѣвая,
Шапеля въ пѣсняхъ призывая,
Пишу короткіе стихи
Среди пріятнаго забвенья,
Склонясь въ подушку головой —
И въ простотѣ, безъ украшенья, [11]
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.
Подъ сѣнью лѣни неизвѣстной
Такъ нѣжился пѣвецъ прелестный,
Когда Веръ-Вера воспѣвалъ

Или съ улыбкой рисовалъ,
Въ непринужденномъ упоеньѣ,
Уединенный свой чердакъ.
Въ такомъ лѣнивомъ положеньѣ
Стихи текутъ и такъ и сякъ.
Возможно ли въ свое творенье,
Унявъ веселыхъ мыслей шумъ,
Тогда вперять холодный умъ,
Отдѣлкой портить небылицы,
Плоды бродящихъ, рѣзвыхъ думъ,
И сокращать свои страницы?

Нашъ другъ Лафаръ, Шольё, Парни, [12]
Враги труда, заботъ, печали,
Не такъ, бывало, въ прежни дни
Своихъ любовницъ воспѣвали.
О вы, любезные пѣвцы,
Сыны безпечности лѣнивой!
Давно вамъ отданы вѣнцы [13]
Отъ музы праздности счастливой;
Но не блестящіе дары
Поэзіи трудолюбивой, —
На верхъ Өессальскія горы
Вели васъ тайные извивы;
Веселыхъ граціи перстъ игривый [14]
Младыя лиры оживлялъ,
И ваши чела обвивалъ
Дѣтей пафоскихъ рой шумливый; [15]
И я, неопытный поэтъ,
Небрежный вашихъ риѳмъ наслѣдникъ,
За вами крадуся вослѣдъ...
А ты, мой скучный проповѣдникъ,
Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ; [16]
Поди, — кричи, брани другого,
И брось лѣнивца молодого,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

XVI.

Разсудокъ и любовь.

Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
„Постой“, кричалъ, „прелестная, постой!
„Скажи: люблю — и бѣгать за тобой
„Не стану я, клянуся въ томъ Кипридой.“
— „Молчи, молчи!“ Разсудокъ говорилъ,
А плутъ Эротъ: „Скажи: ты сердцу милъ.“

„Ты сердцу милъ!“ пастушка повторила,
И ихъ сердца огнемъ любви зажглись,
И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ,
И страстный взоръ Дорида потупила...
— „Бѣги, бѣги!“ Разсудокъ ей твердилъ,
А плутъ Эротъ: „Останься!“ говорилъ.

Осталася, и трепетной рукою
Взялъ руку ей счастливый пастушокъ;
„Взгляни“, сказалъ, — „съ подругой голубокъ
„Тамъ обнялись подъ тѣнью липъ густою“!
— „Бѣги, бѣги!“ Разсудокъ повторилъ;
„Учись отъ нихъ!“ Эротъ ей говорилъ.

И нѣжная улыбка пробѣжала
Красавицы на пламенныхъ устахъ,
И вотъ, она съ томленіемъ въ глазахъ
Къ любезному въ объятія упала...
„Будь счастлива!“ Эротъ ей прошепталъ;
Разсудокъ что жь? Разсудокъ ужь молчалъ.

XVII.

Гробъ Анакреона.

Все въ таинственномъ молчаньѣ;
Холмъ одѣлся темнотой;
Ходитъ въ облачномъ сіяньѣ
Полумѣсяцъ молодой. [1]
Вижу: лира надъ могилой
Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
Лишь порою звонъ унылый,
Будто лѣни голосъ милый,
Въ мертвой слышится струнѣ.
Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
Други, здѣсь почіетъ въ мирѣ
Сладострастія мудрецъ.
Посмотрите: на порфирѣ
Оживилъ его рѣзецъ!
Здѣсь онъ въ зеркало глядится, [2]
Говоря: „Я сѣдъ и старъ;
„Жизнью дайте жь насладиться;
„Жизнь, увы, не вѣчный даръ!“
Здѣсь, поднявъ на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочетъ пѣть онъ бога брани,
Но поетъ одну любовь.
Здѣсь готовится природѣ
Долгъ послѣдній заплатить:
Старецъ пляшетъ въ хороводѣ, [3]
Жажду проситъ утолить.
Вкругъ любовника сѣдого [4]
Дѣвы скачутъ и поютъ;
Онъ у времени скупого
Крадетъ нѣсколько минутъ.
Вотъ и музы, и хариты

Въ гробъ любимца увели;
Плющемъ, розами увиты,
Игры вслѣдъ за нимъ пошли... [5]
Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви. [6]
Смертный! Вѣкъ твой — привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубокъ наливай,
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

XVIII.

Мое завѣщаніе друзьямъ.

Хочу я завтра умереть
И въ міръ волшебный наслажденья,
На тихій берегъ водъ забвенья,
Веселой тѣнью полетѣть.
Прости навѣкъ, очарованье
Безпечной жизни и любви!
Приближьтесь, о друзья мои!
Благоговѣнье и вниманье!

Устройте завтра шумный ходъ,
Несите радостныя чаши
На темный берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши. [1]
Зовите на послѣдній пиръ
Семелы радостнаго сына, [2]
Эрота, друга нашихъ лиръ,
Боговъ и смертныхъ властелина;
Пускай Веселье прибѣжитъ,
Махая рѣзвою гремушкой,
И насъ отъ сердца разсмѣшитъ
За полной, пѣнистою кружкой;

Пускай игривою толпой
Слетятъ родныя наши музы;
Имъ первый кубокъ круговой:
Друзья, священны намъ ихъ узы!
До ранней утренней звѣзды,
До тихаго лучей разсвѣта,
Не выйдутъ изъ руки поэта
Фіалы братской череды.
Въ послѣдній разъ мою цѣвницу,
Мечтаній сладостныхъ пѣвицу,
Прижму къ восторженной груди, —
И брякнутъ перстни золотые
Въ завѣтъ любви въ послѣдній разъ.
Гдѣ вы, подруги молодыя?
Летите — дорогъ смерти часъ! [3]
Въ послѣдній разъ, томимый нѣжно,
Забуду вѣчность и друзей, [4]
Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
Упьюсь отрадой юныхъ дней!

Когда жь востокъ озолотится
Во тьмѣ денницей молодой,
И бѣлый тополь озарится,
Покрытый утренней росой, —
Подайте гроздъ Анакреона:
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона...
Простите, милые друзья!
Подайте руку, до свиданья,
И. дайте, дайте обѣщанье
Когда навѣкъ укроюсь я,
Мое исполнить завѣщанье.
Приди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Вакха и Темиру!
Тебѣ дарю я лѣнь и лиру:
Да будутъ музы надъ тобой!..

Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пущинъ, вѣтреный мудрецъ!
Прими съ моей глубокой чашей
Увядшій миртовый вѣнецъ. [5]
Друзья! вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней,
Окованныхъ счастливой лѣнью [6]
На ложѣ маковъ и лилей,
Мои стихи дарю забвенью,
Послѣдній вздохъ, о други, — ей!..

На тихій праздникъ погребенья
Я васъ обязанъ пригласить.
Веселость, другъ уединенья,
Билеты будетъ разносить.
Стекитесь рѣзвою толпою,
Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою,
И пусть на гробѣ, [7] гдѣ пѣвецъ
Исчезнетъ въ рощахъ Геликона,
Напишетъ бѣглый вашъ рѣзецъ:
„Здѣсь дремлетъ юноша-мудрецъ, [8]
„Питомецъ нѣгъ и Аполлона.“

XIX.

Моя эпитафія.

Здѣсь Пушкинъ погребенъ. Онъ съ музой молодою,
Съ любовью, лѣностью провелъ веселый вѣкъ,
Не дѣлалъ добраго, — однакожь былъ душою,
Ей Богу, добрый человѣкъ.

XX.

Погребъ.

О, сжальтесь надо мною
Товарищи, друзья!
Красоткой удалою
Въ конецъ измученъ я!

Всечасно я тоскую:
Горька моя судьба!
Несите жь круговую,
Откройте погреба.

Тамъ, тамъ во льду хранится
Бутылокъ гордый строй,
И портера таится
Боченокъ выписной.

Намъ Либеръ,[1] заикаясь,
Къ нему покажетъ путь;
Пойдемте всѣ, шатаясь,
Подъ бочками заснуть:

Въ нихъ сердца утѣшенье,
Награда для пѣвцовъ,
И мукъ любви забвенье,
И жаръ моихъ стиховъ.

XXI.

Воспоминаніе.

(Къ И. И. Пущину).

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ,
Мы топили горе наше
Въ чистомъ, пѣнистомъ винѣ?

Какъ, укрывшись молчаливо
Въ нашемъ темномъ уголкѣ,
Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво,
Школьной стражи вдалекѣ?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
Рюмокъ грозное молчанье,
Пламя трубокъ грошевыхъ?

Закипѣвъ, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли!..
Вдругъ педанта гласъ ужасный
Намъ послышался вдали, —

И бутылки вмигъ разбиты,
И бокалы всѣ въ окно,
Всюду по полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.

Убѣгаемъ торопливо...
Вмигъ исчезъ минутный страхъ!
Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривый,
Умъ и сердце на устахъ,

Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижный, тусклый взоръ —
Измѣняли чадъ похмѣлья,
Сладкій Вакха заговоръ!

О, друзья мои сердечны!
Вамъ клянуся, за столомъ
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Поминать его виномъ!

XXII.

Слеза.

Вчера за чашей пуншевою
Съ гусаромъ я сидѣлъ,
И молча, съ мрачною душою, [1]
На дальній путь глядѣлъ.

„Скажи, что смотришь на дорогу?“
Гусаръ мой вопросилъ: [2]
„Еще по ней ты, слава Богу,
„Друзей не проводилъ“. [3]

Къ груди поникнувъ головою,
Я скоро прошепталъ:
„Гусаръ, ужь нѣтъ ея со мною!..“
Вздохнулъ и замолчалъ. [4]

Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокалъ.
„Дитя! Ты плачешь о дѣвицѣ;
„Стыдись!“ — онъ закричалъ. [5]

„Оставь, гусаръ! Охъ, сердцу больно!..
„Ты, знать, не горевалъ! [6]
„Увы! одной слезы довольно,
„Чтобъ отравить бокалъ!“

XXIII.

Къ живописцу.

Дитя харитъ и вдохновенья, [1]
Въ порывѣ пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши:

Красу невинности прелестной
Надежды милыя черты,
Улыбку радости небесной [2]
И взоры самой красоты;

Вкругъ тонкаго Гебеи стана
Венеринъ поясъ повяжи;
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтобъ и подъ нимъ она дышала,
Хотѣла тайно бы вздохнуть;

Представь мечту любви стыдливой —
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя напишу.

XXIV.

Роза.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
„Такъ вянетъ младость!“
Не говори:
„Вотъ жизни радость!“
Цвѣтку скажи: [1]
„Прости, жалѣю!“
И на лилею
Намъ укажи.

XXV.

Сраженный Рыцарь.

Послѣднимъ сіяньемъ за рощей горя, [1]
Вечерняя тихо потухла заря;
Темнѣетъ долина глухая. [2]
Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка,
Лѣнивой грядою идутъ облака
И съ ними луна золотая.

Недвижныя латы [3] на холмѣ лежатъ,
Въ стальной рукавицѣ забвенный булатъ, [4]
И щитъ подъ шеломомъ заржавымъ;
Вонзилися шпоры въ увлаженный мохъ,
Копье раздробленно, — и мѣсяца рогъ
Покрылъ ихъ сіяньемъ кровавымъ. [5]

Вкругъ холма обходитъ другъ сильнаго, конь:
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь,
Онъ бранную голову клонитъ,
Безпечнымъ копытомъ бьетъ камень долинъ,
И смотритъ на латы конь вѣрный одинъ,
И дико трепещетъ, и стонетъ.

Во тьмѣ заблудившись, пришелецъ идетъ:
Невольную робость [6] онъ въ сердцѣ несетъ,
Склонясь надъ дорожной клюкою,
Заботливо смотритъ въ невѣрную даль,
Приблизился къ латамъ — и звонкую сталь [7]
Толкаетъ усталой ногою.

Хладѣетъ пришелецъ: кольчуги звучатъ,
Погибшаго грозно въ нихъ кости стучатъ,
По камнямъ шеломъ покатился:
Скрывался въ немъ черепъ... При звукѣ глухомъ
Заржалъ конь ретивый, — скокъ лѣтомъ на холмъ,
Взглянулъ... и главою склонился.

Ужь путникъ далече въ тьмѣ бродитъ ночной;
Все мнится, что кости хрустятъ подъ ногой;
Но утро денница выводитъ, —
Сраженный во брани на холмѣ лежитъ,
И латы недвижны, и шлемъ не стучитъ,
И конь вкругъ погибшаго ходитъ.

XXVI.

На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось! Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще, впреди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости вѣнчанный исполинъ
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою, —
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ.
Содрогся счастья сынъ, и брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою.
Бѣжитъ... и мести громъ слетѣлъ ему вослѣдъ;
И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей, и гордыя сердца

Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца
И смертью роковой горѣли и дрожали,
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали;
„Къ мечамъ!“ раздался кликъ, — и вихремъ понеслись;
Знамена, восшумѣвъ, по вѣтру развились;
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку.
Сразились. Воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!..
А я, вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
Я тихо разцвѣталъ, безпечный, безмятежный!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный предѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ!
Сыны Бородина, о кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ;
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился,
И челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
„Ужель свободны мы?.. Ужели грозный палъ?..
„Кто смѣлый? Кто въ громахъ на сѣверѣ возсталъ?..“
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!..

И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:

Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины;
Старикъ счастливый, вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о русскій царь! Оставь же шлемъ стальной,
И грозный мечъ войны, и щитъ — ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу,
И, брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!
И придутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окриленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ,
И юные сыны воинственныхъ славянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся,
И молча нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ, — и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальный боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ. въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

XXVII.

Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ.

Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать било!
И я считалъ когда-то восемь лѣтъ;
Они прошли... Въ судьбѣ своей унылой,
Богъ знаетъ какъ, я нынѣ сталъ поэтъ.
Не возвратить уже того, что было;
Уже я старъ, мнѣ незнакома ложь;
Такъ вѣрьте мнѣ — мы спасены лишь вѣрой —
Послушайте, Амуръ, какъ вы хорошъ;
Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ:
Въ мои лѣта вы будете Венерой.

Но если только буду живъ,
Всевышней благостью Зевеса,
И столько же краснорѣчивъ, —
Я напишу вамъ, баронесса,
Въ латинскомъ вкусѣ мадригалъ
Чудесный, вовсе безъ искусства, —
Немного истинныхъ похвалъ,
Немного истиннаго чувства.
Скажу я: „Ради вашихъ глазъ,
„О баронесса! Ради баловъ,
„Когда мы всѣ глядимъ на васъ,
„Взгляните на меня хоть разъ
„Въ награду прежнихъ мадригаловъ!“
Когда жь Амуръ и Гименей
Въ прелестной Маріи моей
Поздравятъ молодую даму, —
Удастся ль мнѣ, подъ старость дней,
Вамъ посвятить эпиталаму?

22 декабря.

XXVIII.

Вишня.

Румяной зарею
Покрылся востокъ,
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ.

Росой окропились
Цвѣты на поляхъ,
Стада пробудились
На мягкихъ лугахъ.

Туманы сѣдые
Плывутъ къ облакамъ,
Пастушки младыя
Спѣшатъ къ пастухамъ.

Съ журчаньемъ стремится
Источникъ межь горъ,
Вдали золотится
Во тьмѣ синій боръ.

Пастушка младая
На рынокъ спѣшитъ
И вдаль, припѣвая,
Прилежно глядитъ.

Румянецъ играетъ
На полныхъ щекахъ,
Невинность блистаетъ
На робкихъ глазахъ.

Искусной рукою
Коса убрана,

И ножка собою
Прельщать создана.

Корсетомъ прикрыта
Вся прелесть грудей,
Подъ фартукомъ скрыта
Приманка людей.

Пастушка приходитъ
Въ вишенникъ густой,
И много находитъ
Плодовъ предъ собой.

Хоть видъ ихъ прекрасенъ,
Красотку манитъ,
Но путь къ нимъ опасенъ —
Бѣдняжку страшитъ.

Подумавъ, рѣшилась
Сихъ вишенъ поѣсть,
За вѣтвь ухватилась
На дерево взлѣзть.

Уже достигаетъ
Награды своей
И робко ступаетъ
Ногой межь вѣтвей.

Бери плодъ рукою —
И вишня твоя...
Но, ахъ! что съ тобою,
Пастушка моя?

Вдали усмотрѣла, —
Спѣшитъ пастушокъ,
Нога ослабѣла,
Скользитъ башмачокъ.

И вѣтвь затрещала,
Бѣда! смерть грозитъ!
Пастушка упала,
Но ахъ, какой видъ!

Сучекъ преломленный
За платье задѣлъ;
Пастухъ удивленный
Всю прелесть узрѣлъ...

XXIX.

Отъ всенощной, вечоръ, идя домой,
Антипьевна съ Марѳушкою бранилась;
Антипьевна отмѣнно горячилась:
„Постой!“ кричитъ, — „управлюсь я съ тобой!
„Ты думаешь, что я забыла
„Ту ночь, когда, забравшись въ уголокъ,
„Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила?
„Постой! о всемъ узнаетъ муженекъ!“
— „Тебѣ ль грозить?“ Марѳушка отвѣчаетъ:
„Ванюша — что? вѣдь онъ еще дитя!
„А сватъ Трофимъ, который у тебя
„И день, и ночь? Весь городъ это знаетъ!
„Молчи жь, кума: и ты, какъ я, грѣшна;
„Словами жь всякаго, пожалуй, разобидишь;
„Въ чужой . . . . . соломенку ты видишь,
„А у себя не видишь и бревна!“

1816.

Фавнъ и пастушка.

Картины.

I. Пастушка.

Съ пятнадцатой весною,
Какъ лилія съ зарею,
Красавица цвѣтетъ;
Все въ ней очарованье:
И томное дыханье,
И взоровъ томный свѣтъ,
И груди трепетанье,
И розы нѣжный цвѣтъ.
Все юность измѣняетъ!
Ужь Лилу не плѣняетъ
Веселый хороводъ;
Одна у сонныхъ водъ,
Въ лѣсахъ она таится,
Вздыхаетъ и томится,
И съ нею тамъ Эротъ.
Когда же, ночью темной,
Ее въ постелѣ скромной
Застанетъ тихій сонъ,
Въ полуночномъ молчаньѣ,
При мѣсячномъ сіяньѣ,
Слетаетъ Купидонъ
Съ волшебною мечтою,

И тихою тоскою
Исполнитъ сердце онъ —
И Лила въ сновидѣньѣ
Вкушаетъ наслажденье
И шепчетъ: „О, Филонъ!“

II. Пещера.

Кто тамъ, въ пещерѣ темной
Вечернею порой,
Окованъ лѣнью томной
Покоится съ тобой?
Итакъ, ужь ты вкусила
Всѣ радости любви;
Ты чувствуешь, о Лила,
Волненіе въ крови,
И съ трепетнымъ смятеньемъ,
Съ пылающимъ лицомъ,
Ты дышешь упоеньемъ
Амура подъ крыломъ.
О, жертва страсти нѣжной,
Въ безмолвіи гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари!
Для васъ потокъ игривый
Угрюмой тьмой одѣтъ,
И мѣсяцъ молчаливый
Туманный свѣтъ лiетъ;
Здѣсь розы наклонились
Надъ вами въ темный кровъ,
И вѣтры притаились,
Гдѣ царствуетъ любовь...

III. Фавнъ.

Но кто тамъ, близь пещеры,
Въ густой травѣ лежитъ?
На жертвенникъ Венеры
Съ досадой онъ глядитъ;

Нагнулась межь цвѣтами
Косматая нога;
Надъ грустными очами
Нависли два рога.
То Фавнъ, угрюмый житель
Лѣсовъ и горъ крутыхъ,
Докучливый гонитель
Пастушекъ молодыхъ.
Любимца Купидона, —
Прекраснаго Филона
Давно соперникъ онъ...
Въ пріютѣ сладострастья
Онъ слышитъ вздохи счастья
И нѣги томный стонъ.
Въ безмолвіи несчастный
Страданья чашу пьетъ,
И въ ревности напрасной
Горючи слезы льетъ.
Но вотъ, ночей царица
Скатилась за лѣса,
И тихая денница
Румянитъ небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавнъ въ дремучій боръ
Бѣжитъ сокрыть печали
Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

IV. Рѣка.

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
„О, скоро ль, мракъ ночной,
„Съ прекрасною луной
„Ты небомъ овладѣешь?
„О, скоро ль, темный лѣсъ,
„Въ туманахъ засинѣешь

„На западѣ небесъ?“
Но шорохъ за кустами
Ей слышится глухой.
И вдругъ, сверкнувъ очами,
Предъ нею богъ лѣсной!
Какъ вешній вѣточекъ,
Летитъ она въ лѣсочекъ;
Онъ гонится за ней —
И трепетная Лила
Всѣ тайны обнажила
Младой красы своей;
И нѣжна грудь открылась
Лобзаньямъ вѣтерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась...
Порхая надъ травой,
Пастушка робко дышитъ;
Къ рѣкѣ летя стрѣлой,
Бѣгъ Фавна за собой
Все ближе, ближе слышитъ.
Отчаянья полна,
Ужь чувствуетъ она
Огонь его дыханья...
Напрасны всѣ старанья:
Ты Фавну суждена!
Но шумная волна
Красавицу сокрыла:
Рѣка — ея могила...
Нѣтъ! Лила спасена.

V. Чудо.

Эроты златокрылы
И нѣжный Купидонъ
На помощь юной Лилы
Летятъ со всѣхъ сторонъ,
Всѣ бросили Цитеру,
И мирныхъ селъ Венеру

По трепетнымъ волнамъ
Несутъ они въ пещеру —
Любви пустынный храмъ.
Счастливецъ былъ ужь тамъ...
И вотъ, уже съ Филономъ
Веселье пьетъ она,
И страсти тихимъ стономъ
Прервалась тишина.
Спокойно дремлетъ Лила
На розахъ нѣгъ и сна,
И лучъ свой угасила
За облакомъ луна.

VI. Фіалъ.

Поникнувъ головою,
Несчастный богъ лѣсовъ
Одинъ съ вечерней тьмою
Бродилъ у береговъ:
„Прости, любовь и радость!“
Со вздохомъ молвилъ онъ:
„Въ печали тратить младость
„Я рокомъ осужденъ!“
Вдругъ изъ лѣсу румяный,
Шатаясь, передъ нимъ
Сатиръ явился пьяный
Съ кувшиномъ круговымъ:
Онъ мутными глазами
Пути домой искалъ,
И козьими ногами
Едва переступалъ;
Шелъ, шелъ, и натолкнулся
На Фавна моего,
Со смѣхомъ отшатнулся,
Склонился на него...
„Ты ль это, братъ любезный?“
Вскричалъ Сатиръ сѣдой:
„Въ какой странѣ безвѣстной

„Я встрѣтился съ тобой?“
— „Ахъ!“ молвилъ Фавнъ уныло:
„Завяли дни мои!
„Все, все мнѣ измѣнило,
„Несчастенъ я въ любви!“
— „Что слышу? Отъ Амура
„Ты страждешь и грустишь,
„Малютку-бѣдокура
„И ты боготворишь?
„Возможно ль? Такъ забвенье
„Въ кувшинѣ почерпай,
„И чашу въ утѣшенье
„Наполни черезъ край!“
И пѣна засверкала
И на краяхъ шипитъ,
И съ перваго фіала
Амуръ уже забытъ.

VII. Измѣна.

Кто жь, дерзостный, владѣетъ
Твоею красотой?
Невѣрная, кто смѣетъ
Пылающей рукой
Бродить по груди страстной,
Томиться, воздыхать,
И съ Лилою прекрасной
Въ восторгахъ умирать?
Итакъ, ты измѣнила?
Красавица, плѣняй,
Спѣши любить, о Лила,
И снова измѣняй!

VIII. Очередь.

Что, Лила, что съ тобою?
Въ пещерной глубинѣ
Сокрытая тоскою,
Ты плачешь въ тишинѣ;

Грустишь уединенно,
И свѣтъ тебѣ постылъ!
Гдѣ жь сердца другъ безцѣнный?
Увы, онъ измѣнилъ!
Прошли восторги, счастье,
Какъ съ утромъ легкій сонъ;
Гдѣ тайны сладострастья?
Гдѣ нѣжный Полемонъ?
О Лила! вянутъ розы
Минутныя любви;
Познай же грусть и слезы,
И нынѣ терны рви!

IX. Философъ.

Въ губительномъ стремленьѣ
За годомъ годъ летитъ,
И старость въ отдаленьѣ
Красавицѣ грозитъ.
Амуръ уже съ поклономъ
Разстался съ красотой,
И вслѣдъ за Купидономъ
Веселья скрылся рой.
Въ лѣсу пастушка бродитъ
Печальна и одна;
Кого же тамъ находитъ?
Вдругъ Фавна зритъ она.
Философъ козлоногій
Подъ липою лежалъ,
И пѣнистый фіалъ,
Вѣнкомъ украсивъ роги,
Лѣниво осушалъ.
Хоть Фавнъ и не находка
Для Лилы прежнихъ лѣтъ,
Но вздумала красотка
Любви раскинуть сѣть:
Подкралась, устремила
На Фавна томный взоръ

И, слышалъ я, клонила
Къ развязкѣ разговоръ.
Но Фавнъ съ улыбкой злою,
Напѣня свой фіалъ,
Качая головою,
Красавицѣ сказалъ:
„Нѣтъ, Лила! я въ покоѣ —
„Другихъ, мой другъ, лови;
„Есть время для любви,
„Для мудрости — другое.
„Бывало, я тобой
„Въ безуміи плѣнялся;
„Бывало, восхищался
„Коварной красотой,
„И сердце, тлѣя страстью,
„Къ тебѣ меня влекло;
„Бывало... но, по счастью,
„Что было — то прошло."

II.

Къ Машѣ.

(Сестрѣ Дельвига).

Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплеты риѳмы набросать,
И мнѣ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѣ написать.

Спѣшу исполнить приказанье.
Года не смѣютъ погодить:
Еще семь лѣтъ — и обѣщанье
Ты не исполнишь, можетъ быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
Въ собраньяхъ будете сидѣть

И, жертвуя богинѣ скуки,
Съ воксала въ маскарадъ летѣть,

И ужь не вспомните поэта...
О Маша, Маша, поспѣши,
И за четыре мнѣ куплета
Мою награду напиши!

III.

У с ы.

Философическая ода.

Глаза скосивъ на усъ кудрявый, [1]
Гусаръ, съ улыбкой величавой,
На палецъ завитки моталъ;
Мудрецъ съ обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохомъ усачу сказалъ: [2]

„Гусаръ! нѣтъ вѣчнаго въ природѣ!
„Какъ ода вслѣдъ похвальной одѣ, [3]
„Проходятъ царства и вѣка.
„Скажи, гдѣ стѣны Вавилона? [4]
„Гдѣ драмы тощія Клеона?
„Умчала все временъ рѣка.

„За уши усъ твой закрученный,
„Виномъ и ромомъ окропленный,
„Гордится юной красотой,
„Не знаетъ бритвы, выписною
„Онъ вѣчно лоснится сурьмою,
„Расправленъ гребнемъ и рукой.

„Чтобы не смять уса лихова,
„Ты къ ночи одою Хвостова

„Его тихонько обвернешь,
„Въ подушку носомъ лечь не смѣешь,
„Въ глубокомъ снѣ его лелѣешь, [5]
„И утромъ вновь его завьешь.

„На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
„Въ кругу гусаровъ посѣдѣлыхъ
„И черноусыхъ удальцовъ,
„Веселый гость, любовникъ пылкій, [6]
„За чье здоровье бьешь бутылки? —
„Коня, красавицъ и усовъ!

„Сраженья страшный часъ настанетъ,
„Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ;
„А ты, надъ ухарскимъ сѣдломъ,
„Разсудка, памяти не тратишь:
„Сперва кудрявый усъ ухватишь,
„А саблю вѣрную потомъ.

„Окованный волшебной силой,
„Наединѣ съ красоткой милой
„Ты нѣжишься; [7] одной рукой
„Въ восторгахъ нѣги сладострастной
„Летаешь по груди прекрасной,
„А грозный усъ крутишь другой.

„Гордись, гусаръ! но помни вѣчно,
„Что все на свѣтѣ скоротечно:
„Летятъ губительны часы!
„Румяны щеки пожелтѣютъ,
„И черны кудри посѣдѣютъ,
„И старость выбѣлитъ усы“. [8]

IV.

Пробужденіе.

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокій
Во тьмѣ глубокой
Я пробужденъ...
Кругомъ постели
Нѣмая ночь;
Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улетѣли
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловитъ сна
Воспоминанья...
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья! —
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Не пробужденный.

V.

Желаніе.

(В. Л. Пушкину).

Христосъ воскресъ, питомецъ Феба!
Дай Богъ, чтобъ милостію неба
Разсудокъ на Руси воскресъ —
Онъ что-то, кажется, исчезъ...
Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
Воскресли миръ и тишина,
Чтобъ въ академіи почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтобъ въ наши грѣшны времена
Воскресла предковъ добродѣтель;
Чтобы Шихматову на зло
Воскреснулъ новый Буало, —
Расколовъ, глупостей свидѣтель,
А съ нимъ побольше серебра
И золота, et caetera.
Но да не будетъ воскресенья
Усопшей прозы и стиховъ;
Да не воскреснутъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ, поэтъ покойный, [1]
И непокойный графъ Хвостовъ,
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
То есть и хладно, и темно,
Что очень стыдно и грѣшно.

VI.

Пѣвецъ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной тьмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали, [1]
Иль тихій взоръ, исполненный тоской?
Встрѣчали вы? [2]

Вздохнули ль вы, внимая тихій гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали,
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вздохнули ль вы?

VII.

Къ ней.

Эльвина, милый другъ! приди, подай мнѣ руку!
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сонъ.
Скажи, увижу ли? на долгую ль разлуку
Любовникъ осужденъ? [1]

Ужели никогда на друга другъ не взглянетъ?
Иль вѣчной темнотой [2] покрыты дни мои?
Ужели никогда [3] насъ утро не застанетъ
Въ объятіяхъ любви?

Эльвина! почему въ часы глубокой ночи
Я не могу тебя съ восторгомъ обнимать, [4]

На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать,

И въ радости нѣмой, въ блаженствѣ упоенья, [5]
Твой шопотъ сладостный и томный стонъ внимать,
И тихо въ скромной тьмѣ для нѣги пробужденья
Близь милой засыпать?

VIII.

Посланіе Лидѣ.

Тебѣ, наперсница Венеры,
Тебѣ, которой Купидонъ
И дѣти рѣзвыя Цитеры
Украсили цвѣтами тронъ,
Которой нѣжные примѣры,
Улыбка, взоры, нѣжный тонъ [1]
Краснорѣчивѣй, чѣмъ Вольтеры,
Намъ проповѣдуютъ законъ
И Аристипповъ, и Глицеры, [2] —
Тебѣ привѣтливый поклонъ,
Вѣнокъ любви и лиры звонъ!
Презрѣвъ Платоновы химеры,
Твоей я святостью спасенъ
И сталъ апостолъ мудрой вѣры
Анакреоновъ и Нинонъ, [3]
Всего... но лишь извѣстной мѣры.
Я вижу, хмурится Зенонъ [4]
И вся его сѣдая свита,
И мудрый другъ вина Катонъ,
И скучный рабъ Энафродита, [5]
Сенека, даже Цицеронъ.
Кричатъ: „Ты лжешь, профанъ: мученье —
„Прямое смертныхъ наслажденье!“
Друзья, согласенъ! Плачъ и стонъ

Стократъ, конечно, лучше смѣха;
Терпѣть — великая утѣха;
Совѣтъ вашъ вовсе не смѣшонъ;
Но мнѣ онъ, слышите ль, не нуженъ,
Затѣмъ, что слишкомъ онъ мудренъ.
Дороже мнѣ хорошій ужинъ
Философовъ трехъ цѣлыхъ дюжинъ;
Я вами, право, не прельщенъ.
Соборъ угрюмый разсерженъ, —
Но пусть кричатъ на супостата;
Ихъ споръ — лишь времени утрата;
Кто ихъ примѣромъ обольщенъ?
Люблю я добраго Сократа:
Онъ въ мірѣ жилъ, онъ былъ уменъ;
Съ своею важностью притворной
Любилъ пиры, театры, женъ;
Онъ, между прочимъ, былъ влюбленъ
И у Аспазіи въ уборной
(Тому свидѣтель самъ Платонъ),
Невольникъ робкій и покорный,
Вздыхалъ частехонько въ хитонъ,
И ей съ улыбкою придворной
Шепталъ: „Все призракъ, ложь и сонъ —
„И мудрость, и народъ, и слава...
„Что жъ истинно? Одна забава;
„Повѣрь, одна любовь не сонъ!“
Такъ ладонъ жегъ прекрасной онъ,
И ею... бѣдная Ксантиппа!
Твой мужъ, совмѣстникъ Аристиппа,
Бывалъ до неба вознесенъ.
Межь тѣмъ, на милыхъ грозно лая,
Злой циникъ,[6] нѣгу презирая,
Одинъ, всѣхъ радостей лишенъ,
Дышалъ отъ міра отлученъ;
Но съ, бочкой странствуя пустою
Вослѣдъ за мудростью слѣпою,
Пустой чудакъ былъ ослѣпленъ —

И, воду черпая рукою,
Не могъ зачерпнуть счастья онъ.

IX.

Къ Морфею.

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви!
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки страшный приговоръ!
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милой.
Когда жь умчится ночи мгла,
И сонъ мои покинетъ очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

X.

Сонъ.

(Отрывокъ).

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной
Гоняется за счастьемъ и молвой;
Мнѣ страшенъ свѣтъ; проходитъ вѣкъ мой темный
Въ безвѣстности, заглохшею тропой.
Пускай пѣвцы гремящими хвалами
Полубогамъ безсмертіе даютъ;
Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ.
Пускай любовь Овидіи поютъ,
Мнѣ не даетъ покоя Цитерея;
Счастливыхъ дней Амуры мнѣ не вьютъ:

Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея,
И научу, какъ должно въ тишинѣ
Покоиться въ пріятномъ, крѣпкомъ снѣ.

Приди, о лѣнь, приди въмою пустыню!
Тебя зовутъ прохлада и покой;
Въ одной тебѣ я зрю свою богиню,
Готово все для гостьи молодой.
Все тихо здѣсь; докучный шумъ укрылся
За мой порогъ; на свѣтлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И въ темный нишъ, гдѣ сумракъ воцарился,
Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной.
Вотъ мой диванъ; приди жь въ обитель мира,
Царицей будь: я плѣнникъ нынѣ твой.
Учи меня, води моей рукой,
Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!

А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли
Конечно бъ сонъ спокойный предпочли —
О, мудрецы! Дивиться вамъ умѣя,
Для васъ однихъ я нынѣ тронъ Морфея
Поэзіи цвѣтами обовью,
Для васъ однихъ блаженство воспою.
Внемлите же съ улыбкой снисхожденья
Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой нѣги часъ,
Хотите ли забыться каждый разъ,
Въ ночной тиши, средь общаго молчанья,
Въ объятіяхъ игриваго мечтанья?
Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ:
Тамъ можно жить и праздно, и безпечно;
Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ,
Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучитъ вѣчно.

Согласенъ я: въ нихъ можно цѣлый день
Съ прелестницей ловить веселья тѣнь,
Въ платокъ зѣвать, блистая въ модномъ свѣтѣ,
На балѣ въ ночь вертѣться на паркетѣ;
Но можно ли вкушать отраду сновъ?
Настала тѣнь, — уснуть лишь я готовъ,
Обманутый призраками ночными, —
И вотъ уже, при свѣтѣ фонарей,
На бѣшеной четверкѣ лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится Спесь подъ окнами моими.
Я вновь дремлю, — вновь улица дрожитъ:
На скучный балъ Разсѣянье летитъ...
О Боже мой! ужели здѣсь ложатся,
Чтобы всю ночь безсонницей терзаться?
Еще стучатъ, а тамъ уже свѣтло, —
И гдѣ мой сонъ? Не лучше ли въ село?
Тамъ рощица листочковъ трепетаньемъ,
Въ лугу потокъ таинственнымъ журчаньемъ,
Златыхъ полей, долины тишина —
Въ деревнѣ все къ томленью клонитъ сна!
О, сладкій сонъ, ничѣмъ не возмущенный!
Одинъ пѣтухъ, зарею пробужденный,
Свой рѣзкій крикъ подыметъ, можетъ быть;
Опасенъ онъ: онъ можетъ разбудить.
Итакъ, пускай, въ сераляхъ удаленны,
Султаны куръ гордятся заключенны,
Иль поселянъ сзываютъ на поля:
Мы спать хотимъ, любезные друзья!
Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться
Вдали столицъ, каретъ и пѣтуховъ!
Но сладостью веселой ночи сновъ
Не думайте вы даромъ насладиться
Средь мирныхъ селъ, безъ всякаго труда.
Что жь надобно? Движенье, господа!
Похвальна лѣнь, но есть всему предѣлы:
Смотрите: Клитъ, въ подушкахъ посѣдѣлый,

Размученный, изнѣженный, больной,
Весь вѣкъ сидитъ съ подагрой и тоской!
Наступитъ день, — несчастный, задыхаясь,
Крехтя, ползетъ съ постели на диванъ;
Весь день сидитъ; когда жь ночной туманъ
Подернетъ свѣтъ, во мракѣ разстилаясь, —
Съ дивана Клитъ къ постели поползетъ;
И какъ же ночь несчастный проведетъ?
Въ покойномъ снѣ, въ пріятномъ сновидѣньѣ?
Нѣтъ! Сонъ ему — не радость, а мученье;
Не маками, — тяжелою рукой
Ему Морфей закроетъ томны очи,
И медленной проходятъ чередой
Для бѣднаго часы угрюмой ночи.
Я не хочу, какъ общій другъ Бершу, [1]
Предписывать вамъ тяжкія движенья,
Упрямый плугъ, охоты наслажденья;
Нѣтъ, въ рощи я лѣнивца приглашу.
Друзья мои, какъ утро здѣсь прекрасно!
Въ тиши полей, сквозь тайну сѣнь дубравъ,
Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
Свѣтлѣетъ все; другъ друга перегнавъ,
Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны;
Еще роса надъ свѣжей муравой;
Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны...
Друзья мои, возьмите посохъ свой,
Идите въ лѣсъ, бродите по долинѣ,
Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинѣ —
И въ долгу ночь глубокъ вашъ будетъ сонъ!
Какъ только тѣнь одѣнетъ небосклонъ,
Пускай войдетъ, отрада жизни нашей,
Веселья богъ съ широкой, полной чашей —
И царствуй, Вакхъ, со всѣмъ дворомъ своимъ!
Умѣренно пируйте, други, съ нимъ:
Стакана три шипящими волнами
Румяныхъ винъ налейте вы полнѣй;
Но толстый Комъ съ надутыми щеками

Не приходи стучаться у дверей;
Я радъ ему, но только за обѣдомъ,
И дружески я въ полдень уберу
Его дары; но, право, ввечеру
Гораздо я дружнѣй съ его сосѣдомъ.
Не ужинать — святой тому законъ,
Кому всего дороже легкій сонъ.
Брегитесь вы, о дѣти мудрой лѣни,
Обманчивой успокоенья тѣни!
Не спите днемъ: о горе, горе вамъ,
Когда дремать привыкли по часамъ!
Что вашъ покой? Безчувствіе глубоко;
Сонъ истинный отъ васъ уже далеко.
Не знаете веселой вы мечты;
Вашъ цѣлый вѣкъ — несносное томленье,
И скученъ сонъ, и скучно пробужденье,
И дни текутъ средь вѣчной темноты.

Но ежели въ глуши, близь водопада,
Что подъ горой клокочетъ и кипитъ,
Прелестный сонъ, усталости награда,
При шумѣ волнъ на дикій брегъ слетитъ,
Покроетъ взоръ туманной пеленою,
Обниметъ васъ и тихою рукою
На мягкій мохъ преклонитъ, осѣнитъ, —
О, сладостно близь шумныхъ водъ забвенье!
Пусть долѣе продлится вашъ покой —
Завидно мнѣ счастливца наслажденье.

Случалось ли ненастной вамъ порой
Дня зимняго при позднемъ, тихомъ свѣтѣ,
Сидѣть однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ?
Все тихо вкругъ; березы больше нѣтъ;
Часъ отъ часу темнѣетъ оконъ свѣтъ;
На потолкѣ какой-то призракъ бродитъ;
Блѣднѣетъ уголь — и синеватый дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу віясь, уходитъ.

И вотъ, жезломъ невидимымъ своимъ
Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.
Темнѣетъ взоръ; „Кандидъ“ изъ вашихъ рукъ,
Закрывшися, упалъ въ колѣни вдругъ;
Вздохнули вы; рука на столъ валится,
И голова съ плеча на грудь катится.
Вы дремлете; надъ вами мира кровъ:
Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлитель,
Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель!
Тебѣ всегда я жертвовать любилъ,
И ты жреца давно благословилъ!
Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный нѣги часъ,
Когда, въ углу подъ вечеръ притаясь,
Я призывалъ и ждалъ тебя въ покоѣ?
Я самъ не радъ болтливости своей,
Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы...
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины,
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало, —
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо, наконецъ,
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечты,

Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ,
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней —
И въ вымыслахъ носился юный умъ... [2]

Но вы прошли, о ночи безмятежны,
И юности ужь возрастъ наступилъ.
Подайте мнѣ Альбана кисти нѣжны! [3]
И я мечту младой любви вкусилъ.
И гдѣ жь она? Восторгами родилась,
И въ тотъ же мигъ восторгомъ истребилась...
Проснулся я, ищу на небѣ день,
Но все молчитъ; луна во тьмѣ сокрылась,
И вкругъ меня глубокой ночи тѣнь.
Но сонъ мой тихъ: безпечный сынъ Парнаса,
Въ ночной тиши я съ риѳмою не бьюсь,
Не вижу ввѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ музъ.

Я не герой, — по лаврамъ не тоскую,
Спокойствіемъ и нѣгой не торгую,
Не чудится мнѣ ночью грозный бой;
Я не богачъ, — и лаемъ песъ привратный
Не возмущалъ мечты моей пріятной;
Я не злодѣй, — съ волненьемъ и тоской
Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній,
Убійственныхъ дѣтей предразсужденій,
И въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ
Не хмурится угрюмо въ головахъ.

XI.

Посланіе къ князю А. М. Горчакову.

Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной;
Въ послѣдній разъ, быть можетъ, я съ тобой,
Задумчиво внимая шумъ дубравный,
Надъ озеромъ иду рука съ рукой.
Гдѣ вы, лѣта безпечности недавной?
Съ надеждами, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ не равный,
И розный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ:
Тебѣ рукой Фортуны своенравной
Указанъ путь и счастливый, и славный;
Моя стезя печальна и темна...
И нѣжная краса тебѣ дана,
И нравиться блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора!
Спѣши любить — и, счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастливъ осторожно;
Амуръ велитъ, — и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу вѣнчай...
О, сколькихъ слезъ, предвижу, ты виновникъ!
Измѣны другъ и вѣтреный любовникъ,
Будь вѣренъ всѣмъ, плѣняйся и плѣняй!..

А мой удѣлъ... Но пасмурнымъ туманомъ
Зачѣмъ же мнѣ грядущее скрывать?
Увы, нельзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
И счастья тѣнь, забывшись, обнимать!
Вся жизнь моя — печальный мракъ ненастья;
Двѣ-три весны, младенцемъ, можетъ быть,
Я счастливъ былъ, не понимая счастья.

Онѣ прошли, но можно ль ихъ забыть?
Онѣ прошли, — и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный навѣкъ,
На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
Которымъ я такъ весело протекъ—
Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
Мучительнымъ желаніемъ горя...

Твоя заря — заря весны прекрасной;
Моя жь, мой другъ, — осенняя заря.
Я зналъ любовь, но я не зналъ надежды;
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ...
Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
Но мрачныя я грезы не забылъ.
Душа полна невольной, грустной думой;
Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
Одинъ, съ тоской, явлюсь я — гость угрюмый,
Явлюсь на часъ, и одинокъ умру.
И не придетъ другъ сердца незабвенный
Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть,
И не придетъ на холмъ уединенный
Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть!
Ужель моя пройдетъ пустынно младость?
Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не вѣдая, что̀ радость?
Зачѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
Среди толпы затерянный пѣвецъ, —
Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ,
И счастія какой возьму вѣнецъ?

Но что! стыжусь! Нѣтъ, ропотъ — униженье!
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье:
Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье, —
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
Мой скромный даръ и счастіе друзей!

XII.

Къ принцу Оранскому.

Довольно битвы мчался громъ,
Тупился мечъ окровавленный,
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ вселенной.

Свершилось! Подвигомъ царей [1]
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ.

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву —
И былъ низверженъ ужасъ міра;
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго порфира!

Повлекся, мглою окруженъ, [2]
Притекъ, и буйной вдругъ измѣной
Ужь воздвигалъ свой шаткій тронъ, —
И палъ, отторженъ отъ вселенной.

Утихло все. Не мчится громъ,
Не блещетъ мечъ окровавленный,
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.

Хвала, о юноша-герой!
Съ героемъ дивнымъ Альбіона
Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
И мстилъ за лиліи Бурбона.

Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
Текли во слѣдъ щиты кровавы;

Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
И разливалъ блистанье славы!

Его текла младая кровь,
На немъ сіяетъ язва чести;
Вѣнчай, вѣнчай его любовь:
Достойный былъ онъ воинъ мести!

XIII.

Амуръ и Гименей.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю васъ новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слѣпого мальчика съ повязкой?
Слѣпого?.. Вотъ! Помилуй, Фебъ!
Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ;
Но шалуну пришла жь охота,
Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
Его Безуміе вело.
Безуміе ведетъ Эрота,
Но вдругъ, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затѣю: [1]
Повязку съ милыхъ снявъ очей,
Идетъ проказникъ къ Гименею...
А что такое Гименей?
Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и лѣнивый, [2]
Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ,
А впрочемъ — добрый человѣкъ,
Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый:
Отъ ревности печальный богъ
Спокойно подремать не могъ; [3]
Все трусилъ маленькаго брата,

За нимъ подсматривалъ тайкомъ,
И караулилъ супостата
Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
Вотъ, мальчикъ мой къ нему подходитъ
И рѣчь коварную заводитъ:
„Развеселися, Гименей!
„Ну, помиримся, будь умнѣй!
„Забудь, товарищъ мой любезный,
„Раздоръ смѣшной и безполезный!
„Да только навсегда, смотри!
„Возьми жь повязку въ память, милый, [4]
„А мнѣ фонарь свой подари!“
И что жь? Повѣрилъ богъ унылый.
Амуръ отъ радости прыгнулъ,
И на глаза со всей онъ силы
Обнову брату затянулъ.
Гимена скучные дозоры
Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотамъ;
Спокоенъ онъ; но братъ коварный, [5]
Шутя надъ честью и надъ нимъ,
Войну ведетъ, неблагодарный,
Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ,
Амуръ въ молчаніи ночномъ
Фонарь любовнику вручаетъ
И самъ счастливца провожаетъ
Къ уснувшему супругу въ домъ;
Самъ отъ безпечнаго Гимена
Онъ охраняетъ тайну дверь...
Пойми меня, мой другъ Елена,
И мудрой повѣсти повѣрь! [6]

XIV.

Слово милой.

Я Лилу слушалъ у клавира:
Она пріятнѣе поетъ,
Чѣмъ соловей близь тихихъ водъ
Или полунощная лира. [1]
Упали слезы изъ очей,
И я сказалъ пѣвицѣ милой:
„Пріятенъ голосъ твой унылый, [2]
„Но слово милыя моей
„Пріятнѣй томныхъ пѣсенъ Лилы.“ [3]

XV.

Лилѣ.

Лила, Лила, я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила: ты прекрасна —
И безчувственной красой.

XVI.

Истина.

Издавна мудрые искали
Забытыхъ Истины слѣдовъ,
И долго, долго повторяли
Пустые толки стариковъ; [1]
Твердили: „Истина нагая

„Въ колодезь убралась тайкомъ!“
И дружно, воду выпивая,
Кричали: „Здѣсь ее найдемъ!“

Но кто-то, смертныхъ благодѣтель,
(И чуть ли не старикъ Силенъ),
Ихъ важной глупости свидѣтель,
Водой и крикомъ утомленъ,
Оставилъ невидимку нашу,
Подумалъ первый о винѣ
И, осушивъ до капли чашу,
Увидѣлъ Истину — на днѣ.

XVII.

Фіалъ Анакреона.

Когда на поклоненье
Ходилъ я въ древній Пафосъ,
Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
Въ уборной у Венеры
Фіалъ Анакреона.
Виномъ онъ былъ наполненъ; [1]
Кругомъ висѣли розы,
Зеленый плющъ и мирты,
Сплетенныя рукою
Царицы наслажденій;
На краешкѣ я видѣлъ
Печальнаго Амура: [2]
Смотрѣлъ онъ, пригорюнясь,
На пѣнистую влагу.
„Что смотришь ты, проказникъ,
„На пѣнистую влагу?“
Спросилъ я Купидона:
„Скажи, что такъ утихнулъ?
„Не хочешь ли зачерпнуть

„Да ручкой не достанешь?“ [3]
— „Нѣтъ! отвѣчалъ малютка:
„Играя, въ это море
„Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы
„Я уронилъ, и факелъ
„Погасъ въ волнахъ багряныхъ. [4]
„Вонъ, вонъ, — на днѣ блистаютъ!
„А плавать не умѣю.
„Охъ, жалко мнѣ; послушай,
„Достань мнѣ ихъ оттуда!
— „О, нѣтъ!“ сказалъ я богу:
„Спасибо, что упали:
„Пускай тамъ остаются.“

XVIII.

Наѣздники.

Ужь полемъ всадники летятъ,
Дубравы кровъ оставя зыбкій,
Коней ласкаютъ и смирятъ
И съ гордой шепчутся улыбкой;
Ихъ лица радостью горятъ,
Огнемъ пылаютъ гнѣвны очи...
Лишь ты, воинственный поэтъ,
Унылъ, какъ сумракъ полуночи,
И блѣденъ, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно преклоненной,
Съ укрытой горестью въ груди,
Печальной думой увлеченный,
Онъ ѣдетъ молча впереди.
„Пѣвецъ печальный, что съ тобою?
„Одинъ предъ боемъ ты унылъ,
„Поникъ безстрашною главою,
„Бразды и саблю опустилъ.
„Ужель, невольникъ праздной нѣги,

„Отраднѣй миръ твоихъ полей,
„Чѣмъ наши бурные набѣги
„И ночью бранный стукъ мечей?
„Тебя мы зрѣли подъ мечами
„Съ спокойнымъ, дерзостнымъ челомъ,
„Всегда межь первыми рядами,
„Все тамъ, гдѣ падалъ первый громъ".

Но медленно пѣвецъ печальный
Главу и взоры приподнялъ,
Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
И вздохомъ грудь поколебалъ.

„Глубокій сонъ въ долинѣ бранной;
„Одни мы мчимся въ тьмѣ ночной,
„Предчувствую конецъ желанный:
„Меня зоветъ послѣдній бой.
„Расторгну цѣпь судьбы жестокой,
„Влечу я съ братьями въ огонь;
„Ударъ падетъ, — и одинокій
„Въ долину выбѣжитъ мой конь!..
„Но для пѣвца никто не дышитъ,
„Его настигнетъ тишина;
„Эльвина смерти вѣсть услышитъ, —
„И не вздохнетъ объ томъ она.

„А вы, хранимые судьбами
„Для сладостныхъ любви наградъ!
„Любви безцѣнными слезами
„Благословится вашъ возвратъ!
„За чашей сладкаго спасенья,
„О братья, вспомните пѣвца,
„Его любовь, его мученья
„И славу грознаго конца!..

XIX.

Пуншевая пѣсня.

(Изъ Шиллера).

Силы четыре,
Соединясь, [1]
Жизнь образуютъ,
Міръ создаютъ.

Влажно-зернистый
Выжми лимонъ:
Ѣдкая сила —
Жизни зерно.

Сладостной влагой
Ты укроти
Острую силу
Ѣдкой струи.

Влагою грѣтой
Воду налей:
Міръ весь объемлемъ
Тихо водой.

Примѣсью рома
Все освяти:
Ромъ одаряетъ
Жизнію жизнь.

Только кипучій
Ключъ утолитъ:
Прежде, чѣмъ стихнетъ,
Черпай его!

XX.

Заздравный кубокъ.

Кубокъ тяжелый [1]
Полонъ давно,
Пѣною бѣлой [2]
Блещетъ вино!
Свѣта дороже
Сердцу оно.
Ну, за кого же [3]
Выпью вино?

Здравіе славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья. [4]
Это веселье
Не веселитъ:
Дружбы похмѣлье
Грома бѣжитъ.

Жители неба,
Феба жрецы,
Здравіе Феба! [5]
Пейте, пѣвцы,
Рѣзвой Камены
Ласки — бѣда!
Токъ Иппокрены —
Просто вода! [6]

Пейте за радость
Юной любви!
Скроется младость,
Дѣти мои.
Кубокъ янтарный
Полонъ давно;

Я, благодарный,
Пью — за вино!

XXI.

Къ Наташѣ.

Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
Улетаютъ ясны дни,
Стелется туманъ ненастной
Ночи въ дремлющей тѣни;
Опустѣли злачны нивы,
Хлаленъ ручеекъ игривый,
Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ,
Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?
Что никто тебя не зритъ?
Иль не хочешь часъ единый
Съ другомъ сердца раздѣлить?
Ни надъ озеромъ волнистымъ,
Ни подъ кровомъ липъ душистымъ,
Ранней, позднею порой
Не встрѣчаюсь я съ тобой.

Скоро, скоро холодъ зимній
Рощу, поле посѣтитъ;
Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ;
Не увижу я прелестной,
И какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

XXII.

Унынiе.

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множитъ [1]
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безумiе тревожитъ. [2]
Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью, — мнѣ слезы утѣшенье:
Моя душа, объятая тоской, [3]
Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О, жизни сонъ! [4] лети, не жаль тебя!
Исчезни въ тьмѣ, пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру — любя!

XXIII.

Осеннее утро.

Поднялся шумъ; свирѣлью полевой
Оглашено мое уединенье,
И съ милою любви моей мечтой
Послѣднее исчезло сновидѣнье. [1]
Съ небесъ уже скатилась ночи тѣнь,
Взошла заря, сіяетъ блѣдный день, [2]
А вкругъ меня — глухое запустѣнье...
Ужь нѣтъ ея... Я былъ у береговъ,
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный;
У берега, на зелени луговъ
Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ,
Нигдѣ не встрѣтилъ я прекрасной. [3]
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее, — лишь гласъ уединенный [4]

Пустыхъ долинъ откликнулся вдали; [5]
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченный;
Его струи медлительно текли, —
Не трепеталъ въ нихъ образъ несравненной. [6]
Ужь нѣтъ ея!.. До сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою;
Ужь осени холодною рукою
Главы березъ и липъ обнажены;
Она шумитъ въ дубравахъ опустѣлыхъ:
Тамъ день и ночь кружится мертвый листъ,
Стоитъ туманъ на нивахъ пожелтѣлыхъ [7]
И слышится мгновенный вѣтра свистъ.
Поля, холмы, знакомыя дубравы,
Хранители священной тишины,
Свидѣтели моей тоски, забавы! [8]
Забыты вы... до сладостной весны!

XXIV.

Унынiе.

Мой милый другъ, разстался я съ тобою;
Душой уснувъ, безмолвно я грущу.
Блеснетъ ли день за синею горою,
Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною, —
Я все тебя, далекій другъ, ищу:
Одну тебя вездѣ воспоминаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голосъ слышенъ мнѣ.

И ты со мной, о лира, пріуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой,
И лишь тоски ты голосъ не забыла...
О, вѣрная, грусти, грусти со мной!

Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ унынiе любви
И, слушая бряцанія твои,
Пускай вздохнутъ задумчивыя дѣвы.

XXV.

Элегія.

Я думалъ, что любовь погасла навсегда,
Что въ сердцѣ злыхъ страстей умолкнулъ гласъ мятежный,
Что дружбы, наконецъ, отрадная звѣзда
Страдальца довела до пристани надежной.
Съ безпечной думою покоясь у береговъ,
Ужь издали смотрѣлъ, указывалъ рукою
На парусъ бѣдственныхъ пловцовъ,
Носимыхъ гибельной грозою.
Я говорилъ: „Стократъ блаженъ
„Чей вѣкъ, свободою прекрасный, [1]
„Какъ вѣкъ весны промчался ясной
„И страстью не былъ омраченъ,
„Кто не страдалъ въ любви напрасной,
„Кому невѣдомъ страстный плѣнъ.
„Блаженъ! Но я счастливѣй болѣ, [2]
„Я цѣпь мученій разорвалъ,
„Опять я дружбѣ... я на волѣ,
„И жизни сумрачное поле
„Веселый блескъ очаровалъ!“
О, что я говорилъ, несчастный! [3]
Минуту я уснулъ въ невѣрной тишинѣ,
Но мрачная любовь таилася во мнѣ,
Не угасалъ мой пламень страстный...
Весельемъ позванный въ толпу друзей моихъ
Хотѣлъ на прежній ладъ настроить рѣзву лиру,
Хотѣлъ еще воспѣть прелестницъ молодыхъ,
Веселье, Вакха и Дельфиру.

Напрасно!.. Я молчалъ; усталая рука
Лежала томная на лирѣ непослушной,
Я все еще горѣлъ, и въ грусти равнодушной
На игры младости взиралъ издалека...
Любовь, отрава нашихъ дней,
Бѣги съ толпой обманчивыхъ мечтаній!
Не сожигай души моей,
Огонь мучительныхъ желаній!
Летите, призраки... Амуръ, ужь я не твой!
Отдай мнѣ радости, отдай мнѣ мой покой,
Брось одного меня въ безчувственной природѣ,
Иль дай еще летать надежды на крылахъ,
Позволь еще заснуть, и въ тягостныхъ цѣпяхъ
Мечтать о сладостной свободѣ.

XXVI.

Элегія.

Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ
Безъ ужаса признаться смѣетъ,
Кого въ невѣдомой судьбѣ
Надежда робкая лелѣетъ,
Кого луны туманный лучъ
Ведетъ въ полночи сладострастной, [1]
Кому тихонько вѣрный ключъ
Отворитъ дверь его прекрасной!

Но мнѣ въ унылой жизни нѣтъ
Отрады тайныхъ наслажденій;
Увялъ надежды ранній цвѣтъ:
Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ мученій.
Печально младость улетитъ,
И съ ней увянутъ жизни розы; [2]
Но я, любовью позабытъ,
Любви не позабуду ль слезы? [3]

XXVII.

Элегія.

Опять я вашъ, о юные друзья!
Печальные [1] сокрылись дни разлуки.
И брату вновь простерлись ваши руки,
Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
Все тѣ же вы, но время ужь не то же:
Уже не вы душѣ всего дороже, [2]
Ужь я не тотъ... Невидимой стезей
Ушла пора веселости безпечной,
Навѣкъ ушла, и жизни скоротечной
Лучъ утренній блѣднѣетъ надо мной.
Отверженный судьбой несправедливой
И ласки музъ, и радость, и покой,
Я все забылъ: печали молчаливой,
Рука лежитъ надъ юною главой. [3]
Чтобъ отогнать угрюмыя страданья,
Напрасно вы несете лиру мнѣ:
Минувшихъ дней погаснули мечтанья,
И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.
Передъ собой одну печаль я вижу:
Мнѣ скученъ міръ, мнѣ страшенъ дневный свѣтъ;
Иду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ, [4]
Гдѣ мертвый мракъ: я радость ненавижу;
Во мнѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
Опали вы, листы вчерашней розы,
Не доцвѣли до завтрашнихъ лучей! [5]
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы — невольно льются слезы,
И вяну я на темномъ утрѣ дней.

О дружество, предай меня забвенью!
Въ безмолвіи покорствуя судьбамъ,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустынямъ и слезамъ!

XXVIII.

Элегія.

Подражаніе.

Я видѣлъ смерть: она сидѣла
У тихаго порога моего;
Я видѣлъ гробъ, — открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетѣла...
Умру — и младости моей
Никто слѣдовъ пустынныхъ не замѣтитъ,
И взора милаго не встрѣтитъ
Послѣдній взоръ моихъ очей.
. . . . . .
Прости, печальный міръ, гдѣ темная стезя
Надъ бездной для меня лежала,
Гдѣ жизнь меня не утѣшала,
Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
Небесъ лазурная завѣса,
Любимые холмы, ручья веселый гласъ,
Ты, утро, — вдохновенья часъ,
Вы, тѣни мирныя таинственнаго лѣса,
И все — прости въ послѣдній разъ!

XXIX.

Любовь одна — веселье жизни хладной!
Любовь одна — мученіе сердецъ!
Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадный,
А горестямъ не виденъ и конецъ.
Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
Сей быстрый мигъ поймаетъ на лету,
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Стыдливую преклонитъ красоту!

Но кто любви не жертвовалъ собою?

Вы, чувствами свободные пѣвцы!
Предъ милыми смирялись вы душою,
Вы пѣли страсть — и гордою рукою
Красавицамъ несли свои вѣнцы.
Слѣпой Амуръ, жестокій и пристрастный,
Вамъ тернія и мирты раздавалъ;
Съ пермесскими царицами согласный,
Инымъ изъ васъ на радость указалъ,
Другихъ навѣкъ печалями связалъ,
И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.

Наслѣдники Тибулла и Парни!
Вы знаете безцѣнной жизни сладость;
Какъ утра лучъ, сіяютъ ваши дни;
Пѣвцы любви, младую пойте радость!
Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ,
Въ объятіяхъ любовницъ умирайте,
Стихи любви тихонько воздыхайте:
Завидовать уже не смѣю вамъ.

Пѣвцы любви, вы вѣдали печали!
И ваши дни по терніямъ текли;
Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали;
Пришелъ конецъ,—и въ жизненной дали
Не зрѣли вы минутную забаву;
Но, не нашедъ блаженства вашихъ дней,
Вы встрѣтили по крайней мѣрѣ, славу —
И мукою безсмертны вы своей!

Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тьмѣ лѣсовъ,
Одинъ, одинъ брожу унылъ и мраченъ.
Въ вечерній часъ, надъ озеромъ сѣдымъ,
Въ тоскѣ, слезахъ нерѣдко я стенаю;
Но ропотъ волнъ стенаніямъ моимъ
И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю.

Прервется ли души холодный сонъ,
Поэзіи зажжется ль упоенье, —
Родится жаръ, и тихо стынетъ онъ:
Безплодное проходитъ вдохновенье.
Пускай она прославится другимъ;
Одинъ люблю — онъ любитъ и любимъ!..
Люблю, люблю!.. Но къ ней ужь не коснется
Страдальца гласъ; она не улыбнется
Его стихамъ небрежнымъ и простымъ.
Къ чему мнѣ пѣть? Подъ кленомъ полевымъ
Оставилъ я пустынному зефиру
Ужь навсегда покинутую лиру, —
И слабый даръ какъ легкій скрылся дымъ.

XXX.

Наслажденіе.

Въ неволѣ скучной увядаетъ
Едва развитый жизни цвѣтъ,
Украдкой младость отлетаетъ,
И слѣдъ ея — печали слѣдъ!
Съ минутъ безчувственныхъ рожденья
До нѣжныхъ юношества лѣтъ
Я все не знаю наслажденья,
И счастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ! [1]

Съ порога жизни въ отдаленье
Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
Тамъ, тамъ, мечталъ я, наслажденье;
Но я за призракомъ летѣлъ.
Златыя крылья развивая,
Волшебной, нѣжной красотой
Любовь явилась молодая,
И полетѣла предо мной. [2]

Я вслѣдъ... но цѣли отдаленной, [3]

Но цѣли милой не достигъ!..
Когда жь, весельемъ окриленный,
Настанетъ счастья быстрый мигъ?
Когда въ сіяньѣ возгорится
Свѣтильникъ тусклый юныхъ дней,
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

XXXI.

Окно.

Гдѣ міръ, одной мечтѣ послушный?
Мнѣ настоящій опустѣлъ!
На все взираю равнодушно:
Дышать унынъемъ — мой удѣлъ.
Напрасно лѣтнею порою
Любовникъ рощицъ и луговъ
Колышетъ розой полевою,
Летя съ тѣнистыхъ береговъ;

Напрасно поздняя зарница
Мерцаетъ въ темнотѣ ночной,
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлита пламенной рѣкой,
Иль день багряный вечерѣетъ,
И тихо тмится неба сводъ [1]
И кленъ на мѣсяцѣ бѣлѣетъ,
Склонясь на берегъ синихъ водъ...

Недавно, темною порою, [2]
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видѣлъ: дѣва у окна
Одна задумчиво сидѣла; [3]
Дышала въ тайномъ страхѣ грудь;
Она съ волненіемъ глядѣла [4]
На темный подъ холмами путь.

„Я здѣсь!“ шепнули торопливо, —
И дѣва трепетной рукой
Окно открыла боязливо;
Луна покрылась темнотой...
„Счастливецъ!“ молвилъ я съ тоскою,
„Тебя веселье ждетъ одно;
„Когда жь вечернею порою
„И мнѣ откроется окно?

XXXII.

Мѣсяцъ.

Зачѣмъ изъ облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки сквозь окна
Сіянье тусклое наводишь?
Явленьемъ пасмурнымъ своимъ
Ты будишь грустныя мечтанья
Любви напрасныя страданья
И гордымъ разумомъ моимъ
Чуть усыпленныя желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Ужь не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сіянье
Твоихъ таинственныхъ лучей
Сквозь темный завѣсъ проницало [1]
И блѣдно, блѣдно озаряло
Красу возлюбленной моей. [2]
Почто, минуты, вы летѣли
Тогда столь быстрой чередой,
И тѣни легкія рѣдѣли
Предъ неожиданно[illegible] зорей?
Зачѣмъ ты, мѣсяц[illegible]лился
И въ небѣ свѣтл[illegible]нулъ?
Зачѣмъ лучъ утре[illegible]леснулъ?
Зачѣмъ я съ мил[illegible]стился?..

XXXIII.

Надпись къ бесѣдкѣ.

Съ благоговѣйною душой
Приближься, путникъ молодой,
Любви къ пустынному пріюту!
Здѣсь ею счастливъ былъ я разъ,
Въ восторгѣ сладостномъ погасъ, [1]
И время самое для насъ
Остановилось на минуту.

XXXIV.

Твой и мой.

Богъ вѣсть, за что философы, піиты
На т в о й и м о й давнымъ-давно сердиты.
Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
Но потакать и вѣрить имъ не смѣю. [1]
Что, ежели бъ ты не была м о е ю?
Что, ежели бъ я не былъ, Ниса, т в о й?

XXXV.

Къ письму.

Въ немъ радости мои; когда померкну я,
Пускай оно груди безчувственной коснется;
Быть можетъ, милые друзья,
Быть можетъ, сердце вновь забьется.

XXXVI.

Друзьямъ.

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечный, —
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

XXXVII.

А. А. Шишкову.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой, [1]
Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
Въ помѣстье мирное межь Пиндомъ и Цитерой,
Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мелецкій и Парни? [2]
Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль: [3]
Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель. [4]
Друзей любить открытою душою,
Въ молчаньѣ чувствовать, плѣняться красотою, —
Вотъ жребій мой; ему я слѣдовать готовъ;
Но, милый, сжалься надо мною, — [5]
Не требуй отъ меня стиховъ!
Не вѣчно нѣжиться въ пріятномъ ослѣпленьѣ:
Докучной истины я поздній вижу свѣтъ, [6]
По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньѣ
Мечтѣ, шепнувшей: „Ты поэтъ“, [7]
И презря мудрые угрозы и совѣты,
Съ небрежной лѣностью нанизывалъ куплеты, [8]

Игрушкою себя невинной веселилъ;
Угодникъ Бахуса, я трезвый межь друзьями, [9]
Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;
Мечтательныхъ Доридъ и славилъ, и бранилъ, [10]
Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ, и дружество зѣвало,
И сонные стихи въ просонкахъ величало. [11]
Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
Душѣ наскучили парнасскія забавы;
Недолго снились мнѣ мечтанья музъ и славы
И, строгимъ опытомъ невольно пробужденъ,
Уснувъ межь розами, на тернахъ я проснулся,
Увидѣлъ, что еще не генія печать —
Охота смертная на риѳмахъ лепетать;
Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся —
И полно мнѣ писать!

XXXVIII.

Боже, царя храни.

Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли.

Тамъ — громкой славою,
Сильной державою [1]
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь — безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань;
Гласъ умиленія [2]
Благодаренія, —
Сердца стремленія —
Вотъ наша дань! [3]

XXXIX.

Къ молодой вдовѣ.

Лила, другъ мой неизмѣнный!
Почему сквозь тонкій сонъ,
Наслажденьемъ утомленный,
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, когда сгораю
Въ нѣгѣ пламенной любви,
Иногда я примѣчаю [1]
Слезы тайныя твои?
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей...
О, безцѣнная подруга!
Все ли слезы проливать?
Все ли мертваго супруга [2]
Изъ могилы вызывать?
Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
Безпробуденъ хладный сонъ; [3]
Имъ не милъ ужь голосъ милый,
Не прискорбенъ скорби стонъ.
Не для нихъ надгробны розы, [4]
Сладость утра, шумъ пировъ,
Дружбы искреннія слезы, [5]
И любовницъ робкій зовъ!
Рано другъ твой незабвенный

Вздохомъ встрѣтилъ смертный часъ
И, блаженствомъ упоенный,
На груди твоей погасъ. [6]
Спитъ увѣнчанный счастливецъ!
Вѣрь любви: невинны мы.
Нѣтъ, разгнѣванный ревнивецъ
Не придетъ изъ вѣчной тьмы!
Тихой ночью громъ не грянетъ,
И завистливая тѣнь
Близь любовника не станетъ,
Вызывая спящій день!

XL.

Экспромптъ на А.

Въ молчаньѣ предъ тобой сижу,
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того ужь вѣрно не скажу,
Что говоритъ воображенье.

XLI.

Надпись на мой портретъ.

Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета:
Онъ скоро съ рукъ сойдетъ, хоть я не генералъ.
Къ чему лишь говорить, что онъ портретъ поэта?
Карикатурой ты давно бъ его продалъ.

XLII.

Завѣщаніе.

Друзья, простите! завѣщаю
Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ;
Обиды, пѣсни — все прощаю,
А мнѣ пускай долги простятъ.

XLIII.

О н а.

Печаленъ ты, признайся, что съ тобой?“
— Люблю, мой другъ! — „Но кто жь тебя
плѣнила?“
— О н а. — „Да кто жь? Глицера ль, Хлоя, Лила?“
— О, нѣтъ! — „Кому жь ты жертвуешь душой?“
Ахъ, е й! — „Ты скроменъ, другъ сердечный:
„Но почему жь ты столько огорченъ?
„И кто виной? Супругъ, отецъ, конечно...“
Не то, мой другъ! — „Но что жь?“ — Я е й не о н ъ!

XLIV.

На смерть стихотворца.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

XLV.

Скажи, что новаго?“ — Ни слова.
„Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто?“
О,братецъ! отвяжись: я знаю только то,
Что ты дуракъ, но это ужь не ново.

XLVI.

Больны вы, дядюшка? Нѣтъ мочи,
„Какъ безпокоюсь я! три ночи,
„Повѣрьте, глазъ я не смыкалъ!“ .
— Да, слышалъ, слышалъ: въ банкъ игралъ.

XLVII.

Вотъ Виля, — онъ любовью дышитъ
Онъ пѣсни пишетъ зло;
Какъ Геркулесъ сатиры пишетъ,
Влюбленъ какъ Буало.

XLVIII.

Заутра съ свѣчкой грошевою
Явлюсь предъ образомъ святымъ.
Мой другъ! остался я живымъ,
Но былъ ужь смерти подъ косою:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель — лѣкаремъ моимъ!

XLIX.

Эпиграммы на Пучкову.

1.

Пучкова, право, не смѣшна:
Перомъ содѣйствуетъ она
Благотворительнымъ газетъ недѣльныхъ видамъ,
Хоть въ смѣхъ читателямъ, да въ пользу инвалидамъ.

2.

Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва
На каждомъ дѣвственномъ стихѣ?
О, вижу я, пѣвица Ева:
Хлопочешь ты о женихѣ.

3.

Зачѣмъ объ инвалидной долѣ
Моя Пучкова такъ тужитъ?
Она сама въ прелестномъ полѣ
Вѣдь заслуженный инвалидъ.

1817.

I.

Торжество Вакха.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?
Кого, куда зовутъ и бубны, и тимпанъ?
Что значатъ радостные лики
И пѣсни поселянъ?
Въ ихъ кругѣ свѣтлая свобода
Пріяла праздничный вѣнокъ.
Но двинулись толпы народа...
Онъ приближается... Вотъ онъ, вотъ сильный богъ!
Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!
Вотъ онъ, вотъ Индіи герой!
О радость! полныя тобой
Дрожатъ, готовы грянуть струны
Нелицемѣрною хвалой.
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ отрадный!
Державный тирсъ въ его рукахъ;
Вѣнецъ желтѣетъ виноградный
Въ чернокудрявыхъ волосахъ...
Течетъ. Его младые тигры
Съ покорной яростью влекутъ;

Кругомъ летятъ Эроты, Игры —
И гимны въ честь ему поютъ.
За нимъ тѣснится козлоногій
И фавновъ, и сатировъ рой;
Плющемъ опутаны ихъ роги;
Бѣгутъ смятенною толпой
Вослѣдъ за быстрой колесницей:
Кто съ тростниковою цѣвницей,
Кто съ вѣрной кружкою своей;
Тотъ, оступившись, упадаетъ
И бархатный коверъ полей
Виномъ багровымъ обливаетъ
При дикомъ хохотѣ друзей.
Тамъ, далѣ, вижу дивный ходъ:
Звучатъ веселые тимпаны;
Младыя нимфы и сильваны,
Составя шумный хороводъ,
Несутъ недвижнаго Силена...
Вино струится, брызжетъ пѣна,
И розы сыплются кругомъ;
Несутъ за спящимъ старикомъ
И тирсъ, символъ побѣды мирной,
И кубокъ тяжко-золотой,
Вѣнчанный крышкою сапфирной,
Подарокъ Вакха дорогой.

Но воетъ берегъ отдаленный;
Власы раскинувъ по плечамъ,
Вѣнчанны гроздьемъ, обнаженны,
Бѣгутъ вакханки по горамъ.
Тимпаны звонкіе, кружась межь ихъ перстами,
Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
Промчалися, летятъ, свиваются руками,
Волшебной пляской топчутъ лугъ,
И младость пылкая толпами
Стекается вокругъ.

Поютъ неистовыя дѣвы;
Ихъ сладострастные напѣвы
Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
Ихъ перси дышатъ вожделѣньемъ;
Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленьемъ,
Сказали: „Счастіе лови!“
Ихъ вдохновенныя движенья
Сперва изображаютъ намъ
Стыдливость милаго смятенья,
Желанье робкое, а тамъ —
Восторгъ и дерзость наслажденья.
Но вотъ, разсыпались по холмамъ и полямъ;
Махая тирсами, несутся;
Ужь издали ихъ вопли раздаются,
И гулъ имъ вторитъ по лѣсамъ:
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенный
Забвенью бросимъ суеты!
Теки, вино, струею пѣнной
Въ честь Вакха, музъ и красоты!
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

II.

Сновидѣніе.

Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ,
Въ вѣнцѣ сіяющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
Мечталось, я любилъ тебя,
И сердце билось наслажденьемъ.

Я страсть у ногъ твоихъ въ восторгахъ изъявлялъ . . .
Мечты, ахъ, отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только царство потерялъ.

III.

Стансы.

(Изъ Вольтера).

Ты мнѣ велишь пылать душою:
Отдай же мнѣ минувши дни
И мой разсвѣтъ соедини
Съ моей вечернею зарею. [1]

Мой вѣкъ невидимо проходитъ;
Изъ круга смѣховъ и харитъ
Ужь время скрыться мнѣ велитъ
И за руку меня выводитъ.

Предъ нимъ смириться должно намъ:
Кто примѣняться не умѣетъ
Къ своимъ премѣнчивымъ годамъ,
Тотъ горесть ихъ одну имѣетъ. [2]

Счастливцамъ рѣзвымъ, молодымъ,
Оставимъ страсти заблужденья;
Живемъ мы въ мірѣ два мгновенья, —
Одно разсудку отдадимъ.

Ужель навѣкъ вы убѣжали,
Любовь, мечтанья первыхъ дней,
Вы, услаждавшія печали
Минутной младости моей? [3]

Намъ должно дважды умирать:
Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ —

Вотъ смерть, ужасная страданьемъ!
Что̀ значитъ послѣ — не дышать?

На сумрачномъ моемъ закатѣ,
Среди вечерней темноты,
Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
Обмановъ сладостной мечты! [4]

Тогда на голосъ мой унылый
Мнѣ дружба руку пода́ла:
Она любви подобна милой
Въ одной лишь нѣжности была.

Я ей принесъ увядши розы
Веселыхъ юношества дней, [5]
И вслѣдъ пошелъ, — но лилъ я слезы
Что могъ идти в о с л ѣ д ъ лишь ей!

IV.

Письмо къ Лидѣ.

Лишь благосклонный мракъ раскинетъ
Надъ нами тихій свой покровъ,
И время дважды передвинетъ [1]
Стрѣлу медлительныхъ часовъ,
Въ счастливой тишинѣ природы,
Когда не спитъ одна любовь, [2]
Тогда моей темницы вновь
Покину я нѣмые своды...
Летучихъ остальныхъ минутъ
Мнѣ слишкомъ тягостна потеря;
Но скоро аргусы заснутъ,
Замкамъ предательнымъ повѣря, —
И я въ обители твоей!..
По скорой поступи моей,

По сладострастному молчанью,
По смѣлымъ, трепетнымъ рукамъ,
По воспаленному дыханью
И жаркимъ, ласковымъ устамъ
Узнай любовника... Настали
Восторги, радости мои!
О Лида, если бъ умирали
Съ восторговъ нѣги и любви!.. [3]

V.

Добрый совѣтъ.

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнію играть;
Пусть чернь слѣпая суетится:
Не намъ безумной подражать.
Пусть наша вѣтреная младость
Потонетъ въ нѣгѣ и въ винѣ;
Пусть измѣняющая радость
Намъ улыбнется хоть во снѣ.
Когда же юность легкимъ дымомъ
Умчитъ веселость юныхъ дней,
Тогда у старости отымемъ
Все, что отымется у ней.

VI.

Couplets.

Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traîne sa phrase,
Quand on écoute un perroquet,
Ne trouvant pas le mot pour rire.

On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais tête-à-tête avec sa belle,
Ou bien avec des gens d'ésprit,
Le vrai bonheur se renouvelle,
On est content, l'on chante, on rit;
Prolongez vos paisibles veilles
Et chantez vers la fin du soir
A vos amis, à vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Amis, la vie est un passage,
Et tout s'écoule avec le temps!
L'amour aussi n'est qu'un volage,
Un oiseau de notre printemps;
Trop tôt il fuit, riant sous cape, —
C'est pour toujours, adieu l'espoir!
On ne dit pas, dès qu'il s'échappe:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Le temps s'enfuit triste et barbare,
Et tôt ou tard on va là-haut;
Souvent — le cas n'est pas si rare —
Hasard nous sauve du tombeau.
Des maux s'éloignent les cohortes,
Et le squelette horrible et noir
S'en va frappant à d'autres portes:
„Jusqu'au plaisir de nous revoir!"

Mais quoi? je sens que je me lasse,
En lassant mes chers auditeurs...
Allons, je descends du Parnasse, —
Il n'est pas fait pour les chanteurs.
Pour des couplets mon feu s'allume,
Sur un refrain j'ai du pouvoir, —

C'est bien assez... Adieu, ma plume, —
Jusqu'au plaisir de nous revoir!

VII.

Къ Баболовскому дворцу.

Прекрасная! Пускай восторгомъ насладится
Въ твоихъ объятіяхъ россійскій полубогъ.
Что съ участью твоей сравнится?
Весь міръ у ногъ его, — здѣсь у твоихъ онъ ногъ.

VIII.

Именины.

Умножайте шумъ и радость;
Пойте пѣсни въ добрый часъ:
Дружба, грація и младость
Именинницы у насъ.
Между тѣмъ дитя крылато,
Васъ привѣтствуя, друзья,
Втайнѣ думаетъ: когда-то
Именинникъ буду я?

IX.

К. П. Бакуниной.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всего дороже.
Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
Подумавъ, я скажу все то же.

X.

Къ портрету П. Я. Чаадаева.

Онъ вышней волею небесъ
Рожденъ въ оковахъ службы царской;
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ,
У насъ онъ — офицеръ гусарскій.

XI.

Къ портрету Каверина.

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ;
На Марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воитель,
Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель,
И всюду онъ гусаръ.

XII.

Къ портрету П. Х. Молоствова.

Не большой онъ русскій баринъ,
Дуракомъ онъ не былъ ввѣкъ,
Онъ татаринъ, онъ татаринъ,
Онъ не русскій человѣкъ.

XIII.

Къ П. П. Каверину.

Забудь, любезный мой Каверинъ
Минутной рѣзвости нескромные стихи:
Люблю я первый, будь увѣренъ,
Твои счастливые грѣхи.
Все чередой идетъ опредѣленной,

Всему пора, всему свой мигъ;
Смѣшонъ и вѣтреный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный.
Пока живется намъ, живи;
Гуляй въ мое воспоминанье;
Усердствуй Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киѳерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ,
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

XIV.

Въ альбомъ А. Н. Зубову.

Пройдетъ любовь, умрутъ желанья;
Разлучитъ насъ холодный свѣтъ —
Кто вспомнитъ тайныя свиданья
Мечты, восторги прежнихъ лѣтъ?
Позволь въ листахъ воспоминанья
Оставить имъ свой легкій слѣдъ.

XV.

Портретъ.

Вотъ карапузикъ нашъ, монахъ,
Поэтъ, писецъ и воинъ;
Всегда, за все, во всѣхъ мѣстахъ,
Крапивы онъ достоинъ.
Съ Мартыномъ — попъ онъ записной,
Съ Фроловымъ — математикъ;
Вступаетъ Энгельгардтъ-герой, —
И вмигъ онъ дипломатикъ.

XVI.

Исторія стихотворца.

Внимаетъ онъ привычнымъ слухомъ
Свистъ;
Мараетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ, и въ Лету —
Бухъ!

XVII.

Съ позволенія сказать,
Я сердитъ на васъ ужасно;
Нѣтъ, — вы просите напрасно:
Не хочу стиховъ писать.
Можно ль честному поэту
Ставить къ каждому куплету:
„Съ позволенія сказать“?

Съ позволенія сказать, —
Моськина, по мнѣ, прекрасна;
Знаю, что она опасна;
Мужу хочется бодать;
Но гусары, вѣдь, невинны,
Что у мужа роги длинны, —
Съ позволенія сказать.

Съ позволенія сказать, —
Много въ свѣтѣ риѳмодѣевъ,
Все ученыхъ грамотеевъ,
Чтобы всякій вздоръ писать;
Но, въ примѣръ и страхъ Европы,

Многимъ можно бъ высѣчь . . . .,
Съ позволенія сказать.

XVIII.

Дельвигу.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
Живи подъ ихъ надежной сѣнью:
Въ уединеніи ты счастливъ; ты поэтъ!
Наперснику боговъ не страшны бури злыя:
Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой;
Его баюкаютъ Камены молодыя,
И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой.
О милый другъ! И мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь.
Я лирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ, —
И лира стала мой удѣлъ.
Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жаръ,
Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?
Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ!
Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавый!
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
Нѣтъ, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ.

XIX.

Въ альбомъ А. Д. Илличевскому.

Мой другъ, не славный я поэтъ,
Хоть христіанинъ православный.
Душа безсмертна, слова нѣтъ;
Моимъ стихамъ удѣлъ не равный:
И пѣсни музы своенравной,
Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ
Погибнутъ смертію забавной,
И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ.
Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
Что предпочелъ бы я скорѣй
Безсмертію души моей
Безсмертіе моихъ твореній.
Не властны мы въ судьбѣ своей;
По крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнья, —
Сей плодъ небрежный вдохновенья,
Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ,
На скромныхъ дружества листкахъ,
Уйдетъ отъ общаго забвенья.
Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,
Твоею дружбой оживленный;
Мои стихи пускай умрутъ:
Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
Навѣрно ихъ переживутъ.

31 мая.

XX.

Въ альбомъ Ив. Ив. Пущину.

Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ:
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ!

XXI.

Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ, —
Судьба его неумолима!
Несите прочь медикаментъ:
Болѣзнь любви неизлѣчима!

XXII.

Разлука.

(В. К. Кюхельбекеру).

Въ послѣдній разъ въ сѣни уединенья [1]
Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ пенатъ.
Лицейской жизни милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья!
Прошли лѣта соединенья;
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
Прости! Хранимый небомъ,
Не разлучайся, другъ,
Съ свободою и Фебомъ! [2]
Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья,

И дни твои полетомъ сновидѣнья
Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.
И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?)
Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!
9 іюня.

XXIII.

Товарищамъ.

Промчались годы заточенья;
Не долго, милые друзья,
Намъ видѣть кровъ уединенья
И царскосельскія поля.
Разлука ждетъ насъ у порогу,
Зоветъ насъ свѣта дальній шумъ,
И всякъ избралъ свою дорогу
Съ волненьемъ гордыхъ юныхъ думъ. [1]
Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
Уже въ воинственномъ нарядѣ
Гусарской саблею махнулъ,
Въ крещенской утренней прохладѣ
Красиво мерзнетъ на парадѣ,
А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатнаго въ прихожей
Покорнымъ плутомъ зритъ себя.
Лишь я, судьбѣ во всемъ послушный,
Счастливой лѣни вѣрный сынъ,
Всегда безпечный, равнодушный, [2]
Я тихо задремалъ одинъ.
Равны мнѣ писари, уланы,
Равны законы, кивера; [3]

Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассесора.
Друзья, немного снисхожденья!
Оставьте мирный мнѣ колпакъ, [4]
Пока его за прегрѣшенья
Не промѣнялъ я на шишакъ,
Пока лѣнивому возможно,
Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
Еще рукой неосторожной
Въ іюлѣ распахнуть жилетъ. [5]

XXIV.

Посланіе къ В. Л. Пушкину.

Скажи, парнасскій мой отецъ:
Неужто вѣрныхъ музъ любовникъ
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладонъ Аполлону даромъ,
За честь не смѣетъ безъ стыда
Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ
И, если можно, города?
Беллона, музы и Венера —
Вотъ, кажется, святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца;
Я шлюсь на русскаго Буфлера
И на Дениса храбреца,
Но не на Глинку офицера,
Довольно плоскаго пѣвца: [1]
Не нужно мнѣ его примѣра!

Ты скажешь: „Перестань, болтунъ,
„Будь человѣкъ, а не драгунъ!
„Парады, караулъ, ученье —

„Все это оды не внушитъ,
„А только душу изсушитъ,
„И къ Марину для награжденья,
„Быть можетъ, прямо за Коцитъ [2]
„Пошлютъ читать его творенья.
„Послушай дяди, милый мой:
„Ступай себѣ къ слѣпой Ѳемидѣ
„Ты съ дипломатикой косой!
„Кропай, мой другъ, посланіе къ Лидѣ,
„Оставь военные грѣхи,
„И въ сладостяхъ успокоенья
„Пиши сенатскія рѣшенья
„И пятистопные стихи;
„И не съ гусарскаго корнета —
„Возьми примѣръ съ того поэта,
„Съ того, котораго рука
„Нарисовала Ермака
„Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта,
„И плѣнъ могучаго Махмета,
„И мужа модные рога;
„Который, милостію Бога,
„Министръ и сладостный пѣвецъ,
„Былъ строгой чести образецъ,
„Какъ образецъ онъ будетъ слога...“ [3]

Все такъ, почтенный дядя мой;
Почтенъ, кто глупости людской
Рѣшитъ запутанные споры; [4]
Уменъ, кто хитрости рукой
Переплетаетъ межь собой
Дипломатическіе вздоры
И правитъ нашею судьбой.
Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ,
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ „Святкахъ“ онъ достоинъ; [5]
Но что прелестнѣй и живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,

Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ,
И что завиднѣй бранныхъ дней [6]
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ, и нѣгъ, и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что́ скука, страхъ,
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру,
О комъ за пѣсни, за дѣла
Гремитъ правдивая хвала,
Кто славитъ Марса и Темиру,
И бранную повѣсилъ лиру
Межь вѣрной сабли и сѣдла!
Но вы, враги трудовъ и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вамъ на-ухо: вы правы,
И съ вами соглашаюсь я!
Богъ создалъ для себя природу,
Свой рай и счастіе — глупцамъ,
Злословіе, мужчинъ и моду, —
Конечно, для забавы дамъ;
Заботы — знатному народу,
Дурачества — для всѣхъ, а намъ —
Уединенье и свободу.

XXV.

Безвѣріе.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ,
Считая мрачное безвѣріе порокомъ,
Бѣжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лѣтъ
Безумно погасилъ отрадный сердцу свѣтъ!
Смирите гордости жестокой изступленье:
Имѣетъ онъ права на ваше снисхожденье;
Съ душою тронутой внемлите брата стонъ: [1]
Несчастный — не злодѣй, — собою страждетъ онъ.
Кто въ мірѣ усладитъ души его мученья?
Увы! Онъ перваго лишился утѣшенья! [2]

Настигнетъ ли его глухихъ судебъ ударъ,
Отымется ли вдругъ минутный счастья даръ,
Въ любви ли, въ дружествѣ ль обниметъ онъ измѣну
И ихъ почувствуетъ обманчивую цѣну,
Лишенный всѣхъ опоръ, отпадшій вѣры сынъ
Ужь видитъ съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ,
И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не простирается изъ-за предѣловъ міра.

Напрасно, въ пышности свободной простоты,
Природы передъ нимъ открыты красоты;
Напрасно вокругъ себя печальный взоръ онъ водитъ:
Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ.
Несчастія, страстей и немощей сыны,
Мы всѣ на страшный гробъ, родясь, осуждены;
Всечасно бренныхъ узъ готово разрушенье;
Нашъ вѣкъ — невѣрный день, всечасное волненье;
Когда, холодной тьмой объемля грозно насъ,
Завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ,
Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку
И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!
Тогда, бесѣдуя съ раскованной душой, [3]

О вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
И ободренную съ надеждой отпускаешь.
Но, други, пережить ужаснѣе друзей!..
Лишь вѣра въ тишинѣ отрадою своей
Живитъ унылый духъ и сердца ожиданье:
„Настанетъ“ — говоритъ — „назначенно свиданье.“

А онъ, слѣпой мудрецъ, у гроба стонетъ онъ!
Съ отрадой бытія [4] несчастный разлученъ,
Надежды тихаго не внемлетъ онъ привѣта:
Подходитъ къ гробу онъ, взываетъ... нѣтъ отвѣта!

Видали ль вы его въ безмолвныхъ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ кровныхъ и друзей священный тлѣетъ прахъ?..
Видали ль вы его надъ хладною могилой,
Гдѣ нѣжной Деліи таится пепелъ милый?
Къ почившимъ позванный вечерней тишиной,
Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной главой; [5]
Въ слезахъ отчаянья, въ слезахъ ожесточенья,
Въ молчаньѣ ужаса, въ безумствѣ изступленья,
Рыдаетъ! И межь тѣмъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ,
У гроба матери колѣна преклонивъ,
Тамъ дѣва юная, въ печали безмятежной,
Возводитъ къ небу взоръ болѣзненный и нѣжный.
Одна, туманною луной озарена,
Какъ ангелъ горести является она,
Вздыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ...
Все тихо вкругъ его, а кажется, внимаетъ...
Несчастный на нее въ безмолвіи глядитъ,
Качаетъ головой, трепещетъ и бѣжитъ.
Спѣшитъ онъ далѣе, но вслѣдъ унынье бродитъ.

Во храмъ ли Вышняго съ толпой онъ молча входитъ, —
Тамъ умножаетъ онъ тоску души своей:
При пышномъ торжествѣ священныхъ алтарей,

При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ,
Тревожится его безвѣрія мученье.
Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зритъ,
Съ померкшею душой святынѣ предстоитъ;
Холодный ко всему и чуждый къ умиленью,
Съ досадой тихому внимаетъ онъ моленью.
„Счастливцы!“ мыслитъ онъ: „почто не можно мнѣ,
„Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ,
„Забывъ о разумѣ и немощномъ, и строгомъ,
„Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ?“
Напрасный сердца крикъ! Нѣтъ, нѣтъ, не суждено
Ему блаженство знать! Безвѣріе одно
По жизненной стезѣ, во мракѣ, вождь унылый,
Влечетъ несчастнаго до хладныхъ вратъ могилы.
И что зоветъ его къ пустынѣ гробовой, —
Кто вѣдаетъ? Но тамъ лишь видитъ онъ покой.

XXVI.

Къ ней.

Въ печальной праздности я лиру забывалъ,
Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось,
Съ дарами юности мой геній отлеталъ,
И сердце медленно хладѣло, закрывалось.
Васъ вновь я призывалъ, о дни моей весны!
Вы, пролетѣвшіе подъ сѣнью тишины,
Дни дружества, любви, надеждъ и грусти нѣжной,
Когда, поэзіи поклонникъ безмятежной,
На лирѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
Волненіе любви, уныніе разлуки —
И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
Мои задумчивые звуки!
Напрасно! Я влачилъ постыдной лѣни грузъ,
Въ дремоту хладную невольно погружался,
Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ,
И — слезы на глазахъ — со славою прощался!
Но вдругъ, какъ молніи стрѣла

Зажглась въ увядшемъ сердцѣ младость,
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Все снова расцвѣло! Я жизнью трепеталъ;
Природы вновь восторженный свидѣтель,
Живѣе чувствовалъ, свободнѣе дышалъ,
Сильнѣй плѣняла добродѣтель...
Хвала любви, хвала богамъ!
Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный,
И съ звонкимъ трепетомъ воскреснувшія струны
Несу къ твоимъ ногамъ!

XXVII.

Къ Жуковскому.

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнасской сѣни,
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ, и лира мой — удѣлъ.
Страшусь, неопытный, безславнаго паденья,
Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья. [1]
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣкахъ священный [2] судія *),
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ музъ любимый
И блѣдной [3] зависти предметъ неколебимый,
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ;
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ;
И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный **),
Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
А ты, природою на пѣсни обреченный,

*) Карамзинъ.
**) Державинъ.

Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, [4] и молненной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы [2] безсмертные, питомцы вдохновенья,
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья!
Лечу къ безвѣстному отважною [6] мечтой,
И, мнится, геній вашъ промчался надо мной.

Но что? Подъ грозною парнасскою скалою
Какое зрѣлище открылось предо мною?
Въ ужасной [7] темнотѣ пещерной глубины,
Вражды и зависти угрюмые сыны,
Возвышенныхъ творцовъ зоилы записные,
Сидятъ безсмыслицы дружины боевыя;
Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
Варяжскіе стихи визжитъ варяговъ строй;
Смѣхъ общій — имъ отвѣтъ надъ мрачными толпами.
Ко мнѣ два призрака склонилися главами: [8]
Одинъ на груды сѣлъ и прозы, и стиховъ,
Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ,
Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы!
Съ улыбкой внемлетъ вой стопосложитель хилый: [9]
Предъ нимъ растерзанный стенаетъ Телемахъ,
Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ
И тянетъ за собой гекзаметры сухіе,
Спондеи жесткіе и дактилы тугіе.
Ретивой музою прославленный пѣвецъ!
Гордись: ты — Мевія надутый образецъ!
Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
Стоитъ среди толпы друзей [10] непросвѣщенья?
Торжественной хвалы къ нему несется шумъ:
Онъ, онъ подъ риѳмою попралъ и вкусъ, и умъ! [11]
Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,

Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ, [12]
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ [13]
И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?
Ему ли, карлику, тягаться съ исполиномъ?
Ему ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ пѣвецъ,
Веселье россіанъ, полунощное диво? *)
Нѣтъ, въ тихой Летѣ онъ потонетъ молчаливо!
Ужь на челѣ его забвенія печать.
Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
Страшилась грація циническої свирѣли,
И персты грубые на лирѣ костенѣли.
Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ:
Явится Депрео — исчезнетъ Шапеленъ.
И что жь? Всегда смѣшнымъ останется смѣшное:
Невѣжду пестуетъ невѣжество слѣпое;
Оно сокрыло ихъ во мрачный [14] свой пріютъ.
Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишь не нѣмы:
Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
Тотъ, вѣрный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зѣвающую музу,
Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнаса мнитъ: [15]
Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ.
Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ:
Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ.
При свистахъ критики [16] къ собратьямъ онъ бѣжитъ,
И маковый вѣнецъ Ѳеспису ими свитъ.
Всѣ, руку положивъ на томъ Телемахиды,
Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
Волнуясь, возстаютъ неистовой толпой. [17]
Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,

*) Ломоносовъ.

Кто тайно могъ [18] плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И русской [19] глупости не хочетъ бить челомъ:
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата, —
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата!

И вы возстаньте же, парнасскіе жрецы,
Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы! [20]
Въ счастливой ереси и вкуса, и ученья,
Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенья!
Отмститель генія, другъ истины — поэтъ!
Ліющая съ небесъ и жизнь, и вѣчный свѣтъ,
Стрѣлою гибели десница Аполлона
Сражаетъ, наконецъ, ужаснаго Пиѳона.
Смотрите: пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть!
Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣсть.
Летите на враговъ — и Фебъ, и музы съ вами!
Разите варваровъ кровавыми стихами:
Невѣжество, смирясь, потупитъ хладный взоръ;
Спесивыхъ [21] риторовъ безграмотный соборъ...

Но вижу, возвѣщать намъ истины опасно:
Ужь Мевій на меня нахмурился ужасно,
И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ.
Гоненія терпѣть — ужель и мой удѣлъ? [22]
Что нужды? Смѣло въ даль дорогою прямою!
Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
Мнѣ ты примѣръ! Что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба:
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
Ихъ слава — имъ же стыдъ, творенья — смѣхъ уму,
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму.

XXVIII.

Простите, вѣрныя дубравы!
Прости, безпечный миръ полей,
И легкокрылыя забавы
Столь быстро улетѣвшихъ дней!
Прости, Тригорское, гдѣ радость
Меня встрѣчала столько разъ!
На то ль узналъ я вашу сладость,
Чтобъ навсегда покинуть васъ?
Отъ васъ беру воспоминанье,
А сердце оставляю вамъ.
Быть можетъ (сладкое мечтанье!)
Я къ вашимъ возвращусь полямъ,
Приду подъ липовые своды
На скатъ Тригорскаго холма,
Поклонникъ дружеской свободы
Веселыхъ грацій и ума.

1 сентября.

XXIX.

Е. С. Огаревой, которой м—тъ прислалъ плодовъ изъ своего сада.

М— тъ, хвастунъ безстыдный,
Тебѣ прислалъ своихъ плодовъ:
Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
Что будто самъ онъ богъ садовъ.

Чему дивиться тутъ? Харита
Улыбкой дряхлость побѣдитъ,
Съ ума сведетъ м — та
И пылъ желаній въ немъ родитъ.

И онъ, твой встрѣтя взоръ волшебный,

Пушкинъ. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

А. С. Пушкинъ.

Съ рисунка Жюля Вериэ.

Забудетъ о своемъ крестѣ,
И нѣжно станетъ пѣть молебны
Твоей небесной красотѣ.

XXX.

А. И. Тургеневу.

Тургеневъ, вѣрный покровитель
Поповъ, евреевъ и скопцовъ,
Но слишкомъ счастливый гонитель
И езуитовъ, и глупцовъ,
И лѣности моей безплодной,
Всегда безпечной и свободной,
Подруги благодатныхъ сновъ!
Къ чему смѣяться надо мною,
Когда я слабою рукою
По лирѣ съ трепетомъ вожу
И лишь изнѣженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
Въ струнахъ незвонкихъ нахожу?
Душой предавшись наслажденью,
Я сладко-сладко задремалъ...

Одинъ лишь ты съ глубокой лѣнью
Къ трудамъ охоту сочеталъ;
Одинъ лишь ты, любовникъ страстный
И С . . . . . й, и креста *),
То ночью прыгаешь съ прекрасной,
То проповѣдуешь Христа.
На свадьбахъ и въ Библейской залѣ,
Среди веселій и заботъ,
Роняешь Лунину на балѣ,
Подъемлешь трепетныхъ сиротъ;

*) Креста, сирѣчь не Аннинскаго и не Владимірскаго, а честнаго и животворящаго.

Лѣнивецъ милый на Парнасѣ,
Забывъ любви своей печаль,
Съ улыбкой дремлешь въ Арзамасѣ
И спишь у графа де-Лаваль.
Нося мучительное бремя
Пустыхъ и тяжкихъ должностей,
Одинъ лишь ты находишь время
Смѣяться лѣности моей.

Не вызывай меня ты болѣ
Къ навѣкъ оставленнымъ трудамъ,
Ни къ поэтической неволѣ,
Ни къ обработаннымъ стихамъ.
Что нужды, если и съ ошибкой,
И слабо иногда пою?
Пускай Нинета лишь улыбкой
Любовь безпечную мою
Воспламенитъ и успокоитъ!
А трудъ — и холоденъ, и пустъ:
Поэма никогда не стоитъ
Улыбки сладострастныхъ устъ!

8 ноября.

XXXI.

Княгинѣ А. И. Голицыной.

Краевъ чужихъ неопытный любитель
И своего всегдашній обвинитель,
Я говорилъ: въ отечествѣ моемъ
Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
Возвышенной и пламенно-свободной?
Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
Но съ огненной, плѣнительной, живой?
Гдѣ разговоръ найду непринужденный,
Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?

Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?
Отечество почти я ненавидѣлъ;
Но я вчера Голицыну увидѣлъ —
И примиренъ съ отечествомъ моимъ.

30 ноября.

XXXII.

Н. И. Кривцову.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосельемъ:
Право, намъ такимъ бездѣльемъ
Заниматься недосугъ.
Пусть остылой жизни чашу
Тянетъ медленно другой,
Мы жь утратимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой; [1]
Каждый у своей гробницы
Мы присядемъ на порогъ, [2]
У пафосскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ — у вѣрной лѣни,
Круговой нальемъ сосудъ, [3] —
И толпою наши тѣни
Къ тихой Летѣ убѣгутъ.
Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтелъ,
И подруги шалуновъ
Соберутъ ихъ легкій пепелъ
Въ урны праздныя пировъ.

Декабрь.

1818.

I.

Къ Ѳ. Ф. Юрьеву.

Любимецъ вѣтреныхъ Лаисъ,
Прелестный баловень Киприды,
Умѣй сносить, мой Адонисъ,
Ея минутныя обиды!
Она дала красы младой
Тебѣ въ удѣлъ очарованье:
И черный усъ, и взглядъ живой,
Любви улыбку и молчанье;
Съ тебя довольно, милый другъ!
Пускай, желаній пылкихъ чуждый,
Ты поцѣлуями подругъ
Не наслаждаешься; что нужды?
Въ чаду веселій городскихъ,
На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры,
Къ тебѣ красавицъ молодыхъ
Летятъ задумчивые взоры...
Увы! языкъ любви нѣмой,
Сей вздохъ души краснорѣчивой,
Быть долженъ сладокъ, милый мой,
Безпечности самолюбивой, —
И счастливъ ты своей судьбой!
А я — повѣса вѣчно праздный,

Потомокъ негровъ безобразный,
Взращенный въ дикой простотѣ,
Любви не вѣдая страданій,
Я нравлюсь юной красотѣ
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній...
Съ невольнымъ пламенемъ ланитъ,
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На фавна иногда глядитъ.

II.

Прелестницѣ.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
Умильнымъ голосомъ и взоромъ
Младое сердце распалять [1]
И тихимъ, сладостнымъ укоромъ
Къ побѣдѣ легкой вызывать?
Къ чему обманчивая нѣжность,
Стыдливости притворный видъ,
Движеній томная небрежность
И трепетъ устъ, и жаръ ланитъ?
Напрасны хитрыя старанья:
Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ...
Невольный хладъ негодованья —
Тебѣ мой роковой отвѣтъ.
Твоею прелестью надменной
Кто не владѣлъ во тьмѣ ночной? [2]
Скажи: у двери оцѣненной
Твоей обители презрѣнной
Кто смѣлой не стучалъ рукой?
Нѣтъ, нѣтъ, другому свой завялый
Неси, прелестница, вѣнокъ,
Ласкай неопытный порокъ,
Въ твоихъ объятіяхъ усталый,
Но гордый замыселъ забудь:

Не привлечешь питомца музы
Ты на предательскую [3] грудь.
Неси другимъ наемны узы,
Своей любви постыдный торгъ,
Корысти хладныя желанья
И принужденныя лобзанья,
И златомъ купленный восторгъ!

III.

Выздоровленіе.

Тебя-ль я видѣлъ, милый другъ?
Или невѣрное то было сновидѣнье,
Мечтанье смутное, и пламенный недугъ
Обманомъ волновалъ мое воображенье?
Въ минуты мрачныя болѣзни роковой,
Ты-ль, дѣва нѣжная, стояла надо мной
Въ одеждѣ воина, [1] съ неловкостью пріятной?
Такъ, видѣлъ я тебя, мой тусклый взоръ узналъ
Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной,
И слабымъ шопотомъ подругу я назвалъ...
Но вновь въ умѣ моемъ стѣснились мрачны грезы;
Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ... [2]
И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы,
И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...

Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
Желанья, жизни огнь по сердцу пробѣжалъ!
Я закипѣлъ, затрепеталъ!
И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ...

Жестокій другъ, меня томишь ты упоеньемъ;
Приди, меня мертвитъ любовь!
Въ молчаньѣ благосклонной ночи
Явись, волшебница! пускай увижу вновь

Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,
И плащъ, и поясъ боевой,
И бранной обувью украшенныя ноги...
Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой;
Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой
Мнѣ снова ниспослали боги,
А съ нимъ — и сладкія тревоги
Любви таинственной и шалости младой.

IV.

Н. И. Кривцову,

при посылкѣ Вольтеровой поэмы.

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебѣ даритъ
На скучный путь и на разлуку,
Святую библію харитъ?
Амуръ нашелъ ее въ Цитерѣ,
Въ архивѣ шалости младой:
По ней молись своей Венерѣ
Благочестивою душой.
Прости, эпикуреецъ мой!
Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ!
Лети во мрачный Альбіонъ!
Да сохранятъ тебя въ чужбинѣ
Христосъ и вѣрный Купидонъ!
Неси въ чужой предѣлъ пената,
Но, помня прежни дни свои,
Люби недѣвственнаго брата,
Страдальца чувственной любви.

2 марта.

V.

Къ Чаадаеву.

Любви, надежды, гордой славы
Не долго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ!
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья;
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

VI.

Мечтателю.

Ты въ страсти горестной [1] находишь наслажденье:
Тебѣ пріятно слезы лить,
Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
И въ сердцѣ тихое уныніе таить. [2]
Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!
О если бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,
Постигло страшное безуміе любви,

Когда-бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови,
Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,
На ложѣ, медленно терзаемый тоской,
Ты звалъ обманчивый покой, [3]
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркіе рыдая обнималъ
И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья!
Повѣрь, тогда-бъ ты не питалъ
Неблагодарнаго мечтанья;
Нѣтъ, нѣтъ! въ слезахъ упавъ къ ногамъ
Своей любовницы надменной,
Дрожащій, блѣдный, изступленный, [4]
Тогда-бъ воскликнулъ ты [5] къ богамъ:
„Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
„Возьмите отъ меня сей образъ роковой:
„Довольно я любилъ, — отдайте мнѣ покой...“
Но мрачная любовь и образъ незабвенный
Остались вѣчно бы съ тобой.

VII.

Къ портрету Жуковскаго.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль [1]
И рѣзвая задумается радость

VIII.

Жуковскому.

(На изданіе книжекъ его «Для немногихъ»).

Когда къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣняхъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья

Передъ тобой въ волшебной мглѣ
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ, —
Ты правъ: творишь ты для немногихъ, —
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбитъ счастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ;
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ,
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

IX.

Въ альбомъ Ел. Як. Сосницкой.

Вы съединить могли съ холодностью сердечной
Чудесный жаръ плѣнительныхъ очей;
Кто любитъ васъ, тотъ очень глупъ, конечно;
Но кто не любитъ васъ, тотъ во сто разъ глупѣй.

X.

Добрый человѣкъ.

Ты правъ: несносенъ Өирсъ ученый,
Педантъ надутый и мудреный;
Онъ важно судитъ обо всемъ, [1]
Всего онъ знаетъ понемногу..
Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
Ты просто глупъ, — и слава Богу!

XI.

Эпиграммы на Карамзина.

1.

Въ его исторіи изящность, простота
Доказываютъ намъ, безъ всякаго пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

2.

„Послушайте: я вамъ скажу про старину,
„Про Игоря и про его жену,
„Про Новгородъ, про время золотое,
„И, наконецъ, — про Грознаго царя...“
— И, бабушка! затѣяла пустое:
Докончи лучше намъ Илью-богатыря!

XII.

На кн. А. Н. Голицына.

Вотъ Хвостовой покровитель,
Вотъ холопская душа,
Просвѣщенія гонитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте, Бога ради,
На него со всѣхъ сторонъ!
. . . . . .
Тамъ всего слабѣе онъ.

XIII.

На Фотія.

Полу-фанатикъ, полу-плутъ;
Ему орудіемъ духовнымъ
Проклятье, мечъ, и крестъ, и кнутъ.

Пошли намъ, Боже, недостойнымъ,
Поменьше пастырей такихъ, —
Полу-благихъ, полу-слѣпыхъ!

XIV.

На Каченовскаго.

Безсмертною рукой раздавленный зоилъ,
Позорнаго клейма ты вновь не заслужилъ!
Безчестью твоему нужна ли перемѣна?
Нашъ Тацитъ на тебя захочетъ ли взглянуть?
Уймись — и прежнимъ ты стихомъ доволенъ будь
„Плюгавый выползокъ изъ г... а Дефонтена!“

XV.

Про себя.

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь;
Я много обѣщаю,
Исполню ли, — Богъ вѣсть!

XVI.

Наденькѣ.

Съ тобой пріятно удѣлить
Часокъ-два-три уединенью:
Одинъ желаньямъ посвятить,
А два послѣднихъ — наслажденью.

XVII.

К * * *.

Счастливъ, кто близь тебя, любовникъ упоенный,
Безъ томной робости твой ловитъ свѣтлый взоръ,
Движенья милыя, игривый разговоръ
И слѣдъ улыбки незабвенной.

XVIII.

Черновые наброски.

* * *

Позволь душѣ моей открыться предъ тобою
И въ дружбѣ сладостной отраду почерпнуть;
Скучая жизнію, томимый суетою,
Я жажду близь тебя свободно отдохнуть.
Ты помнишь, милая, — зарею нашихъ лѣтъ,
Младенцы, мы любить умѣли...
Какъ быстро наши лѣта улетѣли!
Въ кругу чужихъ, въ немилой сторонѣ,
Я мало жилъ и наслаждался мало,
И дней моихъ печальное начало
Наскучило, давно постыло мнѣ...
Къ чему мнѣ жить? Я не рожденъ для счастья,
Я не рожденъ для дружбы, для забавъ;
Я хладно пилъ изъ чаши сладострастья...
. . . . . .

* * *

Какъ сладостно, — но, боги, какъ опасно
Тебѣ внимать, твой видѣть милый взоръ!
Могу ль забыть улыбку, взоръ прекрасной
И огненный, волшебный разговоръ?
Волшебница! Зачѣмъ тебя я видѣлъ?
[Узнавъ тебя], блаженство я позналъ
И счастіе мое возненавидѣлъ...

* * *

И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ
Одною дружбою прекрасенъ,
Что безъ нея отрады нѣтъ,
Что жизни бъ путь намъ былъ ужасенъ,
Когда бъ не тихій дружбы свѣтъ...

Но знаю чувство я другое:
Оно и нѣжитъ, и томитъ,
Въ трудахъ, заботахъ и въ покоѣ
Всегда не дремлетъ и горитъ;
Оно мучительно, жестоко,
Коль язвы пламенной, глубокой,
Елей надежды не живитъ.
Вотъ страсть, которой я страдаю,
Которой вяну и дышу,
[Которую въ душѣ ношу]
И ни на что не промѣняю...

1819.

I.

Эпиграмма на А. М. Колосову.

Все плѣняетъ насъ въ Эсѳири:
Упоительная рѣчь,
Поступь важная въ порфирѣ,
Кудри черныя до плечъ,
Голосъ нѣжный, взоръ любови,
Набѣленная рука,
Размалеванныя брови
И огромная нога!

Январь.

II.

Ѳ. Ф. Юрьеву.

Здорово, Юрьевъ именинникъ,
Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ!
Сегодня для тебя пустынникъ
Осушитъ пѣнистый стаканъ.

Здорово, рыцари лихіе
Любви, свободы и вина!

Для насъ, союзники младые,
Надежды лампа зажжена!..

Здорово, молодость и счастье,
Заздравный кубокъ и .....,
Гдѣ съ громкимъ смѣхомъ сладострастье
Ведетъ насъ пьяныхъ на постель!

Февраль.

III.

Къ * * *

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омраченъ, [1]
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмый,
Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкій жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто разъ любилъ, ужь не полюбитъ вновь,
Кто счастье зналъ, ужь не узнаетъ счастья.
На краткій мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья [2]
Останется уныніе одно.

8 марта.

IV.

Веселый пиръ.

Я люблю вечерній пиръ,
Гдѣ веселье — предсѣдатель,
А свобода, мой кумиръ, —
За столомъ законодатель;
Гдѣ до утра слово „пей“
Заглушаетъ крики пѣсенъ,

Гдѣ просторенъ кругъ гостей,
А кружокъ бутылокъ тѣсенъ!

V.

Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

На лирѣ скромной, благородной,
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И силѣ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ.
Свободу лишь умѣя славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, — признаюсь, — подъ Геликономъ,
Гдѣ касталійскій токъ шумѣлъ,
Я, вдохновенный Аполлономъ,
Елизавету втайнѣ пѣлъ.
Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой, —
И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

VI.

Оленькѣ Массонъ.

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты!
Какъ же ласки и обиды

Расточать привыкла ты!
Поцѣлуемъ сладострастья —
Соблазнительнаго счастья
Назначаешь тайный часъ;
Мы съ горячкою любовной
Прибѣгаемъ въ часъ условный, —
Въ дверь стучимъ; но въ сотый разъ
Слышимъ твой коварный шопотъ
И служанки сонный ропотъ
И насмѣшливый отказъ.
Ради рѣзваго разврата,
Пріапическихъ затѣй,
Ради нѣги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,
Внемли нашъ влюбленный плачъ, —
День восторговъ, день забвенья
Намъ навѣрное назначь.

VII.

А. Ѳ. Орлову.

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной
(Хотя и русскій генералъ)
Любезность, разумъ просвѣщенный;
О ты, который, съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ верхомъ
Преподаешь царей науку,
Но не безславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача, —
Орловъ, ты правъ: я забываю
Свои гусарскія мечты
И съ Соломономъ восклицаю:

Мундиръ и сабля — суеты!
На генерала Киселева
Не положу своихъ надеждъ:
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,
Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ придворный: обѣщанья
Ему не стóятъ ничего.
Смиривъ немирныя желанья,
Безъ доломана, безъ усовъ,
Сокроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой,
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ;
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
Или въ травѣ густыхъ луговъ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ,
Я буду пѣть моихъ боговъ —
И буду ждать. Когда-жь возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей
И брани громкій вызовъ грянетъ,
Тогда покину миръ полей;
Питомецъ пламенный Беллоны,
У трона вѣрный гражданинъ,
Орловъ! Я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ;
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечемъ и съ лирой боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

Іюль.

VIII.

В. В. Энгельгардту.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
Худой, обритый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготѣетъ надо мной;
Здоровье, легкій другъ Пріапа,
И сонъ, и сладостный покой,
Съ Кипридой [1] посѣтили снова
Мой уголъ тѣсный и простой.
Утѣшь и ты полубольного:
Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
Лѣнивый Пинда гражданинъ,
Свободы, Вакха [2] вѣрный сынъ,
Венеры набожный поклонникъ [3]
И наслажденій властелинъ!
Отъ суеты столицы праздной,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплетницы молвы,
Отъ скуки, столь разнообразной,
Я ѣду въ даль! Простите, дамы,
Актрисы, франты, доктора,
Шумящи игры, вечера,
Гдѣ льются пуншъ и эпиграммы! [4]
Меня зовутъ поля, луга,
Тѣнисты липы огорода,
Озеръ пустынныхъ берега
И деревенская свобода. [5]
Дай руку мнѣ. Пріѣду я
Въ началѣ мрачномъ октября:
Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря
Насчетъ глупца, вельможи злова,

Насчетъ холопа записнова,
Насчетъ небеснаго царя,
А иногда насчетъ земнова.

Іюль.

IX.

Къ Щербинину.

Житье тому, любезный другъ,
Кто страстью глупою не боленъ,
Кому влюбиться недосугъ,
Кто занятъ всѣмъ и всѣмъ доволенъ;
Кто Наденьку подъ-вечерокъ
За тайнымъ ужиномъ ласкаетъ
И жирный страсбургскій пирогъ
Виномъ душистымъ запиваетъ; [1]
Кто, удаливъ заботы прочь,
Какъ вѣрный сынъ пафосской вѣры,
Проводитъ набожную [2] ночь
Съ младой монашенкой [3] Цитеры;
Поутру сладко дремлетъ онъ,
Читая листикъ Инвалида,
Весь день веселью посвященъ,
А ночью царствуетъ Киприда!
И мы не такъ ли дни ведемъ,
Щербининъ, рѣзвый [4] другъ забавы,
Съ Амуромъ, шалостью, виномъ,
Покамѣстъ молоды и здравы?
Но дни младые пролетятъ,
Веселье, нѣга насъ покинутъ,
Желаньямъ чувства измѣнятъ,
Сердца изсохнутъ и остынутъ;
Тогда безъ пѣсенъ, безъ подругъ,
Безъ наслажденій, безъ желаній,
Найдемъ отраду, милый другъ,
Въ туманномъ снѣ воспоминаній!
Тогда, качая головой,

Скажу тебѣ у двери гроба:
„Ты помнишь Фанни, милый мой?“
И тихо улыбнемся оба.

X.

Стансы.

(Я. Н. Толстому).

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни,
На игры младости глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милыя забавы свѣта
На грусть и скуку промѣнялъ
И на лампаду Эпиктета —
Златой Гораціевъ фіалъ.

Повѣрь, мой другъ: она придетъ,
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной истины, заботъ
И безполезныхъ размышленій.

Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки;
Надъ сѣдинами не гремятъ
Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
Зови же сладкое бездѣлье
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденье пей,
Живи безпеченъ, равнодушенъ,

Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей!

XI.

Деревня.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей, [1]
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой! Люблю сей темный садъ,
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины, [2]
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними — рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали — разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Вездѣ — слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя или глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ:
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,

Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца;
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее тащится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя;
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ...
О, если-бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

XII.

Домовому.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой [1]
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой,
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра поздняго осенніе набѣги;
Да въ пору благотворны снѣги
Покроютъ влажный тукъ полей!
Останься тайный стражъ въ наслѣдственной сѣни,
Постигни робостью полуночнаго вора
И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охрани!
Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой милый садъ, и берегъ сонныхъ водъ,
И сей укромный огородъ
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ;
Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.

XIII.

Недоконченная картина.

Чья мысль восторгомъ угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сіи небесныя черты?

Ты геній!.. Но любви страданья
Его сразили... Взоръ нѣмой

Вперилъ онъ на свое созданье —
И гаснетъ пламенной душой...

XIV.

Возрожденіе.

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей:
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

XV.

Записка къ Жуковскому.

Раевскій, молоденецъ прежній,
А тамъ — уже отважный сынъ, [1]
И Пушкинъ, школьникъ неприлежный
Парнасскихъ дѣвственницъ-богинь,
Къ тебѣ, Жуковскій, заѣзжали,
Но, къ неописанной печали,
Поэта дома не нашли —
И, увѣнчавшись кипарисомъ,
Съ французской повѣстью Борисомъ [2]
Домой уныло побрели.

Какой святой, какая сводня
Сведетъ Жуковскаго со мной?
Скажи, — не будешь ли сегодня
Съ Карамзинымъ, съ Карамзиной?
На всякій случай, — ожидаю,
Тронися просьбою моей:
Тебя зоветъ на чашку чаю
Раевскій, слава нашихъ дней.

XVI.

Русалка.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,
Спасался нѣкогда монахъ,
Всегда въ занятіяхъ суровыхъ
Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ.
Уже лопаткою смиренной
Себѣ могилу старецъ рылъ
И лишь о смерти вожделѣнной
Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды, лѣтомъ, у порогу
Поникшей хижины своей
Анахоретъ молился Богу.
Дубровы дѣлались чернѣй,
Туманъ надъ озеромъ дымился
И красный мѣсяцъ въ облакахъ
Тихонько по небу катился.
На воды сталъ глядѣть монахъ.

Глядитъ, невольно страха полный,
Не можетъ самъ себя понять...
И видитъ: закипѣли волны
И присмирѣли вдругъ опять...
И вдругъ... легка, какъ тѣнь ночная,

Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
Выходитъ женщина нагая
И молча сѣла у береговъ.

Глядитъ на стараго монаха
И чешетъ влажные власы, —
Святой монахъ дрожитъ со страха
И смотритъ на ея красы.
Она манитъ его рукою,
Киваетъ быстро головой —
И вдругъ падучею звѣздою
Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ старикъ угрюмый
И не молился цѣлый день:
Передъ собой съ невольной думой
Все видѣлъ чудной дѣвы тѣнь.
Дубровы вновь одѣлись тьмою,
Пошла по облакамъ луна, —
И снова дѣва надъ водою
Сидитъ, прелестна и блѣдна.

Глядитъ, киваетъ головою,
Цѣлуетъ издали шутя,
Играетъ, плещется волною,
Хохочетъ, плачетъ, какъ дитя,
Зоветъ монаха, нѣжно стонетъ:
„Монахъ, монахъ, ко мнѣ, ко мнѣ!..“
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ...
И все въ глубокой тишинѣ.

На третій день отшельникъ страстный
Близь очарованныхъ береговъ
Сидѣлъ и дѣвы ждалъ прекрасной,
А тѣнь ложилась средь дубровъ...
Заря прогнала тьму ночную —
Монаха не нашли нигдѣ,

И только бороду сѣдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.

XVII.

Вольность.

Ода.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, ... ,
Свободы гордая пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру:
Хочу воспѣть я вольность міру,
. . . . . поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго галла,
Кому сама, средь грозныхъ бѣдъ,
Ты гимны смѣлые внушала.
Любимцы вѣтреной судьбы,
Тираны міра, — трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Возстаньте, падшіе рабы!

Увы! Куда ни брошу взоръ, —
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы;
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
Вездѣ неволи грозный геній
И къ славѣ роковая страсть!

Лишь тамъ надъ . . . . . главой
Не слышится людей стенанье,

Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ, сжатый вѣрными руками,
Гражданъ надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ,

Гдѣ преступленье съ высока
Разится праведнымъ размахомъ,
Гдѣ не подкупна ихъ рука
Ни къ злату алчностью, ни страхомъ!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Но вѣчный выше васъ законъ.

И горе, горе племенамъ,
Гдѣ онъ блюденъ неосторожно,
Гдѣ . . . . . .
Закономъ властвовать возможно!
Тебя въ свидѣтели зову,
О мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавныхъ,
Сложившій царскую главу!

Восходитъ къ смерти Людовикъ,
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчитъ законъ, народъ молчитъ —
И, лишь главу снесла сѣкира,
Какъ самовластная порфира
На галлахъ скованныхъ лежитъ.

Самовластительный злодѣй!
Тебя, твой родъ я ненавижу
Твою погибель, смерть дѣтей,

Съ свирѣпой радостью я вижу!
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы;
Ты — ужасъ міра, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ!

Когда . . . . . .
Звѣзда полуночи сіяетъ,
И беззаботную главу
Спокойно сонъ къ себѣ склоняетъ, —
Глядитъ задумчивый пѣвецъ
На грозный, спящій средь тумана,
Пустынный памятникъ тирана,
Забвенью брошенный дворецъ.

Онъ слышитъ Кліи страшный гласъ
Надъ сими мрачными стѣнами,
Калигулы послѣдній часъ
Онъ живо видитъ предъ очами . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Молчитъ невѣрный часовой,
Опущенъ тихо мостъ подъемный,
Врата отверзты въ тьмѣ ночной
Рукой предательства наемной . . .
О, стыдъ! О, ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри, вторглись янычары,
Падутъ безславные удары,
Погибъ увѣнчанный злодѣй!

. . . . . .

XVIII.

Н. В. Всеволожскому.

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы!
Итакъ, отъ нашихъ береговъ,
Отъ мертвой области рабовъ,
Капральства, прихотей и моды,
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
Безпечно дремлютъ наяву
И въ жизни любятъ перемѣну.
Въ сей азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ, жизнь — игрушка!
Въ почтенной кичкѣ, шушунѣ,
Москва — премилая старушка:
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой, [1]
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной знатности похмѣлье, [2]
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни золотой,
Держася моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большого свѣта
И жить рѣшишься для себя.

Уже въ пріютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя:
Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
Ани холодная струя *);
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья
Шумятъ и пьютъ; задорный кубокъ
Обходитъ ихъ безумный кругъ,
И мчится въ радостяхъ досугъ;
А тамъ египетскія дѣвы
Летаютъ, вьются предъ тобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой,
Ихъ изступленныя движенья,
Огонь неистовыхъ очей,
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Рождаетъ трепетъ упоенья...
Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая;
Весь день уныла и томна,
Въ своей задумчивости сладкой,
Тихонько плачетъ подъ окномъ,
Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой,
И смотритъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро-ль милаго найдутъ
Ея потупленные взоры,
И предъ любовью упадутъ
Замковъ ревнивые затворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро-ль оживится?

*) Champagne L. D. M. frappé à la glace А. П.

Когда прискачешь, милый другъ?
Душа вослѣдъ тебѣ стремится.
Гдѣ-бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ [3]
Изъ рукъ младого сладострастья
И докажи, что ты знатокъ [4]
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

27 ноября.

XIX

Кн. А. М. Горчакову.

Питомецъ модъ, большого свѣта другъ,
Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,
Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ,
Гдѣ, красоты безпечный обожатель,
Я провожу незнаемый досугъ.
Какъ ты, мой другъ, въ неопытныя лѣта,
Опасною прельщенный суетой,
Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
Но угорѣлъ въ чаду большого свѣта
И отдохнуть убрался я домой.
И, признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
Младыхъ повѣсъ счастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе
И гдѣ мы всѣ прекраснаго друзья, —
Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены,
Гдѣ Бутурлинъ — невѣждъ законодатель,
Гдѣ Шенингъ — царь, а скука — предсѣдатель,
Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
Злыхъ безъ ума, безъ гордости спесивыхъ,
И, разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
Чуждаюсь ихъ уроковъ и похвалъ!..

Когда въ кругу Лаисъ благочестивыхъ
Затянутый невѣжда-генералъ
Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ
Съ трудомъ остритъ французскій мадригалъ,
Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ,
И всѣ вокругъ и дремлютъ, и молчатъ,
Крутятъ усы, иль шпорами бренчатъ,
Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ, —
Тогда, мой другъ, забытыхъ шалуновъ
Свобода, Вакхъ и музы угощаютъ.
Не слышу я въ то время острыхъ словъ,
Политики смѣшного лепетанья;
Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ
И мистика придворнаго кривлянья!..
И ты, харитъ любовникъ своевольный,
Пріятный лжецъ, язвительный болтунъ,
По-прежнему острякъ небогомольный,
По-прежнему философъ и шалунъ, —
И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ
И малый кругъ друзей моихъ умножь.

XX.

Къ нему же.

(Отрывокъ).

Ужь я не тотъ! мои златые годы,
Безумства жаръ, веселость, острота,
Любовь стиховъ, любовь моей свободы, —
Проходитъ все, какъ легкая мечта.
Такъ, иногда, за чашей ликованья
Найдешь меня, объятаго тоской,
Задумчивымъ, съ поникшей головой —
И ты поймешь души моей страданья!

XXI.

Платонизмъ.

Я знаю, Лиденька, мой другъ,
Кому въ задумчивости сладкой
Ты посвящаешь свой досугъ,
Кому ты жертвуешь украдкой
Отъ подозрительныхъ подругъ.
Тебя страшитъ проказникъ милый,
Очарователь легкокрылый,
И хладной важностью своей
Тебѣ несносенъ Гименей;
Ты молишься другому богу:
Своей покорствуя судьбѣ,
Восторги пылкіе къ тебѣ
Нашли пустынную дорогу.
Я понялъ слабый жаръ очей,
Я понялъ взоръ полуоткрытый
И поблѣднѣвшія ланиты,
И томность поступи твоей...
Твой богъ не полною отрадой
Своихъ поклонниковъ даритъ;
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожитъ;
Онъ любитъ сны воображенья,
Онъ терпитъ на дверяхъ замокъ,
Онъ другъ стыдливый наслажденья,
Онъ братъ любви, — но одинокъ.
Когда безсонницей унылой
Во тьмѣ ночной томишься ты, —
Онъ оживляетъ тайной силой
Твои неясныя мечты,
Вздыхаетъ нѣжно съ бѣдной Лидой
И гонитъ тихою рукой

И сны, внушенные Кипридой,
И сладкій, дѣвственный покой.
Въ уединенномъ упоеньѣ
Ты мыслишь обмануть любовь, —
Напрасно! въ самомъ наслажденьѣ
Томишься и вздыхаешь вновь!
Амуръ ужели не заглянетъ
Въ неосвященный твой пріютъ?
Твоя краса какъ роза вянетъ,
Минуты юности бѣгутъ...
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступныя мечты:
Не вѣчно будешь ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты!

XXII.

Дорида.

Въ Доридѣ [1] нравятся и локоны златые,
И блѣдное лицо, и очи голубыя.
Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгорались...
Я таялъ; но среди невѣрной темноты
Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
И весь я полонъ былъ таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

XXIII.

Доридѣ.

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,

Стыдливость робкая — харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность,
И ласковыхъ именъ[1] младенческая нѣжность.

XXIV.

Ты и я.

Ты богатъ, — я очень бѣденъ;
Ты прозаикъ, — я поэтъ;
Ты румянъ, какъ маковъ цвѣтъ,
Я — какъ смерть, и тощъ, и блѣденъ.
Не имѣя ввѣкъ заботъ,
Ты живешь въ огромномъ домѣ,
Я жь средь горя и хлопотъ,
Провожу дни на соломѣ.
Ѣшь ты сладко всякій день,
Тянешь вина на свободѣ,
И тебѣ нерѣдко лѣнь
Нужный долгъ отдать природѣ...
. . . . . .

XXV.

Черновые наброски.

*

Напрасно, милый другъ, я мыслилъ утаить
Тоскующей души холодное волненье;
Ты поняла меня: проходитъ упоенье,
Перестаю тебя любить...
Исчезли навсегда часы очарованья,
Пора прекрасная прошла,
Погасли юныя желанья,
Надежда въ сердцѣ умерла...

*

Воспоминаньемъ упоенный,
Съ благоговѣньемъ и тоской
Объемлю грозный мраморъ твой,
Кагула памятникъ надменный!
Не смѣлый подвигъ россіянъ,
Не слава, даръ Екатеринѣ,
Не Задунайскій великанъ
Меня воспламеняютъ нынѣ...

. . . . . .

*

Скажи, какія заклинанья
Имѣютъ надъ тобою власть?
Всѣ хороши; на всѣ призванья
Готовъ я какъ бы съ неба пасть;
Довольно одного желанья:
Я, какъ догадливый холопъ:
Въ ладоши по-турецки хлопъ, —
Присвистни, позвони — и мигомъ
Явлюсь, — таковъ ужь мой удѣлъ,
Мнѣ должно жить подъ вѣчнымъ игомъ...

*

Все призракъ, суета,
Все дрянь и гадость:
Стаканъ и красота —
Вотъ жизни сладость.

. . . . . .

Любовь и вино
Намъ нужны равно:
Безъ нихъ человѣкъ
Зѣвалъ бы вовѣкъ.
Къ нимъ лѣнь еще прибавлю —
Лѣнь съ ними заодно:

Любовь я съ нею славлю —
Она мнѣ льетъ вино.

* * *

Недавно, тихимъ вечеркомъ,
Пришелъ гулять я въ рощу нашу,
И тамъ у рѣчки, подъ дубкомъ,
Увидѣлъ спящую Наташу...

1820.

I.

Мнѣ бой знакомъ — люблю я звукъ мечей;
Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
Люблю войны кровавыя забавы,
И смерти мысль мила душѣ моей. [1]
Во цвѣтѣ лѣтъ свободы вѣрный воинъ, [2]
Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полнаго веселья не вкушалъ [3]
И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

II.

Эпиграммы на Аракчеева.

1.

Всей Россіи притѣснитель,
Губернаторовъ мучитель
И Совѣта онъ учитель,
А царю онъ — другъ и братъ;
Полонъ злобы, полонъ мести,
Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести, —
Кто жь онъ, „преданный безъ лести?“ —
Просто фрунтовой солдатъ.

2.

Холопъ.....!
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавровъ Геростратa
Иль смерти нѣмца Коцебу...
. . . . . .

III.

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный...
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа [1] кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ...
Шуми, шуми послушное вѣтрило!
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

Лети, корабль, неси меня [2] къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгорались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла

Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ [3] заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой, —
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, [4] ничто не исцѣлило...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!..

Черное море, 1820, сентябрь.

IV.

Чаадаеву.

(Съ морского берега Тавриды).

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой Эвмениды:
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла!
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душѣ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось...

. . . . . .

Чадаевъ, помнишь ли былое?
Давно-ль съ восторгомъ молодымъ

Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь, и тишина
И въ умиленьи вдохновенномъ
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

V.

Нереида.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межь оливъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

VI.

Таврическая звѣзда.

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда...
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ:
Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ...
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ
И сладостно шумятъ таврическія волны.
Тамъ, нѣкогда, въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,
Когда на хижины сходила ночи тѣнь,

И дѣва юная во мглѣ тебя искала,
И именемъ своимъ — подругамъ называла . . .
Каменка.

VII.

Дочери Карагеоргія.

Гроза Луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей, и славы былъ достоинъ.
Тебя, младенца, онъ ласкалъ
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ,
Братоубійствомъ изощренный. [1]
Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ, [2]
Онъ молча, надъ твоей невинной колыбелью,
Убійства новаго обдумывалъ ударъ
И лепетъ твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью! [3]
Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смиренной жизнію предъ небомъ искупила: [4]
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она, какъ сладкій ѳиміамъ,
Какъ чистая любви молитва восходила.

VIII.

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной;
Мнѣ васъ не жаль, о таинства ночей,
Воспѣтыя цѣвницей сладострастной;

Мнѣ васъ не жаль, невѣрные друзья,
Вѣнки пировъ и чаши круговыя;

Мнѣ васъ не жаль, измѣнницы младыя, —
Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.

Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины?
Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?..
Придите вновь, года моей весны!

Юрзуфъ, 20 октября.

IX.

Къ портрету кн. П. А. Вяземскаго.

Судьба свои дары явить желала въ немъ, [1]
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой.

X.

Черная шаль.

Молдавская пѣсня.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль [1]

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую гречанку [2] я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала [3] меня,
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ [4] веселыхъ гостей, —
Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей.

„Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья,
„Тебѣ-жь измѣнила гречанка твоя“.

Я далъ ему злата и проклялъ его
И вѣрнаго позвалъ раба моего. [5]

Мы вышли; я мчался на быстромъ конѣ, [6]
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ...

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ: [7]
Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣта; булатъ загремѣлъ... [8]
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое тѣло я долго топталъ
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моленья, текущую кровь... [9]
Погибла гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла, [10]
Въ дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей, [11]
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Кишиневъ, 14 ноября.

XI.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минутной, нѣжной красотой?
Она примѣтно увядаетъ
Въ цвѣтѣ юности живой...
Увянетъ! Жизнью молодою
Не долго наслаждаться ей, [1]
Не долго радовать собою
Счастливый кругъ семьи своей, [2]
Безпечной милой остротою
Бесѣды наши оживлять [3]
И тихой, ясною душою
Страдальца душу услаждать! [4]
Спѣшу въ волненьѣ думъ тяжелыхъ, [5]
Сокрывъ унынiе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее;
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей. [6]

XII.

Эпиграмма на Каченовскаго.

Хавронiосъ! ругатель закоснѣлый, [1]
Во тьмѣ, [2] въ пыли, въ презрѣньи посѣдѣлый,
Уймись, дружокъ! къ чему журнальный шумъ
И пасквилей томительная тупость?
„Затѣйникъ золъ!“ [3] съ улыбкой скажетъ Глупость,
„Невѣжда глупъ!“ зѣвая, скажетъ Умъ.

XIII.

Когда-бъ писать ты началъ сдуру,
Тогда-бъ навѣрно ты пролѣзъ
Сквозь нашу тѣсную цензуру,
Какъ внидешь въ царствіе небесъ.

XIV.

Какъ брань тебѣ не надоѣла?
Разсчетъ коротокъ мой съ тобой:
Ну, такъ, — я празденъ, я безъ дѣла, [1]
А ты — бездѣльникъ дѣловой.

XV.

На Ѳ. И. Толстого.

Въ жизни мрачной и презрѣнной
Былъ онъ долго погруженъ;
Долго всѣ концы вселенной
Осквернялъ развратомъ онъ;
Но, исправясь понемногу,
Онъ загладилъ свой позоръ,
И теперь онъ, слава Богу, —
Только что картежный воръ.

XVI.

Черновые наброски.

На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный,
Твое я имя повторялъ,
Тамъ часто я бродилъ уединенный
И вдаль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ.

*

Аптеку позабудь ты для вѣнковъ лавровыхъ
И не мори больныхъ, но утѣшай здоровыхъ.

1821.

I.

Земля и море.

(Идиллія Моска).

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ, —
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе
И забываю пѣсни музъ: [1]
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ, —
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый:
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

8 февраля. Кіевъ.

II.

Дѣва.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой;
Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
Пылаетъ близь нея задумчивая младость;
Любимцы счастія, наперсники судьбы
Смиренно ей несутъ влюбленныя мольбы; [1]
Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

III.

Діонея.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и не разъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ:
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя,
Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ
И долго послѣ, Діонея,
Улыбку нѣжную лицо твое хранитъ.

IV.

Красавица передъ зеркаломъ.

Взгляни на милую, [1] когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ, [2]
Играетъ локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

V.

Муза.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную [1] цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ. [2]
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ. [3]

14 февраля.

VI.

Желаніе.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубровы и луга,
Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
И мирные ласкаютъ берега, [1]
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда летятъ желанія мои.
Я помню горъ прибрежныя стремнины,

Прозрачныхъ [2] водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи
Среди заботъ и съ дружбою взаимной
Подъ кровлею живутъ гостепріимной.

Все мило тамъ красою безмятежной,
Все путника плѣняетъ и манитъ,
Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
Повсюду трудъ веселый и прилежный
Сады татаръ и нивы богатитъ,
Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

Все живо тамъ: кудрявыхъ рощъ прохлада,
Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
Вокругъ домовъ рѣшотки винограда,
Монастыри, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда,
И яркіе лучи златого Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба. [3]

Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
Забывъ молву и жизни суеты, [4]
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?
И ты, моя задумчивая лира,
Ты, вѣрная пѣвица красоты, [5]
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
Найдешь [6] ли вновь утраченные звуки?

И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
Увижу-ль вновь, сквозь темные лѣса, [7]
И своды скалъ, и моря блескъ лазурный,
И ясныя, какъ радость, небеса?

Утихнутъ ли волненья жизни бурной?
Минувшихъ лѣтъ вернется ли краса?
Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни
Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни? [8]

VII.

Элегія.

(Изъ поэмы „Кавказъ").

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ;
Живу печальный, одинокій,
И жду, — придетъ ли мой конецъ! [1]

Такъ, позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

Каменка, 22 февраля.

VIII.

Къ Аглаѣ.

И вы повѣрить мнѣ могли,
Какъ семилѣтняя Агнеса?
Въ какомъ романѣ вы нашли,
Чтобъ умеръ отъ любви повѣса?
Послушайте. Вамъ тридцать лѣтъ,
Да, тридцать лѣтъ, — немногимъ болѣ;
Мнѣ за двадцать. Я видѣлъ свѣтъ,
Кружился долго въ немъ на волѣ:

Ужь клятвы, слезы мнѣ смѣшны,
Проказы утомить успѣли, —
Вамъ также, съ вашей стороны,
Тревоги сердца надоѣли;
Умы давно въ насъ охладѣли, [1]
Не кстати намъ учиться вновь!
Мы знаемъ: вѣчная любовь
Живетъ едва ли три недѣли!
Я вами, точно, былъ плѣненъ,
Къ тому же скука... мужъ ревнивый..
Я притворился, что влюбленъ,
Вы притворились, что стыдливы... [2]
Мы поклялись... потомъ... увы!
Потомъ забыли клятву нашу:
Себѣ гусара взяли вы, [3]
А я — наперсницу Наташу.
Мы разошлись. До этихъ поръ
Все хорошо, благопристойно:
Могли бы мы безъ глупыхъ ссоръ
Жить мирно, дружно и спокойно;
Но нѣтъ! въ трагическомъ жару
Вы мнѣ сегодня поутру
Сѣдую воскресили древность: [4]
Вы проповѣдуете вновь
Покойныхъ рыцарей любовь,
Учтивый жаръ, и грусть, и ревность...
Помилуйте, нѣтъ, право нѣтъ,
Я не дитя, хоть и поэтъ. [5]
Оставимъ юный пылъ страстей,
Когда мы клонимся къ закату,
Вы — старшей дочери своей,
Я — своему меньшому брату.
Имъ можно съ жизнію шалить
И слезы впредь себѣ готовить, —
Еще пристало имъ любить,
А намъ уже пора злословить!

IX.

Война.

Война!.. Подъяты, [1] наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести,
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ!
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній;
Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье, [2]
Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься-ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть?
Кончину-ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата, и друзей, [3]
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?.. Ужель ни бранный шумъ,
Ни ратные [4] труды, ни ропотъ гордой славы, —
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ? [5]
Я таю, жертва злой отравы;
Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла...
Что-жь медлитъ ужасъ боевой?
Что-жь битва первая еще не закипѣла?

X.

Кинжалъ.

Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ, [1]
Послѣдній судія позора и обиды!

Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ сѣнью трона, [2]
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ. [3]

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.

Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой: [4]
На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, [5] въ семьѣ родной.

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ;
Державный Римъ упалъ; главой поникъ законъ;
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый, [6]
Ты Кесаря сразилъ, [7] — и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.

Исчадье мятежей [8] подъемлетъ злобный крикъ;
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ Вольности безглавой
Палачъ уродливый возникъ.

Апостолъ гибельный, [9] усталому Аиду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ;

Но вышній судъ ему послалъ
Тебя и дѣву-Эвмениду...

О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ! Твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался слѣдъ [10] въ казненномъ прахѣ.

Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ, —
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

XI.

П. А. Катенину.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантовъ обожатель страстный,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можетъ быть, неправой,
Когда одна, въ дыму кадилъ,
Красавица блистала славой,
Я свистомъ гимны заглушилъ.
Погибни, злобы мигъ единый,
Погибни, лиры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Селименой [1] и Моиной.
Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поноситъ,
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приноситъ.

5 апрѣля.

XII.

Чаадаеву.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ — пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня—предметъ заботы малой,
Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій;
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ, — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда, еще не знаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И царскосельскія хранительныя сѣни.
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я

Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга:
Ни музы, ни труды, ни радости досуга.

Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ,
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ, въ волненіи страстей,
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной [1]
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
Ужь голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
Или философа, который въ прежни лѣта
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
Но, просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?
Ораторъ Лужниковъ, никѣмъ не замѣчаемъ,
Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.

Мнѣ-ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
О лепетаньѣ дамъ, зоиловъ и глупцовъ
И сплетней разбирать игривую затѣю,
Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
Печали раннія мою тѣснили грудь:
Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою
И жизнь перенесу стоической душою.

Одно желаніе: останься ты со мной!
Небесъ я не томилъ молитвою другой.
О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Посмотримъ, [3] перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ, [4] —
И счастливъ буду я; но только, ради Бога,
Гони ты Шенинга отъ нашего порога. [5]

6 апрѣля, Кишиневъ.

XIII.

Къ моей чернильницѣ.

Подруга думы праздной,
Чернильница моя!
Мой вѣкъ однообразный
Тобой украсилъ я.
Какъ часто другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный часъ похмѣлья
И праздничный бокалъ!
Подъ сѣнью хаты скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой.
Въ минуты вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ,

И музу призывалъ
На пиръ воображенья.
Прозрачный, легкій дымъ
Носился надъ тобою,
И съ трепетомъ живымъ
Въ немъ быстрой чередою
. . . . . [1])
Сокровища мои
На днѣ твоемъ таятся.
Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга
И съ лѣнью примирилъ:
Она — твоя подруга!
Съ тобой успѣхъ узналъ
Отшельникъ неизвѣстный;
Завѣтный твой кристалъ
Хранитъ огонь небесный,
И подъ-вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То (тутъ же) слогъ суровый,
То странность риѳмы новой,
Неслыханной дотоль.
Ты съ нею заодно
Прославила вино
И прелести природы;
Ты смѣху обрекла
Пустыхъ любимцевъ моды
И рѣчи, и дѣла.

[1]) Здѣсь въ рукописи недостаетъ листа.

Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
Я весело клеймилъ
Зоила и невѣжду
Пятномъ твоихъ чернилъ,
Но ихъ не разводилъ
Ни тайной злости пѣной,
Ни ядомъ клеветы, —
И сердца простоты
Ни лестью, ни измѣной
Не замарала ты.
Безпечный сынъ природы,
Пока златые годы
Въ забвеньѣ трачу я,
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя!

Но здѣсь, на лонѣ лѣни,
Я слышу нѣжны пени
Заботливыхъ друзей...
Ужели ихъ забуду,
Друзей души моей,
И имъ невѣренъ буду?
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи,
И дактиль, и хореи
Для прозы почтовой.
Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Унынiе разлуки,
Всегдашнiя мечты,
Мои надежды, чувства
Безъ лести, безъ искусства
Бумагѣ передай,
Болтливостью небрежной,
И вѣтреной, и нѣжной,
Ихъ сердце утѣшай...

Когда же берегъ ада
Навѣкъ меня возьметъ,
Когда со мной заснетъ
Перо, моя отрада,
И ты, въ углу пустомъ
Осиротѣвъ, остынешь
И навсегда покинешь
Поэта тихій домъ, —
Чадаевъ, другъ мой милый,
Тебя возьметъ, унылый.
Послѣдній будь привѣтъ
Любимцу праздныхъ лѣтъ;
Изсохшая, пустая,
Межь двухъ его картинъ
Останься вѣкъ нѣмая,
Укрась его каминъ.
Взыскательнаго свѣта
Очей не привлекай,
Но вѣрнаго поэта
Друзьямъ напоминай.

11 апрѣля.

XIV.

Еврейкѣ.

Христосъ воскресъ, моя Ревекка!
И нынѣ, слѣдуя душой
Закону богочеловѣка,
Погибшаго за міръ земной,
Тебя цѣлую, ангелъ мой!
А завтра къ вѣрѣ Моисея
За поцѣлуй твой, не робѣя,
Готовъ, еврейка, приступить,
И то во власть тебѣ вручить,
Чѣмъ можно вѣрнаго еврея
Отъ православныхъ отличить.

12 февраля, Кишиневъ.

XV.

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ, —
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила, [1]
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, какъ легкій сонъ;
Ты отрока безпечнаго любила, —
Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ, —
И ты его тихонько посѣтила.
Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!
Покровъ, клубясь волною непослушной,
Чуть осѣнялъ твой станъ полу-воздушный;
Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ,
Прелестная глава благоухала;
Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
Румянилась и тихо трепетала...

XVI.

Сѣтованіе.

(Д. В. Давыдову).

Недавно я, въ часы свободы,
Уставъ Наѣздника читалъ
И даже ясно понималъ
Его искусные доводы.
Узналъ я рѣзкія черты
Неподражаемаго слога
И перевертывалъ листы,
. . . . . .
И думалъ: вѣтреный пѣвецъ!
Перебѣсилась, наконецъ,
Твоя проказливая лира
И, сердцемъ охладѣвъ навѣкъ,
Ты, видно, сталъ, въ угоду міра,
Благоразумный человѣкъ!
О, горе! молвилъ я сквозь слезы,
Кто далъ Давыдову совѣтъ
Оставить лавръ, оставить розы?
Какъ могъ унизиться до прозы
Вѣнчанный музою поэтъ,
Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ,
И тѣни Бурцова угрозы?

XVII.

Н. С. Алексѣеву.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты!
Я позабылъ любви призывы
И плѣнъ опасной красоты;

Свободы другъ миролюбивый,
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ,
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ
Уже не властны надо мной:
Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой.
Теперь ужь мнѣ влюбиться трудно,
Вздыхать — неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣрить — безразсудно,
Мужей обманывать — грѣшно.
Прошелъ веселый жизни праздникъ!
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Баратынскій, я твержу:
„Нельзя-ль найти подруги нѣжной?
„Нельзя-ли найти любви надежной?“ — [1]
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призракъ ложный,
Безъ упоительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей. [2]
Когда любовникъ изступленный,
Тоскуя, плачетъ предо мной
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда, въ жару своихъ желаній,
Съ восторгомъ изъясняетъ онъ
Неясныхъ, темныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянетъ ревниваго супруга
Или докучливую мать, —
Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминутнымъ повтореньямъ
Люблю съ участіемъ внимать;
Я льщу слѣпой его надеждѣ,

Я молодъ юностью чужой
И говорю: „Такъ было прежде,
„Во время оно, и со мной!“ [3]

XVIII.

Гробъ юноши.

. . . . . Сокрылся онъ, [1]
Любви, забавъ питомецъ нѣжный,
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной, въ тѣни деревъ,
Онѣ кружились на свободѣ, —
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужь его припѣвъ.

Давно ли [2] старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили межь собой:
„И мы любили хороводы,
„Блистали такъ же въ насъ умы;
„Но погоди: приспѣютъ годы, —
„И будешь то, что нынѣ мы;
„Какъ намъ, о міра гость игривый,
„Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ; [3]
„Теперь играй...“ Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ,
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужь полюбить успѣвъ,
Ужь рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,

Одна, быть можетъ, слезы льетъ
И память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ...
Къ чему?
Надъ ясными водами
Гробницы мирною семьей,
Подъ наклоненными крестами,
Таятся въ рощѣ вѣковой.
Тамъ, на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ [4] лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вкругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
Напрасно утромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ: [5]
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой...

XIX.

Наполеонъ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ,
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно-ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.

Когда, надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ;

Тогда, въ волненьѣ бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа

Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой;
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой...

Сбылось! Въ величіи постыдномъ [1]
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ — при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ россъ —
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ;
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ. [2]

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужь ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права! [3]

Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія! [4]
Война по гробъ — нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжатъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ, —
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ,
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,

И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ. [5]

Іюль.

XX.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали [1]
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ [2]
И сердца моего языкъ любила страстный;
Но если я любимъ, — позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной! [3]
Когда меня на вѣкъ обыметъ смертный сонъ,
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
„Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ
„И пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.“ [4]

23 августа.

XXI.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ [1]
И младости моей мятежное теченье;
Не спрашивай меня о томъ, чего ужь нѣтъ,
Что было мнѣ въ печаль и въ наслажденье,
Что я любилъ, что измѣнило мнѣ...
Пускай я радости вкушаю не вполнѣ;
Но ты, невинная, — ты рождена для счастья;
Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови: [2]
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцѣлуевъ сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей,
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть;
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повѣсть?
Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій;
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я!

24 августа, въ ночь.

XXII.

Подражаніе

(Пѣсни Пѣсней).

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена;
Лобзай меня, — твои лобзанья

Мнѣ слаще мура и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почію безмятежный,
Пока дохнетъ веселый день
И двигнется ночная тѣнь.

XXIII.

Къ Овидію.

Овидій, я живу близь тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепелъ свой оставилъ.
Твой безотрадный плачъ мѣста сіи прославилъ, —
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеньѣ
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой теплотой согрѣтые луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ
И якорь, ввереннный близь дикихъ береговъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда:
Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ хладной Скиѳіи свирѣпые сыны,
За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ
И по льду звучному безтрепетно идутъ.
Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы

И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелый,
И грозный мечъ хранить близь лиры оробѣлой.
Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали!
Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ:
Дни старости твоей въ забвеніи потонутъ.
Златой Италіи роскошный гражданинъ,
Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ пишешь:
„О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
„И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
„О, други, Августу мольбы мои несите!
„Карающую длань слезами отклоните!
„Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ *)
„И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ, —
„Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасный,
„Приближьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!“

Чье сердце хладное, презрѣвшее харитъ,
Твое уныніе и слезы укоритъ?
Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
Сіи элегіи, — послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?

Суровый славянинъ, — я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ

*) Овидій провелъ 9 лѣтъ въ своемъ изгнаніи, а не 20, какъ говоритъ Шатобріанъ. А. П.

Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья
И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
Изгнаніе твое плѣнило втайнѣ очи,
Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи:
Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь,
Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь;
На скиѳскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый;
Ужь пасмурный туманъ на русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга,
Зима дышала тамъ, — а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой —
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.

Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній
И, жертва темная, умретъ мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!..
Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близь праха славнаго мой слѣдъ уединенный, —
Береговъ забвенія оставя хладну сѣнь,

Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.

Да сохранится же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, — участью я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брегу Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ,
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но не унизилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

26 декабря.

XXIV.

Десятая заповѣдь.

Добра чужого не желать
Ты, Боже, мнѣ повелѣваешь;
Но мѣру силъ моихъ ты знаешь:
Мнѣ-ль нѣжнымъ чувствомъ управлять?
Обидѣть друга не желаю
И не хочу его села,
Не нужно мнѣ его вола:
На все спокойно я взираю.
Ни домъ его, ни скотъ, ни рабъ, —
Не лестна мнѣ вся благостыня...
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи, я слабъ!
Но ежели его подруга
Мила, какъ ангелъ во плоти, —
О Боже праведный, прости
Мнѣ зависть ко блаженству друга!
Кто сердцемъ могъ повелѣвать?
Кто рабъ усилій безполезныхъ?
Какъ можно не любить прелестныхъ?

Какъ райскихъ благъ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгій долгъ умѣю чтить:
Страшусь желаньямъ сердца льстить,
Молчу... и втайнѣ я страдаю.

XXV.

П. С. Пущину.

И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа, —
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь: „Свобода!“
Хвалю тебя, о вѣрный братъ,
О каменьщикъ почтенный!
О Кишиневъ, о темный градъ!
Ликуй, имъ просвѣщенный.

XXVI.

Г-жѣ Эйхфельдтъ.

Ни блескъ ума, ни стройность платья
Не могутъ васъ обворожить;
Одни двоюродные братья
Узнали тайну васъ плѣнить.
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня;
Одна моя надежда — Зоя:
Женюсь — и буду вамъ родня...

XXVII.

Лизѣ страшно полюбить —
Полно, нѣтъ ли тутъ обмана?
Берегитесь: можетъ быть,
Эта новая Діана
Притаила нѣжну страсть
И стыдливыми глазами
Ищетъ робко между вами,
Кто бы ей помогъ упасть.

XXVIII.

Всегда такъ будетъ и бывало,
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
Ученыхъ много, умныхъ мало,
Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ.

XXIX.

Эпиграмма на Каченовскаго.

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
А дневного пропитанья —
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

XXX.

Эпиграмма.

Составленъ онъ изъ подлости и спеси:
Я не видалъ негоднѣй смѣси:
Въ сраженіи онъ трусъ, въ трактирѣ онъ бурлакъ,
Въ передней онъ подлецъ, въ гостиной онъ дуракъ.

XXXI.

Черновые наброски.

Начало посланія.

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый!
Спокойной пристани давно ли ты достигъ,
Давно ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
И снова ты бѣжишь Европы обветшалой:
Ищи стихій другихъ, земли жилецъ усталый!..

*

Наперсница моихъ сердечныхъ думъ,
О ты, чей гласъ пріятный и небрежный
Смирялъ порой мечты души мятежной
И веселилъ порой унылый умъ!
О, вѣрная, задумчивая лира,
Послушная перстамъ. . . . . .

Вечерня отошла давно;
Уже и самъ игуменъ строгій
Свои молитвы прекратилъ
И кости ветхія склонилъ,
[Перекрестясь], на одръ убогій.
Повсюду сонъ и тишина;
Но въ церкви дверь отворена,
И озаряетъ лучъ лампады
И темну живопись иконъ,
И [позлащенные] оклады,

И мрачно дремлетъ въ вышинѣ
Старинный сводъ, глухой и темный,
И раздается въ тишинѣ
То тяжкій вздохъ, то шопотъ томный...
Стоитъ за клиросомъ жена
И грѣшникъ, — неподвижны оба
. . . . . .
„Несчастный, — полно, перестань.
„. . . . . исповѣдь злодѣя;
„Заплачена тобою дань
„Тому, кто въ мукахъ.....
„Лукаво грѣшника блюдетъ
„И къ вѣчной гибели ведетъ.
„Молись, — опомнись.... [время]
„Я разрѣшу тебя, — грѣховъ
„Сложи мучительное бремя...“

* * *

Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ,
Что . . . . . стихами,
Играю смѣхомъ и слезами;
Не тѣмъ горжусь, что иногда
Мои коварные напѣвы
Смиряли въ мысляхъ юной дѣвы
Порывы страха и стыда;
Не тѣмъ, что у столба сатиры
Развратъ и злобу я казнилъ
И что разящій голосъ лиры
Виновныхъ въ ужасъ приводилъ;
Не тѣмъ, что пламеннымъ волненьемъ
И бурями души моей
И жаждой воли, и гоненьемъ
Я сталъ извѣстенъ межь людей; —
Иная, высшая награда
Была мнѣ рокомъ суждена —

Самолюбивыхъ думъ отрада,
Мечтанья суетнаго сна...

Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный,
Я прихожу въ послѣдній разъ,
Любви счастливой, безмятежной
Дѣлю съ тобой послѣдній часъ.
Впередъ одна въ надеждѣ томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первыхъ утреннихъ лучей
Не жги свѣчей...

Вотъ муза, рѣзвая болтунья,
Которую ты столь любилъ.
Она раскаялась, шалунья:
Придворный тонъ ее плѣнилъ.

Чугунъ Кагульскій, ты священъ
Для русскаго, для друга славы,
Ты средь торжественныхъ знаменъ
Упалъ, горящій и кровавый,
Героевъ Сѣвера губя.
Но . . . . . .

—

Въ Юрзуфѣ бѣдный мусульманъ
Недавно жилъ, съ дѣтьми, съ женою,
Душевно почиталъ священный Алкоранъ
И счастливъ былъ своей судьбою.
Мехметъ (такъ звался онъ) прилежно цѣлый день

Смотрѣлъ за ульями, за стадомъ
И за домашнимъ виноградомъ,
Не зная, что такое лѣнь;
Жену свою любилъ; Фатима это знала
И каждый годъ дѣтей она рожала;
Но у татаръ ужь такъ заведено,
По-нашему, друзья, хоть это и смѣшно.
Фатима разъ — она была тогда брюхата — [1]
А каждый вѣдаетъ, что въ эти времена
И даже самая степенная жена
Имѣетъ прихоти, то эти, то другія,
И Боже упаси, какія! —
Фатима говоритъ умильно муженьку:
„Мой другъ, мнѣ хочется ужасно каймаку!
„Повѣрь, теряю я разсудокъ,
„Во мнѣ такъ и горитъ желудокъ;
„Я не спала всю ночь — и посмотри, душа,
„Сегодня вѣрно я совсѣмъ нехороша!
„Всего мнѣ должно опасаться:
„Не смѣю даже почесаться, —
„А то родится дочь съ отмѣткой на носу...
„Такой я муки не снесу!
„Любезный, миленькій, красивый мой дружочекъ!
„Достань мнѣ каймаку хоть крохотный кусочекъ!“
Мехметъ разнѣжился, собрался,
Поцѣловалъ жену, пожитки завязалъ
И въ ближнюю деревню побѣжалъ,
Чтобы порадовать больную...
Не шелъ онъ, а летѣлъ. За то въ обратный путь
Пустился по горамъ, едва-едва шагая,
И скоро сталъ искать, совсѣмъ изнемогая,
Мѣстечка, гдѣ бы отдохнуть.
По счастью, на концѣ долины
Онъ видитъ ручеекъ...
Добрелъ до береговъ и легъ въ тѣни вѣтвей.
Журчанье водъ, деревъ вершины,
Душистая трава, прохладный вѣтерокъ,

Все нѣжило, все говорило:
Люби иль почивай! люби...
Махмету въ умъ не приходило,
Хоть было бы не спать вѣрнѣй,
. . . . . .

Изъ неоконченной сатиры.

1.

Въ Геннѣ праздникъ. Въ тьмѣ кромѣшной
Есть отдаленный уголокъ,
Откуда изгнаны навѣкъ
Надежда, миръ, любовь и сонъ,
Гдѣ свищутъ адскіе бичи,
Гдѣ море адское клокочетъ,
Гдѣ, грѣшника внимая стонъ,
Ужасный Сатана хохочетъ...

2.

„Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье?
„Какой порядокъ и молчанье!
„Какой огромный сводовъ рядъ!
„Но гдѣ же грѣшниковъ варятъ?
„Все тихо...“ — Тамъ, гораздо далѣ. [1]
„Гдѣ мы теперь?“ — Въ парадной залѣ.

3.

„Сегодня балъ у Сатаны...
„На именины всѣ званы...
„Смотри, какъ эти два бѣсенка
„На кухню тащатъ поросенка... [2]
„А этотъ бѣсъ — какъ важенъ онъ!

„Какъ чинно выметаетъ вонъ
„Опилки, сѣру, пыль и кости...
„Скажи мнѣ, скоро-ль будутъ гости?“

4.

— „Кто тамъ?“ — Здорово, господа!
— „Зачѣмъ пожаловалъ сюда?“
— Привелъ я гостя. — „Ахъ, Создатель!“ —
Вотъ докторъ Фрикенъ, нашъ пріятель! —
„Живой?“ — Онъ живъ, да нашъ давно:
Сегодня-ль, завтра-ль — все равно!
— „Объ этомъ думаютъ двояко;
„Обычай требовалъ, однако,
„Соизволенья моего...
„Но, впрочемъ, это ничего.
„Вы знаете, всегда вѣдь другу
„Я рада оказать услугу.

5.

„Что козырь?“ — Черви. — „Мнѣ ходить.“
— Я бью. „Нельзя ли погодить?“
— Беру. — „Кругомъ насъ обыграла!
„Эй, смерть! Ты, право, сплутовала.“
— Молчи! ты глупъ и молоденекъ:
Ужь не тебѣ меня ловить!
Вѣдь мы играемъ не для денегъ,
А только-бъ вѣчность проводить! [3]

В. Л. Давыдову.

Межь тѣмъ какъ генералъ Орловъ,
Обритый рекрутъ Гименея.
Священной страстью пламенѣя,
Подъ мѣру подойти готовъ;
Межь тѣмъ, какъ ты, проказникъ умный,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,
За ужиномъ съ бутылками Аи
Сидятъ Раевскіе мои.

Когда вездѣ весна младая
Съ улыбкой распустила грязь,
И съ горя на брегахъ Дуная
Бушуетъ нашъ безрукій князь, [1] —
Тебя, Раевскихъ и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова
Про Кишиневъ и про себя.

На этихъ дняхъ, среди собора,
М . . . . . тъ, сѣдой обжора,
Передъ обѣдомъ, невзначай,
Велѣлъ жить долго всей Россіи [2]

. . . . .
. . . . .

Я сталъ уменъ и лицемѣрю,
Пощусь, молюсь и твердо вѣрю,
Что Богъ проститъ мои грѣхи,
Какъ государь — мои стихи.
Говѣетъ Инзовъ, — и намедни
Я промѣнялъ Вольтера бредни
И лиру, грѣшный даръ судьбы,
На часословъ и на обѣдни,

Да на сушеные грибы.
Однако жь, гордый мой разсудокъ
[Меня порядочно] бранитъ,
А мой ненабожный желудокъ
Пр. . . . . вовсе не варитъ...
. . . . . .

Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемля сатанѣ,
А все невольно вспоминаю,
Давыдовъ, о твоемъ винѣ...
Вотъ эвхаристія другая,
Когда и ты, и милый братъ,
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ,
Спасенья чашу наполняли
Безпѣнной, мерзлою струей,
И за здоровье тѣхъ и той [3]
До дна, до капли выпивали...
Но тѣ въ Неаполѣ шалятъ,
А та едва ли тамъ воскреснетъ:
Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не треснетъ.
Ужель надежды лучъ исчезъ?
Но нѣтъ, — мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чашей причастимся,
И я скажу: „Христосъ воскресъ!“

Кишиневскія дамы.

1.

Раззѣвавшись отъ обѣдни,
Къ Катакази ѣду въ домъ.
Что за греческія бредни,
Что за греческій содомъ!
Подогнувъ подъ [*платье*] ноги,

За вареньемъ, средь прохладъ,
Какъ египетскіе боги,
Дамы прѣютъ и молчатъ.

2.

„Признаюсь предъ всей Европой“,
Хромоногая кричитъ:
„М — *) . . . . . .
„Душу, сердце мнѣ томитъ.
„Мужъ! вотще карманы грузно
„Ты набилъ семьѣ моей
И вотще ты . . . .
„М — мнѣ милѣй!“

3.

Здравствуй, круглая сосѣдка!
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокетка,
Ты плѣшива, ты глупа.
Говорить съ тобой нѣтъ мочи;
Все прощаю, Богъ съ тобой!
Ты съ утра до темной ночи
Рада въ банкъ играть со мной.

4.

Вотъ еврейка съ Тодорашкой:
Пламя пышетъ въ подлецѣ
—
. . . . . .
Весь отъ ужаса хладѣю:
Ахъ, еврейка! Богъ убьетъ!
Если вѣрить Моисею, —
Скотоложница умретъ!

*) Такъ и въ рукописи, одна буква.

5.

Ты наказана сегодня,
И тебя пронзилъ Амуръ,
О чувствительная сводня,
О краса молдавскихъ дуръ!
Смотришь: каждая дѣвица
Предъ тобою съ молодцомъ,
Ты жь одна, моя вдовица,
Съ указательнымъ перстомъ.

6.

Ты умна, велерѣчива,
Кишиневская Жанлисъ,
Ты бѣла, жирна, шутлива,
Черноокая Тарсисъ;
Не хочу судить я строго,
Но къ тебѣ не льнетъ душа;
Такъ послушай, ради Бога,
Будь глупа, да хороша.

* *

Тодорашка въ васъ влюбленъ
И для вашихъ ножекъ,
Говорятъ, заводитъ онъ
Родъ какихъ-то дрожекъ.
Намъ приходитъ нелегко!
Какъ неосторожно!
Охъ, на дрожкахъ далеко
Вамъ уѣхать можно.

* * *

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ;
Ты боленъ: это не мечты;
И то-то, братецъ, будешь съ носомъ,
Когда безъ носу будешь ты.

Эпиграмма.

Оставя честь судьбѣ на произволъ,
. . . . . *), живая жертва фурій,
Отъ малыхъ лѣтъ любила чуждый полъ,
И вдругъ — бѣда: казнитъ ее Меркурій!
Раскаяться приходитъ ей пора;
Она больна, — глазъ пухнетъ понемногу;
Вдругъ лопнулъ онъ; что жь дама? — „Слава Богу!
„Все къ лучшему! Вотъ лишняя....!“

15.

Эпиграмма.

Ты правъ; хоть онъ — поэтъ изрядный,
Людмилинъ человѣкъ пустой;
А ты, мой князь, мой шутъ нарядный,
Ты вѣчно полонъ самъ собой:
Ты полонъ глупости большой.“

*) Такъ въ рукописи.

1822.

I.

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный
И ваши тайные цвѣты,
О вы, поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни легкою толпой
Отъ береговъ холодной Леты
Слетаются на брегъ земной
И невидимо навѣщаютъ
Мѣста, гдѣ было все милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ Элизеѣ,
Какъ ждетъ на пиръ семья родная
Своихъ замедлившихъ гостей...
Но, — можетъ быть, мечты пустыя —
Быть можетъ, съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя,
И чуждъ мнѣ будетъ міръ земной;
Быть можетъ, тамъ, гдѣ все блистаетъ
Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,

Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранитъ душа моя:
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я...

II.

Примѣты.

Старайся наблюдать различныя примѣты:
Пастухъ и земледѣлъ [1] въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужь предречь и вѣтръ, и ясный день.
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужь косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

III.

Друзьямъ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашъ, [1] при звукѣ лиръ.

Такъ музы васъ благословили,
Вѣнками свыше осѣня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
Она не суетной работой,
Не рѣзьбою плѣняла насъ,

Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
Что, жажду скиѳскую [2] поя,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.

Я пилъ — и думою сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной,
И сны любви воспоминалъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна,
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ закипѣвшею струей. [3]

15 февраля.

IV.

Узникъ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой; [1]
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.

Клюетъ, и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: „Давай, улетимъ!

„Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора,
„Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,

„Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
„Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ да я!..“ [2]

V.

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хазарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

„Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
„Что сбудется въ жизни со мною?
„И скоро-ль, на радость сосѣдей-враговъ,
„Могильной засыплюсь землею?
„Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
„Въ награду любого возьмешь ты коня.“

— „Волхвы не боятся могущихъ владыкъ,
„А княжескій даръ имъ не нуженъ;
„Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
„И съ волей небесною друженъ.
„Грядущіе годы таятся во мглѣ;
„Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

„Запомни же нынѣ ты слово мое:
„Воителю слава — отрада;

„Побѣдой прославлено имя твое;
„Твой щитъ на вратахъ Цареграда; [1]
„И волны, и суша покорны тебѣ;
„Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

„И синяго моря обманчивый валъ
„Въ часы роковой непогоды,
„И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
„Щадятъ побѣдителя годы...
„Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
„Незримый хранитель могущему данъ.

„Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
„Онъ, чуя господскую волю,
„То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
„То мчится по бранному полю;
„И холодъ, и сѣча ему — ничего;
„Но примешь ты смерть отъ коня своего."

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньѣ, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый,
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга, —
„Разстаться настало намъ время:
„Теперь отдыхай; ужь не ступитъ нога
„Въ твое позлащенное стремя.
„Прощай, утѣшайся, да помни меня.
„Вы, отроки-други, возьмите коня!

„Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
„Въ мой лугъ подъ уздцы отведите,
„Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
„Водой ключевою поите."

И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана,
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ," промолвилъ Олегъ;
„Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
„Здоровъ ли? Все также-ль легокъ его бѣгъ?
„Все тотъ же-ль онъ бурный, игривый?"
И внемлетъ отвѣту: „На холмѣ крутомъ
„Давно ужь почилъ непробуднымъ онъ сномъ."

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „Что же гаданье?
„Кудесникъ! ты лживый, безумный старикъ!
„Презрѣть бы твое предсказанье, —
„Мой конь и донынѣ носилъ бы меня!"
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ, ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „Спи, другъ одинокій!
„Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
„На тризнѣ, уже недалекой,
„Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
„И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

„Такъ вотъ, гдѣ таилась погибель моя!
„Мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась, —
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, зацѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега:
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

1 марта.

VI.

Птичка.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью:
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

13 мая.

VII.

Уединеніе.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межь трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ,

Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца
Отъ пробудителя нахала.

VIII.

Пріятелю.

Не притворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не страшенъ лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ;
Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнивъ;
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она — прелестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь.

IX.

Баратынскому изъ Бессарабіи.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой русскою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона.
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутого;
Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
Въ тебѣ Овидія живого.

X.

Е м у ж е.

Я жду обѣщанной тетради:
Что жь медлишь, милый трубадуръ?
Пришли ее мнѣ, Феба ради,
И награди тебя Амуръ.

XI.

Г р е ч а н к ѣ.

Ты рождена воспламенять
Воображеніе поэтовъ,
Его тревожить и плѣнять
Любезной живостью привѣтовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги томной,
Для упоенія страстей.

Скажи: когда пѣвецъ Леилы
Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
Свой неизмѣнный идеалъ, —
Ужь не тебя-ль изображалъ
Поэтъ мучительный и милый?
Быть можетъ, въ дальной сторонѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя страдалецъ вдохновенный
Узналъ, иль видѣлъ какъ во снѣ,
И скрылся образъ незабвенный
Въ его сердечной глубинѣ?
Быть можетъ, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ?
Невольный трепетъ возникалъ

Въ твоей груди самолюбивой
И ты, склонясь къ его плечу...
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было;
Мнѣ ново наслаждаться имъ
И, тайной грустію томимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило.

XII.

Адели.

Играй Адель,
Не знай печали:
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Часъ упоенья
Лови, лови!
Младыя лѣта
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣта
— Люби, Адель,
Мою свирѣль.

Каменка, ноябрь.

XIII.

Первое посланіе цензору.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой!
Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
Не бойся: не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной:
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У насъ писатели я знаю, каковы:
Ихъ мыслей не тѣснитъ цензурная расправа,
И чистая душа передъ тобою права.
Во-первыхъ, искренно я признаюсь тебѣ, —
Нерѣдко о твоей жалѣю я судьбѣ:
Людской безсмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вѣчно разбирать обязанъ за грѣхи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожитъ:
Тотъ англійскій романъ съ французскаго преложитъ,
Тотъ оду сочинитъ, потѣя да крехтя,
Иной трагедію напишетъ намъ, шутя, —
До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты читай, бѣсися,
Зѣвай, сто разъ засни, а послѣ подпишися.
Такъ! цензоръ — мученикъ! Порой захочетъ онъ
Умъ чтеньемъ освѣжить: Руссо, Вольтеръ, Бюффонъ,
Державинъ, Карамзинъ манятъ его желанье, —
А долженъ посвятить безплодное вниманье
На бредни новыя какого-то враля,
Которому досугъ пѣть рощи да поля...
Да связь утратя въ нихъ, ищи ее сначала,
Или вымарывай изъ тощаго журнала
Насмѣшки грубыя и площадную брань, —
Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань.

Но цензоръ — гражданинъ, и санъ его священный;
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный!

Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
Но мнѣнья не тѣснитъ и разумъ терпитъ онъ.
Блюститель тишины, приличія и нравовъ
Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
Закону преданный, отечество любя,
Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
Онъ другъ писателю, предъ знатью не трусливъ,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
А ты, глупецъ и трусъ! что дѣлаешь ты съ нами?
Гдѣ должно-бъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая, насъ мараешь и дерешь;
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру — пасквилемъ, поэзію — разратомъ,
Гласъ правды — мятежемъ, Куницына — Маратомъ...
Рѣшилъ — а тамъ поди, хоть на тебя проси!
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебѣ, не видимъ книгъ доселѣ?
И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
То, славу русскую и здравый умъ любя,
Самъ государь велитъ печатать безъ тебя.
Остались намъ стихи, поэмы, тріолеты,
Баллады, басенки, элегіи, куплеты,
Досуговъ и любви невинныя мечты,
Воображенія минутные цвѣты...
О варваръ! кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца „Пировъ“, столь чистый, благородный, —
Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
На все кидаешь ты косой, невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ, — во всемъ ты видишь ядъ...
Оставь, пожалуй, трудъ ни мало не похвальный!
Парнасъ — не монастырь и не гаремъ печальный

И, право, никогда искусный коновалъ
Излишней пылкости Пегаса не лишалъ.
Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ, чьи забавы —
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
Тотъ не знавалъ тебя — мы знаемъ, почему, —
И рукопись его, не погибая въ Летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
Барковъ шутливыхъ одъ къ тебѣ не посылалъ;
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ,
И Пушкина стихи въ печати не бывали, —
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали.
Но ты свое несешь — и въ нашъ премудрый вѣкъ
Едва ли Шаликовъ не вредный человѣкъ.
Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты „Наказъ“ Екатерины?
Прочти, пойми его: увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ, свои права; пойдешь инымъ путемъ;
Въ глазахъ монархини сатирикъ превосходный
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,
Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Христосъ — два равныя лица.
Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры
Ихъ горделивые разоблачалъ кумиры;
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ;
Наперсникъ Душеньки двусмысленно шутилъ,
Киприду иногда являлъ безъ покрывала, —
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко-бъ раздѣлались они.
Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зерцало —
Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать;
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать!
Старинной глупости мы праведно стыдимся:
Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
Когда никто не смѣлъ отечества назвать,

И въ рабствѣ ползали и люди, и печать?
Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло, губительное время,
Когда невѣжества несла Россія бремя;
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ.
Исправься-жь, будь умнѣй и примирися съ нами.

„Все правда", скажешь ты: „не стану спорить съ вами;
„Но можно-ль цензору по совѣсти судить?
„Я долженъ то того, то этого щадить.
„Конечно, вамъ смѣшно; а я нерѣдко плачу;
„Читаю да крещусь, — мараю наудачу...
„На все есть мода, вкусъ. Бывало, напримѣръ,
„У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ;
„А нынче и Миллотъ попался въ наши сѣти.
„Я бѣдный человѣкъ; къ тому-жь жена и дѣти"...

Жена и дѣти, другъ, повѣрь — большое зло:
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
Но дѣлать нечего! Такъ, если невозможно
Домой тебѣ скорѣй убраться осторожно,
И службою своей ты нуженъ для царя, —
Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

XIV.

Къ Ѳ. Н. Глинкѣ.

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ, —
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ;
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!

Пускай судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь, —
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ:
Онѣ ничтожны, если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

XV.

У Клариссы денегъ мало,
Ты богатъ, — иди къ вѣнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ къ лицу.

Январь.

XVI.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати,
Съ счастіемъ у васъ разладъ:
И прекрасны вы некстати,
И умны вы невпопадъ.

XVII.

Жалоба.

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ,
А вы, вы — знатный господинъ:
Таковъ объ васъ народный говоръ,
Высокородный Сѣверинъ.
Потомку предковъ благородныхъ,
Увы, никто въ моей роднѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

XVIII.

Русскому Геснеру.

Куда ты холоденъ и сухъ!
Какъ слогъ твой чопоренъ и бѣденъ!
Какъ въ изобрѣтеньяхъ ты блѣденъ!
Какъ утомляешь ты мой слухъ!
Твоя пастушка, твой пастухъ
Должны ходить въ овчинной шубѣ,
Ты ихъ морозишь налегкѣ!
Гдѣ ты нашелъ ихъ? Въ шустеръ-клубѣ
Или на Красномъ кабачкѣ?

XIX.

Черновые наброски.

Начало посланія къ кн. Вяземскому.

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И блескомъ колкихъ словъ, и шутками богатый, —
Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить анаѳемой игривой...

Начало посланія къ брату.

Братъ милый! Отрокомъ разстался ты со мной;
Въ разлукѣ протекли медлительные годы;
Теперь ты юноша — и полною душой
Цвѣтешь для радости, для свѣта, для свободы.
Какое поприще отверзлось предъ тобой!
Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій,
И сладостныхъ заботъ, и милыхъ заблужденій...
Какъ юный жаръ твою волнуетъ кровь!

Ты сердце пробуешь въ надеждѣ торопливой,
Ввѣряешься любви...

Изъ записки къ пріятелю.

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой.
Приди ко мнѣ на рюмку рома,
Приди, — тряхнемъ мы стариной!
Нашъ другъ Тардифъ, любимецъ Кома,
Поварни полный генералъ,
Достойный дружбы и похвалъ
Ханжи, поэта, балагура,
Тардифъ, который Коленкура
И откормилъ, и обокралъ,
Тардифъ, полиціей гонимый
За неоплатные долги,
Тардифъ, умомъ неистощимый
На entre-mets, на пироги...

Мой другъ, уже три дня
Сижу я подъ арестомъ,
И не видался я
Давно съ моимъ Орестомъ:
Спаситель молдаванъ,
Бахметьева намѣстникъ,
Законовъ провозвѣстникъ,
Смиренный Іоаннъ
За то, что ясскій панъ,
Извѣстный намъ болванъ
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою,
И трусъ, и грубіянъ,
Побитъ немножко мною,
И что бояръ пугнулъ

Я новою тревогой, —
Къ моей каморкѣ строгій
Приставилъ караулъ *).
. . . . . .
Невинною игрою,
А именно — мараю
Небрежныя черты,
Пишу карикатуры,
Знакомыхъ столько лицъ,
Восточныя фигуры
[Игривыхъ] куконицъ
И ихъ мужей рогатыхъ,
Обритыхъ и брадатыхъ!..

Къ ***.

Ты правъ, мой другъ! напрасно я презрѣлъ
Дары природы благосклонной;
Я зналъ досугъ — безпечныхъ музъ удѣлъ —
И наслажденье лѣнью сонной.

Я дружбу зналъ, и жизни молодой
Ей отдалъ вѣтреные годы,
И вѣрилъ ей за чашей круговой
Въ часы веселій и свободы.

Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
Я зналъ и трудъ, и вдохновенье
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье!

Свою печать утратилъ рѣзвый нравъ,
Душа часъ отъ часу нѣмѣетъ,
Въ ней чувства нѣтъ. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ кавказскихъ каменѣетъ.

---

*) Здѣсь въ рукописи оторванъ верхній уголъ листа.

И свѣтъ, и дружбу, и любовь
Въ ихъ наготѣ отнынѣ вижу, —
Но все прошло! остыла въ сердцѣ кровь,
Угрюмый опытъ ненавижу...

* *

Красы Лаисъ, завѣтные пиры
И клики радости безумной,
И мирныхъ музъ минутные дары,
И лепетанье славы шумной...

Разоблачивъ плѣнительный кумиръ,
Я вижу призракъ безобразный...
Но что-жь теперь тревожитъ хладный миръ
Души безчувственной и праздной?

Любилъ я славу и любовь
И многому я въ жизни вѣрилъ,
[Когда еще кипѣла въ сердцѣ кровь
И самъ съ собой я лицемѣрилъ...]

* *

Пиры, любовницы, друзья
Исчезли съ милыми мечтами,
Одинъ, одинъ остался я!
Померкла молодость моя
Съ ея невѣрными дарами.
Такъ свѣчи, въ долгу ночь горѣвъ
Для рѣзвыхъ юношей и дѣвъ,
Въ концѣ безумныхъ пированій
Блѣднѣютъ предъ лучами дня...

* *

Я говорилъ предъ хладною толпой.
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородный, —
[Я замолчалъ...]

Таврида.

Gieb meine Jugend mir zurück.

Страсти мои утихаютъ; тишина царитъ въ душѣ моей; ненависть, раскаяніе, все исчезаетъ, — любовь, одушевленіе...

Ты вновь со мною, наслажденье,
Спокойны чувства, ясенъ умъ,
Пью съ воздухомъ любви томленье,
Въ душѣ утихло мрачныхъ думъ
Однообразное волненье;
Все мило мнѣ въ уединеньѣ,—
Лазурь небесъ, и тѣнь, и шумъ...
. . . . . .

Какой-то нѣгой неизвѣстной,
Какой-то грустью полонъ я!
Одушевленныя поля,
Холмы Тавриды, край прелестный,
Тебя я посѣщаю вновь,
Пью [жадно] воздухъ сладострастья,
Вездѣ мнѣ слышенъ тайный гласъ
Давно затерянаго счастья...
Счастливый край, гдѣ блещутъ воды,
Лаская пышные брега,
И свѣтлой роскошью природы
Озарены холмы, луга,
Гдѣ скалъ нахмуренные своды...

*

Какъ наше сердце своенравно!
.....томимый вновь,
Я умолялъ тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьемъ, нѣжностью притворной

Одушевлять свой дивный взглядъ,
Играть душой моей покорной,
Въ нее вливать огонь и ядъ...
Ты согласилась; нѣгой влажной
Наполнился твой южный взоръ;
Твой видъ задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговоръ,
И то, что дозволяешь нѣжно,
И то, что запрещаешь мнѣ,
Все впечатлѣлось неизбѣжно
Въ моей сердечной глубинѣ...

На тихихъ берегахъ Москвы
Церквей, вѣнчанныя крестами,
Сіяютъ ветхія главы
Надъ монастырскими стѣнами;
Кругомъ простерлись по холмамъ
Вовѣкъ нерубленныя рощи;
Издавна почивали тамъ
Угодниковъ святыя мощи...

*

Зачѣмъ раздался громъ войны?
Во славномъ царствѣ Зензевея,
Поля и села зажжены...
. . . . . .
Въ Арменію, въ палаты Зензевея,
Съѣжаются могучіе цари,
Царевичи, князья, богатыри.
Армянскій царь ихъ ласково встрѣчаетъ
. . . . . .
И съ ними добрый Зензевей
Пируетъ ровно сорокъ дней.

Себѣ ты выбралъ, Зензевей,
Кого союзникомъ и другомъ?
Кто будетъ счастливымъ супругомъ
Царевны, дочери, твоей?
Она мила, какъ ландышъ мая,
Рѣзва, какъ лань кавказскихъ горъ...

Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,
Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратилъ?
. . . . . .
Вы, бури, вѣтры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ!
Гдѣ ты, гроза? символъ свободы,
Промчись поверхъ невольныхъ водъ!

* * *

Венерѣ, Фебу и Ѳемидѣ
Полезно посвящая дни,
Дозоромъ ѣздятъ по Тавридѣ
И проповѣдуютъ Парни.

* * *

Въ голубомъ эѳира полѣ
Блещетъ мѣсяцъ золотой; [1]
Старый дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ догарессой молодой.
Догаресса молодая...

* *
*

Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой,
За ланью быстрой и пугливой
Стремится дикій Актеонъ.
Уже на чистый небосклонъ
Восходитъ блѣдная Діана —
И въ сумракѣ пускаетъ онъ
Стрѣлу послѣднюю колчана...

* *
*

„О, Геліосъ, внемли, серебрянымъ лукомъ звенящій
„Внемли, богъ-покровитель, ... моленію старца!
. . . . . .
„Нынѣ, ежели ты слѣпому вождемъ не предыдешь".
Рекъ, и сѣлъ на камнѣ слѣпецъ утомленный. Но слѣдомъ
. . . . . дѣти страны той пустынной
Скоро сбѣжались на лай собакъ, ихъ стада стерегущихъ;
Ярость унявъ ихъ, они защитили безсильнаго старца.
Издали . . . . . приближались:
„Сей бѣлоглавый старикъ, одинокій, слѣпой, — ужь не богъ ли?
„Гордъ и высокъ; виситъ на поясѣ бѣдномъ простая
„Лира, и голосъ его возмущаетъ волны . . . . .
Вотъ, шаги онъ услышалъ, — ухо клонитъ, въ смущеньѣ,
Руки простеръ для моленья, страшась несчастья. — „Не бойся,
„Если только не скрытъ въ земномъ старѣющемъ тѣлѣ
„Богъ-покровитель. Столь величавая прелесть
„Старость твою украшаетъ", вѣщали они незнакомцу:
„Если жь ты — смертный, то знай, что тебя . . .
„Къ людямъ боговъ дружелюбныхъ . . . . . .

1823.

I.

Изъ записки къ В. П. Горчакову.

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь;
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ-нибудь,
Сижу я дома, какъ бездѣльникъ;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Варѳоломей и пр.

Январь.

II.

Демонъ.

(Ал. Ник. Раевскому).

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія —
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь;

Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапно осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасною мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

III.

Княгинѣ М. А. Голицыной.

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я стихъ обвороженный,
Мой стихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...
Довольно! Въ гордости моей
Я мыслить буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А можетъ быть — и вдохновеньемъ.

IV.

Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну.

Отраднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ явился
И радость райскую принесъ съ собою къ намъ,
Но, житель горнихъ мѣстъ, ты міромъ не прельстился
И снова отлетѣлъ въ отчизну, къ небесамъ.

V.

Элегія.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье? [1]
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой
И всѣхъ даритъ надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылый?
Мной овладѣвъ, мой разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной;
Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ страстной, [2]
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокій!
Хочу-ль бѣжать, — съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводитъ ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ, —
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мертвитъ, любви не выражая.
Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заставъ меня съ тобой,

Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?..
Что-жь онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?..
Въ нескромный часъ межь вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?
Но я любимъ!.. Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои,
Но я любимъ, тебя я понимаю; [3]
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю!

VI.

Ночь.

Мой голосъ, для тебя и ласковый, и томный,
Тревожитъ позднее молчанье ночи темной.
Близь ложа моего печальная свѣча
Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча,
Текутъ, — ручьи любви, — текутъ, полны тобою;
Во тьмѣ твои глаза блистаютъ предо мною,
Мнѣ улыбаются и звуки слышу я:
„Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... твоя... твоя".

26 октября, Одесса.

VII.

Возстань, о Грецiя, возстань!
Недаромъ напрягаешь силы,
Недаромъ потрясаетъ брань
Олимпъ, и Пиндъ, и Ѳермопилы.

Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Аѳинъ,
Гроба Тезея и Перикла.

Страна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскія вериги,
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги!

VIII.

Сказали разъ царю, что наконецъ
Мятежный вождь Ріэго былъ удавленъ.
„Я очень радъ“, сказалъ усердный льстецъ:
„Отъ одного мерзавца міръ избавленъ!“
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ:
Всѣхъ удивилъ нежданный приговоръ.
Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ, — [1]
Согласенъ я, — но онъ за то повѣшенъ;
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться этакъ намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого доброхотства
Не захотѣлъ своей улыбкой ободрить. [2]
Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И въ самой подлости оттѣнокъ благородства! [3]

IX.

Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя.

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя, —
Но потерялъ я только время,

Благія мысли и труды...
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды —
Ярмо съ гремушками, да бичъ.

X.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ.
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ — и жребіи земли
Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали,
Чредою выпадали
И міру тихую неволю въ даръ несли.

И дѣлу своему владыка самъ дивился:
„Се благо!“ думалъ онъ — и взоръ его носился
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
Отъ Царскосельскихъ липъ [1] до башенъ Гибралтара, —
Все молча ждетъ удара,
Все пало, подъ яремъ склонились всѣ главы.

„Свершилось!“ молвилъ онъ. „Давно-ль народы міра
„Паденье славили великаго кумира?
. . . . . .*).

„Давно ли ветхая Европа свирѣпѣла,
„Надеждой новою Германія кипѣла, [2]
„Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
„За Пиренеями давно-ль судьбой народа
„Ужь правила свобода
„И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?

*) Эта строфа осталась недописанною.

„Давно-ль? — И гдѣ же вы, зиждители свободы?
„Ну, что жь? Витійствуйте, ищите правъ природы,
„Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!
„Вотъ Кесарь — гдѣ же Брутъ? О грозные витіи,
„Цѣлуйте жезлъ Россіи
„И васъ поправшую желѣзную стопу!“

Онъ рекъ — и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ, и вновь повѣялъ мимо . . .
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ,
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи . . .
Раздался бой полночи —
И се, внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.

То былъ сей чудный мужъ, посланникъ провидѣнья.
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари . . . [2]

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей —
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго по манію царей.

Нѣтъ: чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтѣ здравія и мужества и мощи
Владыкѣ Полунощи
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлица
Дружины Сѣвера гнала его десница

И русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ иль позоромъ
Предъ юношей-царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ...

Декабрь.

XI.

Телѣга жизни.

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя, —
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, — сѣдое Время, —
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка. [1]

Съ утра садимся мы въ телѣгу,
Мы погоняемъ съ ямщикомъ
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: „Валяй по всѣмъ по тремъ!“

Но въ полдень нѣтъ ужь той отваги:
Порастрясло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры, и овраги...
Кричимъ: „Полегче, дуралей!“

Катитъ по-прежнему телѣга...
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней
И, дремля, ѣдемъ до ночлега,
А Время гонитъ лошадей...

1824.

I.

А. Л. Давыдову.

(На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крыма).

Нельзя, мой толстый Аристиппъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды,
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного тощей Энеиды
Пускался въ море наконецъ,
Ему Горацій, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулилъ хорошую погоду;
Но льстивыхъ одъ и не пишу, —
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

II.

Иностранкѣ.

(Въ альбомъ).

На языкѣ, тебѣ невнятномъ,
Стихи прощальные пишу,
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего [1] прошу:
Мой другъ, доколѣ [2] не увяну
Въ разлукѣ, чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой другъ, одну тебя!
На чуждыя черты взирая,
Вѣрь только [3] сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страстей не понимая.

Veux-tu m'aimer? 18,19 mai 1824. Pl. s. D'.

III.

Тимковскій царствовалъ — и всѣ твердили вслухъ,
Что врядъ ли гдѣословъ найдешь подобныхъ двухъ.
Явился Бируковъ, за нимъ вослѣдъ Красовскій:
Ну, право, ихъ умнѣй покойный былъ Тимковскій.

Іюнь.

IV.

На Воронцова.

Полумилордъ, полукупецъ,
Полумудрецъ, полуневѣжда,
Полуподлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

Іюнь.

V.

Къ морю.

Прощай, свободная стихія! [1]
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ, [2]
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ.

Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы.

Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно [3] средь зыбей,
Но ты взыгралъ, неодолимый, —
И стая тонетъ кораблей!

Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... Я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный [4] устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ, —

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій...
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ...
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Міръ опустѣлъ... Теперь куда же
Меня-бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль просвѣщенье, иль тиранъ. [5]

Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

VI.

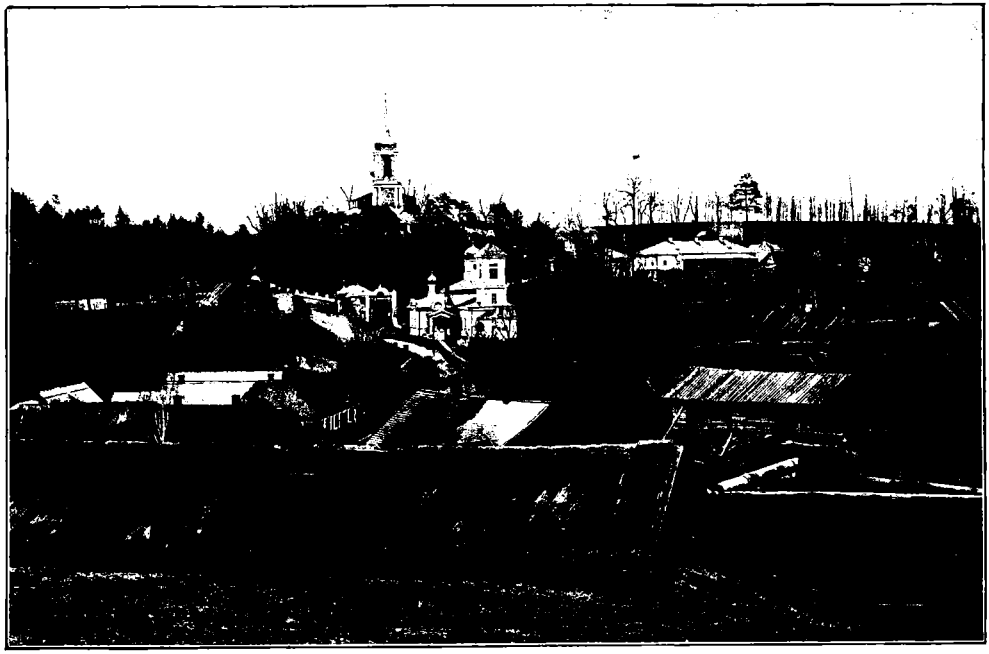
Аквилонъ.

Зачѣмъ ты грозный [1] аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній [2] небосклонъ
Ты облака столь гнѣвно [3] гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался, [4]
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой —
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавый.

Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

Пушкинъ. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Святогорскій монастырь.

VII.

Прозерпина.

(Подражаніе Парни).

Плещутъ волны Флегетона,
Своды Тартара дрожатъ, —
Кони блѣднаго Плутона
Быстро [1] къ нимфамъ Пеліона
Изъ Аида бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ...
И богинямъ льститъ измѣна, —
Прозерпинѣ смертный милъ.
Ада гордая царица
Взоромъ юношу зоветъ,
Обняла, — и колесница
Ужь къ Аиду ихъ несетъ.
Мчатся, облакомъ одѣты,
Видятъ вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца...
Прозерпина въ упоеньѣ,
Безъ порфиры и вѣнца,
Повинуется желаньямъ,
Предаетъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы,
Въ сладострастной нѣгѣ тонетъ
И молчитъ, и томно стонетъ...
Но бѣгутъ любви часы...
Плещутъ волны Флегетона,

Своды Тартара дрожатъ —
Кони блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ.
И Кереры дочь уходитъ
И счастливца за собой
Изъ Элизія выводитъ
Потаенною тропой;
И счастливецъ [2] отпираетъ
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣній ложный рой.

VIII.

Испанскій романсъ.

Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Вотъ взошла луна златая,
Тише... чу... гитары звонъ...
Вотъ испанка молодая
Оперлася на балконъ.

Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркій день!
Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

IX.

Къ Языкову.

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межь собой связуетъ:
Они — жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они — родня по вдохновенью;
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я тебѣ! [1]
Давно бъ на дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бъ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей;
Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье; [2]
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь;
Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ
Влачу закованные дни...
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани:
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,

Скрывался прадѣдъ мой, арапъ;
Гдѣ, позабывъ Елизаветы
И дворъ, и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей, —
Я жду тебя. Тебя со мною
Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ
Мой братъ по крови, по душѣ,
Шалунъ, замѣченный тобою;
И музъ возвышенный пророкъ,
Нашъ Дельвигъ, все для насъ оставитъ,
И наша троица прославитъ
Изгнанья темный уголокъ.
Надзоръ обманемъ караульный,
Восхвалимъ вольности дары,
И нашей юности разгульной
Пробудимъ шумные пиры;
Вниманье дружное преклонимъ
Ко звону рюмокъ и стиховъ,
И скуку зимнихъ вечеровъ
Виномъ и пѣснями прогонимъ.

Михайловское, 20 сентября.

X.

Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ.

Книгопродавецъ.

Стишки для васъ одна забава, —
Немножко стоитъ вамъ присѣсть,
Ужь разгласить успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, готова,
Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй.
Итакъ — рѣшите, жду я слова:

Назначьте сами цѣну ей.
Стишки любимца музъ и грацій [1]
Мы вмигъ рублями замѣнимъ
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Нельзя-ль узнать?

Поэтъ.

Я былъ далеко:
Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы,
И видѣлъ вновь пріюты скалъ
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, музу призывалъ. [2]
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ,
Тамъ долѣ яркія видѣнья
Съ неизъяснимою красой
Вились, летали надо мной
Въ часы ночного вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ,
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ —
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава:
Въ ней грезы чудныя рождались,
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались.

Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы младой
Хранитъ любовникъ суевѣрный.

Книгопродавецъ.

Но слава замѣнила вамъ
Мечтанья тайнаго отрады —
Вы разошлися по рукамъ,
Межь тѣмъ какъ пыльныя громады
Лежалой прозы и стиховъ
Напрасно ждутъ себѣ чтецовъ
И вѣтреной ея награды.

Поэтъ.

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы не увитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что̀ слава? Шопотъ ли чтеца?

Гоненье-ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

Книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья,
Жуковскій то же говорилъ; [3]
Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
Ихъ сладкозвучныя творенья.
И впрямь, завиденъ вашъ удѣлъ:
Поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальномъ поражаетъ;
Героевъ утѣшаетъ онъ;
Съ Коринной на киѳерскій тронъ
Свою любовницу возноситъ. [4]
Хвала для васъ — докучный звонъ,
Но сердце женщинъ славы проситъ:
Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
Пріятна лесть Анакреона:
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

Поэтъ.

Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты.
Мои слова, мои напѣвы,
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда; [5]
Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви,
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои!
Но полно; въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужь не принесетъ:

Пускай ихъ юноша поетъ, [6]
Любезный баловень природы.
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтреной души;
Нечисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно
И, признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу больно —
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился? [7]
Ахъ, лира, лира! что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, еслибъ Лета поглотила
Мои летучія мечты! [8]

Книгопродавецъ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
Причины вашихъ огорченій
Мнѣ знать нельзя, но исключеній
Для милыхъ дамъ ужели нѣтъ?
Ужели ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей
И вашихъ пѣсенъ не присвоитъ
Всесильной красотѣ своей?
Молчите вы?

Поэтъ.

Зачѣмъ поэту
Тревожить сердца тяжкій сонъ?
Безплодно память мучитъ онъ.

И что-жь, какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранитъ ли образъ незабвенный?
Любви блаженство зналъ ли я?
Тоскою-ль долгой изнуренный,
Таилъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ та была, [9] которой очи,
Какъ небо, улыбались мнѣ?
Вся жизнь — одна ли, двѣ ли ночи?
. . . . . .
И что-жь? Докучный стонъ любви,
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содроганьемъ.
Судьбою такъ ужь рѣшено.
Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
Одна была — предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
Любви поэзіи святой.
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи,
Я находилъ огонь небесный,
Сгорая жаждою любви. [10]
Ахъ, мысль о *той* души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумѣла
Стихи неясные мои,
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, не нужны ей.

Книгопродавецъ.

Итакъ, любовью утомленный,
Наскуча лепетомъ молвы,
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтреную моду,
Что-жь изберете вы?

Поэтъ.

Свободу.

Книгопродавецъ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ, —
Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ — торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзный
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата, —
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье,
Но васъ я знаю, господа: [11]
Вамъ ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипитъ, бурлитъ воображенье;
Оно застынетъ, — и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что-жь медлить? Ужь ко мнѣ заходятъ
Нетерпѣливые чтецы,
Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
За ними — тощіе пѣвцы:
Кто проситъ пищи для сатиры,

Кто для души, кто для пера,
И, признаюсь, отъ вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэтъ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись. Условимся.

XI.

Второе посланіе цензору.

На скользкомъ [1] поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ,
Позволь обнять себя, мой прежній [2] собесѣдникъ!
Недавно, тяжкою цензурой угнетенъ, [3]
Послѣднихъ, жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
Со всею братіей гонимый совокупно,
Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно;
Потѣшилъ языка [4] бранчивую свербежь;
Но извини меня, мнѣ было невтерпежъ.
Теперь, въ моей глуши журналы раздирая,
И бѣдной братіи стишонки разбирая
(Теперь же мнѣ читать охота и досугъ),
Обрадовался я, по нимъ замѣтя вдругъ
Въ тебѣ и правила, и мыслей образъ новый.
Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
И твердостью души, и смѣлостью ума!
Какъ изумилася поэзія сама,
Когда ты разрѣшилъ, по милости чудесной,
Завѣтныя слова: божественный, небесный —
И ими назвалась (для риѳмы) красота,
Не оскорбляя тѣмъ ужь Господа-Христа.
Но что же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои посланія хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою;
Но подразнивъ тебя, я перемѣной сею

Пріятно изумленъ, гордиться не посмѣю.
Отнесся я къ тебѣ по долгу своему;
Но мнѣ-ль исправить васъ? Нѣтъ, вѣдаю, кому
Сей важной новостью обязана Россія:
Обдумавъ, наконецъ, намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ;
Шишковъ уже наукъ [5] правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь[6] народа
Священной памятью [7] двѣнадцатаго года;
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ:
Ихъ, незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ;
Отъ хлада нашихъ дней укрылъ онъ лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины. [8]
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ,
Омара да Али пріявъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушить старался просвѣщенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша,
И помогалъ ему Магницкій благородный,
Мужъ твердый въ правилахъ, съ душою превосходной, [9]
И даже бѣдный мой Кавелинъ-дурачокъ,
Крститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи пакостныя руки
Вы были преданы, [10] печальныя науки!
Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно! Мрачная година протекла, —
И ярче ужь горитъ свѣтильникъ просвѣщенья!
Я съ перемѣною несчастнаго правленья
Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ;
Но — самъ не знаю, какъ, — ты, видно, устоялъ.
Итакъ, я поспѣшилъ пріятелей поздравить, [11]
А между тѣмъ, совѣтъ на память имъ оставить:
Будь строгъ, но будь уменъ. Не просятъ у тебя,
Чтобъ, всѣ законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно;

Права свои храни по долгу своему;
Но скромной истинѣ, но мирному уму,
И даже глупости невинной и довольной
Не заграждай пути заставой своевольной!
И если ты въ плодахъ досужнаго пера
Порою не найдешь великаго добра,
Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
Престоловъ, алтарей и нравовъ супостата, —
То, славы автору желая отъ души,
Махни, мой другъ, рукой — и смѣло подпиши!

XII.

О дѣва-роза! Я въ оковахъ,
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близь розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ
И нѣжно пѣсни ей поетъ
Во мракѣ ночи сладострастной.

XIII.

Фонтану Бахчисарайскаго дворца.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росою хладной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадный!
Журчи, журчи свою мнѣ быль...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальный!
И я твой мраморъ вопрошалъ;
Хвалу странѣ прочелъ я дальной;
Но о Маріи ты молчалъ...

Свѣтило блѣдное гарема!
И здѣсь ужель забвенно ты?
Или Марія и Зарема —
Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеалъ?

XIV.

Виноградъ.

Не стану я жалѣть о розахъ,
Увядшихъ съ легкою весной;
Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Какъ персты дѣвы молодой.

XV.

Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ...
Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;

Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...
Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;
Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ, печальна и одна...
Одна... Никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ,
Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ;
Одна... Ни чьимъ устамъ она не предаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Никто ея любви небесной не достоинъ.
Не правда ль: ты одна? ты плачешь? Я спокоенъ;
. . . . . .
Но если . . . . .

XVI.

Коварность.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ,
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содроганьемъ,
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою, —
Не говори: „Онъ боленъ, онъ дитя,
„Онъ мучится безумною тоскою“;
Не говори: „Неблагодаренъ онъ,
„Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ,
„Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ...“
Ужель ты правъ? Ужели ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, — онъ въ прахъ готовъ упасть,

Чтобъ вымолить у друга примиренье!
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей, —
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

XVII.

Подражаніе А. Шенье.

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ;
На дѣвственныхъ [1] устахъ улыбка замираетъ;
Давно твоей иглой узоры и цвѣты
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали!
Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
Любви не утаишь: мы любимъ и, какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, межь ними,
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными?.. Краснѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все, и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродитъ
Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
Ты втайнѣ ждешь его. Идетъ, — и ты бѣжишь
И долго вслѣдъ за нимъ, незримая, глядишь.

Никто на праздникѣ блистательнаго мая,
Межь колесницами роскошными летая,
Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

XVIII.

Подражанія Корану *).

1.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечемъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой, [1]
Клянусь вечернею молитвой **):

Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

Не я-ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я-ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

Мужайся-жь, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,

---

*) „Нечестивые, пишетъ Магометъ (глава Награды), думаютъ, что Коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басенъ". Мнѣніе сихъ нечестивыхъ, конечно, справедливо; но, не смотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ Коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ или третьемъ лицѣ. (Примѣчаніе Пушкина, какъ и всѣ прочія, отмѣченныя звѣздочками).

**) Въ другихъ мѣстахъ Корана Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелью и порокомъ, ангелами и человѣкомъ, и проч. Странный сей риторическій оборотъ встрѣчается въ Коранѣ поминутно.

Люби сиротъ, и мой Коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

2.

О, жены чистыя пророка!
Отъ всѣхъ вы женъ отличены:
Страшна для васъ и тѣнь порока;
Подъ сладкой сѣнью тишины
Живите скромно; вамъ пристало
Безбрачной дѣвы покрывало;
Храните вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ, —
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица.

А вы, о гости Магомета!
Стекаясь къ вечери [2] его,
Брегитесь суетами свѣта
Смутить пророка моего!
Въ пареньѣ думъ благочестивыхъ,
Не любитъ онъ велерѣчивыхъ
И словъ нескромныхъ и пустыхъ;
Почтите пиръ его смиреньемъ
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ *).

3.

Смутясь, нахмурился пророкъ,
Слѣпца послышавъ приближенье: **)

---

*) „Мой пророкъ", прибавляетъ Алла, „вамъ этого не скажетъ, ибо онъ весьма учтивъ и скроменъ; но я не имѣю нужды съ вами чиниться" и проч. Ревность араба такъ и дышитъ въ сихъ заповѣдяхъ.

**) Изъ книги Слѣпецъ. [Въ изданіи 1826 г. было добавлено. „Тифля. Вотъ почему слово сіе почитается у турокъ за жесточайшую брань."]

Бѣжитъ, да не дерзнетъ порокъ
Ему являть недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ:
Спокойно возвѣщай Коранъ,
Не понуждая [3] нечестивыхъ!

Почто-жь кичится человѣкъ?
За то-ль, что нагъ на свѣтъ явился,
Что дышитъ онъ недолгій вѣкъ,
Что слабъ умретъ, какъ слабъ родился?

За то-ль, что Богъ и умертвитъ,
И воскреситъ его по волѣ?
Что съ неба дни его хранитъ
И въ радостяхъ, и въ горькой долѣ?

За то-ль, что далъ ему плоды,
И хлѣбъ, и финикъ, и оливу,
Благословилъ его труды
И вертоградъ, и холмъ, и ниву?

Но дважды ангелъ вострубитъ,
На землю громъ небесный грянетъ —
И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ.

И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ, —
И нечестивые падутъ,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

4.

Съ тобою древле, о Всесильный,
Могучій состязаться мнилъ,

Безумной гордостью обильный;
Но ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: „Я міру жизнь дарую,
„Я смертью землю наказую,
„На все подъята длань моя.“
— „Я также“, рекъ онъ, „жизнь дарую,
„И также смертью наказую:
„Съ тобою, Боже, равенъ я!“
Но смолкла похвальба порока
Отъ слова гнѣва твоего:
„Подъемлю солнце я съ востока, —
„Съ заката подыми его.“

5.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой *).

Зажегъ ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ ленъ, елеемъ напоенный,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.

Творцу молитесь — онъ могучій:
Онъ правитъ вѣтромъ, въ знойный день
На небо насылаетъ тучи,
Даетъ землѣ древесну сѣнь;

Онъ милосердъ: онъ Магомету
Открылъ сіяющій Коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту
И да падетъ съ очей туманъ.

*) Плохая физика; но за то какая смѣлая поэзія!

6.

Не даромъ вы приснились мнѣ
Въ бою, съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
О дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ младыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили, — слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье:
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекутъ: „Возьмите насъ съ собою!“
Но вы скажите: „Не возьмемъ!“

Блаженны падшіе въ сраженьи:
Теперь они вошли въ эдемъ,
И потонули въ наслажденьи,
Не отравляемомъ ничѣмъ.

7.

Возстань, боязливый:
Въ пещерѣ твоей
Святая лампада
До утра горитъ.
Сердечной молитвой,
Пророкъ, удали
Печальныя мысли,

Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори,
Небесную книгу
До утра читай!

8.

Торгуя совѣстью, предъ блѣдной нищетою
Не сыпь своихъ даровъ разсчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда подобно нивѣ тучной,
О сѣятель благополучный,
Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.

Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань, —
Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Что съ камня моетъ дождь обильный,
Исчезнутъ — Господомъ отверженная дань.

9.

И путникъ усталый на Бога ропталъ:
Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ,
Въ пустынѣ блуждая три дня и три ночи,
И зноемъ и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ...
И кладязь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы,
И легъ, и заснулъ онъ близь вѣрной ослицы;
И многіе годы надъ нимъ протекли,
По волѣ Владыки небесъ и земли.

Насталъ пробужденья для путника часъ;
Встаетъ онъ—и слышитъ невѣдомый гласъ:
„Давно ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?“
И онъ отвѣчаетъ: „Ужь солнце высоко
„На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
„Съ утра я глубоко проспалъ до утра“.

Но голосъ: „О путникъ, ты долѣе спалъ;
„Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;
„Ужь пальма истлѣла, а кладязь холодный
„Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
„Давно занесенный песками степей,
„И кости бѣлѣютъ ослицы твоей“.

И горемъ объятый, мгновенный старикъ,
Рыдая, дрожащей главою поникъ...
И чудо въ пустынѣ [6] тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется пальма тѣнистой главой,
Вновь кладязь наполненъ прохладой и мглой;

И ветхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ,
И чувствуетъ путникъ и силу, и радость,
Въ крови заиграла воскресшая младость,
Святые восторги наполнили грудь,
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь

XIX.

Дружба.

Что дружба? — Легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ.

XX.

Признаніе.

Я васъ люблю, хоть я бѣшусь,
Хоть это трудъ и стыдъ напрасный, —
И въ этой глупости несчастной
У вашихъ ногъ я признаюсь!
Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ...
Пора, пора мнѣ быть умнѣй!
Но узнаю по всѣмъ примѣтамъ
Болѣзнь любви въ душѣ моей:
Безъ васъ мнѣ скучно, я зѣваю;
При васъ мнѣ грустно, я терплю;
И мочи нѣтъ, сказать желаю,
Мой ангелъ, какъ я васъ люблю!
Когда я слышу изъ гостиной
Вашъ легкій шагъ, иль платья шумъ,
Иль голосъ дѣвственный, невинный, —
Я вдругъ теряю весь свой умъ.
Вы улыбнетесь, — мнѣ отрада;
Вы отвернетесь, — мнѣ тоска;
За день мученія — награда
Мнѣ ваша блѣдная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя,
Я въ умиленьи, молча, нѣжно,
Любуюсь вами, какъ дитя!..
Сказать ли вамъ мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, въ ненастье,
Вы собираетеся въ даль?
И ваши слезы въ одиночку,
И рѣчи въ уголку вдвоемъ,
И путешествіе въ Опочку,
И фортепьяно вечеркомъ...

Алина, сжальтесь надо мною!
Не смѣю требовать любви:
Быть можетъ, за грѣхи мои,
Мой ангелъ, я любви не стою!
Но притворитесь: этотъ взглядъ
Все можетъ выразить такъ чудно!
Ахъ, обмануть меня не трудно:
Я самъ обманываться радъ!

XXI.

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки;
Жестоки вы, — Богъ вамъ судья!
Вы говорите: я въ горячкѣ,
Вы говорите: брежу я...
За что же гнѣвъ такой? Не знаю!
Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злой, —
А потому и повторяю
Вамъ безпрестанно, что страдаю,
Что я люблю васъ, ангелъ мой!

XXII.

Туманскій правъ, когда такъ вѣрно васъ
Сравнилъ онъ съ радугой живою:
Вы милы, какъ она, для глазъ
И, какъ она, премѣнчивы душою.
И съ розой схожи вы, блеснувшею весной:
Вы такъ же, какъ она, предъ нами
Цвѣтете пышною красой,
И такъ же колетесь — Богъ съ вами!
Но болѣе всего сравненіе съ ключемъ
Мнѣ нравится: я радъ ему сердечно!
Да, чисты вы, какъ онъ, и сердцемъ, и умомъ,
И такъ же холодны, конечно!
Сравненья прочія не столько хороши:
Поэтъ не виноватъ — сравненья неудобны;

Вы прелестью лица и прелестью души,
Къ несчастью, безподобны.

XXIII.

Воспитанный подъ барабаномъ,
Нашъ Ц... лихимъ былъ капитаномъ:
Подъ Австерлицемъ онъ бѣжалъ,
Въ двѣнадцатомъ году — дрожалъ,
За то былъ фрунтовой профессоръ;
Но фрунтъ герою надоѣлъ:
Теперь коллежскій онъ ассессоръ
По части иностранныхъ дѣлъ.

XXIV.

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный зоилъ
Разводитъ опіумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки.

XXV.

Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ,
Онъ другъ Венеры и пировъ,
Онъ на обѣдахъ — богъ обѣдовъ,
Въ своихъ садахъ — онъ богъ садовъ.

XXVI.

Эпиграмма

на петербургское наводненіе.

Напрасно ахнула Европа:
Не унывайте, не бѣда!
Отъ петербургскаго потопа
Спаслась „Полярная Звѣзда“.

Бестужевъ, твой ковчегъ на брегѣ!
Парнаса блещутъ высоты —
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди, и скоты.

XXVII.

Черновые наброски.

* * *

Все кончено: межь нами связи нѣтъ.
Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни,
Произношу я горестныя пени;
„Все кончено“ — я слышу твой отвѣтъ.
Обманывать себя не стану,
Тебя роптаніемъ преслѣдовать не буду
И невозвратное, быть можетъ, позабуду.
Я зналъ: не для меня блаженство,
Не для меня сотворена любовь...
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты...

Графу О***.

Пѣвецъ! издревле межь собою
Враждуютъ наши племена,
То наша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозою.
И вы, бывало, пировали
Кремля плѣнъ, [1]
И мы о камень падшихъ стѣнъ
Младенцевъ вашихъ избивали,
Когда во прахѣ мы топтали
Красу Костюшкиныхъ знаменъ...
И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
Кольцомъ завѣтнымъ сопряженъ;
Не выпьемъ мы завѣтной чашей

Здоровье вашихъ красныхъ женъ,
И наша дѣва молодая,
Привлекши сердце поляка,
Не приметъ, гордостью пылая
Любовь народнаго врага.
Но огнь поэзіи чудесный
Сердца враждебныя дружитъ...
При пѣсняхъ *[радости]* небесной
Вражда взаимная молчитъ,
И возстаютъ благословенья,
И на сердца нисходитъ миръ...
. . . . . .

* * *

Презрѣвъ и шопотъ укоризны,
И зовъ обманчивыхъ надеждъ,
Иду въ чужбину, прахъ отчизны
Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ.
Умолкни, сердца шопотъ сонный,
Привычки и довольства гласъ!
Прости, предѣлъ неблагосклонный,
Гдѣ свѣтъ узрѣлъ я въ первый разъ!
Простите, сумрачныя сѣни,
Гдѣ дни мои прошли въ тиши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивыхъ души...
А ты, въ опасный день разлуки,
Забылъ для брата о себѣ:
Соединимъ же братски руки
И покоримся мы судьбѣ.
Благослови побѣгъ поэта...
. . . . . .
Лишь вспомни иногда, что гдѣ-то
. . . . . .

Умолкнетъ онъ подъ небомъ дальнымъ,

Умолкнетъ въ чуждой сторонѣ...
. . . . . .

*

Едва уста краснорѣчивы
Тебя коснулися — и вмигъ
Его ума огонь игривый
Въ тебя таинственно проникъ.
Кристаллъ, поэтомъ обновленный,
Укрась мой тихій уголокъ,
Залогъ поэзіи священной
И дружбы сладостный залогъ!
Въ тебѣ таится жаръ цѣлебный...

* * *

Надо мной въ лазури ясной
Свѣтитъ звѣздочка одна:
Справа — западъ темнокрасный,
Слѣва — блѣдная луна...

* * *

Стою печально на кладбищѣ;
Гляжу, — кругомъ обнажено
Святое смерти пепелище,
И степью лишь окружено.
И мимо вѣчнаго ночлега
Дорога сельская лежитъ:
. . . . . телѣга
. . . . . стучитъ.

* * *

Два чувства дивно близки къ намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:

Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

* *
*

Забывъ и рощу, и свободу,
Невольникъ-чижикъ надо мной
Зерно клюетъ и брызжетъ воду,
И пѣснью тѣшится живой...

Младенцу.

Дитя, не смѣю надъ тобой
Произносить благословенья;
Ты — тихій ангелъ утѣшенья;
Да будетъ ясенъ жребій твой...
. . . . . .

* *
*

Мнѣ жаль великія жены,
Жены, которая любила
И дымъ [убійственной] войны,
И дымъ парнаскаго кадила.
Въ аллеяхъ Царскаго Села
Она съ Потемкинымъ, съ Орловымъ
Бесѣды *[мудрыя]* вела...
. . . . . .
Старушка дряхлая жила
Пріятно . . . . . .
Писала прозой, флоты жгла,
Съ Вольтеромъ лучшій другъ была
И умерла . . . . . .

И съ той поры въ Россіи — мгла;
Россія — бѣдная держава:
Съ Екатериной умерла
Екатерининская слава!

Л. С. Пушкину.

Что же? будетъ ли вино,
Лайонъ? Жду его давно.
Знаешь ли, какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно,
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ винъ.
Погребъ мой гостепріимный
Радъ мадерѣ золотой
И подъ пробкой смоляной —
Сенъ-Пере бутылкѣ длинной.
Въ лѣта юныя мои
Поэтическій Аи
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви
Или юности безумной.
Но бургонское . . . . . .
Мнѣ понравилось потомъ;
Нынѣ нѣтъ во мнѣ пристрастья:
Безъ разбора . . . . .
Вина обхожу кругомъ...

Сабурову.

Сабуровъ! Ты оклеветалъ
Мои пріятныя затѣи,
Какъ я съ Каверинымъ гулялъ,
Бранилъ Россію . . . . . .
Съ моимъ Чадаевымъ читалъ.
. . . . . .
И проводилъ такъ годъ я круглый,
Но Зубовъ не прельстилъ меня
Своею . . . . . смуглой.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ помѣщаемыхъ ниже примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ Пушкина сдѣланы, сокращенно, ссылки на слѣдующія изданія:

Изд. 1826 — „Стихотворенія Александра Пушкина", Спб. 1826.

Изд. 1829 — „Стихотворенія Александра Пушкина", 4 части, Спб. 1829 — 1835. Объ этихъ двухъ изданіяхъ сказано въ концѣ введенія къ стихотвореніямъ.

Посм., т. е. „посмертное" изданіе — „Сочиненія Александра Пушкина", 11 частей, Спб. 1838 — 1841.

Анн., т. е. изданіе Анненкова — „Сочиненія Пушкина", 7 томовъ, Спб. 1855 — 1857.

Изд. 1870 — „Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина", подъ ред. Г. Н. Геннади. Изд. 2-е, Я. А. Исакова (первое вышло въ 1859 г.). 6 томовъ. Спб. 1870.

Изд. 1880 — „Сочиненія А. С. Пушкина", изд. 3-е Я. А. Исакова, подъ ред. П. А. Ефремова. 6 томовъ. Спб. 1880.

Изд. 1882 — „Сочиненія А. С. Пушкина", изд. Ѳ. И. Анскаго, подъ ред. П. А. Ефремова. 7 томовъ. М. 1882.

Изд. Лит. Ф. — „Сочиненія А. С. Пушкина“, изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературнаго Фонда), подъ ред. П. О. Морозова. 7 томовъ. Спб. 1887.

Пол. — „Сочиненія А. С. Пушкина, съ объясненіемъ ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изд. 2-е, исправленное и дополненное, Льва Поливанова, для семьи и школы. 5 томовъ. М. 1893 — 1898.

Акад. — „Сочиненія Пушкина“, изд. Императорской Академіи Наукъ, приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ Леонидъ Майковъ. Т. I. Лирическія стихотворенія (1812 — 1817). Спб. 1899; 2-е изд. Спб. 1900. Нами цитируется преимущественно 2-е изд. (1900), исправленное и дополненное.

Посвященныя Пушкину изслѣдованія и статьи указываются въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ примѣчаній. Чаще прочихъ намъ приходилось пользоваться слѣдующими сочиненіями:

Анн., Мат. — „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній“, П. В. Анненкова. Спб. 1873.

Анн., Пушк. — „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ александровскую эпоху 1799 — 1826 гг.“, П. В. Анненкова. Спб. 1874.

Гротъ, Пушк. — „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, Спб. 1901 (отдѣльно и въ книгѣ: „Труды Я. К. Грота. III. Очерки изъ исторіи русской литературы“, изданные подъ ред. проф. К. Я. Грота).

Майковъ, Пушк. — „Л. Майковъ. Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки“. Спб. 1899.

1812.

I. Пѣсня (стр. 27). Это стихотвореніе извѣстно въ копіи, сдѣланной В. П. Гаевскимъ со списка А. Д. Илличевскаго, принадлежащей нынѣ К. Я. Гроту и ошибочно принятой Л. Н. Майковымъ за автографъ Пушкина (Акад., I^2, прим., стр. 18; Альбомъ пушк. юбил. выставки въ Имп. Ак. Наукъ въ Спб., М. 1899, стр. 3, № 71, и снимокъ на стр. 71). Напечатано, подъ заглавіемъ „Къ Деліи“ и съ пропускомъ стт. 4 и 5 въ I-й строфѣ, въ Посм., (IX, 297); въ полномъ видѣ впервые напечатано В. П. Гаевскимъ, въ статьѣ: „Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія“, Современникъ 1863, т. 97, № 7, стр. 158 — 159, гдѣ разсказано, что Пушкинъ написалъ только первую строфу Пѣсни, а съ двумя остальными не могъ сладить; онѣ докончены и поправлены Илличевскимъ. Принадлежащія послѣднему поправки и дополненія подчеркнуты въ копіи Гаевскаго:

Стт. 10 и 11: Гдѣ токъ уединенный
Сребристыя волны
Ст. 17: И дремлютъ рощей сѣни
Стт. 19 — 21: Летитъ,—я весь горю желаньемъ,
Спѣши, о Делія, свиданьемъ.
Пади въ объятія мои.

Отнесенная В. П. Гаевскимъ, предположительно, къ 1812 г., эта Пѣсня представляетъ подражаніе Батюшкову, въ стихотвореніяхъ котораго нерѣдко встрѣчается имя Деліи, — красавицы, воспѣтой Тибулломъ.

Гаевскимъ замѣчено сходство нѣкоторыхъ выраженій Пѣсни съ слѣдующимъ мѣстомъ Посланія Жуковскаго къ Батюшкову (1812):

Заря-ли угасаетъ,
Летитъ-ли вѣтерокъ
Отъ дремлющія рощи,
Или покровомъ нощи
Одѣянный потокъ
Въ водахъ являетъ тѣни
Недвижныхъ береговъ,
И рощъ безмолвныхъ сѣни,
И темный рядъ холмовъ...

II. Дѣлія (стр. 28). Напечатано впервые въ Посм., IX, 295 и относится къ 1812 г. на основаніи сходства съ предыдущею пьесою.

III. Измѣны (стр. 28). Рукопись этого стихотворенія была извѣстна П. В. Анненкову; В. П. Гаевскій видѣлъ списокъ второй половины этой же пьесы, озаглавленный: „Посланіе къ С. Г. Ч." (лицейскому гувернеру Чирикову), сдѣланный лицейскимъ гувернеромъ А. Н. Иконниковымъ; а такъ какъ послѣдній оставилъ Лицей въ 1812 г., то, вѣроятно, къ этому году относится и стихотвореніе Пушкина. Напечатано оно въ Россійскомъ Музеумѣ 1815, ч. IV, № 12, стр. 228, съ подписью: 1....17 — 14, и при жизни Пушкина не перепечатывалось. Л. Н. Майковъ указалъ на сходство этого стихотворенія, по формѣ и отчасти — по содержанію, съ стихотвореніемъ Парни Dépit:

Oui, pour jamais
Chassons l'image

De la volage
Que j'adorais, и пр.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь первое по времени подражаніе Пушкина столь любимому имъ въ молодости французскому поэту (Evariste Désiré Desforges vicomte de Parny, 1753 — 1814), легкая эротическая муза котораго имѣла также большое вліяніе и на другихъ нашихъ поэтовъ начала прошлаго столѣтія (Батюшковъ, Нелединскій, Давыдовъ и др.).

По словамъ гр. М. А. Корфа, стихотвореніе Пушкина относится къ графинѣ Натальѣ Викторовнѣ Кочубей (р. 1801, ум. 24 янв. 1855), дочери бывшаго впослѣдствіи государственнымъ канцлеромъ гр. Виктора Павловича, вышедшей потомъ за гр. А. Г. Строгонова. Она же, какъ говорилъ самъ Пушкинъ П. А. Плетневу, описана въ 14-й строфѣ VIII главы „Онѣгина“:

Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею — важный генералъ, и пр.

1814.

I. Къ СЕСТРѢ (стр. 32). Въ Акад. изд. напечатано по списку, принадлежащему П. Я. Дашкову и представляющему автографъ сестры поэта О. С. Павлищевой, къ которой и обращено это посланіе. Въ настоящемъ изданіи воспроизведенъ этотъ текстъ, заключающій въ себѣ, сравнительно съ извѣстнымъ ранѣе, нѣкоторые незначительные варіанты. Напечатано это посланіе впервые въ изд. Аннен-

кова (II, 1-4), а дополненія даны Е. И. Якушкинымъ въ Библіогр. Запискахъ 1858, № 10, ст. 309.

По формѣ и содержанію, это стихотвореніе представляетъ подражаніе „дружескимъ“ посланіямъ: Батюшкова къ Жуковскому и Вяземскому подъ заглавіемъ: „Мои Пенаты“ (1811) и отвѣтнымъ на него посланіямъ обоихъ названныхъ поэтовъ, а также — посланію В. Л. Пушкина къ Д. В. Дашкову. Л. Н. Майковъ (Пушк., 294) указываетъ, что Пушкинъ и впослѣдствіи, во второй половинѣ 20-хъ годовъ, очень высоко цѣнилъ посланіе Батюшкова, говоря, что „это стихотвореніе дышитъ какимъ-то упоеніемъ роскоши, юности и наслажденья; слогъ такъ и трепещетъ, такъ и льется, гармонія очаровательна“.

Старшая сестра Пушкина, Ольга Сергѣевна (р. въ Спб. 20 дек. 1797, ум. въ дек. 1868), впослѣдствіи (27 янв. 1828) вышла за Ник. Ив. Павлищева (ум. 8 дек. 1879), младшаго товарища поэта по Лицею. Ея біографическій очеркъ, написанный ея сыномъ, Л. Н. Павлищевымъ, — въ Новостяхъ 1875, №№ 1, 4, 7, 9 и 11; см. его же статьи въ Историч. Вѣстникѣ 1888.

[1] Жуковскій, авторъ баллады „Людмила“ (1808), написанной въ подражаніе Бюргеровой „Ленорѣ“.

[2] Въ посланіи Жуковскаго къ Батюшкову (1812):

А милому собрату
Въ подарокъ — пукъ стиховъ.

[3] Руссо; вѣроятно намекъ на его романъ: „Юлія или Новая Элоиза“, имѣвшій у насъ въ ту пору большой успѣхъ.

[4] Stéphanie-Felicité Ducrest de Saint-Aubin, com-

tesse de Genlis (1746 — 1831), плодовитая писательница, извѣстная своими многочисленными романами.

[5] Anthony Hamilton (1646 — 1720), по происхожденію — шотландецъ, но писатель французскій, авторъ сказокъ и т. п. произведеній въ „легкомъ“ родѣ, которыя высоко цѣнились въ свое время.

[6] Thomas Gray (1716 — 1771), авторъ переведенной Жуковскимъ элегіи „Сельское кладбище“; James Thomson (1700 — 1748), авторъ поэмъ: „The Liberty“, „Castle of Indolence и „The Seasons“; послѣдняя переведена (въ отрывкахъ) В. Л. Пушкинымъ.

7. Niccolò Piccini (1728 — 1800) и Jean-Philippe Rameau (1683 — 1764) — извѣстные въ свое время оперные композиторы.

[8] Описаніе подобной же обстановки и въ такой же формѣ находимъ у Батюшкова („Мои Пенаты“):

Здѣсь — книги выписныя,
Тамъ — жесткая постель,
Все утвари простыя,
Все рухлая скудель...

и у В. Л. Пушкина (Посланіе къ Д. В. Дашкову):

Рублевая кровать,
Два стула, столъ, дубовый
Чернильница, перо, —
Вотъ все мое добро.

II. Къ другу стихотворцу (стр. 36). Первое стихотвореніе Пушкина, явившееся въ печати, — въ Вѣстн. Европы 1814, ч. 76, № 13, стр. 9-12, съ подписью Александръ Н. к. ш. п. (согласныя

буквы прочитанной наоборотъ фамиліи поэта; эту анаграмму: Никшупъ мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ и въ позднѣйшихъ тетрадяхъ Пушкина). Извѣстный библіографъ С. Д. Полторацкій сообщилъ П. В. Анненкову слѣдующія подробности о днѣ появленія въ печати этого стихотворенія:

„Оно появилось въ свѣтъ въ субботу, 4 іюля 1814 г., потому что 13-я книжка Вѣстн. Европы, въ которой оно напечатано, вышла въ свѣтъ и раздавалась подписчикамъ въ этотъ день, что видно изъ Моск. Вѣд. № 53, суббота, 4 іюля 1814, стр. 1320, столбецъ 2-й. Измайловъ (Владиміръ Васильевичъ), издававшій въ 1814 г. Вѣст. Евр., получилъ это стихотвореніе еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, но не хотѣлъ его печатать, не узнавъ прежде имени сочинителя. Это видно изъ слѣдующаго объясненія, напечатаннаго въ Вѣстн. Евр., ч. 74, № 8, стр. 324:

„**Отъ издателя**. Просимъ сочинителя присланной въ Вѣстникъ Европы пьесы, подъ названіемъ: „Къ другу стихотворцу“, какъ всѣхъ другихъ сочинителей, объявить намъ свое имя, ибо мы поставили себѣ закономъ: не печатать тѣхъ сочиненій, которыхъ авторы не сообщили намъ своего имени и адреса. Но смѣемъ увѣрить, что мы не употребимъ во зло право издателя и не откроемъ тайны имени, когда автору угодно скрыть его отъ публики“.

Кромѣ того, въ Вѣстн. Евр. къ стиху 13:

Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды

сдѣлано примѣчаніе: „То есть, въ школѣ“.

При жизни Пушкина это стихотвореніе не перепечатывалось; Анненковъ, въ своемъ изданіи, слишкомъ 40 лѣтъ спустя, долженъ былъ, по требованію цензуры, замѣнить слово „священникъ“ словомъ „от-

шельникъ" и вмѣсто словъ: „въ церкви" поставить точки. См. его статью: „Любопытная гяжба" въ Вѣстн. Евр. № 1, стр. 16-43.

[1] Риѳматовъ — кн. Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (1783 — 1837), воспитанникъ Морского корпуса, до 1827 г. служилъ по морскому вѣдомству, а затѣмъ вышелъ въ отставку и въ 1830 г. постригся въ монахи подъ именемъ Авикиты; въ 1832 г. предпринялъ путешествіе ко св. мѣстамъ, посѣтилъ Іерусалимъ и на обратномъ пути скончался на Аѳонѣ. Изъ литературныхъ его произведеній наиболѣе извѣстна: „Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или Спасенная Россія", поэма въ 3-хъ пѣсняхъ 1807 г., къ заглавію которой Пушкинъ, по словамъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина, приписалъ:

Слогъ теменъ, важенъ, напыщенъ,
И тяжки словеса пустыя!

Далѣе, Шихматовымъ написаны: „Пѣснь россійскому слову" (1809), „Петръ Великій" лирическое пѣснопѣніе въ 8-ми пѣсняхъ (1810), вызвавшее извѣстную эпиграмму Дмитріева: „Какое хочешь имя дай . . ." „Ночь на гробахъ", подражаніе Юнгу (1812) и „Ночь на размышленія" (1814). Его стихотвореніями восхищался А. С. Шишковъ, особенно цѣня въ нихъ отсутствіе риѳмъ на глаголы, вслѣдствіе чего Батюшковъ и прозвалъ Шихматова „безглагольнымъ". См. кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова: „О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты", Спб. 1838; соч. Державина, акад. изд., VII; С. П. Жихарева, Дневникъ чиновника, въ Отеч. Зап. 1855, № 7, стр. 134-135; С. Т. Аксакова Полн. собр. соч., III, 179-182.

Графовъ — извѣстный метроманъ гр. Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ (1757 - 1835). О немъ см.

очеркъ П. О. Морозова въ Рус. Старинѣ 1892, тт. 74 и 75.

Бибрусъ — Семенъ Сергѣевичъ Бобровъ (р. въ концѣ 1760-хъ гг., ум. 1810), стихотворецъ мистическаго направленія. Сочиненія его вышли въ Спб. 1804, въ 4-хъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Разсвѣтъ полночи“ и пр. О немъ см. соч. Батюшкова, изд. подъ ред. Л. Н. Майкова, Спб. 1887 II, 536-538. Прозвище „Бибруса“ или „Бибриса“ придумано было Батюшковымъ и Вяземскимъ.

Книжная лавка Ивана Петровича Глазунова, основателя извѣстной фирмы (р. 1762, ум. 1831), часто упоминается въ сатирическихъ стихотвореніяхъ начала прошлаго столѣтія; напр. — у Батюшкова, въ сатирѣ: „Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славяноруссовъ“ (1813):

Друзья, большой бокалъ отцовъ
За лавку Глазунова:
Тамъ царство вѣчное стиховъ
Шихматова лихова, и пр.

Въ одной рукописной балладѣ того времени, приписывавшейся Пушкину („Тѣнь Баркова“) говорится:

Не пой лишь такъ, какъ пѣлъ Бобровъ,
Ни Шаликова тономъ:
Шихматовъ, Палицынъ, Хвостовъ
Прокляты Аполлономъ!
И что за нужда — подражать
Безсмысленнымъ поэтамъ? и пр.

[2] Костровъ, Ермилъ Ивановичъ (1749-1796), поэтъ и переводчикъ Иліады и макферсоновскаго

Оссіана, котораго Пушкинъ читалъ въ лицейскіе годы. Сочиненія Кострова изданы Смирдинымъ въ Спб., 18. О немъ см. очеркъ П. О. Морозова въ Филологическихъ Запискахъ 1876 (и отдѣльно, Воронежъ 1876; перепечатано въ сборникѣ С. А. Венгерова: „Русская поэзія", т. I, Спб. 1895).

[3] Рамаковъ — вѣроятно, анаграмма: „Мараковъ", т. е. цензоръ, „марающій" рукописи.

III. Кольна (стр. 39). Вѣстн. Евр. 1814, ч. 76, № 14, стр. 102, съ подписью: Александръ Н. к. ш. п. Переложеніе прозаическаго перевода Кострова, напечатаннаго въ М. 1792 подъ заглавіемъ: „Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ III вѣка. Гальскія стихотворенія, пер. съ французскаго". Пѣсни Оссіана въ XVIII в. были въ большомъ ходу повсюду въ Европѣ и имѣли значительное вліяніе на нашу литературу карамзинской эпохи; ихъ многіе переводили, многіе имъ подражали. Переводъ Кострова, сдѣланный съ французскаго перевода Летурнера, былъ первымъ по времени и самымъ полнымъ; послѣ него переводили Оссіана Карамзинъ, Захаровъ, Гнѣдичъ, Капнистъ, Беницкій, Грамматинъ, Олинъ, Катенинъ и др. О вліяніи Оссіана см. И. Замотинъ, Раннія романтическія вѣянія въ рус. лит-рѣ, Варш. 1900, стр. 52 - 66.

Эпизодъ, переложенный Пушкинымъ, называется у Кострова „Кольна-Дона, или любовь героевъ". Переложеніе Пушкина довольно близко воспроизводитъ текстъ перевода Кострова и отличается особеннымъ обиліемъ архаизмовъ, какого мы не встрѣчаемъ въ другихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ нашего поэта.

При жизни Пушкина не перепечатывалось.

IV. Эвлега (стр. 43). Посм., IX, 277. Это стихотвореніе представляетъ довольно близкій переводъ одного эпизода изъ поэмы Парни: Isnel et Asléga, poéme imité du scandinave (напечатана впервые въ 1802 г., а въ 1808 издана вторично, въ значительно измѣненномъ видѣ и съ раздѣленіемъ на 4 пѣсни). Поэма эта, написанная въ подражаніе Оссіану, сдѣлалась въ свою очередь источникомъ многихъ подражаній и заимствованій для русскихъ поэтовъ. Изъ нея переводили: Крыловъ (романсъ: „Въ краю чужомъ, Аслега, другъ мой милый"). Давыдовъ (романсъ: „Сижу на берегу потока"), Батюшковъ („Сонъ воиновъ") и, наконецъ, Пушкинъ, измѣнившій въ своемъ переводѣ имена дѣйствующихъ лицъ: Elveige и Asgar на „Эвлегу" и „Осгара".

V. Осгаръ (стр. 45). Посм., IX, 272. Варіація на мотивы изъ Оссіана и Парни, изъ поэмы котораго Isnel et Asléga заимствованы строфы 6-я и 7-я, съ замѣною именъ Olbrown и Rusla именами Осгара и Мальвины, къ которымъ прибавлено еще имя Звигнела, имѣющее какъ будто литовскій характеръ. По замѣчанію Л. Н. Майкова, нѣкоторое сходство съ послѣдними стихами „Осгара" представляетъ заключительная строфа „Эоловой арфы" Жуковскаго.

VI. Леда (стр. 48). Посм., IX, 269; вольное подражаніе стихотворенію Парни „Léda", которому впослѣдствіи подражалъ также кн. П. А. Вяземскій въ стихотвореніи „Леда", напечатанномъ безъ подписи въ изданіи В. К. Кюхельбекера и кн. В. Ѳ. Одоевскаго „Мнемозина" 1824.

VII. Венеръ отъ Лаисы (стр. 50). Помѣщено въ статьѣ: „Объ эпиграммѣ и надписи древнихъ", переведенной лицейскимъ товарищемъ Пушкина, И. И. Пущинымъ, изъ книги Лагарпа (Jean-François de Laharpe, 1739—1803): „Lycée ou Cours de littérature ancienne et moderne" и напечатанной въ Вѣстн. Евр. 1814, ч. 77, № 18, стр. 115-119. Другой переводъ этого же стихотворенія Вольтера напечатанъ Д. Саларевымъ въ Благонамѣренномъ 1820, № 11, стр. 375. Сочиненіе Лагарпа, считавшееся какъ бы „сводомъ законовъ" французской классической критики и теоріи поэзіи, переведено на русскій языкъ П. Карабановымъ, Дм. и П. Соколовыми и А. Никольскимъ подъ заглавіемъ: „Ликей, или кругъ словесности древней и новой" (изд. Россійской Академіи, 5 частей, Спб. 1810 — 1814) и служило въ Лицеѣ учебнымъ руководствомъ для старшаго возраста.

Кромѣ того, А. С. Шишковъ, еще раньше (1808) издалъ извѣстный свой переводъ двухъ статей изъ Лагарпа, съ примѣчаніями, послужившій ему средствомъ для борьбы съ защитниками „новаго слога". Отрывки изъ Лагарпа встрѣчаются въ большинствѣ періодическихъ изданій того времени; всѣ вообще его сочиненія были переведены на русскій языкъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.

VIII. Красавицѣ, которая нюхала табакъ (стр. 50). Находится въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2364, л. 33, съ помѣтой: „1814" и съ неоконченными поправками (см. Рус. Стар. 1884, т. 41, стр. 436). Напечатано въ Посм., IX, 259, съ пропусками, возстановленными П. А. Ефремовымъ въ изд. 1880.

По словамъ И. И. Пущина, это стихотвореніе „писано къ Горчакова сестрѣ, княгинѣ Еленѣ Михайловнѣ Кантакузиной. Вѣроятно, она и не знала, и не читала этихъ стиховъ, — плодъ разгоряченнаго молодого воображенія“ (Л. Майковъ, Пушк., 61). Л. Н. Майковъ, замѣчаетъ, что здѣсь Пущинъ ошибся: красавицей, нюхавшей табакъ, была другая сестра кн. А. М. Горчакова, кн. Софія (1802 — 1836), вышедшая впослѣдствіи за Абрама Петровича Хвощинскаго.

Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ — слѣдующія:

[1] Стаканы сушитъ всѣ до дна
И, чтобъ прогнать остатокъ сна,
[2] (Этого стиха нѣтъ).
[3] У коей...
[4] У коей...
[5] Чаекъ въ прикуску попиваетъ,
[6] Съ сарептскимъ табакомъ...
[7] Столь...
[8] Разсыпался на грудь и, можетъ, сквозь платокъ
Проникнуть захотѣлъ... о, сладость вожделѣнья!
До тайныхъ прелестей, которыхъ самъ Эротъ
Запряталъ за лѣса и горы,
Чтобъ не могли нескромны взоры
Открыть вмѣстилище божественныхъ красотъ.
[9] О, доля человѣка злая!

IX. Stances (стр. 51). Напечатано въ ст. В. П. Гаевскаго: „Пушкинъ въ Лицеѣ“ (Совр. 1863, т. 97, № 7, стр. 176) и, по словамъ автора статьи, относится также къ сестрѣ кн. Горчакова. (?)

X. Къ Натальѣ (стр. 52). Посм., IX, 291. От-

носится, по указанію В. П. Гаевскаго (Совр. 1863, т. 97, стр. 139), къ крѣпостной актрисѣ камергера гр. Варѳоломея Васильевича Толстого, домашній театръ котораго, существовавшій въ Царскомъ Селѣ съ 1814 г., часто посѣщался лицеистами.

XI. Къ молодой актрисѣ (стр. 54). Посм., IX, 264. Относится къ той же крѣпостной актрисѣ, что и предыдущее стихотвореніе. Упомянутая въ ст. 1-мъ „Клерона“ — знаменитая французская актриса XVIII в. Clairon. Claire-Leris de la Tude, прозванная (1723—1803).

XII. Опытность (стр. 56). Вѣстн. Евр. 1814, ч. 77, № 17, стр. 179, съ подписью: 1 . . . 14 — 16. При жизни Пушкина не перепечатывалось.

XIII. Блаженство (стр. 57). Вѣстн. Евр. 1814, ч. 77, № 20, стр. 275, съ подписью: 1 . . . 14 — 16. При жизни Пушкина не перепечатывалось.

XIV. Пирующіе студенты (стр. 60). Автографы этого стихотворенія — въ Пушкинскомъ Музеѣ Александровскаго Лицея (снимокъ приложенъ къ изданной Лицеемъ брошюрѣ: „Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина“, Спб. 1887) и въ Моск. Публ. Музеѣ, № 2364. Впервые напечатано въ Посм., IX, 337, подъ заглавіемъ: „Пирующіе друзья“, съ пропускомъ двухъ первыхъ стиховъ 2-й строфы; поправки даны Е. И. Якушкинымъ въ Библіогр. Запискахъ 1858, № 8, стр. 309, и В. П. Гаевскимъ въ Соврем. 1863, т. 77, стр. 350. Слѣдуя академическому изданію, мы перепечатываемъ стихотвореніе по московской рукописи, какъ позд-

нѣйшей. Лицейскій автографъ представляетъ слѣдующія отличія: [1] Подъ столъ [2] Скорѣе [3] А...

Кромѣ того, послѣ стр. VIII въ лицейскомъ автографѣ находится еще одна строфа, въ московской рукописи зачеркнутая:

Не лучше-ль, Роде записной,
Въ честь Вакховой станицы
Теперь скрипѣть тебѣ струной
Разстроенной скрипицы?
Запойте хоромъ, господа!
Нѣтъ нужды, что нескладно;
Охрипли? — Это не бѣда:
Для пьяныхъ все вѣдь ладно!

Въ этомъ стихотвореніи, представляющемъ подражаніе „Пѣвцу въ Бесѣдѣ славяно-россовъ“ Батюшкова, воспѣвается одна изъ тѣхъ товарищескихъ пирушекъ, которыя, по замѣчанію Гаевскаго, существовали болѣе въ воображеніи поэта, нежели въ дѣйствительности. Здѣсь поэтъ обращается къ тѣмъ изъ своихъ товарищей, съ которыми онъ былъ особенно друженъ, а „президентомъ“ этого тѣснаго кружка избираетъ профессора Главнаго Педагогическаго Института Галича, который временно, съ мая 1814 по іюнь 1815, преподавалъ въ Лицеѣ русскую и латинскую словесность, замѣняя заболѣвшаго Кошанскаго, и къ своимъ ученикамъ относился, какъ къ студентамъ, по-товарищески. Александръ Ивановичъ Галичъ (р. 1783, ум. 9 сент. 1848), авторъ „Исторіи философскихъ системъ“ (2 т. Спб. 1818-1819) и „Опыта науки изящнаго“ (Спб. 1825), былъ впослѣдствіи профессоромъ философіи въ Спб. университетѣ (осн. 1819), во времена Рунича и Магницкаго подвергся гоненію и былъ лишенъ каѳедры.

О немъ см. статью А. В. Никитенка въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1869, № 1.

Что касается лицеистовъ-товарищей Пушкина, упомянутыхъ въ этомъ стихотвореніи, то выраженіе „спартанцы“ во II-й строфѣ напоминаетъ Владиміра Дмитріевича Вольховскаго (ум. 7 марта 1841), котораго звали „спартанцемъ“, а также „Суворочкой“ и „Sapientia“, за его добровольно налагаемыя на себя лишенія и трудолюбіе, доставившее ему при выпускѣ изъ Лицея первое мѣсто. Выпущенный изъ Лицея въ гвардію, В. служилъ въ генеральномъ штабѣ, затѣмъ состоялъ при Паскевичѣ, участвовалъ въ персидской и польской кампаніяхъ, по окончаніи послѣдней былъ начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса; переведенный оттуда въ западный край, въ 1839 г. вышелъ въ отставку и до самой смерти жилъ въ харьковской деревнѣ, по сосѣдству съ лицейскимъ товарищемъ Малиновскимъ, на сестрѣ котораго былъ женатъ. О немъ см. Грота, Пушк., 71 - 73.

Въ стр. III-й названы Дельвигъ и Илличевскій. Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ (р. 6 авг. 1798, ум. 14 янв. 1831) еще въ Лицеѣ началъ писать и печатать стихи, а по окончаніи лицейскаго курса, поступивъ на службу и продолжая заниматься литературою, издалъ 8 книжекъ альманаха „Сѣверные Цвѣты“ (1825 - 32) и 2 книжки „Подснѣжника“ (1829 - 30); съ 1830 г. началъ издавать „Литературную Газету“, которая продолжалась и послѣ его смерти. Онъ на всю жизнь остался однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Пушкина.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ стихотвореній („Сонетъ Н. М. Языкову“) онъ говоритъ объ этой дружбѣ:

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть, и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье
И за себя боговъ благословилъ.

См. ст. В. П. Гаевскаго въ Соврем. 1853, №№ 2 и 5 и 1854, №№ 1 и 9. Собраніе сочиненій — въ „Библіотекѣ Сѣвера“, 1893, № 7 (подъ ред. В. В. Майкова).

Алексѣй Демьяновичъ Илличевскій (1798-1837), сынъ томскаго губернатора, въ особенности славился своими эпиграммами и карикатурами, доставившими ему прозваніе „остряка“, и одно время считался даже соперникомъ Пушкина въ стихотворствѣ. Съ Пушкинымъ онъ былъ очень близокъ, и въ лицейской тетради стихотвореній поэта (рукопись Моск. Публ. Музея № 2364) многія пьесы переписаны мелкимъ, красивымъ почеркомъ Илличевскаго. Любопытныя письма его къ товарищу-гимназисту П. Н. Фуссу (впослѣдствіи — непремѣнный секретарь Академіи Наукъ, ум. 1855) напечатаны Я. К. Гротомъ въ Рус. Арх. 1864 и въ книгѣ: „Пушкинъ“, 55-69. Въ 1827 г. онъ издалъ небольшую книжку своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Опыты въ антологическомъ родѣ“.

„Сіятельный повѣса“ строфы IV — гр. Сильвестръ Францевичъ Брольо (Broglio), сынъ французскаго эмигранта. Названіе его „красавцемъ“ не вполнѣ согласуется съ замѣчаніемъ гр. Корфа: „крайне ограниченный въ способностяхъ, притомъ порядочный повѣса и очень вспыльчивый, онъ сталъ при выпускѣ, помнится, послѣднимъ, и отличался только тѣмъ, что былъ косоглазъ и лѣвша“ (Гротъ, Пушк., 253); вѣроятно, на этомъ основаніи П. А. Ефремовъ от-

носилъ IV строфу „Пирующихъ студентовъ“ не къ Брольо, а къ Горчакову; но это опровергается авторитетнымъ свидѣтельствомъ Гаевскаго. Пущинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ (Л. Майковъ, Пушк., 63), что Брольо по выходѣ изъ Лицея уѣхалъ во Францію, а впослѣдствіи принялъ участіе въ войнѣ за независимость Греціи, гдѣ и былъ убитъ въ 1829 г.

Въ стр. V поэтъ обращается къ одному изъ самыхъ близкихъ своихъ друзей, Пущину. Иванъ Ивановичъ Пущинъ (1798 - 1858), авторъ интереснѣйшихъ записокъ о Пушкинѣ, напечатанныхъ въ Атенеѣ 1859 № 8 и въ болѣе полномъ видѣ перепечатанныхъ Л. Н. Майковымъ въ его сборникѣ „Пушкинъ“ (41 - 91), по выпускѣ изъ Лицея поступилъ въ гвардію, но затѣмъ оставилъ военную службу и опредѣлился судьею въ уголовный департаментъ Московскаго Надворнаго суда, съ намѣреніемъ возвысить и облагородить этотъ родъ службы, которому въ то время не посвящалъ себя почти никто изъ порядочныхъ людей. Впослѣдствіи, за участіе въ дѣлѣ 14 декабря 1825 г., онъ былъ сосланъ на каторгу, а по возвращеніи изъ Сибири жилъ въ гор. Бронницахъ, гдѣ и скончался. Біографическія свѣдѣнія о немъ — въ Библіогр. Зап. 1858, № 8; Полярн. Зв. 1862, кн. VII, вып. 2: „Выдержки изъ записокъ одного не-декабриста“ (Н. И. Греча); Историч. Вѣстн. 1894, № 11, стр. 464; Чтенія Моск. Общ. исторіи и древностей 1895, кн. 4: ст. А. Дмитріева-Мамонова: „Декабристы въ зап. Сибири“).

Въ VI строфѣ поэтъ обращается къ Михаилу Лукьяновичу Яковлеву (1798 - 1868), который между прочимъ, написалъ нѣсколько басенъ, но

В. Измайловъ, издатель Росс. Музеума, ихъ не напечаталъ; этимъ, вѣроятно, и объясняется упоминаніе Пушкина о плохихъ басняхъ своего товарища. Отличаясь веселымъ характеромъ, доставившимъ ему въ Лицеѣ прозвище „Паяса", Яковлевъ хорошо рисовалъ, пѣлъ и сочинялъ романсы на слова Пушкина и Дельвига. Впослѣдствіи онъ былъ хранителемъ преданій лицейской старины и хозяиномъ годовыхъ собраній бывшихъ лицеистовъ, называвшихъ его своимъ „старостой". Въ 30-хъ и 40-хъ гг. онъ былъ директоромъ типографіи II Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

„Казакъ" VII-й строфы — старшій по возрасту изъ всѣхъ товарищей Пушкина, сынъ перваго директора Лицея, Иванъ Васильевичъ Малиновскій (1795 - 1873). Нѣкоторыя, — весьма скудныя — свѣдѣнія о немъ сообщаетъ Гротъ (Пушк., 70).

Строфа VIII относится къ Николаю Александровичу Корсакову, отличавшемуся своими музыкальными способностями: онъ былъ хорошимъ пѣвцомъ и игралъ на гитарѣ. По выходѣ изъ Лицея К. причисленъ былъ къ нашему посольству въ Италіи и умеръ въ Флоренціи, 1820.

Въ зачеркнутой строфѣ снова упомянутъ М. Л. Яковлевъ, игравшій на скрипкѣ, котораго Пушкинъ сравниваетъ съ знаменитымъ скрипачемъ того времени, Петромъ Роде (1774 - 1830), имѣвшимъ большой успѣхъ въ Россіи.

Наконецъ, въ послѣдней строфѣ упомянутъ Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ (1797 - 1846), уже въ то время печатавшій въ разныхъ журналахъ свои стихотворенія, большею частью плохія, и за это подвергавшійся постояннымъ насмѣшкамъ товарищей, особенно — Пушкина и Илличевскаго, которые не давали ему покоя своими эпиграммами. Любопытный

разсказъ о первомъ чтеніи „Пирующихъ студентовъ“ находимъ въ запискахъ Пущина (Майковъ, Пушк., 62). Поэтъ, говоритъ Пущинъ, „былъ въ лазаретѣ и пригласилъ насъ прослушать эту піесу. Послѣ вечерняго чая мы пошли къ нему гурьбой, съ гувернеромъ Чириковымъ. Началось чтеніе ... Вниманіе общее, тишина глубокая по временамъ только прерывается восклицаніями. Кюхельбекеръ просилъ не мѣшать: онъ былъ весь тутъ, въ полномъ упоеніи. Доходитъ дѣло до послѣдней строфы. Мы слышимъ:

Писатель! За свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ! Прочти свои стихи,
Чтобъ мнѣ заснуть скорѣе!

„При этомъ возгласѣ публика забываетъ поэта, стихи его, бросается на бѣднаго метромана, который, растаявши подъ вліяніемъ поэзіи Пушкина, приходитъ въ совершенное одурѣніе отъ неожиданной эпиграммы и нашего дикаго натиска. Добрая душа былъ этотъ Кюхельбекеръ! Опомнившись, проситъ онъ Пушкина еще разъ прочесть, потому что и тогда уже плохо слышалъ однимъ ухомъ, испорченнымъ золотухой“.

Кюхельбекеръ по выходѣ изъ Лицея служилъ въ м-вѣ иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ (1822) — на Кавказѣ, при Ермоловѣ, гдѣ сблизился съ Грибоѣдовымъ; въ 1823 - 25, вмѣстѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, издалъ 4 книжки журнала „Мнемозина“. За участіе въ заговорѣ декабристовъ былъ заключенъ сначала въ Шлиссельбургскую, потомъ — въ Кексгольмскую крѣпость; затѣмъ былъ высланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ. Отрывки изъ его дневника и нѣкоторыя стихотворенія напечатаны въ Рус. Старинѣ 1875 и 1878 гг.

Отдѣльно изданы: „Смерть Байрона“ (М. 1824), „Шекспировы духи“, драматическая шутка (Спб. 1825) и „Ижорскій“, мистерія (Спб. 1825). См. ст. Н. А. Котляревскаго въ Русскомъ Богатствѣ, 1901, №№ 3 и 4.

XV. Къ Батюшкову (стр. 63). Росс. Муз. 1815, ч. I, № 1, стр. 8, подъ заглавіемъ: „Къ „Б — ову“, съ подписью: 1..... 14 — 16 и съ пропускомъ 20-ти стиховъ, возстановленныхъ въ изд. Анненкова, VII, 53. Въ настоящемъ изданіи воспроизводится текстъ Росс. Музеума, такъ какъ это стихотвореніе при жизни Пушкина не перепечатывалось, а въ Посм. IX, 403, появилось съ поправками, неизвѣстно кому принадлежащими, а именно: [1] тополей [2] счастливый [3] питомецъ.

По замѣчанію Л. Н. Майкова, это посланіе написано ранѣе, чѣмъ Пушкинъ имѣлъ случай познакомиться съ Батюшковымъ, и даже видѣть его; Батюшковъ представляется здѣсь „юношей“, между тѣмъ какъ въ это время ему было уже 28 лѣтъ, онъ участвовалъ уже въ трехъ кампаніяхъ, и въ одной изъ нихъ былъ раненъ. Называя поэта „россійскимъ Парни“ и видя въ его произведеніяхъ духъ „тіисскаго пѣвца“, т. е. Анакреона, Пушкинъ совѣтуетъ ему вернуться къ оставленной поэзіи, воспѣвать любовь и звать въ свой шалашъ Лилету, — напоминая стихи изъ посланія „Мои Пенаты“:

И ты, моя Лилета,
Въ смиренный уголокъ
Приди подъ вечерокъ
Тайкомъ, переодѣта!
. . . . . .

Въ убожествѣ съ тобой
Мнѣ милъ шалашъ простой,
Безъ злата милъ и красенъ
Лишь прелестью твоей...

Далѣе, Пушкинъ совѣтуетъ Батюшкову сочинять застольныя пѣсни или, по примѣру Жуковскаго, воспѣвать военные подвиги, или, наконецъ, продолжать писать сатирическія стихотворенія въ духѣ „Пѣвца въ Бесѣдѣ“ и „Видѣнія на берегахъ Леты“, осмѣивая бездарныхъ стихотворцевъ, напр. „Графона“ (графъ онъ) т. е. гр. Хвостова, и Висковатова (Степанъ Ивановичъ, 1786 — 1831, авторъ и переводчикъ нѣсколькихъ тяжелыхъ трагедій въ стихахъ, въ классическомъ родѣ: „Ксенія и Темиръ“, Радамистъ и Зенобія“, „Гамлетъ“, „Спартакъ“, „Владиміръ Мономахъ“ и др.). Выраженіе: „визжать заставилъ Мельпомену“, вѣроятно, представляетъ каламбуръ на нѣсколько измѣненную фамилію: „Визговатовъ“: Пушкинъ называлъ Висковатова — Визговымъ, какъ „Риѳматова“ (Шихматова) — Риѳмовымъ (см. „Городокъ“, стр. 71 и 74).

XVI. Къ Н. Г. Ломоносову (стр. 66). Росс. Муз. 1815, ч. I, № 3, стр. 263, подъ заглавіемъ: „Н. Г. Л — ову“ и съ подписью: I... 14 — 16 и при жизни Пушкина не перепечатывалось. Только въ 1839 г., въ Отеч. Зап., т. XIII, стр. 176, напечатанъ былъ отрывокъ изъ этого стихотворенія (стр. 5 - 12 и 23 - 26), подъ заглавіемъ: „Путешественнику“ и съ примѣчаніемъ: „Авторъ писалъ это 14-ти лѣтъ“. Въ этомъ же неполномъ видѣ стихотвореніе вошло и въ Посм. IX, 389.

Николай Григорьевичъ Ломоносовъ былъ братъ

лицейскаго товарища Пушкина, Сергѣя Григорьевича. Ум. въ 1853 г.

XVII. Романсъ (стр. 67). Въ альманахѣ Б. М. Ѳедорова: „Памятникъ отечественныхъ музъ“ на 1827 годъ, стр. 35, безъ 5-й строфы и съ примѣчаніемъ: „Помѣщенные здѣсь стихи А. С. Пушкина были изъ первыхъ опытовъ его очаровательной музы“. Пушкинъ былъ очень недоволенъ появленіемъ этого стихотворенія въ печати, отрекался отъ него и говорилъ: „По крайней мѣрѣ, не долженъ я отвѣчать за чужія проказы“. Но П. В. Анненковъ нашелъ этотъ романсъ (зачеркнутый) въ тетради, съ которой печаталось изданіе 1826 г., и привелъ изъ этой рукописи слѣдующіе варіанты:

[1] Въ далекихъ дѣва шла мѣстахъ
[2] И на невинное творенье

Кромѣ того, за четвертою строфою романса въ рукописи слѣдовала еще одна, не напечатанная Анненковымъ, какъ „очень слабая по созданію“ (?). Въ 5-й строфѣ 3-й стихъ былъ измѣненъ въ альманахѣ и Посм. противъ рукописи, по которой возстановленъ въ Библіогр. Зап. 1858, ст. 310.

Акад. изданіе не обратило вниманія на эту поправку и опять возстановило прежній стихъ: „Проступокъ мой, твой рокъ ужасный“.

Проф. П. В. Владиміровъ (А. С. Пушкинъ и его предшественники въ рус. лит-рѣ, Кіевъ 1899, стр. 62) указалъ зависимость этого широко распространеннаго пушкинскаго романса отъ стихотворенія Жуковскаго „Пѣснь матери надъ колыбелью сына“ (перев. изъ Беркеня), напеч. въ Вѣстн. Евр. 1813 г.:

Засни, дитя! Спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье, и пр.

XVIII. Mon portrait (стр. 68). Напечатано въ Маякѣ современнаго просвѣщенія и образованія 1840, ч. III, стр. 124, подъ заглавіемъ: „Французскіе стихи, написанные А. С. Пушкинымъ (въ его молодости) къ одному товарищу и совоспитаннику по Царскосельскому Лицею", съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями П. А. Корсакова и съ слѣдующимъ объясненіемъ отъ редакціи журнала: „Стихи эти сообщены намъ почтеннымъ товарищемъ незабвеннаго Пушкина, барономъ П. Ѳ. Гревенсомъ. Помѣщаемъ ихъ здѣсь съ подстрочнымъ прозаическимъ переводомъ, какъ драгоцѣнность, еще не обнародованную, какъ достояніе исторіи нашей литературы".

Примѣчанія Корсакова касаются двухъ стиховъ:

[1] J'ai le teint frais, les cheveux blonds —

„Въ молодости Пушкина волоса его были свѣтлорусы;

[2] J'aime et le monde et son fracas—

„Пушкинъ былъ душой общества, а веселость его неистощимая, — какъ истинный геній. Таковъ былъ именно юноша Пушкинъ, когда присылалъ мнѣ первые стихи свои для печати. И теперь еще храню я, какъ клейнодъ, собственноручное письмо его, въ которомъ онъ напоминаетъ мнѣ о томъ за два мѣсяца до своей смерти".

Издатель Маяка, Петръ Александровичъ Корсаковъ, въ 1817 г. издававшій Сѣверный Наблюдатель, былъ братъ лицейскаго товарища Пушкина, Николая Александровича (см. выше, стр. 404) и быв-

шаго впослѣдствіи попечителемъ Спб. учебнаго округа кн. Дондукова-Корсакова, на котораго княжескій титулъ и дополнительная фамилія перешли отъ его тестя, умершаго безъ мужского потомства.

XIX. Городокъ (стр. 69). Росс. Муз. 1815, ч. III, № 7, стр. 3, съ подписью: 1... 17 — 14 и съ пропускомъ (въ разныхъ мѣстахъ) 20-ти стиховъ, возстановленныхъ П. А. Ефремовымъ въ Библіогр. Запискахъ 1861 г. — При жизни Пушкина не перепечатывалось.

Подобно посланію „Къ сестрѣ“, это стихотвореніе является подражаніемъ „Моимъ Пенатамъ“ Батюшкова, у котораго Пушкинъ заимствовалъ и стихотворный размѣръ, и нѣкоторые образы, и даже отдѣльныя выраженія. Подробное сравненіе обоихъ стихотвореній сдѣлано В. П. Гаевскимъ въ Совр. 1863, т. 77, № 8, стр. 353 - 360; ниже приводятся параллельныя мѣста.

[1] Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло постучися,
О воинъ, у меня,
Войди и обсушися
У яркаго огня.

(„Мои Пенаты“)

[2] Риѳмовъ — то же, что Риѳматовъ, т. е. кн. Шихматовъ. См. выше, стр. 407.

[3] Въ толпѣ и музъ, и грацій,
То съ лирой, то съ трубой,
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій,
Сливаетъ голосъ свой.

(Тамъ же).

Ср. стихи кн. Вяземскаго въ посланіи: „Къ подругѣ“ (1815):

И, можетъ быть, младой
Наперсникъ фей и грацій,
Веселый какъ Горацій
И сумрачный порой
Какъ самый Громобой,
Въ полуночи ненастной
Балладою ужасной
Придетъ насъ восхищать...

[4] Съ Эротами играя,
Философъ и піитъ,
Близь Федра и Пильпая
Тамъ Дмитріевъ сидитъ.
(„Мои Пенаты“).

[5] Авторъ „Душеньки“ Ипп. Ѳ. Богдановичъ (1743 - 1803), о которомъ Батюшковъ („Мои Пенаты“) говоритъ:

За ними сильфъ прекрасный,
Воспитанникъ харитъ,
На цитрѣ сладкогласной
О Душенькѣ бренчитъ.

[6] Jacques Vergier (1655 - 1720) и Joseph Villars de Grécourt (1684 - 1743) — французскіе эротическіе стихотворцы первой половины XVIII вѣка.

[7] Висковатовъ, см. выше стр. 407.

[8] Вѣроятно, Н. М. Шатровъ (1765 - 1841), перелагавшій псалмы тяжелыми „славяно-русскими“ стихами.

[9] Стихъ Жуковскаго изъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“.

[10] Кн. Дмитрій Петровичъ Горчаковъ (1758 —

1824), авторъ оперъ: „Калифъ на часъ“ (1786), „Щастливая тоня“ (1786) и „Баба-яга“ (1788) и повѣсти: „Пламиръ и Раида“ (М. 1796), былъ извѣстенъ въ особенности своими рукописными посланіями и сатирами („Святки“ и пр.); въ молодости былъ вольтерьянцемъ, а подъ старость — членомъ Россійской Академіи и Бесѣды любителей россійскаго слова. Собраніе его сочиненій изд. въ М. 1890. О немъ см. Рус. Стар. 1871, кн. 4, стр. 681.

[11] Сатира К. Н. Батюшкова: „Видѣніе на берегахъ Леты“ (1809), гдѣ осмѣяны стихотворцы старой школы.

[12] Стихотвореніе В. Л. Пушкина: „Опасный Сосѣдъ“ (1811), въ которомъ главное дѣйствующее лицо — Буяновъ, „имѣніе свое прожившій въ восемь лѣтъ съ цыганками, съ б.... ми, въ трактирахъ съ плясунами,... нечесанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ“, а мѣсто дѣйствія — одинъ изъ московскихъ вертеповъ.

„Опасный Сосѣдъ“ имѣлъ пять изданій: первое было исполнено въ видѣ опыта литографіи, барономъ Пав. Льв. Шиллингомъ фонъ-Канштадтъ въ Мюнхенѣ, 1815 (Сѣв. Пчела 1853, № 142); второе напечатано С. Д. Полторацкимъ въ Лейпцигѣ, 1855; слѣдующія вышли въ Берлинѣ 1859, 1871, 1876. В. Л. Пушкинъ самъ сочинилъ себѣ слѣдующую эпитафію (1816):

Здѣсь Пушкинъ нашъ лежитъ; о немъ скажу два слова:
Онъ пѣлъ Буянова и не любилъ Шишкова.

(Остафьевскій Архивъ, I, 48)

[13] Комедія И. А. Крылова: „Трумфъ“ (1798), напеч. въ Берлинѣ 1859, затѣмъ — въ Рус. Стар. 1871 и отдѣльно, Спб. 1880. Здѣсь Подщипа, дочь царя Вакулы, сѣтуетъ съ своей наперсницей Чернавкой о томъ,

что ей приходится стать женою нѣмецкаго принца Трумфа, а не своего возлюбленнаго князя Слюняя.

[14] Непечатный стихотворецъ XVIII в. Иванъ Семеновичъ Барковъ (1732 - 1768). О немъ см. С. А. Венгерова „Критико-библіографическій словарь рус. писателей", т. II (Спб. 1891), стр. 148 - 154 и „Русская поэзія", т. I (Спб. 1894), стр. 710 - 714. По замѣчанію Б. В. Никольскаго (Ист. Вѣстн. 1899 т. 77, стр. 204), „грубоватая риѳма: „Какъ ты, въ томъ клясться радъ, Не стану я писать" даетъ поводъ подозрѣвать, что слова эти замѣняютъ нѣчто иное, — по выраженію самого Пушкина — „русскій титулъ". На имя Баркова указываетъ и риѳма: чердаковъ.

[15] Наставники-піиты,
О, Фебовы жрецы!
Вамъ, вамъ плетутъ хариты
Безсмертные вѣнцы!
Я вами днесь вкушаю
Восторги Піеридъ
И въ радости взываю:
„О музы! Я піитъ!"
(„Мои Пенаты").

[16] Воспоминаніе о стихахъ Горація: „Non omnis moriar, magnaque pars mei vitabit Libitinam" и Державина: „Такъ, весь я не умру, но часть меня большая, отъ тлѣна убѣжавъ, въ потомствѣ будетъ жить".

[17] И вотъ, съ улыбкой нѣжной
Садится у огня,
Рукою бѣлоснѣжной
Склонившись на меня,
И алыми устами,

Какъ вѣтеръ межь листами,
Мнѣ шепчетъ: „Я твоя!“
(„Мои Пенаты“).

[18] Шуточная сказка И. И. Дмитріева: „Модная жена“.

[19] Прозвище „Свистова“, выше относящееся къ Баркову, здѣсь обозначаетъ гр. Хвостова. Такъ назвалъ его Батюшковъ, въ посланіи къ Жуковскому (1812):

... новыя мученья,
Достойныя бѣсовъ:
Свои стихотворенья
Чи́таетъ мнѣ Свистовъ.

Въ Росс. Музеумѣ предыдущіе два стиха были напечатаны такъ:

Не слушая ее,
Ни риѳмы Удалова;

эта очевидная опечатка исправлена только въ Акад. изданіи.

[20] О старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвленный
На приступѣ штыкомъ!
Двухструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя съ нагайкой,
Что въ жупелъ и въ огни
Леталъ передъ полками,
Какъ вихорь на поляхъ...
(„Мои Пенаты“).

XX. Казакъ (стр. 81). Росс. Муз. 1815, ч. I, № 3, стр. 264, съ подписью 1 .... 14 — 16. Первоначальный текстъ сохранился въ автографѣ, написанномъ для Пущина и нынѣ принадлежащемъ В. Е. Якушкину. Здѣсь стихотвореніе озаглавлено: „Казакъ. Подражаніе малороссійскому“ и подписано: „А .... Аннибалъ-Пушкинъ. Любезному Ивану Ивановичу Пущину отъ автора“. Приводимъ эту первоначальную редакцію, за исключеніемъ первыхъ двухъ строфъ, совершенно тождественныхъ съ печатнымъ текстомъ:

Мѣткаго копья луною
Свѣтится конецъ;
Въ грудь упершись бородою,
Задремалъ донецъ.

Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся въ даль.

Вотъ, предъ нимъ двѣ-три избушки,
Выломанъ заборъ;
Здѣсь — дорога къ деревушкѣ,
Тамъ — въ дремучій боръ.

Добрый конь остановился,
Мордой траву рветъ;
Храбрый воинъ пробудился,
Вмигъ узду беретъ.

Сильно сжалъ коня ногою,
Шпорою кольнулъ, —

И помчался конь стрѣлою,
Къ избамъ завернулъ.

„Не найду въ лѣсу дѣвицы“,
Думалъ хватъ Денисъ:
„Ужь красавицы въ свѣтлицы
„На ночь убрались“.

Глядь, — анъ видитъ красну дѣву,
Черна бровь дугой...
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву,
Прямо къ милой: „Стой!“

„Выдь, коханочка, изъ дому,
„Коню дай воды!“
— Нѣтъ, къ мущинѣ молодому
Страшно подойти.

„Ахъ, небось, дѣвица красна,
„Съ другомъ подружись!
„Чѣмъ любовь для насъ опасна?
„Радость, не страшись!“

— Нѣтъ, мнѣ матерь говорила:
„Бойся, дочь, мущинъ!“
Мать не разъ мнѣ то твердила,
Нѣтъ, не безъ причинъ!

„Вѣрь, коханочка, — пустое!
„Милая, небось!
„Тратишь время золотое:
„Выйди, страхъ отбрось!

„Сядь на борзаго, — не нуженъ

„Мнѣ съ тобою домъ;
„Буду съ милой неразлученъ,
„Мураву найдемъ".

Что же дѣвица? Случилось,
Что предвидитъ всякъ:
Дѣва робко согласилась, —
Счастливъ сталъ казакъ.

На коня поспѣшно сѣли...
Дружку другъ любилъ:
Жилъ въ ладу съ ней двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ („А. С. Пушкинъ. Изслѣдованія", Харьк. 1900, стр. 265-269) указываетъ, что это стихотвореніе представляетъ вольную передѣлку малорусской народной пѣсни объ уводѣ дѣвицы казакомъ, и приводитъ близко подходящій варіантъ этой пѣсни: „Зъ-за гори, гори ідуть мазури..." Л. Н. Майковъ высказываетъ предположеніе, что пѣсню эту Пушкинъ могъ узнать отъ Илличевскаго, отецъ котораго былъ полтавскій уроженецъ.

XXI. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ (стр. 83). Росс. Муз. 1815, ч. II, стр. 3, съ подписью „Александръ Пушкинъ" и съ примѣчаніемъ издателя: „За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодого поэта, талантъ котораго такъ много обѣщаетъ". Это было первое стихотвореніе Пушкина, явившееся въ печати съ полною его подписью. При жизни поэта не перепечатывалось.

Сохранилось два автографа этого стихотворенія:

одинъ находится въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2395 (**М**), а другой — въ бумагахъ Грота; послѣдній экземпляръ, тщательно переписанный Пушкинымъ, былъ имъ поднесенъ Державину (**Д**). Оба эти автографа представляютъ слѣдующія отличія отъ печатнаго текста:

[1] Окрестность **М**; [2] древнихъ **Д**; [3] вѣка **МД**; [4] браннаго **М**; [5] поднялись **М**; [6] Но **Д**; [7] доблестныхъ **МД**; [8] Перуномъ на поляхъ побѣдныхъ возблистали (исправлено: Перуномъ въ полѣ битвъ побѣду похищали) **М**; [9] Возсталъ Наполеонъ **М**; [10] новой **М**; [11] въ тьмѣ **М**; [12] тлѣетъ **М**; [13] толпахъ **МД**; [14] бранью **Д**; [15] Увы! гдѣ прежде **М**; [16] палаты **МД**; [17] Туда веселіе на крыльяхъ не летитъ **М**; Веселье шумное туда ужь не летитъ **М**; [18] въ поляхъ **Д**; [19] Отяготилася **М**; [20] И **МД**; [21] Какъ древнихъ лѣтъ пѣвецъ, какъ лебедь странъ Эллины **Д**; [22] своихъ **Д**.

Стихотвореніе это, написанное по совѣту А. И. Галича, было прочитано Пушкинымъ на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ, 8 января 1815 г. Объ этомъ чтеніи поэтъ вспоминалъ впослѣдствіи въ посланіи къ Жуковскому 1817 г. и въ VIII гл. „Онѣгина“, а также — въ своихъ запискахъ; о немъ же разсказываетъ и Пущинъ (Майковъ, Пушк., 61):

„Державинъ державнымъ своимъ благословеніемъ увѣнчалъ юнаго поэта. Мы всѣ, друзья-товарищи его, гордились этимъ торжествомъ. Пушкинъ тогда читалъ свои „Воспоминанія въ Ц. С.“ Въ этихъ великолѣпныхъ стихахъ затронуто все живое для русскаго сердца. Читалъ Пушкинъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Слушая знакомые стихи, морозъ по кожѣ пробѣгалъ у меня. Когда же патріархъ нашихъ пѣвцовъ, въ восторгѣ, со слезами на глазахъ,

бросился цѣловать поэта и осѣнилъ кудрявую его голову, — мы всѣ, подъ какимъ-то невѣдомымъ вліяніемъ, благоговѣйно молчали. Хотѣли сами обнять нашего пѣвца, — его ужь не было, онъ убѣжалъ!"

На экзаменѣ, кромѣ Державина, присутствовали: кн. Д. П. Горчаковъ, С. С. Уваровъ, М. А. Салтыковъ и другія лица изъ числа ученыхъ и литераторовъ. Послѣ экзамена, у министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго былъ торжественный обѣдъ, на который, въ числѣ прочихъ гостей, былъ приглашенъ и С. Л. Пушкинъ. Обращаясь къ нему, Разумовскій, между прочимъ, сказалъ: „Я бы желалъ, однако же, образовать сына вашего въ прозѣ". — „Оставьте его поэтомъ!" пророчески и съ необыкновеннымъ жаромъ возразилъ Державинъ (Анненковъ, Мат., 22).

XXII. Эпиграмма (стр. 89). Росс. Муз. 1815, ч. I, № 1, стр. 13. Подпись: 1 . . . 14 — 16.

XXIII. Подражаніе французскому (стр. 89). Тамъ же и съ тою же подписью. Обѣ эти эпиграммы при жизни Пушкина не перепечатывались.

XXIV. Несчастіе Клита (стр. 90). Современникъ 1863, т. 77, № 7, стр. 148. Одна изъ многочисленныхъ эпиграммъ на Кюхельбекера, которыя сочинялись также и другими товарищами Пушкина.

1815.

I. Бова (стр. 91). Посм., IX, 249, съ пропусками, возстановленными въ изд. Я. А. Исакова: „Народныя русскія сказки А. С. Пушкина“, Спб. 1873, и въ ст. А. И. Незеленова: „Новые отрывки и варіанты сочиненій Пушкина“ (Ист. Вѣстн. 1889, т. 35, стр. 675 - 6, и книга: „Шесть статей о Пушкинѣ“, Спб. 1892, стр. 70). Въ Акад. приведены слѣдующія отличія по автографу, сохранившемуся въ бумагахъ П. В. Анненкова:

[1] Видитъ тѣнь иль призракъ стараго
[2] Вѣнценосца...
[3] Видъ невинный: взоръ на выкатѣ
[4] Зоя видитъ...
[5] Прочитала тихимъ [нѣжнымъ] шопотомъ
[6] Глупымъ смѣхомъ освѣтившися
[7] Больно стало доброй Зоинькѣ

Этотъ отрывокъ сказки написанъ такъ наз. „русскимъ“ размѣромъ, который впервые былъ введенъ Карамзинымъ въ его сказкѣ „Илья Муромецъ“ (1794), и „коимъ“, — по выраженію Хераскова,

пѣли въ вѣки прежніе
Трубадуры царства русскаго.

Кромѣ карамзинскаго „Ильи“, Пушкинъ хорошо зналъ и волшебную повѣсть Хераскова „Бахаріяна или Неизвѣстный“ (М. 1804), написанную тѣмъ же складомъ, и поэму Радищева „Бова“ (1-я пѣснь на-

печатана въ „Собраніи оставшихся сочиненій А. Н. Радищева“, ч. I, М. 1806): послѣдній прямо названъ во вступленіи къ сказкѣ Пушкина и повторено его обращеніе къ Вольтеру:

О Вольтеръ, о мужъ преславный!
Если бъ можно Бовѣ было
Быть похожу и кое-какъ
На Жанету, дѣвку храбру,
Что воспѣлъ ты, — хоть мизинца
Ея стоить; если бъ можно,
Чтобъ сказали: „Бова — только
„Тоща тѣнь ея“, — довольно:
То бы тѣнь была Вольтера,
И мой образъ изваянный
Возгнѣздился бъ въ Пантеонѣ.

Слова Пушкина къ Вольтеру:

Ты, который на Радищева
Кинулъ было взоръ съ улыбкою, —

заключаютъ въ себѣ намекъ именно на это обращеніе. О Вольтерѣ упоминаетъ, въ началѣ „Бахаріяны“ также и Херасковъ:

Послѣ Ганріяды славимой
Орлеянку сочинилъ Вольтеръ, —
Повѣсть шуточную, вредную,
Вредную, но остроумную.

Стихи Хераскова, неуклюжіе и изобилующіе усѣченіями и неправильными ударѣніями, не выдерживаютъ никакого сравненія съ легкими и вполнѣ вы-

держанными по размѣру стихами юноши Пушкина; но „Бахаріяна", какъ мы увидимъ на своемъ мѣстѣ, не осталась безъ вліянія и на „Руслана и Людмилу".

„Бова" представляетъ первую попытку Пушкина воспользоваться сюжетомъ народной поэзіи. Мы не знаемъ, на чемъ основано мнѣніе Л. Н. Майкова (Акад., I², 120) о томъ, что Пушкинъ „не подозрѣвалъ иноземнаго происхожденія" Бовы; но намъ извѣстно, что поэтъ не переставалъ интересоваться этимъ сюжетомъ и впослѣдствіи: въ одной изъ его кишиневскихъ тетрадей 1822 г. (рукопись Моск. Публ. Музея № 2366, лл. 31-33) находится длинная выписка изъ Ginguené, Histoire littéraire de l'Italie (IV, 176-183), начинающаяся словами: „Le plus ancien des poemes romantiques est: Buovo d'Antona nel qual si tratta delle gran battaglie e fatti che lui fece, con la sua morte etc., in ottava rima, 1489, Venezia"; тутъ въ одномъ мѣстѣ Пушкинъ замѣтилъ въ скобкахъ: „le reste comme dans le conte russe", а въ другомъ: „Bovet aïeul de Бова (c'est probable)". Ср. Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 335.

Въ началѣ сказки упоминается Шапеленъ (Jean Chapelain, 1596-1674), — въ свое время очень извѣстный стихотворецъ, одинъ изъ авторитетовъ знаменитаго „отеля Рамбулье", считавшійся лучшимъ знатокомъ поэзіи. Его ода къ Ришелье и планъ эпической поэмы „Дѣвственница" доставили ему громкую славу. Надъ сочиненіемъ „Дѣвственницы" онъ трудился болѣе 25-ти лѣтъ, — и всѣ были увѣрены, что онъ создастъ французскую Иліаду и Энеиду; но когда напечатаны были первыя 12 пѣсенъ этой поэмы (1656), на него посыпался цѣлый градъ эпиграммъ, а Буало въ своихъ сатирахъ окончательно погубилъ его репутацію.

Говоря о Мильтонѣ и Камоэнсѣ, Пушкинъ осуждаетъ перваго за то, что онъ заставилъ демоновъ стрѣлять въ небесныя войска изъ пушекъ и ввелъ сатану въ рай, а второго — за смѣшеніе языческихъ понятій съ христіанскими. Описаніе небеснаго сраженія находится въ VI пѣсни „Потеряннаго Рая“; здѣсь, между прочимъ, ангелъ разсказываетъ (цитируемъ по переводу О. Н. Чюминой, Спб. 1899, стр. 72):

Подобіе столбовъ
Чудовищныхъ изъ мѣди и желѣза,
Положенныхъ на прочныя колеса,
Явилося нежданно передъ нами.
Они тремя рядами возвышались,
И на концѣ у каждаго зіяло
Отверстіе. У этого отверстья
Стоялъ съ зажженной тростью серафимъ*).
Вотъ, всѣ они тростями прикоснулись
Къ отверстіямъ диковинныхъ столбовъ —
И въ тотъ же мигъ, какъ заревомъ пожара,
Зардѣлись вдругъ надъ нами небеса,
И все вокругъ заволоклося дымомъ;
Чудовищныя пасти, потрясая
Рычаніемъ воспламененный воздухъ,
Изъ нѣдръ огонь палящій изрыгали
И тучу стрѣлъ, и градъ желѣзныхъ ядеръ;
Направлены въ ряды побѣдоносныхъ
Небесныхъ силъ, съ такою мощью грозной
Громили ихъ удары тѣхъ орудій,
Что ангелы въ смятеніе пришли...

Посѣщеніе сатаною рая и воспоминанія его о

*) Падшій.

своей жизни до отпаденія отъ Бога находятся въ IV книгѣ „Потеряннаго Рая“ (тамъ же, стр. 39, 42, 43).

Л. Н. Майковъ (Акад. I², прим., 127) замѣчаетъ, что Пушкинъ въ Лицеѣ едва ли читалъ Мильтона, а по всей вѣроятности, взялъ упоминаніе о пушкахъ изъ вольтеровскаго „Кандида“, гдѣ Мильтонъ названъ „варваромъ“ и въ числѣ недостатковъ его поэмы указано, что онъ „fait tirer le canon dans le ciel par les diables“.

Что касается Камоэнса, то въ его знаменитой поэмѣ „Лузіады“ (1572), переведенной на рус. яз. съ франц. еще въ 1788 г. Ал. Дмитріевымъ, между прочимъ, Бахусъ, въ образѣ знатнаго мавра, живетъ на Мозамбикѣ и воздвигаетъ тамъ алтарь Пресвятой Дѣвѣ, передъ которымъ молится на колѣняхъ, какъ христіанинъ. Онъ является врагомъ Васко-де-Гамы и лузитанцевъ, которымъ покровительствуетъ Венера, возносящая молитвы Васко-де-Гамы въ Эмпирей, къ престолу Божественнаго Провидѣнія, и пр.

Описаніе спящаго совѣта царя Додона заимствовано изъ комедіи Крылова „Трумфъ“ (дѣйствіе I, сц. 8): царь Вакула обращается къ членамъ совѣта, изъ которыхъ одинъ слѣпъ, другой нѣмъ, третій глухъ, а четвертый отъ старости едва дышитъ:

Вы, слышь ты, сдумайтесь, да не сходя со стула,
А я, слышь, подмахну вамъ тотчасъ: „Царь Вакула“.
(Уходитъ).

Гофмаршалъ Дундуранъ говоритъ:

Молчите жь, ни гу-гу! и думать мы начнемъ;
А что придумаемъ, царю то донесемъ.

(Одинъ послѣ другого начинаютъ зѣвать и дремать. Всѣ засыпаютъ и храпятъ. Занавѣсъ опускается).

II. НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ (стр. 99). Первое произведеніе Пушкина, напечатанное въ Петербургѣ, въ Сынѣ Отечества 1815, ч. 22, №№ 25 и 26, стр. 242, съ подписью: 1 . . . 14 — 17. При жизни Пушкина не перепечатывалось, а въ Посм. (IX, 446) напечатано съ однимъ варіантомъ:

[1] Но зришь ли? Гаснетъ день, мгновенно мгла сокрыла . . .

Время написанія этого стихотворенія опредѣляется бѣгствомъ Наполеона съ Эльбы — 1 марта н. с. 1815 г.; мы помѣщаемъ его непосредственно послѣ „Бовы", гдѣ также упоминается Наполеонъ, называемый иронически „Эльбы императоромъ". Фраза: „Побѣгли съ трепетомъ законные цари" указываетъ на удаленіе Людовика XVIII изъ Парижа въ Гентъ (22 марта н. с. 1815).

III. КЪ ДЕЛЬВИГУ (стр. 102). Посм. IX, 352. Нами печатается по академическому изданію, воспроизводящему послѣднюю, исправленную поэтомъ, редакцію по рукописи Моск. Публ. Музея, а ниже приводится, по автографу, хранящемуся въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ *), первоначальная редакція посланія, съ варіантами въ подстрочныхъ выноскахъ.

Послушай, музъ невинныхъ
Лукавый духовникъ!
Жилецъ полей пустынныхъ,
Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою,

*) Снимокъ съ этого автографа приложенъ къ изданной Лицеемъ брошюрѣ: „Въ память 50-лѣтія кончины А. С. Пушкина", Спб. 1887.

И я главой поникъ
Предъ милою мечтою.
Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ музами сосваталъ;
Сначала я шалилъ,
Шутя стихи кроилъ,
А тамъ ихъ напечаталъ —
И вотъ, теперь я братъ
Тому, сему, другому,
Безтолкову, Пустому, *)
Да я жь и виноватъ,
Да ты же, мнѣ въ досаду,
(Что скажетъ бѣлый свѣтъ?)
Жужжишь Икару вслѣдъ **)
Стихами до надсаду:
„Смотрите, — вотъ поэтъ!“
Спасибо за посланье,
Но что мнѣ пользы въ немъ?
На грѣшника потомъ,
Вѣдь, станутъ въ посмѣянье,
Указывать перстомъ:
Когда бъ подобны были
Моимъ твои стихи,
То скоро бъ всѣ забыли,
Что Пушкинъ за грѣхи
Въ поэзію влюбился
И ходитъ на Парнассъ, ***)
Покою поклонился ****)

---

*) Риѳматову, Пустову
**) Кричишь Икару вслѣдъ
(Мнѣ свищешь оду вслѣдъ)
***) И лѣзетъ на Парнассъ
****) И въ риѳмахъ весь зарылся,

И пишетъ въ добрый часъ.
Измѣнникъ! съ Аполлономъ
Ты, видно, заодно, —
И мнѣ прослыть Прадономъ *)
Отнынѣ суждено **).
Увы мнѣ, метроману!
Куда сокроюсь я! ***)
Вездѣ бѣды застану!
Предатели-друзья
Невинное творенье ****)
Украдкой въ городъ шлютъ
И плодъ уединенья *****)
Тисненью предаютъ, —
Бумагу убиваютъ.
Поэта окружаютъ ******)
Съ улыбкой остряки:
„Ахъ, сударь, мнѣ сказали, —
„Вы пишете стишки;
„Увидѣть ихъ нельзя ли?
„Вы въ нихъ изображали,
„Конечно, ручейки,
„Конечно, василечекъ,
„Иль тихій вѣтерочекъ,
„И рощи, и цвѣтки..." *******)
(Конецъ — какъ напечатано въ текстѣ).

Это стихотвореніе представляетъ отвѣтъ на посланіе Дельвига „А. С. Пушкину", напечатанное въ

*) И мнѣ прослыть Графономъ
**) Судьбою суждено
***) Куда ни сунусь я, —
****) Невиниое созданье
*****) И тамъ за наказанье,
******) Меня ужь окружаютъ
*******) Барашковъ и цвѣтки
(Фіалочку, цвѣтки).

Рос. Муз. 1815, ч. III, № 9, стр. 260, и оканчивающееся стихами:

Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется:
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій!

См. сборникъ В. В. Каллаша: „Пушкинъ въ рус. поэзіи“ (М. 1899), стр. 1.

Упоминаемый въ Посланіи Прадонъ (Nicolas Pradon, 1632 - 1698) — бездарный французскій стихотворецъ, сочинившій, между прочимъ, трагедію „Федра и Ипполитъ“ (1677), которую враги Расина старались восхвалять, чтобы уронить „Федру“ послѣдняго. — Графовъ — гр. Д. И. Хвостовъ.

IV. Лицинію (стр. 103). Росс. Муз. 1815, ч. II, № 5, стр. 129, подъ заглавіемъ: „Лицинію, съ латинскаго“ и съ подписью: 1... 17 — 14; перепечатано въ издд. 1826 и 1829 гг., съ сохраненіемъ той же помѣты: съ „латинскаго“, откинутой только въ Посм.

Первоначальный текстъ стихотворенія, напечатанный въ журналѣ, представляетъ, сравнительно съ позднѣйшимъ, слѣдующія отличія:

[1] Увѣнчанъ лаврами...

[2] Смотри, какъ всѣ предъ нимъ усердно спиину клонятъ,
Какъ ликторовъ полки народъ несчастный гонятъ!

[3] Съ покорностью ему умильный мещутъ взглядъ,

Ждутъ въ тайномъ трепетѣ улыбку, глазъ движенья

[4] И дѣти малыя, и старцы съ сѣдиной,
Стремятся всѣ за нимъ и взоромъ, и душой,
И даже слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнный,
Какъ нѣкій памятникъ имъ кажется священный.
О Ромуловъ народъ! Предъ кѣмъ ты палъ во прахъ?
Предъ кѣмъ восчувствовалъ въ душѣ столь низкій страхъ?

[5] Ветулій — римлянъ царь! О срамъ! О времена!

[6] Но кто подъ портикомъ, съ руками за спиною,
Въ изорванномъ плащѣ и съ нищенской клюкою,
Поникнувъ головой, нахмурившись, идетъ?
Не ошибаюсь я: философъ то Даметъ.
„Даметъ! Куда, скажи, въ одеждѣ столь убогой,
„Средь Рима пышнаго бредешь своей дорогой?“
— „Куда? Не знаю самъ. Пустыни я ищу:
„Среди разврата жить ужь болѣ не хочу;
„Япетовыхъ дѣтей пороки, злобу вижу;
„Навѣкъ оставлю Римъ: я людства ненавижу.

[7] Отдавъ поклонъ мечтѣ, фортунѣ, суетамъ,
Сѣдого стоика примѣромъ научиться?
Не лучше ль поскорѣй со градомъ распроститься,
Гдѣ все на откупѣ: законы, правота,
И жены, и мужья, и честь, и красота?

[8] Другихъ, неопытныхъ, въ любовну ловитъ сѣть:

[9] Летитъ отъ старика любовь къ толпѣ веселій.
Пускай безстыдный Клитъ, вельможей рабъ Корнелій,
Оставя ложе сна съ запѣвшимъ пѣтухомъ,
Отъ знатныхъ къ богачамъ бѣгутъ изъ дома въ домъ!

[10] Безумныхъ гордецовъ, обманчивыхъ красотъ,
Докучныхъ риторовъ, парнасскихъ Геростратовъ;
Въ деревню пренесемъ отеческихъ пенатовъ!
Въ тѣнистой рощицѣ, на берегу морскомъ,
Найти нетрудно намъ красивый, свѣтлый домъ...

[11] Подъ старость отдохнемъ въ тиши уединенья.

[12] Свой духъ воспламеню Петрономъ, Ювеналомъ,
Въ гремящей сатирѣ порокъ изображу...

[13] Народы дикіе, сыны свирѣпой брани,
Войны ужасной мечъ пріявъ въ кровавы длани

[14] И путникъ, обративъ на груды камней око,
Речетъ, задумавшись, въ мечтаньяхъ углубленъ...

По основной мысли и нѣкоторымъ подробностямъ, это стихотвореніе представляетъ подражаніе III-й сатирѣ Ювенала. Б. В. Никольскій (Истор. Вѣстн. 1899, іюль, 205) указалъ на сходство послѣднихъ стиховъ съ знаменитымъ монологомъ Камиллы въ „Горація“ Корнеля: „Rome, l'unique objet de mon ressentiment!“ и пр.

V. Старикъ (стр. 106). Росс. Муз. 1815, ч. II, № 5, стр. 142, съ помѣтой: „Изъ Марота“ и съ подписью: Александръ Н. — П. Перепечатано въ издд. 1826 и 1829 гг., съ тою же помѣтой, пропущенной въ Посм. Первоначальный текстъ представляетъ значительныя отличія отъ позднѣйшаго:

Ужь я не тотъ философъ страстный,
Что прежде такъ любить умѣлъ:
Моя весна и лѣто красно
Ушли за тридевять земель!
Амуръ, свѣтъ возраста златова!
Боговъ тебя всѣхъ болѣ чтилъ;
Ахъ, если-бъ я родился снова, —
Ужь такъ-ли-бъ я тебѣ служилъ!

Эти отличія, не оправдываемыя подлинной рукописью поэта, Л. Н. Майковъ склоненъ считать поправками В. Л. Пушкина.

Стихотвореніе переведено изъ Clément Marot (1495-1544) и въ подлинникѣ озаглавлено: „De soy-mesme“. Переводы изъ сочиненій этого поэта дѣлались также и В. Л. Пушкинымъ.

VI. Вода и вино (стр. 106). Росс. Муз. 1815, ч. II, № 6, стр. 268, съ подписью: 1... 17 — 14. При жизни Пушкина не перепечатывалось.

VII. Батюшкову (стр. 107). Росс. Муз. 1815, ч. II, № 6, стр. 266, съ подписью: Александръ Нкшп. При жизни Пушкина не перепечатывалось.

Пушкинъ лично познакомился съ Батюшковымъ въ началѣ 1815 г. и, по собственному свидѣтельству (въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 27 марта 1816),

уступилъ ему сюжетъ „Бовы-королевича“. Батюшковъ, съ своей стороны, вѣроятно, предложилъ ему избирать для своихъ стихотвореній болѣе важныя темы. Отвѣтомъ на это предложеніе и служитъ настоящее посланіе, которое Пушкинъ заключаетъ стихомъ Жуковскаго изъ посланія къ Батюшкову же (1812):

„Будь каждый при своемъ!“
Рекъ царь земли и неба.

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Батюшкову см. Майкова, Пушк., 284 - 317.

[1] У Батюшкова („Мои Пенаты“):
...сладки пѣснопѣнья —
Богинь пермесскихъ даръ.

Пермессъ (нынѣ — Паница) — рѣка въ Беотіи, берущая начало на горѣ Геликонѣ и впадающая въ Копаидское озеро; ея воды считались источникомъ поэтическаго вдохновенія, почему въ классической поэзіи Пермессъ, наряду съ Парнассомъ, Пиндомъ и Геликономъ, является любимымъ мѣстопребываніемъ Аполлона и музъ; послѣднія часто называются „пермесскими нимфами“.

VIII. Эпиграмма (стр. 108). Росс. Муз. 1815, ч. II, № 6, стр. 270, съ подписью: 1.... 17 — 14. При жизни Пушкина не перепечатывалась.

По мнѣнію Л. Н. Майкова (Акад. I², 153 — 155), относится къ полемикѣ кн. Шаховского съ издателемъ Рус. Инвалида Пезаровіусомъ по поводу неблагопріятнаго отзыва послѣдняго объ исполненіи трагедіи Вольтера „Заира“ въ переводѣ Нелединскаго,

Гнѣдича, Лобанова, Шаховского и Жихарева (бенефисъ Семеновой, 15 янв. 1815).

IX. Ив. Ив. Пущину (стр. 108). Росс. Муз. 1815, ч. III, № 8, стр. 129, подъ заглавіемъ: „Къ „П — ну“ и съ подписью: 1.... 14 — 17. При жизни Пушкина не перепечатывалось.

Пущинъ былъ именинникомъ 8 мая. „Посланіе, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ (Майковъ, Пушк., 62), не требуетъ поясненій. Оно выражаетъ то же чувство, которое отрадно проявляется во многихъ другихъ стихахъ Пушкина. Мы съ нимъ постоянно были въ дружбѣ, хотя въ иныхъ случаяхъ и розно смотрѣли на людей и вещи; откровенно сообщая другъ другу противорѣчащія наши воззрѣнія, мы все-таки умѣли ихъ сгармонировать и оставались въ постоянномъ согласіи“ (ср. относящуюся къ Пущину строфу въ стихотвореніи „Пирующіе студенты“, стр. 61).

X. А. И. Галичу (стр. 110). Росс. Муз. 1815, ч. III, № 8, стр. 131, подъ заглавіемъ: „Къ Г...у“, съ подписью: 1.... 14 — 17 и съ пропускомъ стиха: „И хлынетъ пиво золотое“, возстановленнаго въ Библіогр. Зап. 1858, ст. 311. При жизни Пушкина не перепечатывалось. Акад. изданіе приводитъ слѣдующіе варіанты:

[1] Вѣнчанный макомъ и крапивой...
[2] Украсивъ ріѳмой вялый вздоръ...
[3] Въ кругу пирующихъ корнетовъ...

Кромѣ того, какъ видно изъ рукописи Моск. Публ. Музея, Пушкинъ, собираясь передѣлать посла-

ніе (можетъ быть — для изд. 1826), набросалъ нѣсколько стиховъ, которые трудно связать съ первоначальнымъ текстомъ:

Зайди въ мой мирный уголокъ, —
Вино тамъ хлынетъ золотое...

О Галичъ! Близокъ, близокъ часъ,
Когда послышу славы гласъ
И, кельи кровъ пустынной
Забывъ, — волшебный мой Парнассъ,
Златой досугъ и миръ невинный...

О Галичѣ см. выше, стр. 400. „Жидъ“ Золотаревъ — по происхожденію „истый русскій“, помощникъ лицейскаго эконома, былъ, по словамъ гр. Корфа (Гротъ, Пушк., 224), предметомъ жестокихъ насмѣшекъ и преслѣдованій цѣлаго Лицея. Въ его квартирѣ, вѣроятно, происходили тайныя пирушки лицеистовъ.

XI. Мечтатель (стр. 112). Росс. Муз. 1815, ч. III, № 9, стр. 256, съ подписью: 1... 14 — 17. При жизни Пушкина не перепечатывалось. Замѣчательно какъ первое обращеніе поэта къ своей музѣ, съ которымъ любопытно сопоставить подобныя же позднѣйшія: „Муза“ и „Наперсница волшебной старины“.

XII. Посланіе къ А. И. Галичу (стр. 114). Росс. Муз. 1815, ч. IV, №№ 10 — 11, стр. 3, съ подписью: 1... 16 — 14. При жизни Пушкина не перепечатывалось. П. А. Ефремовымъ указано, что на стр. 114 стихъ: „На барскую казну“ пред-

ставляетъ цензурную поправку. Слѣдуетъ читать: „На царскую".

[1] Комъ — греческое божество веселаго пира.

[2] Безриѳминъ — прозвище бездарнаго писателя, придуманное Батюшковымъ, который, по указанію Л. Н. Майкова, относилъ его, вѣроятно, къ Боброву, писавшему бѣлыми стихами, или къ П. Ю. Львову, автору элегій въ прозѣ.

[3] Въ числѣ сочиненій Дельвига есть стихотвореніе „Лилея", напечатанное въ Рос. Муз. 1815, ч. I, № 3, стр. 266, и начинающееся куплетомъ:

Оставь, о Дорида, на стеблѣ лилею:
Она межь цвѣтами прелестна, какъ ты;
Пусть тихо зефиры колеблются съ нею,
И рой легкокрылыхъ сбираетъ соты.

Единственная баллада Дельвига — „Полякъ" напечатана въ Рус. Архивѣ 1864.

[4] „Острякъ" — А. Д. Илличевскій; „пѣсельникъ" — М. Л. Яковлевъ. См. выше, стр. 402, 403 - 4.

XIII. Посланіе къ Юдину (стр. 118) находится въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2364, гдѣ озаглавлено: „Посланіе къ Ю." и помѣчено 1815 годомъ. По этой рукописи впервые вполнѣ напечатано В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1884, т. 41, стр. 429, и затѣмъ — въ изданіи Лит. Фонда, I, 97. Ранѣе было извѣстно лишь по отрывкамъ, сообщеннымъ въ изд. Анненкова. Посланіе обращено къ лицейскому товарищу поэта, Павлу Михайловичу Юдину, который впослѣдствіи служилъ по м-ву иностр. дѣлъ и умеръ въ 1852 г. въ должности управляющаго Государственнымъ Архивомъ.

[1] Подмосковное сельцо Захарово (или Захарьино), верстахъ въ 40-ка отъ Москвы по Можайской дорогѣ, куплено было, въ годъ рожденія поэта, его бабушкой Марьей Алексѣевной Ганнибалъ. Здѣсь семья Пушкиныхъ, жившая зимою въ Москвѣ, обыкновенно проводила лѣто, до 1811 г., когда будущаго поэта увезли въ Лицей, а Захарово продали. Въ двухъ верстахъ отъ Захарова находится богатое село Вязёмы, принадлежавшее нѣкогда Борису Годунову. Здѣсь, возлѣ церкви, похороненъ 5-лѣтній братъ Пушкина, Николай, умершій въ 1807 г. Гораздо позднѣе, передъ своей женитьбой, въ 1831 г., Пушкинъ опять побывалъ въ Захаровѣ, и пока Марья, дочь его няни, готовила ему завтракъ, онъ обѣжалъ рощицу возлѣ дома и всѣ мѣста, напоминавшія ему дѣтство. „Все наше рушилось, Марья“, — сказалъ онъ по возвращеніи: „все поломали, все заросло...“ Черезъ два часа онъ уѣхалъ. (Анн. Мат., 5; Майковъ, Пушк., 324).

[2] Виландъ (1733-1813), знаменитый нѣмецкій писатель, переводчикъ Шекспира и плодовитый авторъ цѣлаго ряда „Разсказовъ и сказокъ“ („Агатонъ“, „Абдериты“ и пр.), поэмы „Музаріонъ“ и романтической эпопеи „Оберонъ“, которую Гете признавалъ образцовымъ поэтическимъ произведеніемъ. Хотя многія сочиненія Виланда были переведены на русскій яз. еще во второй половинѣ XVIII в., но Пушкинъ, вѣроятно, читалъ ихъ во французскихъ переводахъ, которые нашелъ въ отцовской библіотекѣ. Въ лицейской его тетради (Моск. Публ. Муз. № 2364, л. 42) находимъ стихъ Виланда: „O Zauberei der ersten Liebe!..“ О вліяніи „Оберона“ на „Руслана и Людмилу“ см. введеніе къ этой поэмѣ, въ т. III настоящаго изданія.

[3] Въ рукописи этотъ стихъ первоначально читался:

Вотъ здѣсь... Но долго-ль привидѣнье...

[4] Въ рукописи: „милая***“. Марія Дмитріевна Мертваго, по объясненію Л. Н. Майкова, въ 1810-1812 гг. жила съ своими родителями въ селѣ Демьяновѣ, подъ Клиномъ. Ея отецъ, Дмитрій Борисовичъ (авторъ записокъ, изд. Рус. Арх., 1867), одинъ изъ видныхъ дѣятелей александровскаго времени, былъ женатъ на Варварѣ Марковнѣ Полторацкой, съ семьею которой Пушкины были давно знакомы; вѣроятно, на пути въ Петербургъ молодой Пушкинъ, вмѣстѣ съ своимъ дядей В. Л., заѣзжалъ въ Демьяново, — и память объ этомъ посѣщеніи отразилась потомъ въ его стихахъ. Л. Н. Майковъ прибавляетъ, что Машѣ Мертваго въ ту пору едва минуло 5 лѣтъ; но вѣдь и Пушкину было всего 12. „Вообще, въ лицейскомъ періодѣ жизни и творчества Пушкина можно отмѣтить рядъ проявленій съ его стороны почти дѣтскихъ, которыя только его фантазія старалась облечь въ форму мыслей и поступковъ взрослаго человѣка“ (Акад., I[2], пр., 165).

XIV. Князю А. М. Горчакову (стр. 125). Посм. IX, 267, гдѣ послѣдній стихъ читается:

Уснулъ... Эллены на грудяхъ.

Въ рукописи, принадлежавшей Ѳ. Ѳ. Матюшкину, вмѣсто „Елены“ стояло: „Ершовой“ — фамилія извѣстной въ свое время актрисы.

Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ (1798-1883), впослѣдствіи — государственный канцлеръ, лицейскій товарищъ Пушкина, находив-

шійся съ нимъ, въ школьные годы, въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Кромѣ этого посланія, написаннаго ко дню именинъ князя (30 августа, — день св. Александра Невскаго), Пушкинъ впослѣдствіи написалъ ему еще два или три посланія (1816, 1819) и посвятилъ куплетъ въ „Лицейской годовщинѣ“ 1825 г.

XV. Моему Аристарху (стр. 126). Анн. II, 101, съ пропускомъ 22 стиховъ, возстановленныхъ по рукописи Моск. Публ. Музея В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1884, т. 41, стр. 435. Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ — слѣдующія:

[1] Не для безсмертія они
На свѣтъ небрежно рождены,
Но, право, для меня, для друга
Или для Хлои молодой.

[2] (Эти три стиха замѣнены однимъ):
Не нужны мнѣ твои уроки

[3] Пустыя часто восклицанья
И сряду плоскихъ три стиха.

[4] Нельзя ли скромно привести?

[5] Окованъ стихотворной думой,
Покоемъ жертвую стихамъ,
Что, бѣгая по всѣмъ угламъ,
Ерошу волосы клоками,
Подобно Фебовымъ жрецамъ,
Сверкаю грозными очами
И, засвѣтивъ потомъ лампаду...

[6] За шаткій столъ...

[7] Служитель отставной Пегаса...

[8] И пить, и ѣсть найду я время...

[9] На славу дружбы иль Эрота, —
Я мигомъ трудъ окончу свой...

[10] Моими рѣзвыми стихами.
Но ежели когда-нибудь

[11] .... безъ принужденья...

[12] Анакреонъ, Шолье, Парни...

[13] И мнѣ готовятся вѣнцы...

[14] И милыхъ грацій перстъ игривый...

[15] Веселій, смѣховъ рой шутливый...

[16] Смири жестокій вкуса гнѣвъ.

Посланіе обращено къ Николаю Ѳедоровичу Кошанскому (1781-1831), бывшему въ Лицеѣ профессоромъ русскаго и латинскаго яз. и словесности, автору руководствъ по латинскому яз. и риторикѣ *), который, по словамъ гр. Корфа, „и Пушкина, и другихъ жестоко преслѣдовалъ за охоту писать стихи и за всякую попытку въ этомъ родѣ, — кажется, немножко и изъ зависти, потому что самъ

*) Довольно обстоятельная его біографія напечатана въ „Памятной книжкѣ“ Лицея на 1856 — 57 гг.

кропалъ вирши“ (Гротъ, Пушк., 226). По другимъ современнымъ свидѣтельствамъ, Кошанскій, напротивъ, старался поддерживать и развивать въ своихъ слушателяхъ любовь къ литературнымъ упражненіямъ, прозаическимъ и стихотворнымъ, и обращалъ особенное вниманіе на тѣхъ воспитанниковъ, которые обнаруживали способности и склонность къ нимъ (тамъ же, 44); но Пушкинъ обижался его строгою и, можетъ быть, излишне придирчивою критикою. Кошанскій принадлежалъ къ числу словесниковъ стариннаго, ломоносовскаго склада, которые уже въ ученическіе годы Пушкина отживали свой вѣкъ; понятно, что онъ не пользовался особенными симпатіями своихъ учениковъ, которые, къ тому же, имѣли возможность сравнить его схоластическое преподаваніе съ живою и непринужденною бесѣдою Галича. Какъ уже сказано выше (стр. 400), Галичъ временно замѣнялъ Кошанскаго во время его болѣзни. Болѣзнь эта, — бѣлая горячка, результатъ неумѣреннаго пристрастія профессора къ спиртнымъ напиткамъ, — не была тайной для учениковъ Кошанскаго; вотъ почему Пушкинъ и называетъ его, иронически, трезвымъ Аристархомъ своихъ бакхическихъ посланій, — быть можетъ, посланій къ Галичу, въ которыхъ поэтъ воспѣваетъ воображаемыя пирушки лицеистовъ.

Отстаивая свое увлеченіе легкой эпикурейской поэзіей, Пушкинъ перечисляетъ ея представителей, произведеніями которыхъ онъ тогда вдохновлялся. Такъ, кромѣ Парни, о которомъ уже сказано было выше, здѣсь названы: Шапель (Claude-Emmanuel Lhuillier, dit Chapelle, 1626 - 1686), товарищъ Мольера и Расина по урокамъ Гассенди, острякъ, безпутная голова, авторъ (вмѣстѣ съ Башомономъ)

„Voyage de Languedoc“ въ стихахъ и прозѣ (1656), вызвавшаго литературную моду на „путешествія“ въ забавно-нравоучительномъ стилѣ (ему подражали: Лафонтенъ, Гамильтонъ, Помпиньянъ, Демаги, Буфлеръ, Парни и даже Вольтеръ; см. Sainte-Beuve, Causeries de lundi, XI); авторъ шуточной поэмы „Vert-Vert“ (приключенія зеленаго попугая въ женскомъ монастырѣ и у матросовъ) Грессе (Jean-Baptiste-Louis Gresset, 1709 - 1777), между прочимъ, описавшій свой „чердакъ“ въ посланіи „La Chartreuse“; маркизъ Лафаръ (Charles-Auguste marquis de Lafare, 1644 - 1712), авторъ „вакхическихъ“ пѣсенъ; аббатъ Шолье (Guillaume Amphrye abbé de Chaulieu, 1639 - 1720), которому духовный санъ не препятствовалъ сочинять очень „вольныя“ стихотворенія. Всѣ эти поэты, какъ указываетъ Л. Н. Майковъ, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. пользовались у насъ большимъ уваженіемъ; имъ подражали: Нелединскій, В. Пушкинъ, Батюшковъ, кн. Вяземскій; такимъ образомъ, стараясь усвоить ихъ манеру, Пушкинъ только шелъ по слѣдамъ своихъ старшихъ современниковъ въ поэзіи. Въ частности, посланіе „Моему Аристарху“ является, какъ замѣтилъ Л. Н. Майковъ, подражаніемъ посланію Грессе: „Epitre au père Bougeant, jésuite“, гдѣ также „счастливая праздность“ противополагается „трудолюбивой поэзіи“, причемъ Лафаръ и Шапель названы въ качествѣ образцовыхъ поэтовъ.

XVI. Разсудокъ и любовь (стр. 130). Напечатано въ московскомъ альманахѣ „Весенніе цвѣты“ 1835, съ подписью: А. П., и затѣмъ вошло въ Посм., IX, 282.

XVII. Гробъ Анакреона (стр. 131). Читано

В. Л. Пушкинымъ въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 24 февраля 1817 г., и напечатано въ Трудахъ названнаго Общества 1818, ч. X, стр. 78, подъ заглавіемъ „Гробница Анакреона“ и съ подписью: Александръ Пушкинъ; затѣмъ, въ сокращенномъ и исправленномъ видѣ, перепечатано самимъ Пушкинымъ въ издд. 1826 и 1829 гг. Сличеніе текста, напечатаннаго въ Трудахъ, съ подлинною пушкинскою рукописью привело Л. Н. Майкова къ заключенію, что В. Л. Пушкинъ напечаталъ стихотвореніе племянника съ нѣкоторыми собственными поправками. Что касается рукописной редакціи стихотворенія, то она, по сравненію съ изданіемъ 1826 г., представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Послѣ ст. 4 зачеркнуто:

Темныхъ миртовъ занавѣса
Наклонилася къ водамъ;
Въ ихъ сѣни, у входа лѣса,
Чью гробницу вижу тамъ?
Розы юныя алѣютъ
Камня ветхаго кругомъ,
И зефиры ихъ не смѣютъ
Свѣять трепетнымъ крыломъ.

[2] Вмѣсто этихъ четырехъ стиховъ читаемъ:

Други, други, — въ вѣчномъ мирѣ
Здѣсь теосскій спитъ мудрецъ. *)
Посмотрите: на гробницѣ
Сынъ отрадъ изображенъ; **)
Здѣсь на вѣтреной цѣвницѣ ***)

Вар.: *) Здѣсь Кіѳеры скрытъ мудрецъ
**) Счастья сынъ изображенъ
***) Здѣсь на сладостной цѣвницѣ

Рѣзвый нашъ Анакреонъ,
Красотой очарованный,
Нѣжно гимны ей поетъ;
Виноградомъ увѣнчанный,
Въ чашу сокъ его ліетъ.
Здѣсь онъ, и пр.

[3] Тяжкій долгъ онъ заплатить:
Старый пляшетъ...

[4] Вкругъ философа сѣдого...

[5] Игры, смѣхи вслѣдъ ушли...

[6] Какъ невнятный вздохъ любви...

По содержанію своему это стихотвореніе представляетъ, такъ сказать, варіацію на темы, заимствованныя изъ разныхъ одъ Анакреона, которыя, какъ указываетъ Л. Н. Майковъ, Пушкинъ, вѣроятно читалъ въ переводѣ Н. А. Львова: „Стихотворенія Анакреона Тійскаго", Спб. 1794.

Анакреонъ, уроженецъ іоническаго города Теоса (559 - 474 до Р. Х.), былъ авторомъ стихотвореній весьма разнообразнаго содержанія, въ особенности же веселыхъ пѣсенъ; но изъ его произведеній до насъ дошли только весьма незначительные отрывки; тѣ же пѣсни, числомъ болѣе 60-ти, которыя съ давняго времени издаются подъ именемъ Анакреоновскихъ, принадлежатъ его многочисленнымъ подражателямъ и по своему происхожденію относятся къ эпохѣ гораздо болѣе поздней. Не смотря на это, онѣ пользуются широкою извѣстностью и переведены на всѣ европейскіе языки, а также вызвали множе-

ство подражаній во всѣхъ литературахъ. Изъ русскихъ переводчиковъ Анакреона первымъ по времени былъ кн. А. Д. Кантемиръ (1709-1744); затѣмъ ихъ переводили или подражали имъ Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Державинъ; послѣ упомянутаго выше перевода Львова, въ 1801 г. И. И. Мартыновъ издалъ „Анакреоновы стихотворенія“ въ своемъ стихотворномъ переводѣ; затѣмъ болѣе 20-ти одъ Анакреона перевела съ греческаго Елизавета Кульманъ (1808-1825; см. ея „Поэтическіе Опыты“, Спб. 1833). Наконецъ, уже во второй половинѣ XIX вѣка, Анакреона переводили Л. А. Мей (1857) и А. Н. Баженовъ (1861). Для Пушкина Анакреонъ представлялъ особенный интересъ, какъ первоисточникъ той „анакреонтической“ поэзіи, которая введена была въ моду французскими эротическими поэтами XVII и XVIII в. (въ ранней редакціи посланія „Моему Аристарху“ именемъ греческаго лирика замѣнено имя Лафара). „Анакреонтическіе“ мотивы мы встрѣчаемъ въ поэзіи Пушкина не только въ лицейскую пору, но и въ зрѣлые годы: кромѣ стихотвореній „Гробъ Анакреона“ и „Фіалъ Анакреона“, мы находимъ въ 1828 г. „Подражаніе Анакреону“ („Кобылица молодая...“), а въ 1835 — переводъ трехъ одъ, которыя поэтъ намѣревался включить въ повѣсть „Египетскія Ночи“.

XVIII. Мое завѣщаніе друзьямъ (стр. 132). Посм. IX, 355. Нами печатается согласно съ Акад., гдѣ воспроизведена рукопись Моск. Публ. Музея съ позднѣйшими авторскими поправками. Первоначальныя чтенія этой рукописи, а также и принадлежавшаго Я. А. Гроту автографа, представляютъ слѣдующіе варіанты:

[1] Начало стихотворенія:
Нѣтъ, полно, полно мнѣ терпѣть!
Дорожный посохъ мнѣ наскучилъ,
Угрюмый рокъ меня замучилъ;
Пѣвецъ рѣшился умереть.
Итакъ, съ вечернею луною,
Въ саду нельзя ли дернъ одѣть
Узорной бѣлой пеленою?
На темный берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши,
Нельзя-ль, устроя длинный ходъ,
Нести наполненныя чаши?

[2] Спесивой Семелеи сына

[3] И брякнутъ перстни золотые *)
Въ завѣтъ любви въ послѣдній разъ;
А вы, товарищи младые, **)
Спѣшите: дорогъ, дорогъ часъ!

[4] Не вспомню вѣчность и друзей

[5] О Пущинъ, юноша-мудрецъ!
Прими мою въ подарокъ чашу
И съ ней мой миртовый вѣнецъ.

[6] Друзья! Вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней;
Моимъ подругамъ завѣщаю
Воспоминаніе ночей,
Утраченныхъ у ногъ Венеры,
Въ лѣсахъ веселыя Цитеры,

Вар.: *) И брякнутъ кольца золотыя.
**) А вы, подруги молодыя.

Окованныхъ счастливой лѣнью, *) и пр.

[7] Пускай на гробѣ...

[8] Здѣсь дремлетъ вѣтреный мудрецъ.

Обращаясь въ этомъ стихотвореніи къ своимъ товарищамъ, — Дельвигу и Пущину, поэтъ называетъ перваго изъ нихъ „пѣвцомъ, воспѣвшимъ Вакха и Темиру", намекая на его четверостишіе „Вакху" и посланіе „Къ Темирѣ", написанныя въ томъ же 1815 году и напечатанныя въ Росс. Муз. 1815, ч. I, № 3, стр. 266 и ч. II, № 6, стр. 270.

XIX. Моя эпитафія (стр. 134). Росс. Мѹз. 1815, ч. IV, №№ 10 - 11, стр. 7, съ подписью: 1... 16 — 14, и затѣмъ — въ альманахѣ М. А. Бестужева-Рюмина: Сѣверная Звѣзда (Спб. 1829), подъ заглавіемъ: „Будущая эпитафія" и съ подписью: Ап.

XX. Погребъ (стр. 135). Посм., IX, 289.

[1] Либеръ — то же, что Вакхъ, богъ вина.

XXI. Воспоминаніе (стр. 135). Посм., IX, 299. Относится къ происшествію, дѣйствительно случившемуся въ Лицеѣ въ сентябрѣ 1814 г., о которомъ Пущинъ, въ своихъ запискахъ (Майковъ, Пушк., 57 - 60), разсказываетъ слѣдующее:

„Мы, т. е. я, Малиновскій и Пушкинъ, затѣяли выпить гоголь-моголю. Я досталъ бутылку рому, добыли яицъ, натолкли сахару — и началась работа у кипящаго самовара. Разумѣется, кромѣ насъ, были и другіе участники въ этой пирушкѣ, но они оста-

*) Вар.: Окованныхъ любовной лѣнью.

лись за кулисами по дѣлу, а въ сущности, одинъ изъ нихъ, именно — Тырковъ, въ которомъ черезчуръ подѣйствовалъ ромъ, былъ причиной, по которой дежурный гувернеръ замѣтилъ какое-то необыкновенное оживленіе, шумливость, бѣготню; сказалъ инспектору; тотъ послѣ ужина всмотрѣлся въ молодую свою команду — и увидѣлъ что-то взвинченное. Тутъ же начались спросы, розыски. Мы трое явились и объявили, что это — наше дѣло и что мы одни виноваты.

„Исправлявшій тогда должность директора профессоръ Гауэншильдъ донесъ министру. Графъ Разумовскій пріѣхалъ изъ Петербурга, вызвалъ насъ изъ класса и сдѣлалъ намъ формальный строгій выговоръ. Этимъ не кончилось, — дѣло поступило на рѣшеніе конференціи. Конференція постановила слѣдующее: 1) двѣ недѣли стоять на колѣняхъ во время утренней и вечерней молитвы; 2) смѣстить насъ на послѣднія мѣста за столомъ, гдѣ мы сидѣли по поведенію, и 3) занести фамиліи наши, съ прописаніемъ виновности и приговора, въ черную книгу, которая должна была имѣть вліяніе при выпускѣ. Первый пунктъ приговора былъ выполненъ буквально. Второй смягчался по усмотрѣнію начальства: насъ, по истеченіи нѣкотораго времени, постепенно подвигали опять вверхъ. При этомъ Пушкинъ сказалъ: „Блаженъ мужъ, иже сидитъ къ кашѣ ближе“. На этомъ концѣ раздавалось кушанье дежурнымъ гувернеромъ. Третій пунктъ, самый важный, остался безъ всякихъ послѣдствій. Когда, при разсужденіяхъ конференціи о выпускѣ, представлена была директору Энгельгардту черная эта книга, гдѣ мы трое только и были записаны, онъ ужаснулся и сталъ доказывать своимъ сочленамъ, что мудрено до-

пустить, чтобы давнишняя шалость, за которую тогда же было взыскано, могла бы еще имѣть вліяніе и на всю будущность молодыхъ людей послѣ выпуска. Всѣ тотчасъ согласились съ его мнѣніемъ, и дѣло было сдано въ архивъ.

„По случаю гоголь-моголя Пушкинъ, въ подражаніе стихамъ Дмитріева:

Мы недавно, отъ печали,
Лиза, я да Купидонъ,
По бокалу осушали
И прогнали мудрость вонъ, и пр.

экспромптомъ сказалъ:

Мы недавно, отъ печали,
Пущинъ, Пушкинъ, я, баронъ,
По бокалу осушали, —
И Ѳому прогнали вонъ.

„(Остальныхъ строфъ не помню: этому слишкомъ сорокъ лѣтъ). Ѳома былъ дядька, который купилъ намъ ромъ. Мы кой-какъ вознаградили его за потерю мѣста. Предполагается, что пѣсню поетъ Малиновскій, но его фамиліи не вломаешь въ стихъ. „Баронъ“ — для риѳмы, означаетъ Дельвига. Были и карикатуры, на которыхъ изъ-подъ стола выглядывали фигуры тѣхъ, кого намъ удалось скрыть.

„Вообще, это пустое событіе (которымъ, разумѣется, нельзя похвастать) надѣлало много шуму и огорчило нашихъ родныхъ, благодаря премудрому распоряженію начальства. Все могло кончиться домашнимъ порядкомъ, если бы Гауэншильдъ и инспекторъ Фроловъ не вздумали формальнымъ образомъ донести министру“.

Степанъ Степановичъ Фроловъ, отставной артиллеріи подполковникъ, былъ опредѣленъ въ Лицей по желанію гр. Аракчеева, — инспекторомъ классовъ и нравственности. Характеристику его см. въ запискѣ гр. Корфа (Гротъ, Пушк., 239-242), гдѣ приведена и сочиненная лицеистами, въ насмѣшку надъ нимъ, „національная“ пѣсня. Здѣсь, между прочимъ, находятся стихи:

Ребята напилися ромомъ,
За то Ѳому прогнали съ громомъ;
Дѣтей ты ставишь на колѣни,
Отъ графа *) слушаешь ты пени...

Документы изъ лицейскаго архива, относящіеся къ этому происшествію, напечатаны И. А. Шляпкинымъ въ брошюрѣ: „Къ біографіи А. С. Пушкина“, Спб. 1899, стр. 23-24.

Что касается самого стихотворенія, то оно, какъ замѣтилъ В. П. Гаевскій (изд. Лит. Фонда, I, 80), „по выраженіямъ и мотиву напоминаетъ стихотвореніе Батюшкова „Ложный страхъ“, переведенное изъ Парни (La Frayeur), не имѣя, однако, съ нимъ ничего общаго по мысли. Это внѣшнее сходство и въ то же время внутреннее различіе обоихъ произведеній видно съ первыхъ же строкъ. Батюшковъ начинаетъ свое стихотвореніе словами:

Помнишь-ли, мой другъ безцѣнный,
Какъ съ Амурами, тишкомъ,
Мракомъ ночи окруженный,
Я къ тебѣ прокрался въ домъ?

*) Разумовскаго.

„Подобное сходство мотива приводитъ къ заключенію, что Пушкинъ въ это время подчинялся вліянію Батюшкова даже въ такихъ произведеніяхъ, которыя вызваны окружавшею поэта дѣйствительностью и личными его впечатлѣніями".

Ѳ. Е. Коршъ (Изв. Отд. Рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, 1898, т. III, 698) указалъ галлицизмъ въ выраженіи: „Измѣняли чадъ похмѣлья", вм. „обнаруживали" (trahissaient l'ivresse).

XXII. Слеза (стр. 137). Напечатано въ видѣ романса, какъ приложеніе къ IV части сборника Мнемозина, изд. В. К. Кюхельбекеромъ и кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, М. 1824, съ полною подписью автора и съ музыкой М. Л. Яковлева; затѣмъ перепечатано, съ искаженіями, въ альманахѣ Эвтерпа, 1828, стр. 312. Въ Имп. Публ. Б-кѣ хранится оттискъ нотъ изъ Мнемозины съ собственноручной поправкой Пушкина въ 6-мъ стихѣ: „Гусаръ мой (вм.: „Мой храбрый") вопросилъ". Этотъ текстъ и воспроизводится нами. Въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2364 Пушкинъ началъ было исправлять стихотвореніе, вѣроятно, желая включить его въ изд. 1826 г.; но не докончилъ поправокъ и надписалъ сверху страницы: „Не надо". Эти поправки — слѣдующія:

[1] И молча, съ дикою тоскою...

[2] Сначала написано было: „Мой храбрый", потомъ исправлено: „Мой воинъ", а затѣмъ весь стихъ зачеркнутъ.

[3] Еще ты съ нами, слава Богу,
Еще друзья съ тобой.

[4] Во 2-мъ стихѣ было написано: „Я скоро просвисталъ“; исправлено: „прошепталъ“; затѣмъ вся строфа перечеркнута.

[5] „Стыдись! Ты ль плачешь о дѣвицѣ?“
Съ упрекомъ онъ закричалъ.

[6] Слова: „гусаръ, охъ!“ въ первомъ стихѣ и „Ты, знать, не“ — во второмъ — зачеркнуты и ничѣмъ не замѣнены.

Очевидно, что эти поправки, какъ совершенно черновыя, не подлежатъ введенію въ текстъ.

По указанію В. П. Гаевскаго (Совр. 1863, № 8, стр. 379), это стихотвореніе является отголоскомъ перваго юношескаго увлеченія поэта сестрою своего лицейскаго товарища, фрейлиной Екатериной Павловной Бакуниной, которая, живя постоянно съ матерью въ Царскомъ Селѣ, часто пріѣзжала въ Лицей, къ брату, и бывала на всѣхъ лицейскихъ балахъ. О ней-то вспоминалъ впослѣдствіи Пушкинъ говоря:

Она внушила первый сонъ,
И мысль объ ней одушевила
Безвѣстной лиры первый звонъ...
(Ср. Евг. Онѣг., гл. II, ст. 22).

Подъ именемъ „гусара“ слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть кого-нибудь изъ офицеровъ стоявшаго въ Царскомъ Селѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, со многими изъ которыхъ сблизился лицеистъ-Пушкинъ; но этимъ „гусаромъ“ едва-ли могъ быть, какъ полагалъ Гаевскій, А. Н. Зубовъ, — такъ какъ онъ былъ переведенъ въ лейбъ-гусарскій полкъ изъ корнетовъ гусарскаго же принца Оранскаго полка только въ февралѣ 1817 г.

XXIII. Къ живописцу (стр. 137). „Памятникъ отечеств. музъ на 1827 годъ“, стр. 331. При жизни Пушкина не перепечатывалось, хотя, какъ видно изъ рукописи Моск. Публ. Музея, поэтъ внесъ въ стихотвореніе нѣсколько поправокъ, вѣроятно, намѣреваясь включить его въ изд. 1826 г., но затѣмъ надписалъ: „Передѣлать все, оставя одну послѣднюю строфу“. Первоначальная редакція представляетъ слѣдующія отличія:

[1] Дитя харитъ и воображенья

[2] Красу невинности небесной
Надежды робкія черты,
Улыбку Душеньки прелестной

Комментаторами указано сходство этого стихотворенія съ стихотвореніями Державина: „Къ Анжеликѣ Кауфманъ“ и Парни: „Портретъ монахини“; Л. Н. Майковъ замѣтилъ, что образцомъ для обоихъ названныхъ поэтовъ служила, въ данномъ случаѣ, 28-я ода Анакреона, у насъ впервые переведенная еще Ломоносовымъ, а затѣмъ — Львовымъ. Ближе всего, однако же, Пушкинъ подошелъ къ Парни, у котораго заимствовалъ не только отдѣльныя выраженія, но и цѣлые образы, особенно въ послѣднихъ трехъ строфахъ.

По словамъ Пущина (Майковъ, Пушк., 62), стихотвореніе это относится къ Ек. П. Бакуниной, въ которую, какъ сказано выше, Пушкинъ былъ влюбленъ. „Эти стихи — выраженіе не одного только его страдавшаго тогда сердечка!“ — прибавляетъ Пущинъ, намекая на то, что одновременно въ ту же Бакунину былъ влюбленъ и онъ самъ, и Илличевскій. Послѣдній и есть тотъ „живописецъ“, къ которому

обращается Пушкинъ въ своемъ посланіи. Съ своей стороны, онъ также посвятилъ Бакуниной стихотвореніе: „Отъ живописца“, напечатанное Гаевскимъ въ Совр. 1863, № 8, стр. 381.

Стихотвореніе Пушкина положено было на музыку товарищемъ поэта М. Л. Яковлевымъ и часто распѣвалось хоромъ въ лицейскомъ кружкѣ.

Упоминаемый въ строфѣ 3-й Альбанъ — живописецъ болонской школы Франческо Альбани (1578 - 1660), оставившій много картинъ преимущественно миѳологическаго содержанія.

XXIV. Роза (стр. 138). Изд. 1826, стр. 107; изд. 1829, II, 152. Первоначальныя чтенія, по сохранившейся рукописи, представляютъ слѣдующіе варіанты:

Не говори:
„Вотъ жизни младость!“
Не повтори:
„Такъ вянетъ радость!“
Въ душѣ скажи...

XXV. Сраженный рыцарь (стр. 139). Посм. IX, 365. Нами перепечатывается исправленный по рукописи текстъ изъ изд. Лит. Фонда. Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ представлютъ слѣдующіе варіанты:

[1] ..... за лѣсомъ горя

[2] Безмолвна долина глухая

[3] Чугунныя латы...

[4] Копье раздробленно, въ перчаткѣ булатъ

[5] Лежатъ неподвижно, и мѣсяца рогъ
Надъ ними въ блистаньи кровавомъ.

[6] Съ надеждою робость...

[7] На холмъ онъ взобрался, и въ тусклую даль
Онъ смотритъ, и сходитъ, и звонкую сталь

XXVI. На возвращеніе Государя Императора (стр. 140). Читано В. Л. Пушкинымъ въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности при Моск. университетѣ 28 апрѣля 1817 г. и напечатано въ Трудахъ этого Общества 1817, ч. IX, стр. 25. При жизни Пушкина не перепечатывалось и въ рукописи не сохранилось.

Императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ въ ночь на 2 декабря 1815 г. Стихи были написаны Пушкинымъ „по повелѣнію“ Ивана Ивановича Мартынова, извѣстнаго переводчика древнихъ классиковъ и директора департамента народнаго просвѣщенія; авторъ отослалъ ихъ при письмѣ отъ 28 ноября 1815 г. (см. это письмо въ т. VIII настоящаго изданія). По своей формѣ и содержанію это стихотвореніе представляетъ довольно близкое сходство съ посланіемъ Жуковскаго „Императору Александру“, написаннымъ въ 1814 и напечатаннымъ въ 1815 году.

XXVII. Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ (стр. 143). Анн., VII, 11. Написано въ альбомъ сестры лицейскаго товарища, бароннессы Маріи Антоновны, гостившей въ Ц. Селѣ, вмѣстѣ съ родителями, на святкахъ 1815-1816 г.

XXVIII. Вишня (стр. 144).

Это игривое стихотвореніе въ духѣ любимыхъ Пушкинымъ въ ту пору французскихъ эротическихъ поэтовъ печатается съ пропускомъ восьми заключительныхъ строфъ. Впервые оно явилось въ изд. Анн.. VII, 7.

XXIX. Отъ всенощной... (стр. 146). Атеней, 1859, № 8 (записки Пущина):

„Сидѣли мы съ Пушкинымъ однажды вечеромъ въ библіотекѣ, у открытаго окна. Народъ выходилъ изъ церкви отъ всенощной; въ толпѣ я замѣтилъ старушку, которая о чемъ-то горячо, съ жестами, разсуждала съ молодой дѣвушкою, очень хорошенькою. Среди болтовни я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чемъ такъ горячатся онѣ, о чемъ такъ спорятъ, идя отъ молитвы? Онъ почти не обратилъ вниманія на мои слова, всмотрѣлся, однако, въ указанную мною чету — и на другой день встрѣтилъ меня стихами... „Вотъ, что ты заставилъ меня написать, любезный другъ“, сказалъ онъ, видя, что я нѣсколько призадумался, выслушавъ его стихи, въ которыхъ поразило меня окончаніе. Въ эту минуту подошелъ къ намъ Кайдановъ, — мы собирались въ его классъ. Пушкинъ и ему прочелъ свой разсказъ. Кайдановъ взялъ его за ухо и тихонько сказалъ ему: „Не совѣтую вамъ Пушкинъ, заниматься такою поэзіей, особенно кому-нибудь сообщать ее. И вы, Пущинъ, не давайте волю язычку“, прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ. Хорошо, что на этотъ разъ подвернулся намъ добрый Иванъ Кузьмичъ, а не другой кто-нибудь“. (Ср. Майковъ, Пушк., 60).

1816.

I. Фавнъ и пастушка (стр. 147). Отрывки напечатаны въ альманахѣ Б. М. Ѳедорова: „Памятникъ отечественныхъ музъ на 1827 годъ“ безъ разрѣшенія Пушкина, вслѣдствіе чего въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 г., въ статьѣ Ор. М. Сомова: „Обзоръ россійской словесности за 1828 г.“ было, между прочимъ, заявлено, что поэтъ отказывается отъ этого стихотворенія, о чемъ и поручилъ составителю „Обзора“ — „засвидѣтельствовать передъ публикой“. Къ этому прибавлено: „Не великодушно выводить наружу обмолвки покойниковъ, которыхъ всегда должно поминать добрымъ словомъ; но выпускать въ свѣтъ раннія, недозрѣлыя попытки живыхъ писателей противъ ихъ желанія — непростительно“.

Стихотвореніе нашлось, однако, въ рукописи Пушкина, по которой и напечатано Е. И. Якушкинымъ въ Библіогр. Зап. 1858, съ дополненіями и поправками извѣстнаго ранѣе текста. Въ совершенно полномъ видѣ оно явилось только въ изд. П. А. Ефремова, 1880 г.

Не столько по содержанію своему, сколько по формѣ, это стихотвореніе представляетъ такъ наз. „вольное“ подражаніе „картинамъ“ Парни: Les déguisements de Vénus“. Это произведеніе Парни не разъ служило источникомъ вдохновенія для русскихъ поэтовъ: IX-я картина его (D'Erigone c'étoit la fête) вызвала стихотвореніе Батюшкова „Вакханка“ („Всѣ на праздникъ Эригоны“), а XXVII-я

дала Пушкину, въ 1824 г., содержаніе и образы для „Прозерпины“.

Ѳ. Е. Коршемъ (Изв. Отд. р. яз. и слов. 1898, III, 698) отмѣченъ галлицизмъ въ карт. I, ст. 9: „Все юность измѣняетъ“ — tout trahit la jeunesse. Ср. выше, стр. 136: „Измѣняли чадъ похмѣлья“.

II. Къ Машѣ (стр. 154). Посм., IX, 238. „Стихи эти“, говоритъ въ своихъ запискахъ И. И. Пущинъ (Майковъ, Пушк., 61), написаны сестрѣ Дельвига, премилой, живой дѣвочкѣ, которой тогда было семь или восемь лѣтъ. Стихи сами по себѣ очень милы, но для насъ имѣютъ свой особый интересъ. Корсаковъ положилъ ихъ на музыку, и эти стансы пѣлись тогда юными дѣвицами почти во всѣхъ домахъ, гдѣ Лицей имѣлъ право гражданства“.

III. Усы (стр. 155). Напечатано впервые въ альманахѣ „Эвтерпа“, М. 1831 г., безъ заглавія и съ подписью: Д. Давыдовъ. Затѣмъ, по рукописи Пушкина, — въ Посм., IX, 334. Въ Акад. приведены изъ рукописей слѣдующіе варіанты:

[1] . . . . на усъ курчавый

[2] Съ усмѣшкой . . . .

[3] Гусаръ! Все тлѣнно подъ луною!
Какъ волны слѣдомъ за волною...

[4] . . . . гдѣ стѣны Иліона?

[5] И въ крѣпкомъ снѣ...

[6] Стремя къ бокалу мысли пылки...

[7] Ты маешься...

[8] . . . . выщиплетъ усы.

Стихотвореніе это, вмѣстѣ съ стихотвореніемъ „Слеза", послано было Илличевскимъ Фуссу при письмѣ отъ 20 марта 1816 г., въ которомъ Илл. писалъ: „Посылаю тебѣ двѣ гусарскія піесы нашего Пушкина, — гусарскія потому, что въ нихъ дѣло идетъ о гусарахъ и о ихъ принадлежностяхъ" (Гротъ, Пушк., 69).

IV. Пробужденіе (стр. 157). Сѣверный Наблюдатель 1817, ч. II, стр. 352, съ полною подписью автора; перепечатано въ издд. 1826 и 1829 гг. Въ рукописи окончаніе отличается отъ печатнаго текста:

Любовь, любовь!
Пусть, упоенный,
Усну я вновь,
Обвороженный,
И поутру,
Вновь утомленный,
Пускай умру,
Не пробужденный.
(Рус. Стар. 1884, т. 41, стр. 425).

V. Желаніе (стр. 158). Анн., VII, 16, съ пропусками, возстановленными Е. И. Якушкинымъ въ Библ. Зап. 1858. О времени и обстоятельствахъ происхожденія этого стихотворенія Л. Н. Майковъ (Акад. I², 237) сообщаетъ слѣдующее:

„Въ 20-хъ числахъ марта 1816 г. юношу Пушкина навѣстилъ въ Лицеѣ его дядя В. Л., возвра-

щавшійся въ Москву изъ поѣздки въ Петербургъ, вмѣстѣ съ Н. М. Карамзинымъ и кн. П. А. Вяземскимъ (съ послѣднимъ Пушкинъ тутъ впервые и познакомился. Ред.). Разставшись съ гостями, молодой поэтъ написалъ дядѣ посланіе, въ которомъ поздравлялъ его съ Свѣтлымъ праздникомъ, приходившимся въ томъ году 9 апрѣля, и въ то же время высказывалъ нѣсколько пожеланій насчетъ текущихъ явленій въ рус. литературѣ; какъ извѣстно, В. Л. Пушкинъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ ратоборцевъ въ тогдашней полемикѣ между сторонниками Шишкова и почитателями Карамзина. На стихотворное посланіе племянника дядя отвѣчалъ 17 апрѣля письмомъ въ прозѣ (напечатано у Грота, Пушк., 47), гдѣ, между прочимъ, говорилъ: „Желанія твои сходны съ моими: я истинно желаю, чтобъ непокойные стихотворцы оставили насъ въ покоѣ. Это случиться можетъ только послѣ дождика въ четвергъ".

[1] Николевъ, Николай Петровичъ (р. 10 ноября 1758, ум. 24 янв. 1815), слѣпой поэтъ, прозванный за слѣпоту „русскимъ Мильтономъ", авторъ очень распространенныхъ въ свое время пѣсенъ: „Вечеркомъ румяну зорю" и „Душеньки часокъ не видя", множества духовныхъ и нравоучительныхъ стихотвореній, одъ, сатиръ и пр. („Творенія Н. П. Николева", 5 тт., Спб. 1795-98), трагедіи „Сорена" и нѣсколькихъ комическихъ оперъ, имѣлъ многочисленныхъ почитателей своего таланта, которые положили ежегодно въ день его смерти собираться и „дѣлать приличныя объ немъ воспоминанія". Такихъ собраній было три: въ 1816, 1817 и 1818 гг. О первомъ изъ нихъ сообщено было въ біографіи Николева, напечатанной С. А. Масловымъ въ Сынѣ Отеч. 1816, ч. 28, № 12, стр. 211; весьма вѣроятно, какъ

замѣчаетъ Л. Н. Майковъ, что именно это сообщеніе, прочитанное Пушкинымъ, и вызвало упоминаніе о „покойномъ“ поэтѣ. См. Венгерова, Русская поэзія (Спб. 1895), I, 785-789.

VI. Пѣвецъ (стр. 159). Сѣверный Наблюдатель 1817, ч. I, стр. 14, съ полною подписью; перепечатано въ издд. 1826 и 1829 гг. и въ альманахѣ М. А. Максимовича „Денница“ (М. 1831) — съ музыкой А. Н. Верстовскаго. Первоначальный текстъ представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Прискорбную ль улыбку замѣчали

[2] Встрѣчали ль вы?

VII. Къ ней (стр. 159). Сѣверный Наблюдатель 1817, ч. I, стр. 351, съ полною подписью. При жизни Пушкина не перепечатывалось. Автографъ, принадлежавшій Я. К. Гроту, представляетъ варіанты:

[1] Я рокомъ осужденъ

[2] Ужели вѣчной тьмой...

[3] И больше никогда...

[4] . . . . съ весельемъ обнимать

[5] . . . . въ восторгахъ упоенья...

VII. Посланіе Лидѣ (стр. 160). Сѣверный Наблюдатель 1817, ч. II, 310, съ полною под-

писью. При жизни Пушкина не перепечатывалось, и въ рукописи отмѣчено: „не надо“.

[1] Варіантъ изъ рукописи: . . . . милый тонъ.

[2] Аристиппъ киринейскій, ученикъ Сократа и основатель такъ наз. „эдонистической“ школы философіи, которая ставила цѣлью жизни удовольствіе. Глицера — красавица, воспѣтая Тибулломъ.

[3] Ninon de Lenclos (1620 - 1705), знаменитая въ свое время красавица, въ салонѣ которой собирались поэты и художники вмѣстѣ съ такъ называемыми roués (прожигателями жизни).

[4] Зенонъ (IV в. до Р. Х.), основатель стоической философіи.

[5] Эпиктетъ (I в. по Р. Х.), рабъ Неронова отпущенника Эпафродита, одинъ изъ важнѣйшихъ представителей стоической философіи.

[6] Діогенъ синопскій (IV в. до Р. Х.), извѣстный философъ-циникъ, ученикъ Антисѳена, проповѣдывавшій, что добродѣтель состоитъ въ воздержаніи, въ отсутствіи потребностей и въ жизни, сообразной съ природою.

IX. Къ Морфею (стр. 162). Полярн. Звѣзда 1824, стр. 91, съ полною подписью. При жизни Пушкина не перепечатывалась, но въ Посм. и въ изд. Анненкова напечатано въ двухъ редакціяхъ: позднѣйшей, подъ заглавіемъ: „Къ Морфею“ и первоначальной, подъ заглавіемъ: „Сну“. Приводимъ эту первоначальную редакцію:

Сну.

Знакомецъ милый и старинный,
О Сонъ, хранитель добрый мой!

Гдѣ ты? Подъ кровлею пустынной
Мнѣ ложе стелетъ ужь покой
Въ безмолвной тишинѣ ночной. *
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови,
До утра только дай отраду
Моей мучительной любви!
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки грустный приговоръ;
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милый!
Когда жь умчится ночи мгла,
И ты мои покинешь очи, —
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

По указанію В. П. Гаевскаго (Совр. 1863, № 7, стр. 173), это стихотвореніе представляетъ подражаніе стихотворенію Парни: „A la nuit“ и по художественности значительно превосходитъ свой французскій первообразъ.

X. Сонъ (стр. 162). Посм., IX, 301, съ опечаткой, повторенной всѣми послѣдующими изданіями (стр. 166, ст. 2 снизу: вмѣсто „угль“ печаталось „ужь“) и указанной только Я. К. Гротомъ въ Нов. Вр. 1887, № 3968 (17 марта). По предположенію П. А. Ефремова, этотъ отрывокъ, можетъ быть, составляетъ часть несохранившагося посланія „Оправданная лѣнь“, которое упоминается въ приведенномъ выше (стр. 6) спискѣ стихотвореній Пушкина 1816 г.

---

* Исправлено:

Приди, знакомецъ мой старинный,
О сонъ, хранитель вѣрный мой,
И приведи подъ кровъ пустынный
Давно потерянный покой.

[1] Joseph Berchoux (1765-1839), авторъ нѣсколькихъ поэмъ, изъ которыхъ особенною извѣстностью пользовалась „La Gastronomie“ (1801).

[2] Здѣсь поэтъ вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ и о сказкахъ своей няни, знаменитой Арины Родіоновны, которой онъ посвятилъ впослѣдствіи прочувствованное стихотвореніе: „Подруга дней моихъ суровыхъ“ (1827) и сказками которой воспользовался для цѣлаго ряда произведеній.

[3] О живописцѣ Фр. Альбани см. выше, стр. 452.

XI. Посланіе къ кн. А. М. Горчакову (стр. 169). Соврем. 1856, т. 60, стр. („Библіогр. Записки“ М. Н. Лонгинова), подъ заглавіемъ: „Неизданное посланіе Пушкина (1816)“; Анн., VII, 13, подъ заглавіемъ: „Посланіе къ кн. А. М. Г.“ В. П. Гаевскій (Совр. 1863, № 8, стр. 365) говоритъ, что это стихотвореніе, по содержанію, размѣру и нѣкоторымъ выраженіямъ напоминаетъ посланіе Жуковскаго „Къ Филалету“ (А. И. Тургеневу, 1807), а стихи

.... на жизненномъ пиру
Одинъ, съ тоской, явлюсь я — гость угрюмый, и т. д.

сближаетъ со стихами Жильбера (Nicolas-Joseph Gilbert, 1751-1780) въ элегіи: „Le poète mourant“:

Au banquet de la vie infortuné convive
J'apparus un jour et je meurs,
Je meurs, et sur ma tombe où lentement j'arrive
Nul ne viendra verser des pleurs.

XII. Къ принцу Оранскому (стр. 171). Посм., IX, 342. Варіанты изъ рукописей:

[1] Свершилось! Взорами царей...

[2] И мглой повлекся окруженъ...

Наслѣдный принцъ Оранскій, впослѣдствіи король Нидерландскій Вильгельмъ II (1792-1848), въ кампанію 1815 г. состоялъ при Веллингтонѣ и послѣ сраженія при Ватерлоо (6/18 іюня 1815), въ которомъ былъ раненъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ для бракосочетанія съ вел. княжной Анной Павловной. Обрученіе ихъ происходило 28 января 1816 г., свадьба — 9 февраля, а 10 іюня новобрачные уѣхали изъ Петербурга. Въ честь ихъ происходили въ столицѣ разныя торжества, а одинъ изъ праздниковъ данъ былъ въ Павловскѣ, въ Розовомъ павильонѣ. Для этого праздника императрица Марія Ѳеодоровна поручила Ю. А. Нелединскому-Мелецкому написать стихи; но устарѣвшій поэтъ, не надѣясь на свои силы, поѣхалъ въ Лицей, передалъ это порученіе Пушкину, которому далъ и главную мысль, и черезъ часъ или два уѣхалъ изъ Лицея уже со стихами (Гаевскій въ Совр. 1863, № 8, стр. 372).

Праздникъ въ Павловскѣ происходилъ 6 іюня и состоялъ изъ представленія народныхъ фламандскихъ сценъ на лугу передъ павильономъ. Онъ описанъ въ Сѣв. Почтѣ 1816, №№ 47 и 50 (ср. также Рус. Архивъ 1887, № 7, гдѣ, между прочимъ, говорится: „Группы поселянъ обоего пола производили пляски, игры и, соединясь, воспѣли хоръ, коимъ выражалась ихъ любовь къ храброму принцу, предмету сего праздника. Послѣ сего хора пѣты были куплеты въ честь великихъ успѣховъ его при знаменитой одержанной побѣдѣ“). Изъ донесенія директора Лицея Е. А. Энгельгардта министру нар. просвѣ-

щенія (напеч. у Шляпкина, „Къ біогр. Пушкина", Спб. 1899, стр. 24) видно, что стихи Пушкина пѣлись во время ужина и что за нихъ Пушкинъ получилъ отъ императрицы, черезъ Нелединскаго, золотые часы съ цѣпочкою. Сообщая объ этомъ кн. Вяземскому въ письмѣ отъ 9 іюня 1816 („Остафьевскій Арх.", I, 47), А. И. Тургеневъ прибавляетъ, что куплеты Пушкина „пошли въ дѣло съ перемѣною"; быть можетъ, рѣчь идетъ объ исправленіи двухъ указанныхъ выше стиховъ.

XIII. Амуръ и Гименей (стр. 172). Изд. 1826, съ подзаголовкомъ: „Сказка", откинутымъ въ изд. 1829 г. Варіанты изъ рукописи Моск. Публ. Музея:

[1] Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ,
Но шалости — его забавы:
Ему хотѣлось — о, лукавый! — *)
Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
Его Дурачество вело.
Дурачество ведетъ Амура,
Но скоро богу моему
Наскучила богиня-дура —
Не знаю вѣрно, почему. **)
Задумалъ новую затѣю, и пр.

[2] А что такое Гименей?
Онъ — изъ Кипридиныхъ дѣтей,
Бѣдняжка дряхлый и лѣнивый,

*) Исправлено: Задумалъ вѣтренникъ лукавый
**) Исправлено: Дурачество ведетъ Эрота,
Но вдругъ, не знаю, почему,
Къ Дурачеству прошла охота:
Оно наскучило ему.

Холодный, грустный, молчаливый,
Ворчитъ...

[3] Спокойно и заснуть не могъ

[4] И рѣчь коварную заводитъ:
„Помилуй, братецъ Гименей!
„Что это? Я стыжусь, любезный,
„И нашей ссоры безполезной,
„И вѣчной трусости твоей.
„Ну, помиримся! Будь умнѣй,
„Забудемъ нашъ раздоръ постылый,
„Да только навсегда, смотри, и пр.

[5] Съ тѣхъ поръ таинственные взоры
Его не страшны красотамъ,
Не страшны грустные дозоры,
Ни пробужденья по ночамъ;
Спокоенъ онъ...

[6] Пожалуйста, мой другъ Елена,
Премудрой повѣсти повѣрь.

Л. Н. Майковъ сближаетъ эту сказку Пушкина съ поэмой Башомона (François de Bachaumont, 1624-1702) „Le Divorce de l'Amour et de l'Hyménée“, замѣчая, однако, что произведеніе Пушкина нельзя считать подражаніемъ: чтеніе Башомона могло дать нашему поэту только тему для вполнѣ самостоятельной обработки.

XIV. Слово милой (стр. 174). Посм., IX, 328. Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ:

[1] Я Лилу слушалъ у клавира,
Ея прелестный, томный гласъ
Волшебной грустью нѣжитъ насъ,
Какъ ночью вѣянье зефира.
[2] Волшебенъ голосъ твой унылый...
[3] Волшебнѣй нѣжныхъ пѣсенъ Лилы.

XV. Лилѣ (стр. 174). Издд. 1826 и 1829 г. По мнѣнію Л. Н. Майкова, это стихотвореніе, какъ и предыдущее, относится къ Маріи Смитъ, которой Пушкинъ написалъ посланіе: „Къ молодой вдовѣ“ (см. ниже № XXXIX).

XVI. Истина (стр. 174). Посм., IX, 290. Въ Акад. приведено первоначальное чтеніе 3-го и 4-го стиховъ:

[1] И долго, долго толковали
Давнишни толки стариковъ.

XVII. Фіалъ Анакреона (стр. 175). Посм., IX, 363. Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ:

[1] Онъ Вакхомъ былъ наполненъ,
Свѣтлѣющею влагой.
[2] Коварнаго Амура
[3] Иль хочется зачерпнуть
Тебѣ вина златого,
Да ручка не достанетъ?
[4] Рѣзвясь, я въ это море
Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы
Всѣ бросилъ ненарочно:
Вонъ, вонъ, — на днѣ блистаютъ!

Стихотвореніе написано „анакреоновскимъ“ раз-

мѣромъ и отчасти напоминаетъ III и X оды первой книги Анакреона. Ср. выше, стр. 443.

XVIII. Наѣздники (стр. 176). Посм., IX, 359, подъ заглавіемъ: „Наѣзднікъ“ и съ добавленіемъ, въ концѣ, восьми стиховъ, которые не встрѣчаются въ рукописяхъ и едва-ли принадлежатъ Пушкину. Въ настоящемъ изданіи перепечатывается изъ академическаго впервые тамъ появившаяся позднѣйшая редакція стихотворенія, а первоначальная, съ варіантами въ подстрочныхъ выноскахъ, приводится ниже.

Наѣздники.

Глубокой ночи на поляхъ
Давно лежали покрывала,
И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
Звѣзда пустынная сіяла.
При умирающихъ огняхъ *),
Среди невѣрнаго тумана, **)
Безмолвно два стояли стана
На помраченныхъ высотахъ.
Все спитъ; лишь волнъ мятежный ропотъ
Разносится въ тиши ночной,
Да слышенъ издали глухой
Булата звонъ и конскій топотъ.
Толпа наѣздниковъ младыхъ
Въ дубравѣ ѣдетъ молчаливой;
Дрожатъ и пышутъ кони ихъ,
Главой трясутъ нетерпѣливой.
Ужь полемъ всадники спѣшатъ,

*) Звѣзда полуночи сіяла.
При погасающихъ огняхъ
**) Въ невѣрной синевѣ тумана
(Исправлено:) Въ волнахъ невѣрнаго тумана
(Исправлено:) Въ невѣрной темнотѣ тумана

Дубравы кровъ оставя зыбкій, *)
Коней ласкаютъ и смирятъ **)
И съ гордой шепчутся улыбкой;
Ихъ лица радостью горятъ,
Огнемъ пылаютъ гнѣвны очи...
Лишь ты, воинственный поэтъ,
Унылъ, какъ сумракъ полуночи,
И блѣденъ, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно преклоненной,
Съ закрытой горестью въ груди,
Печальной думой увлеченный,
Онъ ѣдетъ молча впереди.
„Пѣвецъ печальный, что съ тобою?
„Одинъ предъ боемъ ты унылъ,
„Поникъ безстрашною главою,
„Бразды и саблю опустилъ!
„Ужель, невольникъ праздной нѣги,
„Отраднѣй миръ твоихъ полей,
„Чѣмъ наши бурные набѣги
„И ночью бранный стукъ мечей?
„Одна стезя войны прекрасна,
„Завиденъ гордый нашъ удѣлъ.
„Тебѣ ли нынѣ смерть ужасна?
„Ты ввѣкъ средь боевъ не блѣднѣлъ: ***)
„Тебя мы зрѣли подъ мечами
„Съ спокойнымъ, дерзостнымъ челомъ,
„Всегда межь первыми рядами,
„Все тамъ, гдѣ падалъ первый громъ.
„Съ побѣднымъ съединяясь кликомъ,
„Твой голосъ нашу славу пѣлъ,

*) Дубравы кровъ покинувъ зыбкій,
**) Усами мрачно шевелятъ,
***) Въ этомъ четверостишіи сначала исправленъ первый стихъ
Стезя войны пускай опасна,
а затѣмъ всѣ четыре стиха зачеркнуты.

„А послѣ ты въ унынь дикомъ,
„Какъ бѣглый ратникъ, онѣмѣлъ".

Но медленно пѣвецъ печальный
Главу и взоры приподнялъ,
Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
И вздохомъ грудь поколебалъ.
„Глубокій сонъ въ долинѣ бранной,
„Одни мы мчимся въ тьмѣ ночной,
„Предчувствую конецъ желанный, *)
„Меня зоветъ послѣдній бой.
„Расторгну цѣпь судьбы жестокой,
„Влечу я съ братьями въ огонь,
„Ударъ падетъ — и одинокій **)
„Въ долину выбѣжитъ мой конь!..

„О вы, которымъ здѣсь со мною
„Предѣлъ могилы положенъ, —
„Скажите: милая тоскою ***)
„Вашъ усладитъ ли долгій сонъ? ****)
„Но для пѣвца никто не дышитъ,
„Его настигнетъ тишина, *****)
„Эльвина смерти вѣсть услышитъ
И не вздохнетъ о немъ она. ******)

„А вы, хранимые судьбами
„Для сладостныхъ любви наградъ! *******)

---

*) Готовъ, готовъ ударъ желанный!
**) Влечу грозой, — и одинокій
(Исправлено:) Готовъ ударъ, — и одинокій
***) Скажите: милая слезою
****) (Эти четыре стиха зачеркнуты).
*****) Но для меня никто не дышитъ,
Меня настигнетъ тишина,
******) И въ тайнѣ не вздохнетъ она.
*******) Для счастья жизненныхъ отрадъ.

„Пускай любовницы слезами
„Благословится вашъ возвратъ.
„За чашей сладкаго спасенья,
„О братья, вспомните пѣвца,
„Его любовь, его мученья
„И славу грознаго конца!..“

XIX. Пуншевая пѣсня (стр. 178). Анн. VII, 17. Относительно принадлежности этого стихотворенія Пушкину высказывались сомнѣнія: Г. Н. Геннади предполагалъ, что оно написано братомъ поэта Львомъ. Рукопись вклеена въ альбомъ писемъ Пушкина къ брату, принадлежащій Моск. Публ. Музею, и написана почеркомъ, очень похожимъ на пушкинскій. Второй стихъ первоначально читался:

[1] Тѣсно сліясь.

Стихотвореніе представляетъ довольно близкій переводъ Шиллеровской „Punschlied“. Если оно дѣйствительно принадлежитъ Пушкину, то представляетъ единственный въ числѣ его произведеній переводъ съ нѣмецкаго.

XX. Заздравный кубокъ (стр. 179). Памятникъ отечественныхъ музъ 1827 г. — При жизни Пушкина не перепечатывалось. Въ настоящемъ изданіи перепечатывается изъ Акад. позднѣйшая, исправленная поэтомъ, редакція. Первоначальные варіанты — слѣдующіе:

[1] Кубокъ янтарный
[2] Пѣною парной...
[3] Но за кого же...

[4] Пейте за славу,
Славы друзья!
Браней забаву.
Любитъ... не я. *)
[5] Вы, Геликона
Давни жильцы,
За Аполлона
Пейте, пѣвцы!
[6] Други, вода!

XXI. Къ Наташѣ (стр. 180). Посм., IX, 284. Пущинъ въ своихъ запискахъ (Майковъ, Пушк., 63-64) разсказываетъ, какъ Пушкинъ, однажды вечеромъ, въ темномъ корридорѣ, соединявшемъ Лицей съ дворцомъ, желая поцѣловать горничную фрейлины Валуевой Наташу, поцѣловалъ старую фрейлину, княжну Волконскую. Княжна пожаловалась, и дѣло дошло до государя, но директоръ Лицея Энгельгардтъ выпросилъ виновному прощеніе. Обиженный на княжну за то, что она подняла такой шумъ, Пушкинъ отомстилъ ей французскимъ четверостишіемъ, напечатаннымъ въ ст. М. И. Жихарева о Чаадаевѣ, Вѣстн. Евр. 1871, № 7, стр. 192:

On peut très-bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon,
Mais pour une grâce — oh, mon Dieu, — non!

XXII. Уныніе: „Медлительно влекутся дни мои“... (стр. 181). Памятникъ отеч. музъ на 1827 годъ, стр. 37, подъ заглавіемъ: „Желаніе“, съ полною

*) Въ альманахѣ: „Любить нельзя“. Такъ же и въ Посм.

подписью автора и съ примѣчаніемъ, что эти стихи Пушкина „были изъ первыхъ опытовъ его очаровательной музы“. При жизни Пушкина не перепечатывалось. Въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2364, л. 15 также названо: „Желаніе“, но это заглавіе зачеркнуто и замѣнено другимъ — „Уныніе“. Исправленные въ этой рукописи стихи первоначально читались:

[1] . . . . . въ унылomъ сердцѣ множитъ...
[2] И всѣ мечты безумія тревожитъ...
[3] Моя душа, плѣненная тоской...
[4] О жизни часъ...

Послѣдній стихъ почти буквально повторяетъ Карамзина (стих. „Отставка“):

Люблю, люблю... умру, любя!

XXIII. Осеннее утро (стр. 181). Посм., IX, 316. Исправлено по рукописи въ изд. Лит. Ф., I, 140. Исправленные стихи первоначально читались:

[1] И съ образомъ любовницы драгой
Послѣднее слетѣло сновидѣнье.
[2] Взошла заря, блистаетъ блѣдный день
[3] Оставленныхъ ногой ея прекрасной.
[4] Я звалъ ее, и гласъ уединенный
[5] Пустыхъ долинъ позвалъ ее вдали
[6] Не трепеталъ въ нихъ образъ незабвенной.
[7] Тамъ день и ночь кружится желтый листъ,
Стоитъ туманъ на волнахъ охладѣлыхъ
[8] Свидѣтели безпечныя забавы *)

*) Исправлено: Младенческой забавы.

По указанію В. П. Гаевскаго (Совр. 1863, № 8, стр. 382), эта элегія написана подъ вліяніемъ отъѣзда К. П. Бакуниной изъ Ц. Села въ Петербургъ.

XXIV. Унынiе: „Мой милый другъ, разстался я съ тобою“... (стр. 182). Посм., IX, 325, безъ заглавія; Анн. II, 137-139, въ двухъ редакціяхъ: первоначальной, подъ заглавіемъ: „Разлука“, и позднѣйшей, подъ заглавіемъ: „Унынiе“. Эту послѣднюю мы и помѣшаемъ въ текстѣ, а здѣсь приводимъ первую:

Разлука.

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ,
Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся *)
И, трепетный, уже въ послѣдній разъ
Къ рукѣ твоей устами прикоснулся, — **)
Да, помню все! я сердцемъ ужаснулся,
Но заглушалъ несносную печаль;
Я говорилъ: „Не вѣчная разлука
„Всѣ радости уноситъ нынѣ вдаль.
„Забудемся! Въ мечтахъ потонетъ мука;
„Унынiе, губительная скука
„Пустынника пріютъ не посѣтятъ;
„Мою печаль усладой муза встрѣтитъ:
„Утѣшусь я — и дружбы тихій взглядъ
„Души моей холодный мракъ освѣтитъ“.

Какъ мало я любовь и сердце зналъ!
Часы идутъ, за ними дни проходятъ,
Но горестямъ отрады не приводятъ
И не несутъ забвенія фіалъ.

*) Когда въ слезахъ съ тобой я разставался
**) Къ рукѣтвоей устами прикасался

О милая, повсюду ты со мною! —
И я унылъ, и втайнѣ я грущу *),
Блеснетъ ли день за синею горою,
Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною, —
Я все тебя, прелестный другъ, ищу.
Засну ли я — лишь о тебѣ мечтаю, **)
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голосъ слышенъ мнѣ.
Разсѣянный сижу между друзьями, ***)
Невнятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
Гляжу на нихъ недвижными глазами, —
Не узнаетъ ужь ихъ мой хладный взоръ. ****)
И ты со мной, о лира, пріуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой,
И лишь любви ты голосъ не забыла...
О, вѣрная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ унынiе мое
И, слушая бряцаніе твое,
Пускай вздохнутъ задумчивыя дѣвы.

Проф. П. В. Владиміровъ (въ ст. „Пушкинъ и его предшественники“, въ сборникѣ: „Памяти Пушкина“, Кіевъ 1899 г. стр. 13) указалъ на сходство первыхъ строкъ этого стихотворенія со стихами Дмитріева („Причудница“):

Я жизнь мою во скукѣ трачу:
Настанетъ день, — тоскую, плачу;

---

*) Давно ли ты была еще со мною? —
И я одинъ въ безмолвіи грущу.
**) Лишь о тебѣ въ унынiи мечтаю
***) Не знаетъ ихъ уже мой хладный взоръ.
****) Разсѣянъ я сижу межь юными друзьями

Покроетъ ночь, — опять грущу
И все чего-то я ищу.

XXV. Элегія: „Я думалъ, что любовь"... (стр. 183). По рукописи Моск. Публ. Музея нап. В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1884, т. 41, стр. 427, и въ изд. Лит. Ф., I, 142.

Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ:

[1] Я мнилъ покоиться близь вѣрныхъ береговъ,
Ужь издали смотрѣть, указывать рукою
На парусъ бѣдственный пловцовъ,
Гонимыхъ яростной грозою, —
И я сказалъ: „Стократъ блаженъ,
„Чей вѣкъ свободный и прекрасный....
[2] Блаженъ! Но я блаженнѣй болѣ...
[3] Но что я говорилъ, несчастный!

XXVI. Элегія: „Счастливъ, кто въ страсти..." (стр. 184). Посм. IX, 324; въ исправленномъ видѣ — въ изд. Лит. Ф., I, 324. Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ:

[1] Надежда тихая лелѣетъ,
Кому луны туманный лучъ
Въ полночи свѣтитъ сладострастной

[2] Услышу старости угрозы

[3] Моей любви забуду слезы.

XXVII. Элегія: „Опять я вашъ..." (стр. 185). Посм., IX, 314; въ исправленномъ видѣ — въ изд. Лит. Ф., I, 148. Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ:

[1] Туманные сокрылись дни разлуки

[2] Все тѣ же вы, но сердце ужь не то же:
Уже не вы ему всего дороже.

[3] Ушла навѣкъ, и жизни скоротечной
Лучъ утренній блѣднѣетъ надо мной;
Веселіе разсталося съ душой.
Отверженный судьбиною ревнивой,
Улыбку, смѣхъ, и рѣзвость, и покой, —
Я все забылъ; печали молчаливой
Покровъ лежитъ надъ юною главой.
Напрасно вы бесѣдою шумливой
И нѣжностью души краснорѣчивой
Мой тяжкій сонъ хотите перервать.
Все кончилось, — и рѣзвости счастливой
Въ душѣ моей изгладилась печать.
Чтобъ удалить угрюмыя страданья...

[4] Мнѣ страшенъ міръ, мнѣ скученъ дневный свѣтъ;
Пойду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ.

[5] Не доцвѣли до мѣсячныхъ лучей...

Подражаніе элегіи Парни: La Rechûte.

XXVIII. Элегія: „Я видѣлъ смерть...“ (стр. 186). Анн., II, 139. Первоначальная редакція, напечатанная Е. И. Якушкинымъ въ Библіогр. Зап., 1858, ст. 317, приводится ниже, съ поправками по автографу, находящемуся въ Моск. Публ. Музеѣ.

Я видѣлъ смерть — она безмолвно сѣла
У мирнаго порога моего;
Я видѣлъ гробъ: открылась дверь его;
Душа, померкнувъ, охладѣла...
Покину скоро я друзей,

И жизни горестной моей
Никто слѣдовъ ужь не примѣтитъ,
Послѣдній взоръ моихъ очей
Луча безсмертія не встрѣтитъ,
И погасающій свѣтильникъ юныхъ дней,
Ничтожества спокойный мракъ освѣтитъ.

. . . . . .

Прости, печальный міръ, гдѣ темная стезя
Надъ бездной для меня лежала,
Гдѣ вѣра тихая меня не утѣшала,
Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
Прости, свѣтило дня, прости, небесъ завѣса,
Нѣмая ночи мгла, денницы сладкій часъ,
Знакомые холмы, ручья пустынный гласъ,
Безмолвіе таинственнаго лѣса
И все — прости въ послѣдній разъ!
А ты, которая была мнѣ въ мірѣ богомъ,
Предметомъ тайныхъ слезъ и горестей залогомъ, —
Прости! Минуло все, ужь гаснетъ пламень мой,
Схожу я въ хладную могилу,
И смерти сумракъ роковой
Съ мученьями любви покроетъ жизнь унылу!
А вы, друзья, когда, лишенный силъ,
Едва дыша, въ болѣзненномъ бореньи,
Скажу я вамъ: „О други, я любилъ!“
И тихій духъ умретъ въ изнеможеньи, —
Друзья мои, тогда подите къ ней,
Скажите: „Взятъ онъ вѣчной тьмою“, —
И, можетъ быть, объ участи моей
Она вздохнетъ надъ урной гробовою.

Подражаніе элегіи Парни:
Oui, sans regret du flambeau de mes jours
Je vois déjà la lumière éclipsée...

XXIX. Любовь одна... (стр. 186). Посм., IX, 319. По замѣчанію Л. Н. Майкова, принадлежитъ къ числу стихотвореній, внушенныхъ юношески-мечтательною любовью Пушкина къ К. П. Бакуниной. Въ стихотвореніи есть слѣды вліянія Парни (указано Б. В. Никольскимъ въ Ист. Вѣстн. 1899, т. 77, стр. 206). Любопытно, что первою строфою Пушкинъ воспользовался впослѣдствіи въ „Гавриліадѣ“ (1822; см. настоящаго изданія т. III):

Когда же мы поймали на лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ на ложе наслажденій
Стыдливую склонили красоту...

XXX. Наслажденіе (стр. 188). Посм., IX, 286. Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ:

[1] Со мной и тѣни счастья нѣтъ.

[2] Но вслѣдъ за призракомъ летѣлъ.
И вдругъ — прелестная, нагая,
Дыша небесной чистотой,
Явилась дружба молодая...

[3] Люблю... но цѣли отдаленной...

Л. Н. Майковъ видитъ въ этомъ стихотвореніи также отраженіе любви поэта къ К. П. Бакуниной и указываетъ на автобіографическое значеніе первой строфы (ср. Посланіе къ кн. Горчакову, стр. 169).

XXXI. Окно (стр. 189). Посм., IX, 280. Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ:

[1] И тихо тмится небосводъ

[2] Вчера вечерней темнотою,

[3] Склонившись на руку, сидѣла

[4] Съ волненьемъ дѣвица глядѣла.

XXXII. Мѣсяцъ (стр. 190). Посм., IX, 322. Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ:

[1] Сквозь темный ясень проницало

[2] Красу любовницы моей.

Послѣ этого стиха слѣдовало еще четыре:

Что вы, восторги сладострастья,
Предъ тайной прелестью отрадъ
Прямой любви, прямого счастья?
Примчатся ль радости назадъ?

XXXIII. Надпись къ бесѣдкѣ (стр. 191). Анн., VII, 81. Стихъ 5-й первоначально читался:

[1] Въ восторгѣ пламенномъ погасъ.

XXXIV. Твой и мой (стр. 191). Посм., IX, 368; въ исправл. видѣ — въ Лит. Ф., I, 159. Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ:

[1] Но и бранить причины не имѣю
То, что даритъ мнѣ радость и покой.

Могила А. С. Пушкина
въ Святогорскомъ монастырѣ.

Въ рукописи Моск. Публ. Музея (№ 2364, л. 15), гдѣ находится это стихотвореніе, записаны слѣдующіе французскіе стихи, послужившіе для него образцомъ:

Tien et Mien, dit Lafontaine,
Du monde a rompu le lien.
Quant à moi, je n'en sais rien,
Car que serait-ce, Climène,
Si tu n'étais plus la mienne,
Si je n'étais plus le tien?

XXXV. Къ письму (стр. 191). Посм., IX, 372.

XXXVI. Друзьямъ (стр. 192). Изд. 1826 и 1829 гг. Первоначальная редакція — Посм., IX, 327:

Къ чему, веселые друзья,
Мое тревожить вамъ молчанье?
Запѣвъ послѣднее прощанье,
Ужь муза смолкнула моя.
Напрасно лиру бралъ я въ руки
Бряцать веселье на пирахъ
И на ослабленныхъ струнахъ
Искалъ потерянные звуки... *)
Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И на любовь устремлены
Огнемъ исполненныя очи. **)
Играйте, пойте, о друзья, и т. д. ***)

---

*) Поправки въ рукописи:
*) Будилъ потерянные звуки
**) Веселы дни, веселы ночи
И дѣвъ на васъ устремлены.
(вторично): И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.

Кромѣ того, П. А. Ефремовъ напечаталъ въ Библіогр. Зап. 1861, ст. 591, то же стихотвореніе въ слѣдующей, еще болѣе ранней редакціи:

Среди бесѣды вашей шумной
Одинъ унылъ и мраченъ я...
На пиръ раздольный и безумный
Не призывайте вы меня.
Любилъ и я когда-то съ вами
Подъ звонъ бокаловъ пировать
И гармонически стихами
Пировъ веселье воспѣвать.
Но пролетѣлъ мигъ упоеній,
Я радость свѣтлую забылъ,
Меня печали мрачный геній
Крылами черными покрылъ...
Не кличьте жь вы меня съ собою
Подъ звонъ бокаловъ пировать:
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять.
Богами вамъ еще даны, и пр.

XXXVII. А. А. Шишкову (стр. 192). Изд. 1826 и 1829 гг., подъ заглавіемъ: „Ш — ву". Первоначальная редакція посланія (Библіогр. Зап. 1858, стр. 318; Рус. Стар. 1884, т. 41, стр. 647 и Акад.) представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Поэтъ, увѣнчанный...

[2] Гдѣ нѣжился Шолье съ Мелецкимъ и Парни

[3] Съ напѣвомъ соглашать...

[4] Далѣе слѣдовало:

И нынѣ, въ юности прекрасной,
Съ тобою вѣрныя сопутницы твои.
Бряцай, о трубадуръ, на арфѣ сладострастной
Мечтанье раннее любви; *)
Пой сердца юнаго кипящее желанье,
Красавицы твоей упорство, трепетанье, **)
Со груди сорванный завистливый покровъ,
Стыдливости послѣднее роптанье
И страсти торжество на ложѣ изъ цвѣтовъ.
Пой, въ нѣгѣ устремивъ на дѣву томны очи,
Ея волшебныя красы,
Въ объятіяхъ любви утраченныя ночи,
Блаженства быстрые часы.
Мой другъ, она — твоя, она — твоя награда,
Таинственной любви безцѣнная отрада.
Дерзну ль тебя я воспѣвать,
Когда гнететъ меня страданье,
Когда на каждое мечтанье
Унынье черную кладетъ свою печать?
Нѣтъ, нѣтъ! Друзей любить открытою душою...***)

[4] Покорствую судьбамъ; но сжалься надо мною

[5] Не вѣчно нѣжиться въ прелестномъ ослѣпленьѣ:
Ужь хладной истины докучный вижу свѣтъ

[6] Волшебницѣ-мечтѣ, шепнувшей: „Ты поэтъ!“ ****)

Поправки:

*) Ты гимны счастливой любви
**) Красавицы младой упорство, трепетанье...
***) Пой, въ нѣгѣ устремивъ на друга томны очи,
Тебѣ подвластныя красы,
Въ ея объятіяхъ исчезнувшія ночи,
Любви безцѣнные часы.
Но я!.. Друзей любить открытою душою...
****) Обманчивой мечтѣ...

[7] Съ небрежной легкостью нанизывалъ куплеты

[8] Угодникъ Бахуса, съ веселыми друзьями *)

[9] Въ дурныхъ стихахъ дурныхъ писателей
бранилъ.

[10] Далѣе слѣдовало:

И даже — каюсь я — пустынникъ согрѣшилъ:
Я первой пѣлъ любви невинное начало,
Но такъ таинственно, съ такимъ разборомъ словъ,
Что, не краснѣя боязливо,
Меня бы выслушалъ и дѣвственный К*** **)

[11] Но скрылись отъ меня парнасскія забавы,
Не долго былъ я усыпленъ... ***)

[12] Ср. въ посланіи „Моему Аристарху“ (стр. 128):
„На риѳмахъ вдругъ заговорю“.

Александръ Ардаліоновичъ Шишковъ (1789-1833), племянникъ знаменитаго адмирала, получилъ прекрасное образованіе и рано обнаружилъ признаки литературнаго таланта. Зачисленный въ юности въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, онъ въ 1818 г. былъ сосланъ на Кавказъ, гдѣ прослужилъ лѣтъ десять, женился, затѣмъ жилъ въ Твери, гдѣ и убитъ на улицѣ въ 1833 г. Въ литературѣ онъ извѣстенъ преимущественно переводами изъ Шиллера („Марія Стюартъ“, „Пикколомини“, „Смерть Валленштейна“), Вернера („Двадцать четвертое февраля“), Тика („Фортунатъ“) и др. Эти переводы изданы въ 1831 г. въ

Поправки:

*) Угодникъ Бахуса, я съ трезвыми друзьями

**) Простятъ ли мнѣ мой страшный грѣхъ поэты:
Я написалъ придворные куплеты,
Кадиломъ дерзостнымъ я счастію кадилъ...

***) Но долго ль юношу лелѣялъ Аполлонъ?

4-хъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Избранный нѣмецкій театръ". Оригинальныя стихотворенія Шишкова изданы въ М. 1824 подъ заглавіемъ: „Восточная Лютня". Затѣмъ явились еще: „Опыты Александра Шишкова 2-го", М. 1828 и посмертное изданіе: „Сочиненія и переводы капитана А. А. Шишкова" (Спб. 1834-1835, 4 части). Біографія его, сост. Д. Д. Рябининымъ, — въ Истор. Вѣст. 1889, т. 38, стр. 42-69.

Пушкинъ познакомился и близко сошелся съ Шишковымъ въ лицейскіе годы; какъ видно изъ посланія, даровитый юноша пробовалъ свои силы въ легкой эротической поэзіи, идя по слѣдамъ Тибулла, Парни и Нелединскаго-Мелецкаго: Пушкинъ говоритъ, что онъ „увѣнчанъ Эратой", т. е. музой любовной лирики. Впослѣдствіи, въ 1824 г., Шишковъ писалъ Пушкину съ Кавказа и получилъ отъ него дружеское письмо (см. т. VIII); послѣ смерти Шишкова Пушкинъ хлопоталъ объ изданіи его сочиненій Россійскою Академіею. См. сборникъ П. И. Бартенева „Пушкинъ", т. I (М. 1881), стр. 14 - 15

XXXVIII. Боже, царя храни! (стр. 193) Посм. IX, 399. Первая строфа буквально повторяетъ стихотвореніе Жуковскаго, напечатанное въ Сынѣ Отечества 1815, ч. XXVI, № 48, стр. 96, подъ заглавіемъ: „Молитва русскихъ". Черновой набросокъ, сохранившійся въ бумагахъ Я. К. Грота, представляетъ слѣдующіе первоначальные варіанты:

[1] Крѣпкою славою,
Свѣтлой державою...

[2] Гласъ удивленія

[3] Славному дань.

Кромѣ того, въ той же рукописи есть еще черновой варіантъ 3-й строфы:

Рабства покинувъ тьму,
Пусть міръ несетъ ему
Славы вѣнецъ,
Благодаренія,
Дань упоенія
Нашихъ сердецъ.

По указанію В. П. Гаевскаго (Совр. 1863, № 8, стр. 372), этотъ гимнъ былъ написанъ Пушкинымъ къ празднованію дня основанія Лицея (19 октября) и пропѣтъ на праздникѣ воспитанниками на голосъ англійскаго гимна „God save the King“. Графъ М. А. Корфъ въ своей запискѣ о Пушкинѣ (Гротъ, Пушк., 247) разсказываетъ, что въ 1816 и 1817 гг. лицеисты иногда пѣли у директора на балконѣ и, замѣтивъ, что государь подошелъ послушать ихъ къ дворцовой рѣшеткѣ, сейчасъ же начинали пѣть „Боже, царя храни“.

XXXIX. Къ молодой вдовѣ (стр. 194). Посм. IX, 347. Автографъ, сохранившійся въ бумагахъ Я. К. Грота, представляетъ слѣдующія первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ:

[1] Почему сквозь легкій сонъ
Часто, нѣгой утомленный,
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, въ любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взоръ недвижный, боязливый
Устремляешь въ темноту?

Почему, когда вкушаю
Быстрый обморокъ любви...

2 Вѣчно ль слезы проливать?
Вѣчно ль мертваго супруга...

3 Вѣрь: для узниковъ могилы
Лишь забвенья мертвый сонъ *)

4 Имъ не слышенъ скорби стонъ.
Не для нихъ весенни розы...

5 Откровенной дружбы слезы...

6 Рано твой супругъ мгновенный
Вздохомъ смерти воздохнулъ
И, любовью упоенный,
На груди твоей уснулъ.

По указанію В. П. Гаевскаго (Совр. 1863, № 8, стр. 378), это посланіе написано къ жившей въ семействѣ Энгельгардта Маріи Смитъ, урожденной Charon-Larose. Молодая вдова обидѣлась на Пушкина и показала стихотвореніе Энгельгардту: это обстоятельство и было главной причиной непріязненныхъ отношеній между воспитанникомъ и директоромъ, продолжавшихся до конца курса. Гаевскій (тамъ же, стр. 376) приводитъ слѣдующій отзывъ Энгельгардта о Пушкинѣ, относящійся къ 1816 году:

„Его высшая и конечная цѣль — блестѣть, и именно поэзіей; но едва ли найдетъ она у него прочное основаніе, потому что онъ боится всякаго серьезнаго ученія, и его умъ, не имѣя ни проницательности, ни глубины, — совершенно поверхност-

*) Вѣрь мнѣ: узника могилы
Тамъ объемлетъ вѣчный сонъ.

ный, французскій умъ. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкинѣ. Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце. Нѣжныя и юношескія чувствованія унижены въ немъ воображеніемъ, осквернennымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, которыя онъ при поступленіи въ Лицей зналъ почти наизусть, какъ достойное пріобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія".

XL. Экспромптъ на А. (стр. 195). Посм., IX, 370. Въ одной рукописной копіи озаглавлено было: „Экспромптъ на Агареву". Елизавета Сергѣевна Огарева, рожд. Новосильцева (р. 13 ноября 1786, ум. 5 февр. 1870), супруга сенатора Н. И. Огарева (1789 - 1852), отличалась красотой, умомъ и образованіемъ. Ее воспѣвали Дмитріевъ (Соч., изд. 1893, I, 246) и кн. Вяземскій (Соч., III, 112). Ея характеристику см. въ запискахъ Арк. Вас. Кочубея (Спб. 1890, стр. 44), который, между прочимъ, говоритъ, что ей онъ обязанъ любовью къ литературѣ, особенно — французской: „почти ежедневно мы прочитывали съ нею лучшія произведенія французской и русской литературы; она одушевляла во мнѣ любовь къ поэзіи, и я сочинялъ для нея стихи въ формѣ мадригаловъ, которые были тогда въ модѣ". (Ср. „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ", т. I (Спб. 1900), стр. 501). Л. Н. Майковъ замѣчаетъ, что Огаревы были коротко знакомы съ Карамзиными, и предполагаетъ, что Пушкинъ встрѣчался съ Елизаветою Сергѣевною въ домѣ исторіографа, который проводилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ.

XLI. Надпись на мой портретъ (стр. 195). Рус. Стар. 1884, т. 41, стр. 664. — Никакого портрета Пушкина въ 1816 г. не выходило.

XLII. Завѣщаніе (стр. 196). Совр. 1863, № 7, стр. 143.

XLIII. Она (стр. 196). Посм., IX, 396.

XLIV. На смерть стихотворца (стр. 196). Сѣверный Наблюдатель 1817, т. I, № 2, стр. 68, съ полною подписью. — Можетъ быть, одна изъ многочисленныхъ лицейскихъ эпиграммъ на Кюхельбекера.

XLV. Скажи, что новаго?.. (стр. 197). Посм., IX, 367. Эта эпиграмма впослѣдствіи, въ 1828 г., была передѣлана Пушкинымъ и напечатана подъ заглавіемъ: „Любопытный“ (см. II, 91).

XLVI. Больны вы, дядюшка?.. (стр. 197). Совр. 1863, № 7, стр. 143.

XLVII. Вотъ Виля... (стр. 197). Тамъ же, стр. 148. Эпиграмма на Кюхельбекера. По указанію Л. Н. Майкова, — подражаніе одной эпиграммѣ А. С. Хвостова на своего однофамильца, извѣстнаго метромана. Видя, какъ гр. Хвостовъ на балѣ проходилъ въ польскомъ неловко и неуклюже, онъ сказалъ:

Однофамилецъ мой, сказать то не въ укоръ,
Танцуетъ какъ Вольтеръ и пишетъ какъ Дюпоръ.

Дюпоръ, знаменитый французскій танцоръ, былъ

тогда въ составѣ петербургскаго балета. (См. Соч. кн. Вяземскаго, VIII, 240). П. А. Ефремовъ указалъ, что упоминаніе о Буало объясняется четверостишіемъ Пушкина, автографъ котораго принадлежалъ М. И. Семевскому:

Ты хочешь знать, моя драгая,
Какая разница межь Буало и мной? —
У Буало была лишь, и пр.

XLVIII. Заутра съ свѣчкой грошевою... (стр. 197). Анн., VII, 99; Рус. Инвалидъ 1857, № 267 и Совр. 1863, № 7, стр. 151.

Докторъ Пешель — лицейскій врачъ, отличавшійся болѣе своимъ добродушіемъ и остроуміемъ, чѣмъ медицинскими познаніями. Константинъ Сазоновъ — молодой, едва двадцатилѣтній парень, назначенный въ Лицей „дядькою“ и за два года своего пребыванія въ заведеніи успѣвшій совершить въ Царскомъ Селѣ и окрестностяхъ шесть или семь убійствъ. Гротъ, Пушк., 239. Поведеніе этого дядьки дало лицеистамъ поводъ къ сочиненію шуточной поэмы „Сазоновіада“, изъ которой отрывокъ напечатанъ въ повѣсти В. П. Авенаріуса: „Юношескіе годы Пушкина“, Спб. 1888, стр. 253.

XLIX. Эпиграммы на Пучкову (стр. 198). Первая и третья — въ Рус. Стар. 1884, т. 41, стр. 663 и 664; вторая — въ Совр. 1863, № 7, стр. 143.

Екатерина Наумовна Пучкова (1792-1867), послѣдовательница идей шишковской Бесѣды любителей россійскаго слова, въ 1812 г. напечатала въ Москвѣ свои „Первые опыты въ прозѣ“, а затѣмъ

стала помѣщать и стихи — въ Росс. Музеумѣ, Рус. Инвалидѣ, Сынѣ Отечества и др. журналахъ. Въ первой и третьей эпиграммахъ говорится объ ея сотрудничествѣ въ Инвалидѣ, который въ то время издавался съ благотворительною цѣлью; а вторая вызвана появившимся въ той же газетѣ (1816, № 277) ея стихотвореніемъ: „Экспромптъ тѣмъ, которые укоряли меня, для чего я не написала стиховъ на кончину Г. Р. Державина", гдѣ Пучкова говоритъ:

Дѣвѣ ли робкой
Арфой незвучной
Славному барду
Пѣснь погребальну, —
Дѣвѣ ль бряцать? и пр.

1817.

I. Торжество Вакха (стр. 199). Изд. 1826 и 1829 гг. — По указанію Л. Н. Майкова, могло быть навѣяно чтеніемъ извѣстнаго сочиненія аббата Бартелеми „Voyage du jeune Anacharsis en Gréce" (1789), гдѣ, между прочимъ, изображаются вакхическія празднества въ древней Греціи.

II. Сновидѣніе (стр. 201). Посм., IX, 395. — Переводъ мадригала, написаннаго Вольтеромъ принцессѣ Луизѣ-Ульрикѣ (1720 - 1782), младшей сестрѣ Фридриха Великаго, впослѣдствіи — супругѣ шведскаго короля Адольфа-Фридриха. Мадригалъ этотъ, написанный въ 1743 г., считался въ свое

время чрезвычайно изящнымъ стихотвореніемъ; онъ переведенъ на рус. языкъ Панкратіемъ Сумароковымъ, кн. Г. А. Хованскимъ и Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ. Сравненію этихъ переводовъ и библіографическимъ по поводу ихъ указаніямъ С. Д. Полторацкій посвятилъ особую брошюру: „Русскіе переводчики Вольтера“ (М. 1858), составляющую I-й выпускъ его „Матеріаловъ для словаря русскихъ писателей“.

III. Стансы (стр. 202). Посм., IX, 293; позднѣйшія авторскія поправки, по рукописи Моск. Публ. Музея, введены только въ изд. Лит. Фонда, I, 167. Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ — слѣдующія:

[1] Отдай же мнѣ протекши дни,
Съ моей вечернею зарею
Мое ты утро съедини.

[2] Не дастъ оно пощады намъ:
Кто примѣняться не умѣетъ
Своимъ измѣнчивымъ годамъ,
Тотъ ихъ несчастья лишь имѣетъ.

[3] (Два послѣдніе стиха переставлены на мѣсто двухъ первыхъ).

[4] На пасмурномъ моемъ закатѣ,
Среди пустынной темноты,
Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
Обмановъ милыя мечты.

[5] Отрадныхъ юношескихъ дней.

Эти стансы, пользующіеся большою извѣстностью во французской литературѣ, посвящены Вольтеромъ своей возлюбленной маркизѣ, дю-Шатлé (Gabrielle-Emilie Le Tonnelier de Bréteuil marquise du Châtelet, 1706 - 49), у которой онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ ея замкѣ Сирэй, въ Лотарингіи. По предположенію Л. Н. Майкова, поводомъ къ переводу Пушкинымъ этого стихотворенія могла послужить статья Батюшкова: „Путешествіе въ замокъ Сирей", напечатанная въ Вѣстн. Евр. 1816 и содержащая въ себѣ свѣдѣнія объ отношеніяхъ Вольтера къ маркизѣ. Сличеніе перевода съ подлинникомъ сдѣлано было В. П. Гаевскимъ въ Совр. 1863, № 7, стр. 168 - 169, причемъ было указано, что смыслъ VI-й строфы, въ переводѣ нѣсколько темной, объясняется оотвѣтствующими ей стихами оригинала:

On meurt deux fois, je le vois bien:
Cesser d'aimer et d'être aimable—
C'est une mort épouvantable;
Cesser de vivre — ce n'est rien.

IV. Письмо къ Лидѣ (стр. 203). Анн., II, 163 и VII, 54. Нами перепечатывается изъ Акад., гдѣ въ текстъ введены всѣ позднѣйшія поправки изъ рукописи. Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ — слѣдующія:

[1] И время къ полночи придвинетъ

[2] Когда не спитъ въ тиши природы
Одна счастливая любовь

[3] Съ блаженства, нѣги и любви.

Первые четыре стиха этого стихотворенія представляютъ переводъ начала пьесы Парни „Billet“:

Dès que la nuit sur nos demeures
Planera plus obscurément,
Dès que sur l'airain gémissant
Le marteau frappera douze heures...

У Парни есть еще и другое стихотвореніе, подъ тѣмъ же заглавіемъ, которымъ также отчасти воспользовался Пушкинъ.

V. Добрый совѣтъ (стр. 204). Посм., IX, 152. — Переводъ стихотворенія Парни: „A mes amis“: „Rions, chantons, o mes amis“...

VI. Couplets (стр. 204). Первыя двѣ строфы — Анн., I, 18; вполнѣ — въ Библ. Зап. 1858, ст. 688. В. П. Гаевскій (Совр. 1863, № 8, стр. 385 — 386) сообщаетъ, что директоръ Лицея Энгельгардтъ „разрѣшилъ отпуски изъ Лицея въ предѣлахъ Царскаго Села, — и для лицеистовъ открылось нѣсколько семейныхъ домовъ, именно: дома Вельо, Сѣвериной и барона Теппера де-Фергюсона. Послѣдній, женатый на дочери Сѣвериной, былъ сынъ богатаго, но потомъ разорившагося варшавскаго банкира, и поступилъ въ Лицей по протекціи стариннаго своего пріятеля Энгельгардта учителемъ музыки и пѣнія. У Теппера каждый вечеръ собирались по нѣскольку человѣкъ, въ числѣ которыхъ бывали и лицеисты, пили чай, болтали, занимались музыкой и пѣніемъ. У него же, по воскресеньямъ, происходили литературныя бесѣды, задавались темы, на которыя приготовлялось къ слѣдующему воскресенью нѣ-

сколько сочиненій, и такимъ образомъ совершались литературныя состязанія, на которыхъ Пушкинъ первенствовалъ. Темы представлялись сами собою, и на одну изъ таковыхъ, заданную при прощаніи: „Jusqu'au plaisir de vous revoir", — Пушкинъ написалъ легкіе и остроумные куплеты. Въ отвѣтъ на нихъ онъ получилъ французское же посланіе, — кажется, самого Теппера".

VII. Къ Баболовскому дворцу (стр. 206). Рус. Стар. 1884, т. 41, стр. 576.

Графъ М. А. Корфъ (Гротъ, Пушк., 238) сообщаетъ, что императоръ Александръ I очень благоволилъ къ дочери барона Вельо, Sophie, вышедшей потомъ замужъ за генерала Ребиндера, и нерѣдко бывалъ въ домѣ Вельо. „Сверхъ того, назначались уединенныя свиданія въ Баболовскомъ дворцѣ" (близь Царскаго Села).

VIII. Именины (стр. 206). Издд. 1826 и 1829 гг.

IX. К. П. Бакуниной (стр. 206). Издд. 1826 и 1829 гг., подъ заглавіемъ: „К. А. Б". — Л. Н. Майковъ, сближая это четверостишіе съ надписью Державина „Къ портрету В. В. Энгельгардтъ", переведенною съ французскаго въ 1780 г., высказываетъ предположеніе, что Пушкинъ воспользовался неизвѣстнымъ намъ французскимъ оригиналомъ этой надписи.

X. Къ портрету П. Я. Чаадаева (стр. 207). Собственноручно написано Пушкинымъ подъ портретомъ П. Я. Чаадаева; напечатано впервые въ вышедшемъ подъ редакціей Н. В. Гербеля въ Берлинѣ

(1861) изданіи Р. Вагнера: „Стихотворенія А. С. Пушкина, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій"; затѣмъ — въ статьѣ М. И. Жихарева о Чаадаевѣ, Вѣстн. Евр. 1871, № 7, стр. 197. — Л. Н. Майковъ сближаетъ это четверостишіе съ надписью Дмитріева къ портрету Карамзина:

Вотъ милый всѣмъ творецъ! Иль сердцемъ, иль умомъ
Грозитъ себѣ онъ цлѣномъ;
Въ Аркадіи онъ былъ бы пастушкомъ,
Въ Аѳинахъ — Демосѳеномъ.

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ (р. 27 мая 1796, ум. 14 апр. 1856), извѣстный впослѣдствіи авторъ „Философическихъ Писемъ", былъ въ 1817 г. офицеромъ стоявшаго въ Царскомъ Селѣ лейбъ-гусарскаго полка. Объ отношеніяхъ его къ Пушкину см. въ приложенномъ къ настоящему тому біографическомъ очеркѣ; о немъ же самомъ, кромѣ упомянутой статьи Жихарева, — Пол. Звѣзда, т. VI (1861), стр. 141 - 142; Библіогр. Зап. 1861, ст. 1 - 18; Рус. Вѣстникъ 1862, № 11, стр. 119 - 160 (ст. М. Н. Лонгинова); Рус. Арх. 1868, ст. 976 - 1001 (воспоминанія Д. Н. Свербеева); Пыпинъ, Характеристики литературныхъ мнѣній (Спб. 1873), стр. 111 - 170.

XI. Къ портрету Каверина (стр. 207). Посм., IX, 371.

Петръ Павловичъ Каверинъ (1794 - 1855) въ 1810 - 1811 гг. слушалъ лекціи въ геттингенскомъ университетѣ вмѣстѣ съ Н. и С. Ив. Тургеневыми и А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ; затѣмъ, въ 1812 г. поступилъ въ московское ополченіе, откуда

перешелъ въ Ольвіопольскій гусарскій полкъ, участвовалъ въ заграничныхъ походахъ 1813 и 1814 гг., въ 1816 г. былъ переведенъ въ лейбъ-гусары, но въ 1819 снова вернулся въ армію и въ 1823 вышелъ въ отставку; проживъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, въ 1828 г. снова опредѣлился въ военную службу, участвовалъ въ турецкихъ кампаніяхъ 1828 - 1829 гг. и въ усмиреніи польскаго мятежа; кончилъ жизнь на службѣ въ пограничной стражѣ (Акад. I², прим., 374 - 375). По словамъ кн. П. А. Вяземскаго (Соч. VIII, 436), Каверинъ „былъ извѣстенъ проказами своими и скиѳскою жаждою; но былъ онъ въ то же время извѣстенъ и благородствомъ характера, и любезнымъ обхожденіемъ. Онъ былъ любимъ и уважаемъ сослуживцами своими... Русская литература не должна забывать, что Каверинъ былъ товарищемъ и застольникомъ Евгенія Онѣгина“, и пр. („Онѣгинъ“, I, строфа XIV).

Каверина вспоминаетъ и Воейковъ въ своемъ „Сумасшедшемъ Домѣ“:

О Каверинъ! Долгъ романамъ
Весь тобою заплаченъ;
Но, сказавъ прости обманамъ,
Ты давно ужь сталъ уменъ.

Нѣсколько писемъ Каверина къ литератору 20-хъ и 30-хъ гг. В. Гр. Теплякову напечатаны въ Рус. Стар. 1896, т. 85, стр. 425 - 430.

XII. Къ портрету П. Х. Молоствова (стр. 207). Написано карандашемъ на оборотѣ акварельнаго портрета П. Х. Молоствова, который находится въ Пушкинскомъ Музеѣ Александровскаго Лицея. Напечатано въ Рус. Архивѣ 1898, кн. II, стр. 332.

Памфамиръ Христофоровичъ Молоствовъ (р. 12 мая 1793, ум. 4 іюня 1828 г.) былъ лейбъ-гусарскій офицеръ, — одинъ изъ тѣхъ, съ которыми Пушкинъ сблизился въ послѣдній годъ своей лицейской жизни.

XIII. Къ П. П. Каверину (стр. 207). Московскій Вѣстникъ 1828, ч. XI, стр. 4, подъ заглавіемъ: „Къ К., 1817“ и съ полною подписью; въ первоначальной редакціи и безъ разрѣшенія автора напечатано въ альманахѣ М. А. Бестужева-Рюмина „Сѣверная Звѣзда“ на 1829 годъ подъ заглавіемъ: „Къ К. . . ну“ и съ подписью: Ап. Приводимъ первоначальную редакцію, отмѣчая въ подстрочныхъ выноскахъ болѣе ранніе варіанты:

Къ Каверину.

Забудь, любезный мой Каверинъ, *)
Минутной рѣзвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь увѣренъ,
Твои счастливые грѣхи. **)
Прослыть апостоломъ Зенонова ученья
Похвально, можетъ быть, но ни тебѣ, ни мнѣ: ***)
Я знаю, что страстей волненья
И шалости, и заблужденья
Пристали нашихъ дней блистательной веснѣ ****).
Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ; *****)

*) Прости, любезный мой Каверинъ
**) Твои гусарскіе грѣхи.
***) Быть можетъ, хорошо, но ни тебѣ, ни мнѣ.
****) Приличны нашихъ дней блистательной веснѣ.
Пускай умно, хотя неосторожно,
Дурачиться мы будемъ иногда,
Пока безъ лишняго труда
Дурачиться намъ будетъ можно.
*****) (Эти два стиха — въ обратномъ порядкѣ).

Смѣшонъ и вѣтреный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный.
Насытясь жизнію у младости въ гостяхъ,
Простимся навсегда съ веселостью шумливой,
Съ Венерой пламенной и нѣгой прихотливой, *)
Вздохнемъ объ нихъ, какъ о друзьяхъ,
И хладной старости дождемся терпѣливо.
Теперь съ безпечностью живи, **)
Люби друзей, храни объ нихъ воспоминанье,
Молись и Кому, и Любви, ***)
Минуту юности лови ****)
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что можно дружно жить
Съ стихами, картами, Невтономъ и бокаломъ, *****)
Что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный, и сердце можно скрыть.

Кромѣ того, въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2364, л. 58, Пушкинымъ вписано пять стиховъ въ иной редакціи:

У рѣзвой младости не вѣчно мы въ гостяхъ;
Не долго знаться намъ съ безпечностію лживой,
Съ Венерой пылкою и съ нѣгой прихотливой;
Вздохнемъ о нихъ, какъ о друзьяхъ,
И старости дождемся молчаливо.

Въ этомъ посланіи Пушкинъ извиняется передъ

*) Насытясь жизнію у юныхъ дней въ гостяхъ,
Простимся мы навѣкъ съ веселіемъ шумливымъ,
Съ Венерой пылкою и Вакхомъ прихотливымъ...
**) И старость посѣтимъ съ поклономъ молчаливымъ.
Теперь въ безпечности живи
***) Молись и Вакху, и Любви,
****) (Этотъ стихъ отсутствуетъ).
*****) Съ стихами, картами, Платономъ и бокаломъ.

Каверинымъ за свою стихотворную шутку, написанную на дежурствѣ гусара графа Завадовскаго, подъ заглавіемъ: „Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“:

Избави, Господи, ума такого,
Какъ у Александра Васильича Попова,
Слатвинскаго скромности,
Зубова томности,
Ильина чистоты,
Тютчева красоты,
Любомирскаго чванства,
Каверина пьянства,
Гротовой скупости,
Ховрина глупости,
Суетливости Оффенберга,
Разсудительности Унгернъ-Штернберга,
Чаадаева гордости,
Юшкова подлости,
Крекшина службы,
Сабурова дружбы,
Завадовскаго щедрости,
Гернгросовой мерзости,
Кнабенау усовъ,
Пашковскихъ носовъ,
Салтыкова дикости,
Соломирскаго лихости,
Слѣпцова смиренья,
Кругликова пѣнья,
Барятинскаго спросовъ,
Рахманова вопросовъ,
Молоствова хвалы
И Микѣшина хулы...

Стихи эти найдены были Пашковымъ, который сильно оскорбился и хотѣлъ прибить Пушкина. За-

вадовскій принялъ вину на себя, и дѣло чуть не дошло до дуэли; но кн. Ил. В. Васильчиковъ помирилъ Пашкова съ Завадовскимъ. (См. письмо князя къ кн. П. М. Волконскому въ Рус. Арх. 1875, № 12).

XIV. Въ Альбомъ А. Н. Зубову (стр. 208). Напечатано въ сборникѣ: „Листки граціи, или собраніе стихотвореній для альбомовъ", М. 1829, стр. 21, безъ заглавія и съ подписью: А. Пушкинъ. Перепечатано въ Москвитянинѣ 1842, № 6, стр. 231, подъ заглавіемъ: „Въ альбомъ А. Н. Зубову" и съ помѣтой: „1817, при выпускѣ изъ Лицея". Нами перепечатывается въ Акад. позднѣйшій, исправленный поэтомъ текстъ, а здѣсь приводится текстъ сборника и журнала:

Когда погаснутъ дни мечтанья
И позоветъ насъ шумный свѣтъ, —
Кто вспомнитъ братскія свиданья *)
И дружество минувшихъ лѣтъ?
Позволь въ листахъ воспоминанья
Оставить имъ минутный слѣдъ.

Алексѣй Николаевичъ Зубовъ былъ офицеръ лейбъ-гусарскаго полка.

XV. Портретъ (стр. 208). Гротъ, Пушкинъ, 1-е изд. 1887, стр. 214. Относится, по словамъ Грота, къ одному изъ лицейскихъ гувернеровъ, но къ кому именно, — неизвѣстно. Мартынъ Степановичъ Пилецкій-Урбановичъ, мистикъ и иллюминатъ, былъ первымъ по времени инспекторомъ классовъ

*) Забудешь тайныя свиданья

Лицея; его смѣнилъ въ 1813 г. Степанъ Степановичъ Фроловъ, о которомъ см. выше, въ прим. къ стих. „Воспоминаніе“, стр. 448.

XVI. Исторія стихотворца (стр. 209). Соревнователь просвѣщенія и благотворенія 1821, ч. XIV, № 5, стр. 202, подъ заглавіемъ: „Эпиграмма“; издд. 1826 и 1829 гг.—подъ заглавіемъ: „Исторія стихотворца“. Нами печатается по изд. 1829; въ журналѣ и въ изд. 1826 первое и второе двустишія переставлены одно на мѣсто другого (стт. 3, 4, 1, 2).

XVII. Съ позволенія сказать... (стр. 209). Совр. 1863, № 8, стр. 386 (въ ст. Гаевскаго: „Пушкинъ въ Лицеѣ“). По сообщенію Гаевскаго, написано на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ у барона Теппера (см. выше, стр. 494).

XVIII. Дельвигу (стр. 210). Издд. 1826 и 1829 г.; первоначальная редакція — Посм., IX, 349; поправки и дополненія къ ней — Библ. Зап. 1858, ст. 332. Приводимъ первоначальную редакцію посланія.

Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою
Извивы темные двухолмной высоты *),
Кто жизни въ тайный путь съ невинною душою
Пустился плѣникомъ мечты!
Наперснику боговъ безвѣстны бури злыя;

*) Т. е. Парнассъ, съ его двумя вершинами — Киррой и Нисой, откуда вытекаетъ Кастальскій ключъ, источникъ поэтическаго вдохновенія.

Mons ibi verticibus petit arduus astra duobus,
Nomine Parnassus, superatque cacumine nubes.
(Ovid. Metamorph. I).

Надъ нимъ — ихъ промыселъ: безмолвною порой
Его баюкаютъ Камены молодыя
И съ перстомъ на устахъ хранятъ пѣвца покой.
Стыдливой граціи внимаетъ онъ совѣты
И, чувствуя въ груди огонь еще младой,
Восторженный, поетъ на лирѣ золотой.
О, Дельвигъ, счастливы поэты!

Пѣвецъ! Въ безвѣстности глухой
Живи подъ дружественной сѣнью,
Страшись увидѣть свѣтъ, неопытной душой
Не жертвуй ослѣпленью!
Воспитанный въ тиши, не зная грозныхъ бѣдъ,
Съ любовью, дружествомъ и лѣнью
Въ уединеніи ты счастливъ: ты поэтъ,
Но для меня прошли, увяли наслажденья!
Мой другъ, и я — пѣвецъ! И мой смиренный путь
Въ цвѣтахъ украсила богиня пѣснопѣнья,
И мнѣ въ младую боги грудь
Вліяли пламень вдохновенья.
Ребенокъ, лирный звукъ я чувствовать умѣлъ;
Все жизнью вкругъ меня дышало,
Все рѣзвый умъ обворожало,
И первую черту я быстро пролетѣлъ.
Сіяя тихою красою,
Минуты дѣтства протекли.
Хвала, о, боги вамъ! Вы мощною рукою
Отъ ярыхъ грозъ мірскихъ невинность отвели,
И были дни мои посвящены покою.
Но все прошло навѣкъ—и скрылись въ темну даль
Свобода, радость, восхищенье!
Другимъ и юность — наслажденье,
Она мнѣ — мрачная печаль:
Такъ рано зависти увидѣть зракъ кровавый

И низкой клеветы во тьмѣ сокрытый ядъ!
Нѣтъ, нѣтъ! Ни счастіемъ, ни славой
Не буду ослѣпленъ. Пускай они манятъ
На край погибели любимцевъ обольщенныхъ!
Исчезъ священный жаръ!
Забвенью сладкихъ пѣсней даръ
И голосъ струнъ одушевленныхъ!
Во прахъ и лиру, и вѣнецъ!
Пускай не будутъ знать, что нѣкогда пѣвецъ
Враждою, завистью на жертву обреченный,
Погибъ на утрѣ вешнихъ лѣтъ,
Какъ ранній на полянѣ цвѣтъ,
Косой безвременно сраженный!
Что нужды? Проживу въ безвѣстной тишинѣ,
Потомство грозное не вспомнитъ обо мнѣ,
И памятникъ пѣвца, въ пустынѣ мрачной, дикой
Забытый, поростетъ ползущей повиликой.

XIX. Въ альбомъ А. Д. Илличевскому (стр. 211). Посм., IX, 393.

XX. Въ альбомъ Ив. Ив. Пущину (стр. 211). Совр. 1841, т. XXII, стр. 172, безъ заглавія (сообщено было П. П. Ершовымъ, который былъ въ то время учителемъ гимназіи въ Тобольскѣ). Стихи эти, по свидѣтельству Пущина (Майковъ, Пушк., 55) написаны были Пушкинымъ въ его альбомъ передъ самымъ выпускомъ изъ Лицея.

XXI. Вотъ здѣсь лежитъ... (стр. 212). Атеней 1859, № 8, стр. 523, — въ запискахъ Пущина, который разсказываетъ, что „Пушкинъ клеймилъ своимъ стихомъ лицейскихъ Сердечкиныхъ, хотя и самъ иногда попадалъ въ эту категорію. Такъ, когда

я, передъ самымъ выпускомъ, лежалъ въ больницѣ, онъ какъ-то успѣлъ написать мѣломъ на дощечкѣ у моей кровати (приведено четверостишіе). Я нечаянно увидѣлъ эти стихи надъ моимъ изголовьемъ и узналъ исковерканный его почеркъ. Пушкинъ не сознавался въ этомъ экспромптѣ".

XXII. Разлука (стр. 212). Невскій Зритель 1820, ч. II, апрѣль, стр. 66, подъ заглавіемъ: „Кюхельбекеру" и съ подписью: А. П.; въ издд. 1826 и 1829 гг. подъ заглавіемъ: „Разлука". Первый печатный текстъ сравнительно съ изд. 1826 г. представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] . . . . въ тиши уединенья

[2] Итакъ, они прошли, лѣта соединенья,
Итакъ, разорванъ онъ, нашъ братскій, вѣрный кругъ!
Прости! Хранимый тайнымъ небомъ,
Не разлучайся, милый другъ,
Съ Фортуной, дружествомъ и Фебомъ.

Изд. 1826 г. отличается отъ изд. 1829 г. только однимъ варіантомъ:

Не разлучайся, милый другъ...

Это стихотвореніе вызвало рѣзкую критику извѣстнаго В. Н. Каразина, который писалъ 4 іюня 1820 г. тогдашнему министру внутр. дѣлъ графу В. П. Кочубею: „Въ № 4 „Невскаго Зрителя" Пушкинъ прощается съ Кюхельбекеромъ... Нравственность этого святого братства и союза, о которомъ я предварялъ, Вы изволите увидѣть изъ дру-

гихъ №№, при семъ приложенныхъ, какъ-то: изъ „Благонамѣреннаго“, стр. 142, въ пьесѣ Баратынскаго „Прощанье“, изъ „Невскаго Зрителя“, кн. III, стр. 56,— „Посланіе“, кн. 4, стр. 63, — „Прелестницѣ“. Вообразите, что все это пишутъ и печатаютъ безстыдно не развратники, запечатлѣнные уже общимъ мнѣніемъ, но молодые люди, едва вышедшіе изъ царскихъ училищъ, — и подумайте о слѣдствіяхъ такого воспитанія!“ (Рус. Стар. 1899, т. 98, стр. 278-279).

XXIII. Товарищамъ (стр. 213). Посм., IX, 397, подъ заглавіемъ: „Къ товарищамъ передъ выпускомъ“. Нами перепечатывается изъ Акад. исправленный по рукописи текстъ, а ниже приводятся первоначальныя чтенія:

[1] И каждый смотритъ на дорогу
Въ волненьи юныхъ пылкихъ думъ

[2] Лишь я, судьбѣ своей послушный,
Счастливой нѣги вѣрный сынъ,
Душой безпечный, равнодушный *)

[3] Равны „Наказъ“ и кивера...

[4] Оставьте красный [пестрый] мнѣ колпакъ

[5] Въ іюлѣ разстегнуть жилетъ.

XXIV. Посланіе къ В. Л. Пушкину (стр. 214). Часть этого стихотворенія, — 21 стихъ, начиная со ст. 2 снизу на стр. 215, съ измѣненіемъ: „Что во-

*) Къ честямъ ничтожнымъ равнодушный.

схитительнѣй, живѣй...", напечатана въ Полярной Звѣздѣ 1824 г. подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ посланія В. Л. П — ну", и затѣмъ перепечатана въ издд. 1826 и 1829 гг., подъ заглавіемъ: „П***ну". Начало и конецъ посланія изданы въ Библіогр. Запискахъ 1858, а вполнѣ оно явилось въ лондонской Полярной Звѣздѣ 1858 и съ тѣхъ поръ печатается во всѣхъ изданіяхъ.

[1] Русскимъ Буфлеромъ названъ К. Н. Батюшковъ, потому что французскій поэтъ Буфлеръ (Stanislas-Jean, chevalier de Boufflers, 1738-1815) былъ мальтійскимъ рыцаремъ и полковникомъ. „Храбрецъ Денисъ" — извѣстный партизанъ 1812 г. и поэтъ Денисъ Вас. Давыдовъ (1781-1839); „офицеръ" Глинка — Ѳедоръ Николаевичъ (1786-1880), былъ адъютантомъ гр. Милорадовича, участвовалъ въ походахъ 1812-1814 гг. и по возвращеніи въ Россію издалъ „Письма русскаго офицера" (М. 1815-16), доставившія ему литературную извѣстность. Лучшія изъ его многочисленныхъ стихотвореній — духовнаго содержанія („Опыты священной поэзіи", Спб. 1826).

[2] Маринъ, Сергѣй Никифоровичъ (1775-1813), авторъ шуточныхъ стихотвореній, служилъ въ преображенскомъ полку и былъ флигель-адъютантомъ имп. Александра I. Коцитъ — адская рѣка: „за Коцитъ" — на тотъ свѣтъ.

[3] Ив. Ив. Дмитріевъ (1760-1837), авторъ поэмы „Ермакъ" и шуточной сказки „Модная жена".

[4] „У насъ многіе", говоритъ Пушкинъ въ своихъ замѣткахъ (см. т. VI), „спрягаютъ: рѣшаю, рѣшаешь, рѣшаетъ... вмѣсто: рѣшу, рѣшишь, и пр. Рѣшу спрягается какъ грѣшу".

[5] „Святки" — сатира кн. Д. П. Горчакова (см.

выше, стр. 411 - 412). О ней см. Рус. Стар. 1871, т. IV, стр. 681 и Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, V, 167.

[6] Варіантъ:... краткихъ дней.

XXV. Безвѣріе (стр. 217). Читано авторомъ на выпускномъ экзаменѣ 9 іюня 1817, а дядей автора, В. Л. Пушкинымъ — въ засѣданіи Общ. любит. росс. словесности при Имп. Моск. университетѣ 30 ноября того же года (см. Труды Общества, ч. XII, стр. 14) и напечатано, съ полною подписью, въ Трудахъ Общества, ч. X, стр. 58. При жизни Пушкина не перепечатывалось, хотя въ рукописи онъ и сдѣлалъ помѣтку: „надо“. Сличеніе рукописи съ печатнымъ текстомъ привело Л. Н. Майкова къ заключенію, что В. Л. Пушкинъ, отдавая стихотвореніе въ печать, внесъ въ него собственныя поправки (подобно тому, какъ онъ сдѣлалъ это съ стихотвореніями: „Гробъ Анакреона“ и „Старикъ“). Нами воспроизводится изъ Акад. возстановленный по рукописи текстъ, а ниже указываются первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ:

[1] Имѣетъ онъ права на ваше снисхожденье,
На слезы жалости; внемлите брата стонъ.

[2] Далѣе слѣдовало:
Взгляните на него — не тамъ, гдѣ каждый день
Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну тѣнь,
Но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родною,
Въ бесѣдѣ съ дружествомъ иль съ темною мечтою.
Найдите тамъ его, гдѣ илистый ручей
Проходитъ медленно среди нагихъ полей,
Гдѣ сосенъ вѣковыхъ таинственныя сѣни,
Шумя, на влажный мохъ склонили вѣчны тѣни.

Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой,
То грусти слезы льетъ, то слезы сожалѣнья;
Напрасно ищетъ онъ унынью развлеченья;
Напрасно, въ пышности свободной простоты,
Природы передъ нимъ открыты красоты;
Напрасно вкругъ себя печальный взоръ онъ водитъ:
Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ.
Настигнетъ ли его, и т. д.

[3] . . . . . съ отвязанной душой

[4] Съ усладой бытія...

[5] Даляѣе слѣдовало:
Стенанья изрѣдка глухія раздаются;
Онъ плачетъ, — но не тѣ потоки слезъ ліются,
Которы сладостны для страждущихъ очей
И сердцу дороги свободою своей, —
Но слезъ отчаянья, но слезъ ожесточенья;
Въ молчаньѣ ужаса, въ безумствѣ изступленья
Дрожитъ! И между тѣмъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ
и пр.

XXVI. Къ ней (стр. 219). Анн. II, 178. Еще Анненковымъ указано, что основная мысль этого стихотворенія повторена была впослѣдствіи въ стансахъ къ А. П. Кернъ: „Я помню чудное мгновенье“... Ѳ. Е. Коршъ (Изв. отд. рус. яз. и слов., 1898, III, 698) отмѣтилъ галлицизмъ: „слезы на глазахъ“, — les larmes aux yeux; В. П. Гаевскій (Совр. 1863, № 8, стр. 365) замѣтилъ, что выраженіе: „Я влачилъ постыдной лѣни грузъ“ напоминаетъ стихъ Жуковскаго въ элегіи „Вечеръ“: „влача сомнѣній грузъ“.

XXVII. Къ Жуковскому (стр. 220). Сынъ Отечества 1840, т. II, стр. 245, и Посм. IX, 329. Въ автографѣ, принадлежавшемъ Я. К. Гроту, подписано: „Арзамасецъ“. Въ Акад. указаны слѣдующіе первоначальные варіанты:

[1] Но пылкаго смирить не въ силахъ увлеченья.

[2] . . . . . безстрастный судія

[3] И мощной зависти...

[4] О незабвенный часъ, когда я предъ тобой
Въ безмолвіи стоялъ...

[5] Пѣвцы безсмертные...

[6] . . . . . съ веселою мечтой

[7] Въ глубокой темнотѣ...

[8] Смѣхъ общій — имъ отвѣтъ, и челами сѣдыми
Во мглѣ два призрака склонилися надъ ними.

[9] Тяжелые плоды безсонницъ и трудовъ,
Усопшихъ одъ, поэмъ холодныя могилы.
Съ улыбкой внемлетъ визгъ стопосложитель хилый...

[10] . . . . . дѣтей непросвѣщенья.

[11] У ногъ его лежатъ попранны вкусъ и умъ.

[12] Завистникъ генія, спесивый Сумароковъ *)

*) Столь малый въ зависти и гордый Сумароковъ.

[13] Предразсужденію обязанный вѣнкомъ

[14] . . . . . въ огромный свой пріютъ

[15] Свой стыдъ на геніевъ отбросить тайно
мнитъ...

[16] При свистахъ зависти...

[17] . . . . . шумящею толпой

[18] Бѣда, кто могъ...

[19] Славянской глупости...

[20] И вы возстаньте же, счастливые пѣвцы,
Прелестныхъ Аонидъ священные жрецы.

[21] И гордыхъ риторовъ...

[22] На цѣпи указалъ и ими загремѣлъ.
Гоненья новыя — ужели мой удѣлъ?

Подпись подъ этимъ посланіемъ „Арзамасецъ“ указываетъ на принадлежность Пушкина къ знаменитому литературному обществу „Арзамасъ“ (1815-1818), куда молодой поэтъ былъ принятъ еще до окончанія своего лицейскаго курса. Въ этомъ обществѣ, члены котораго носили прозвища, заимствованныя изъ балладъ Жуковскаго, Пушкинъ былъ названъ „Сверчкомъ“, — изъ 5-й строфы „Свѣтланы“:

Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи...

Такое прозвище дано было молодому поэту потому, что онъ, по выраженію одного изъ арзамасцевъ, „въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ Лицея, прекрасными стихами уже подавалъ оттуда свой звонкій голосъ“ (Моск. Вѣд. 1855, № 142, ст. П. И. Бартенева). Пушкинъ любилъ это прозвище, и не разъ подписывалъ имъ въ печати свои произведенія. Въ первый разъ оно явилось въ печати подъ стихотвореніемъ „Мечтателю“, въ Сынѣ Отеч. 1818, № 51, съ пропускомъ трехъ буквъ: „Св..ч.к“. Жуковскій, въ письмѣ отъ 1 іюня 1823 г. называлъ Пушкина „сверчокъ моего сердца“ и пророчилъ: „Быть сверчку орломъ и долетѣть ему до солнца!“ (Рус. Арх. 1889, кн. III, стр. 114).

П. И. Бартеневъ, въ указанной выше статьѣ, сообщаетъ, что Пушкинъ былъ въ „Арзамасѣ“ только одинъ разъ, причемъ произнесъ требуемую обычаемъ общества вступительную рѣчь, которую ему разрѣшено было сказать стихами. Въ памяти кн. Вяземскаго сохранилось начало этой рѣчи:

Вѣнецъ желаніямъ! Итакъ, я вижу васъ,
О други свѣтлыхъ музъ, о дивный Арзамасъ,
Гдѣ славилъ нашъ Тиртей кисель и Александра,
Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра!

Тиртеемъ названъ Жуковскій, получившій это имя отъ Батюшкова, въ надписи къ его портрету:

Подъ знаменемъ Москвы, предъ падшею столицей,
Онъ храбрымъ пѣсни пѣлъ, какъ пламенный Тиртей;
Въ дни мира, новый Грей,
Плѣняетъ насъ задумчивой цѣвницей.

(Вѣстн. Евр. 1817, ч. XCI, № 3, стр. 183; Соч. Бат. изд. 1887, I, 246).

Изъ произведеній Жуковскаго упомянуты „Овсяный кисель“ и „Посланіе къ Александру I“. Послѣдній стихъ объясняется обыкновеніемъ арзамасцевъ говорить надгробныя похвальныя слова мнимымъ мертвецамъ — членамъ „Бесѣды“. Случилось, что черезъ нѣсколько дней послѣ подобной рѣчи „Кассандры“ (Д. Н. Блудова) о Захаровѣ послѣдній дѣйствительно умеръ.

Все посланіе Пушкина служитъ, такъ сказать, литературнымъ манифестомъ юнаго арзамасца, который вполнѣ опредѣленно высказываетъ здѣсь свое сочувствіе молодому литературному кружку и, по примѣру своего дяди В. Л. Пушкина, Батюшкова, Жуковскаго, Вяземскаго и др., рѣшительно осуждаетъ старовѣровъ — членовъ шишковской „Бесѣды любителей россійскаго слова“. При этомъ самъ Шишковъ называется Мевіемъ, по имени осмѣяннаго Гораціемъ бездарнаго и завистливаго стихотворца, а „бесѣдующіе“ съ нимъ сочлены — „отверженными Феба“. Начальные стихи посланія, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о поощреніи, оказанномъ ему Державинымъ, Карамзинымъ, Дмитріевымъ и Жуковскимъ, напоминаютъ слѣдующее мѣсто изъ переведеннаго Дмитріевымъ „Посланія отъ англійскаго стихотворца Попа къ доктору Арбутноту“:

Великодушный Гартъ былъ мой путеводитель,
Конгревъ меня хвалилъ, Свифтъ не былъ мой хулитель,
И Болингброкъ, сей мужъ, достойный вѣчныхъ хвалъ
Другъ старца Драйдена, съ восторгомъ обнималъ
Въ отважномъ мальчикѣ грядущаго поэта.

Кн. П. А. Вяземскій (Соч., VII, 50) примѣняетъ эти стихи къ отношеніямъ Карамзина къ Пушкину.

Впослѣдствіи Пушкинъ повторилъ это воспоминаніе о своихъ первыхъ литературныхъ успѣхахъ въ одной изъ черновыхъ строфъ VIII-й главы „Евгенія Онѣгина“:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ;
И Дмитревъ не былъ намъ хулитель,
И быта русскаго хранитель,
Скрижаль оставя, намъ внималъ
И музу робкую ласкалъ.
И ты, глубоко вдохновленный
Всего прекраснаго пѣвецъ,
Ты, идолъ дѣвственныхъ сердецъ!
Не ты ль, пристрастьемъ увлеченный,
Не ты ль мнѣ руку подавалъ
И къ славѣ чистой призывалъ?

Далѣе, изображая въ комическихъ чертахъ „строй варяговъ“, т. е. излюбленныхъ „Бесѣдою“ стихотворцевъ стариннаго склада, Пушкинъ указываетъ на ихъ отжившіе идеалы и понятія, называя ихъ вдохновителями Тредьяковскаго и Сумарокова; особеннаго вниманія заслуживаетъ рѣзкій отзывъ о Сумароковѣ, къ которому наша критика того времени относилась еще далеко не отрицательно.

Любопытно, что слѣдующая за стихами о Сумароковѣ характеристика „бесѣдистовъ“ представляетъ, до извѣстной степени, подражаніе тому же Сумарокову, именно — его „Епистолѣ о русскомъ языкѣ“:

Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ,
Но нѣтъ довольнаго числа на немъ писцовъ.

Одинъ, послѣдуя несвойственному складу,
Влечетъ въ Германію россійскую Палладу
И, мня, что тѣмъ онъ ей пріятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ея беретъ;
Другой, не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По-русски, думаетъ, всего сказать не можно
И, взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь
Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь.
. . . . . .
Тотъ прозой скаредной стремится къ небесамъ
И хитрости своей не понимаетъ самъ;
Тотъ прозой и стихомъ ползетъ, и письма оны,
Ругаючи себя, даетъ писцамъ въ законы, и пр.

Это же мѣсто посланія Пушкина представляетъ нѣкоторое сходство и съ слѣдующими стихами изъ сатирическаго посланія кн. Д. П. Горчакова къ кн. С. Д. Долгорукову:

Къ словесности на часъ мы нашей обратимся, —
Произведеньями ея не восхитимся:
Въ ней модныхъ авторовъ французско-русскій ликъ
Стремится искажать отеческій языкъ.
Одинъ въ ней слѣдуетъ жеманну Дюпати,
Другой съ собачкою вступаетъ въ симпати;
Тьма воздыхающій, плаксивый мирлифлоръ
Гордится, выпустя сентиментальный вздоръ;
Тотъ безъ просодіи стихами пѣсни пишетъ,
Иной наивностью въ развратной сказкѣ дышитъ,
А сей, вообразя, что онъ — россійскій Стернъ,
Жемчужну льетъ слезу на шелковистый дернъ...
. . . . . .
Совсѣмъ лишились мы знакомства милыхъ музъ,
И если съ кѣмъ онѣ хранятъ еще союзъ,

То, ревомъ буйныя ватаги отстраненны,
Въ бесѣдахъ дружныхъ лишь возносятъ гласъ смиренный.
Межь тѣмъ, какъ дерзкаго невѣжства мутный илъ
Со всѣхъ сторонъ Парнассъ безстыдно наводнилъ...

Стихи Пушкина, направленные противъ „Бесѣды“ и выдержанные въ томъ же тонѣ, какъ и приведенный отрывокъ изъ посланія „бесѣдиста“ Горчакова, являются какъ бы косвеннымъ отвѣтомъ послѣднему. Тутъ же Пушкинъ задѣваетъ, мимоходомъ, кн. А. А. Шаховского, надѣляя его прозвищемъ „Ѳесписа“, по имени древнѣйшаго, а слѣдовательно — и наименѣе совершеннаго изъ греческихъ драматическихъ писателей и приписывая ему „завистливый кинжалъ“. Дѣло въ томъ, что современники обвиняли Шаховского въ интригахъ противъ Озерова, которыя, вмѣстѣ съ служебными непріятностями, были причиною его помѣшательства и преждевременной смерти (5 сент. 1816). Особенно удручающимъ образомъ подѣйствовалъ на Озерова неуспѣхъ его послѣдней трагедіи „Поликсена“, которую онъ считалъ лучшимъ своимъ произведеніемъ: она была представлена на петербургской сценѣ 14 мая 1809 г., и послѣ перваго же представленія снята съ репертуара, какъ не обѣщавшая доходовъ театру, причемъ авторъ лишенъ былъ и слѣдовавшаго ему вознагражденія. Указанія на завистниковъ таланта Озерова дѣлались въ литературѣ еще при его жизни: мы находимъ ихъ, напр., въ посланіи къ Озерову Капниста (Сѣв. Вѣстн. 1805, № 5), въ баснѣ Батюшкова „Пастухъ и Соловей“, 1808 (Соч., I, 39), въ посланіи В. Л. Пушкина къ кн. Вяземскому (Росс. Муз. 1815) и въ „Письмѣ къ новѣйшему Аристофану“

Д. В. Дашкова (Сынъ Отеч. 1815, № 42, стр. 140-148), гдѣ Аристофаномъ названъ Шаховской, написавшій комедію подъ этимъ заглавіемъ. Вскорѣ послѣ смерти Озерова, въ Сынѣ Отеч. 1816 (№ 45, стр. 267) появилась слѣдующая эпиграмма:

Угасъ нашъ Озеровъ, лучъ славы россіянъ,
Умолкъ пѣвецъ Фингала, Поликсены!
Рыдайте, невскія Камены,
Ликуй, Аристофанъ!

Объ Озеровѣ же говоритъ и Жуковскій, въ своемъ посланіи къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину (1814):

Увы! Димитрія творецъ
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства.
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями?
Пусть Дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила, —
Въ нихъ Зависть тернія вплела
И торжествуетъ: растерзали
Ихъ иглы славное чело...
. . . . . .
Потомство грозное, отмщенья!

По словамъ кн. П. А. Вяземскаго (Соч., I, 55), Пушкинъ Озерова не любилъ, не признавалъ въ немъ никакого дарованія, критиковалъ въ немъ и трагика, и стихотворца, и никакъ не хотѣлъ признать его романтикомъ. Но этотъ отзывъ относится уже ко второй половинѣ 20-хъ гг. См. статью Л. Н.

Майкова: „Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ", въ сборникѣ: „Пушкинъ", стр. 266-283.

Подробная біографія кн. Александра Александровича Шаховского (р. 24 апр. 1777, ум. 22 янв. 1846), составленная А. А. Ярцевымъ, помѣщена въ „Ежегодн. Имп. Театровъ" сезонъ 1894-95 гг. (Спб. 1896), приложенія, кн. 2 и 3. См. также ст. Е. М. Гаршина: „Одинъ изъ забытыхъ писателей", Ист. Вѣстн. 1883, № 7. Объ отношеніяхъ Пушкина къ Шаховскому см. настоящаго изд. тт. VI и VIII. Еще Бѣлинскимъ было указано на сходство пушкинскихъ обличеній „бесѣдниковъ" съ сатирическими посланіями В. Л. Пушкина, у котораго племянникъ заимствовалъ даже отдѣльныя выраженія: такъ напр., на стр. 223 стихъ: „Спесивыхъ риторовъ безграмотный соборъ" напоминаетъ стихъ В. Л. въ посланіи къ Жуковскому: „Я вижу весь соборъ безграмотныхъ славянъ". Объ „Арзамасѣ" см. А. И. Кирпичникова: „Новые матеріалы для исторіи Арзамаса", Рус. Стар. 1899, т. 98, стр. 337-351, и Харьковскій университетскій сборникъ въ память Пушкина, 1900, стр. 387-397.

XXVIII. Простите, вѣрныя дубравы! (стр. 224). Спб. Вѣд. 1866, № 175 (въ ст. М. И. Семевскаго: „Прогулка въ Тригорское"); изд. 1880, I, 197, подъ заглавіемъ: „Прощаніе съ Тригорскимъ". Стихотвореніе это написано въ альбомъ П. А. Осиповой, владѣлицы сосѣдняго съ Пушкинскимъ Михайловскимъ села Тригорскаго (Опочецкаго уѣзда Псковской губ.).

Прасковья Александровна Осипова (род. ок. 1780, ум. 1859), рожденная Вындомская, по первому браку — Вульфъ, была уже вторично вдовою въ

1817 г., когда съ ней познакомился Пушкинъ, въ первый разъ лѣтомъ этого года, по выпускѣ изъ Лицея, посѣтившій Михайловское, гдѣ ему суждено было впослѣдствіи „провесть отшельникомъ два года незамѣтныхъ“. Семейство Осиповой, съ которымъ, въ годы этого отшельничества, Пушкинъ близко сошелся, составляли: отъ перваго брака — сынъ Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, студентъ дерптскаго университета, товарищъ Языкова, и двѣ дочери—Анна и Евпраксія („Зизи“, впослѣдствіи — баронесса Вревская), а отъ второго брака — три дочери: Александра, Екатерина и Марія Ивановны Осиповы. Объ этомъ семействѣ и объ отношеніяхъ къ нему Пушкина см. статьи М. И. Семевскаго: „Прогулка въ Тригорское“, Спб. Вѣд. 1866, №№ 139, 146, 157, 163, 168, 175 и „Къ біографіи Пушкина“, Рус. Вѣстн. 1869, т. 84, № 11, стр. 60-107.

Въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2364, л. 43 об., находимъ исчерканный черновой набросокъ, сходный по содержанію и относящійся также къ 1817 году:

Дубравы, гдѣ въ тиши свободы
Встрѣчалъ я счастьемъ каждый день,
Ступаю вновь подъ ваши своды,
Подъ вашу дружескую тѣнь.
[Ужель минувшей жизни] радость
[Не вовсе позабыта мной?] *)
Тоски мучительная сладость...
. . . . . .

XXIX. Е. С. Огаревой (стр. 224). Библ. За

*) Сначала было написано, но потомъ зачеркнуто:
[Минувшей жизни наслажденья]
Воскресли [вновь передо мной]..

писки 1858, ст. 337 (съ пропусками); Рус. Архивъ 1876, кн. III, стр. 221, съ замѣною слова: „м-тъ“ выдуманнымъ словомъ: „агрономитъ“ и съ ошибочнымъ отнесеніемъ къ А. А. Олениной. Сохранилось въ автографѣ Моск. Публ. Музея, набѣло переписанное, съ одной только поправкой: „Улыбкой дряхлость побѣдитъ“, вмѣсто написаннаго ранѣе: „святость“. Объ Е. С. Огаревой см. выше, стр. 488.

По указанію Б. В. Никольскаго (Истор. Вѣстн. 1899, т. 77, стр. 213), присылка плодовъ даетъ Пушкину поводъ уличить въ двойномъ хвастовствѣ того, кто ихъ прислалъ, такъ какъ дарить плоды — дѣло бога садовъ Пріапа, который въ то же время былъ и богомъ любострастія. Пользуясь этою двойственностью свойствъ Пріапа, Пушкинъ и хотѣлъ придать невинной любезности характеръ нескромнаго намека, и въ этомъ смыслѣ выставить дряхлаго старика „безстыднымъ хвастуномъ“.

XXX. А. И. Тургеневу (стр. 225). Рус. Арх. 1895, т. III, стр. 498, и Акад. I², 270, по неисправному списку, хотя и подписанному авторомъ: „Пушкинъ-Сверчокъ“.

Александръ Ивановичъ Тургеневъ (р. 27 марта 1784, ум. 3 декабря 1845) зналъ Пушкина съ дѣтства, въ 1811 г. содѣйствовалъ помѣщенію его въ Лицей, а потомъ встрѣчался съ нимъ у Карамзиныхъ, у которыхъ Пушкинъ бывалъ, когда они жили въ Царскомъ Селѣ. Сынъ извѣстнаго масона и патріота Ив. Петр. Тургенева, А. И. воспитывался въ Моск. университетскомъ благородномъ пансіонѣ вмѣстѣ съ Блудовымъ и Жуковскимъ и съ послѣднимъ былъ въ самой тѣсной дружбѣ. По окончаніи курса

служилъ въ Моск. Главномъ архивѣ М-ва иностр. дѣлъ, потомъ (1801) слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ знаменитаго Шлецера, путешествовалъ по славянскимъ землямъ, собирая книжныя и рукописныя рѣдкости (1803) и по возвращеніи въ Россію (1806) поступилъ на службу въ Коммиссію составленія законовъ. Въ 1810 г. былъ назначенъ директоромъ д-та духовныхъ дѣлъ, въ 1812 — помощникомъ статсъ-секретаря Госуд. Совѣта и старшимъ членомъ Коммиссіи составленія законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ и секретаремъ Россійскаго Библейскаго общества и правителемъ дѣлъ Женскаго Патріотическаго общества, учрежденнаго подъ покровительствомъ императрицы Елизаветы Алексѣевны въ 1815 г. Послѣ отставки министра нар. просв. кн. А. Н. Голицына Т. также оставилъ службу и долго путешествовалъ по Европѣ, изрѣдка наѣзжая въ Россію и занимаясь собираніемъ документовъ, относящихся къ рус. исторіи. Въ 1837 г. онъ былъ въ Петербургѣ — и по Высочайшему повелѣнію провожалъ тѣло убитаго Пушкина для погребенія въ Святогорскій монастырь.

Интересную характеристику А. И. Тургенева даетъ кн. П. А. Вяземскій (Соч., VIII, 335-372): „Былъ одинъ кругъ дѣятельности", говоритъ онъ, „въ которомъ являлся онъ далеко не дилеттантомъ, а развѣ — пламеннымъ виртуозомъ и неутомимымъ труженикомъ. Это — кругъ добра. Онъ не только дѣлалъ добро по вызову, по просьбѣ; онъ отыскивалъ случаи помочь, обезпечить, устроить участь меньшей братіи, гдѣ ни была бы она... Списокъ всѣхъ людей, которымъ помогъ Тургеневъ, за которыхъ вступался, которыхъ возстановилъ во время

своего служенія, могъ бы превзойти длиной списокъ любовныхъ побѣдъ, одержанныхъ Донъ-Жуаномъ, по свидѣтельству Лепорелло, въ оперѣ Моцарта. Русская литература, русскіе литераторы, нуждавшіеся въ покровительствѣ, въ поддержкѣ, молодые новички, еще не успѣвшіе проложить себѣ дорогу, всегда встрѣчали въ немъ ходатая и умнаго руководителя. Онъ былъ долгое время посредникомъ, агентомъ, по собственной волѣ уполномоченнымъ и аккредитованнымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ русской литературы при предержащихъ властяхъ и образованномъ обществѣ... Александръ Тургеневъ былъ типичная, самородная личность, хотя не было въ немъ цѣльности ни въ характерѣ, ни въ умѣ. Онъ былъ натуры эклектической... Въ немъ встрѣчались и нѣмецкій педантизмъ, и французское любезное легкомысліе, — все это на чисто-русскомъ грунтѣ, съ его блестящими свойствами и качествами, а, можетъ быть, частью — и недостатками его. Онъ былъ умственный космополитъ; ни въ какомъ участкѣ человѣческихъ познаній не былъ онъ, что называется, дома, но ни въ какомъ участкѣ не былъ онъ и совершенно лишнимъ"...

Біографическія свѣдѣнія объ А. И. Тургеневѣ собраны В. И. Саитовымъ въ Соч. Батюшкова, изд. 1887, I, 355-372. Злобная характеристика его дана Вигелемъ (Записки, изд. Рус. Арх., ч. V, 47-48). См. также ст. Ѳ. Н. Глинки: „Александръ Ивановичъ" въ Соврем. 1846, т. 41, и воспоминанія И. И. Срезневскаго въ Рус. Стар. 1875, т. XII. Въ Литер. Газ. 1840, № 11, напечатано было, безъ подписи, стихотвореніе Б. М. Ѳедорова „Портретъ":

Есть въ мірѣ чудный человѣкъ,
Едва ль не безпримѣрный, и пр.

представляющее довольно подробную характеристику Т-ва. Это стихотвореніе перепечатано въ Рус. Стар. 1881 , т. XXXI, стр. 300, и въ Рус. Арх. 1896, 111, 140, причемъ въ послѣднемъ невѣрно приписано Я. Н. Толстому.

Въ посланіи Пушкина находятся намеки на разностороннюю дѣятельность Тургенева: въ качествѣ директора д-та дух. дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, онъ названъ здѣсь „покровителемъ поповъ, евреевъ и скопцовъ", а далѣе упомянуто объ его гоненіи на іезуитовъ: имъ былъ составленъ указъ объ удаленіи іезуитовъ изъ Петербурга, подписанный Александромъ I 20 дек. 1815 г. Среди разнообразныхъ служебныхъ занятій Т. былъ и дѣятельнымъ членомъ „Арзамаса", и любителемъ свѣтскихъ развлеченій, и поклонникомъ женской красоты...

Имя г-жи С . . . . й такъ написано въ рукописи, и намъ не удалось опредѣлить, кого Пушкинъ здѣсь имѣлъ въ виду. Екатерина Сергѣевна Лунина, вышедшая впослѣдствіи за Ѳ. С. Уварова, брата министра, — одна изъ свѣтскихъ красавицъ того времени; графъ Иванъ Степановичъ Лаваль, французскій эмигрантъ, женатый на А. Г. Козицкой, — очень богатый человѣкъ, славившійся своимъ гостепріимствомъ и балами, на которые собиралось все высшее петербургское общество.

Тургеневъ очень интересовался литературными занятіями Пушкина и особенно — поэмой „Русланъ и Людмила", и настойчиво убѣждалъ разсѣяннаго поэта продолжать и кончить этотъ трудъ. Въ письмахъ своихъ къ кн. Вяземскому, напечатанныхъ въ

т. I „Остафьевскаго Архива“, онъ постоянно сообщалъ о томъ, въ какомъ положеніи находится поэма. Посланіе Пушкина и является отвѣтомъ на „приставанія“ Тургенева, требовавшаго работы надъ „Русланомъ“.

XXXI. Краевъ чужихъ неопытный любитель... (стр. 226). Молва 1857, № 3, стр. 29, и Анн., VII, 21.

Княгиня Авдотья Ивановна Голицына (р. 4 августа 1780, ум. 18 янв. 1850) дочь сенатора Ив. Мих. Измайлова и Александры Борисовны Юсуповой, сестры воспѣтаго впослѣдствіи Пушкинымъ князя Николая Борисовича, прозванная princesse Nocturne или princesse Minuit, потому что собранія у нея продолжались далеко за полночь, была въ свое время замѣчательной красавицей и оригинальною личностью въ петербургскомъ обществѣ. Любопытныя свѣдѣнія о ней сообщаетъ кн. П. А. Вяземскій (соч., VIII, 378-386). По волѣ императора Павла, она вышла за богатаго, но очень некрасиваго и ограниченнаго кн. С. М. Голицына, прозваннаго „дурачкомъ“, но послѣ смерти государя разошлась съ мужемъ и стала жить самостоятельно. „Вслѣдствіе того устроила она жизнь свою, не очень справляясь съ уставомъ свѣтскаго бличинія... Но эта независимость, это свѣтское отщепенство, держались въ строгихъ границахъ чистѣйшей нравственности и существеннаго благоприличія. Никогда ни малѣйшая тѣнь подозрѣнія, даже злословія, не отемняла чистой и свѣтлой свободы ея... Домъ княгини былъ артистически украшенъ кистью и рѣзцомъ лучшихъ изъ современныхъ русскихъ художниковъ... Хозяйка сама хорошо гармонировала съ такою обстановкою дома... По вечерамъ немногочи-

сленнное, избранное общество собиралось въ этомъ салонѣ, — хотѣлось бы сказать: въ этой храминѣ, тѣмъ болѣе, что и хозяйку можно было признать не обыкновенною свѣтскою барыней, а жрицей какого-то чистаго и высокаго служенія. Вся постановка ея вообще, туалетъ ея, болѣе живописный, нежели подчиненный современному образцу, все это придавало ей и кружку, у нея собиравшемуся, что-то не скажу — таинственное, но и не обыденное, не завсегдашнее. Можно было бы думать, что тутъ собирались не просто гости, а и посвященные“ ... Княгиня отличалась пылкимъ патріотизмомъ, и сама составила себѣ эпитафію, изображенную на ея надгробномъ памятникѣ въ Александро-Невской лаврѣ: „Прошу православныхъ русскихъ и проходящихъ здѣсь помолиться за рабу Божію, дабы услышалъ Господь мои теплыя молитвы у престола Всевышняго для сохраненія духа русскаго“ (В. И. Саитовъ. Петербургскій Некрополь, Спб. 1881, стр. 35).

„Въ медовые мѣсяцы вступленія своего въ свѣтъ“, говоритъ кн. Вяземскій, „Пушкинъ былъ маленько привороженъ ею ... Въ сочиненіяхъ его встрѣчаются стихи, на имя ея написанные, если не страстные, то довольно воодушевленные“. Карамзинъ писалъ кн. Вяземскому 24 декабря 1817 г.: „Поэтъ Пушкинъ у насъ въ домѣ смертельно влюбился въ пиѳію Голицыну, и теперь уже проводитъ у нея вечера: лжетъ отъ любви, сердится отъ любви, только еще не пишетъ отъ любви. Признаюсь, что я не влюбился бы въ пиѳію: отъ ея трезубца пышетъ не огнемъ, а холодомъ“ (Старина и Новизна, кн. I, Спб. 1897, стр. 43). Въ 1818 г. (4 сент.) Вяземскому же писалъ А. И. Тургеневъ: „Пушкинъ по утрамъ разсказываетъ Жуковскому, гдѣ онъ всю ночь не спалъ; цѣлый

день дѣлаетъ визиты б — мъ, мнѣ и княгинѣ Голицыной, а ввечеру иногда играетъ въ банкъ“ (Ост. Арх., I, 119); нѣсколько позже (въ письмѣ отъ 3 дек. 1818, тамъ же, 159-160) Тургеневъ писалъ о Голицыной: „Я люблю ее за милую душу и за то, что она умнѣе за другихъ, нежели за себя... Жаль, что Пушкинъ уже не влюбленъ въ нее, а то бы онъ передалъ ее потомству въ поэтическомъ свѣтѣ, который и для насъ былъ бы очаровательнѣ, особливо въ нѣкоторомъ отдаленіи во времени“.

Въ позднѣйшіе годы своей жизни кн. Голицына пристрастилась къ математикѣ и даже написала сочиненіе L'Analyse de la force, которое было напечатано въ Спб. 1835-37, а вторымъ изданіемъ вышло въ Парижѣ, 1844-45. Это сочиненіе разсматривалъ извѣстный академикъ В. Я. Буняковскій, который отозвался, что „Голицына — барыня умная, но въ сочиненіяхъ своихъ, къ сожалѣнію, не обнаруживаетъ ничего математическаго“ (Рус. Арх. 1891, кн. I, стр. 157-158; ср. Ост. Арх., I, 463).

XXXII. Н. И. Кривцову (стр. 227). Издд. 1826 и 1829 гг., съ отнесеніемъ, въ обоихъ, къ 1819 г. Автографъ, съ помѣтой: „1817, дек.“, подъ заглавіемъ: „Къ Анаксагору“, находится въ альбомѣ дочери Кривцова, С. Н. Батюшковой, въ Имп. Публ. Б-кѣ. Въ сравненіи съ печатнымъ текстомъ этотъ автографъ представляетъ слѣдующія отличія:

[1] Лучше вдругъ зарю мы нашу
Смѣнимъ ночью гробовой.

[2] Мы приляжемъ на порогъ

[3] Лишній осушимъ сосудъ

Николай Ивановичъ Кривцовъ (р. 1791, ум. 31 іюля 1843), лейбъ-егерь, участвовалъ въ сраженіяхъ при Бородинѣ, подъ Кульмомъ и Теплицемъ (1813), гдѣ ядро оторвало ему ногу. Въ 1818 г. былъ причисленъ къ лондонскому посольству, но пробылъ въ Лондонѣ не долго, не поладивъ съ посломъ, кн. Ливеномъ. По возвращеніи на родину (1821), былъ губернаторомъ въ Тулѣ, Воронежѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, а потомъ оставилъ службу и жилъ почти безвыѣздно въ своемъ тамбовскомъ помѣстьѣ. Письма къ нему Пушкина см. въ т. VIII настоящаго изданія. Біографическія свѣдѣнія о немъ — въ ст. В. П. Гаевскаго „Пушкинъ и Кривцовъ", въ Вѣстн. Евр. 1887, № 12; Б. Н. Чичерина въ Рус. Арх. 1890, кн. I; очеркъ Як. Ив. Сабурова въ Рус. Стар. 1888, т. 60, стр. 721 и слѣд.; Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 495 - 496. Л. Н. Майковъ (Акад., I², прим., 421) замѣчаетъ, что Кривцовъ „въ молодости слылъ за вольнодумца и въ политическомъ, и въ религіозномъ отношеніяхъ; по всѣму вѣроятію, это послѣднее обстоятельство и дало Пушкину, который познакомился съ Кривцовымъ въ первой половинѣ 1817 г., поводъ дать ему имя Анаксагора, т. е. того греческаго философа (V в. до Р. Х.), который былъ обвиняемъ въ безбожіи. Согласно съ этимъ именемъ, и все посланіе облечено въ форму антологическаго стихотворенія".

Дочь Кривцова, Софья Николаевна, была замужемъ за Помпеемъ Николаевичемъ Батюшковымъ, братомъ поэта, и въ своемъ интересномъ альбомѣ, находящемся нынѣ въ Имп. Публ. Б-кѣ, сохранила нѣсколько автографовъ Пушкина.

Къ 1817 г. относится также участіе Пушкина въ одной стихотворной шуткѣ. Вмѣстѣ съ Батюшковымъ, Жуковскимъ и А. А. Плещеевымъ Пушкинъ провелъ въ Царскомъ Селѣ цѣлый день 4 сентября и, между прочимъ, всѣ четверо сочинили два экспромпта, изъ которыхъ одинъ посвященъ Вяземскому, собиравшемуся ѣхать на службу въ Варшаву. Вотъ эти стихи, сохранившіеся въ бумагахъ Жуковскаго въ Имп. Публ. Б-кѣ, съ указаніемъ, кому именно принадлежатъ отдѣльныя ихъ строки:

Плещеевъ: Писать я не умѣю:
Я много уписалъ!
Пушкинъ: Я дружбой пламенѣю,
Я дружбѣ вѣренъ сталъ.
Батюшковъ: Мнѣ дружба замѣняетъ
Умершую любовь!
Жуковскій: Пусть жизнь намъ измѣняетъ:
Что было — будетъ вновь.

Вяземскому.

Плещеевъ: Зачѣмъ, забывши славу,
Пускаешься въ Варшаву?
Пушкинъ: Ужель ты измѣнилъ
Любви и дружбѣ нѣжной
И рѣзвости небрежной?
Батюшковъ: Но ты все сердцу милъ.
Жуковскій: Все милъ, — и несомнѣнно
Въ душѣ твоей живетъ
Все то, что въ цвѣтѣ лѣтъ
Столь было намъ безцѣнно.

1818.

I. Ѳ. Ф. Юрьеву (стр. 228). Сѣверная Звѣзда 1829, съ подписью: Ап. При жизни Пушкина не перепечатывалось.

Ѳедоръ Филипповичъ Юрьевъ, уланскій офицеръ, бывшій впослѣдствіи управляющимъ заемнымъ банкомъ, принадлежалъ къ кругу той „золотой молодежи“, военной и штатской, къ которой примкнулъ Пушкинъ тотчасъ по выходѣ изъ Лицея. Эти новые друзья поэта, по словамъ П. В. Анненкова (Пушк., 64-65), „были его руководителями на поприщѣ расточительнаго безпутства, которое было не подъ силу и въ матеріальномъ смыслѣ ограниченнымъ средствамъ поэта, часто не располагавшаго, какъ самъ сознается, и копѣйками для оплаты извощика. Пушкинъ отдаривалъ своихъ руководителей стихами и посланіями, наравнѣ съ модными тогда прелестницами — Штейнгель, Ольга Массонъ (см. ниже). Замѣчательно, что люди, такъ охотно убивавшіе свою молодость, были не только веселые и остроумные люди, но и хорошо образованные, по-своему и очень даровитые: между ними встрѣчались дѣльныя личности, успѣвшія потомъ съ остатками уцѣлѣвшей энергіи выказать значительныя способности... Защитники этихъ русскихъ Лукулловъ и Катилинъ утверждали, что причину всѣхъ ихъ излишествъ должно искать въ праздности, на которую обречены были ихъ душевныя и умственныя силы; но если причина и существовала, то къ ней примѣшалось уже столько другихъ влеченій, выду-

манныхъ потребностей, искусственныхъ возбужденій и, наконецъ, простого баловства жизнью и состояніемъ, что серьезно останавливаться на ней нѣтъ никакой возможности".

Пушкинъ, увлекшись этой разсѣянной жизнью, которую онъ впослѣдствіи описалъ въ „Онѣгинѣ", такъ сказать, упивался своей свободой и праздностью. Жуковскій, въ одной изъ своихъ „арзамасскихъ" рѣчей, говорилъ о немъ: „Сверчокъ, закопавшись въ щелку проказы, оттуда кричитъ, какъ въ стихахъ: я лѣнюся!" Но, не смотря на эту лѣность, которую поэтъ оправдывалъ эпикурейскимъ идеаломъ, талантъ его быстро развивался. Разсказываютъ, что Батюшковъ, прочитавъ посланіе къ Юрьеву, судорожно сжалъ въ рукахъ листокъ бумаги, на которомъ оно было написано, и проговорилъ: „О, какъ сталъ писать этотъ злодѣй!" (Анн., Мат., 50).

II. Прелестницѣ (стр. 229). Невскій Зритель 1820, № 4, стр. 63; оттуда, съ пропускомъ двухъ стиховъ: „Твоею прелестью надменной кто не владѣлъ во тьмѣ ночной?", — въ изд. 1826 г., а вполнѣ въ изд. 1829 г. Кромѣ указаннаго пропуска, текстъ журнала и изд. 1826 г. отличается отъ позднѣйшаго двумя варіантами:

[1] Младое сердце воспалять

[2] Ты на предательную грудь

Имя особы, къ которой относятся эти стихи, указано Анненковымъ (Пушк., 64): это — Штейнгель, одна изъ тѣхъ, которыхъ Пушкинъ называлъ „Лаисами". Въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2364,

л. 63 об., находимъ исчерканный набросокъ, въ которомъ можно разобрать:

Лаиса, я люблю твой смѣлый разговоръ,
. . . . . .
Люблю твоихъ очей я вызовы нѣмые,
Восторги быстрые, живые...

Посланіе „Прелестницѣ“ вызвало строгое осужденіе со стороны В. Н. Каразина, который указывалъ на него министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею, какъ на образецъ безнравственности современной молодежи. См. выше, прим. къ стихотворенію „Разлука“, стр. 505.

Этому стихотворенію подражалъ Баратынскій въ своемъ посланіи „Доридѣ“ (Новости Литературы 1822):

Зачѣмъ нескромностью двусмысленныхъ рѣчей,
Руки всечаснымъ пожиманьемъ
Притворнымъ пламенемъ коварныхъ сихъ очей,
Для всѣхъ увлаженныхъ желаньемъ,
Знакомить юношей съ волненіемъ любви, и пр.

III. Выздоровленіе (стр. 230). Издд. 1826 и 1829 гг. Первое, сравнительно съ послѣднимъ, представляетъ два варіанта:

[1] Въ одеждѣ ратника...

[2] Вотще мой слабый взоръ искалъ тебя во мглѣ

П. И. Бартеневъ (Рус. Арх. 1867, ст. 1442) замѣтилъ, что это стихотвореніе представляетъ „оче-

видное подражаніе“ стихотворенію Батюшкова „Выздоровленіе“. Л. Н. Майковъ (Соч. Бат., изд. 1887, I, 317) находилъ, что съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться, но нѣкоторые стихи Батюшкова, дѣйствительно, какъ бы воспроизведены Пушкинымъ:

Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ,
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали.
(Соч. Бат. I, 49).

Въ февралѣ 1818 г., спустя восемь мѣсяцевъ по выходѣ изъ Лицея, Пушкинъ опасно заболѣлъ и былъ даже приговоренъ врачами къ смерти, но скоро оправился (Анн., Мат. 41). Эта же болѣзнь повторилась и въ слѣдующемъ году (см. ниже, прим. къ посланію В. В. Энгельгардту).

IV. Н. И. Кривцову (стр. 231). Посм., IX, съ искаженіями, исправленными отчасти въ Библ. Зап. 1861. Нами печатается съ автографа, принадлежавшаго П. Н. Батюшкову и находящагося теперь въ Имп. Публ. Б-кѣ.: стихотвореніе, озаглавленное „Другу отъ друга“, написано на первомъ бѣломъ листкѣ переплетеннаго экземпляра поэмы Вольтера „Pucelle d'Orléans“, которую Пушкинъ подарилъ Кривцову, когда послѣдній отправлялся въ Лондонъ.

О Кривцовѣ см. выше, стр. 527. А. И. Тургеневъ, въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому отъ 28 авг. 1818 г. (Ост. Арх., I, 117) сообщалъ, что „Кривцовъ не перестаетъ развращать Пушкина и изъ Лондона, и прислалъ ему безбожные стихи изъ благочестивой Англіи.“

V. Къ Чаадаеву (стр. 232) Сѣв. Звѣзда 1829 (съ искаженіями и пропусками), съ подп.: Ап.; Рус. Арх. 1876, № 10.

VI. Мечтателю (стр. 232). Сынъ Отеч. 1818 № 51, съ подп.: Св. ч. к. (т. е. „Сверчокъ“); издд. 1826 и 1829. — Въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2364, л. 43, 1-й стихъ читается:

[1] Ты въ горести любви находишь наслажденье

Текстъ журнала, въ сравненіи съ позднѣйшими изданіями, представляетъ слѣдующіе варіанты:

[2] И въ сердцѣ хладное страданіе таить.
[3] . . . . . растерзанный тоской,
Забывъ надежду и покой...
[4] Дрожащій, дикій, изступленный...
[5] Тогда бъ воскликнулъ онъ къ богамъ...

Стихотвореніе относится къ В. К. Кюхельбекеру, и первый его стихъ напоминаетъ стихи изъ „Городка“ (стр. 79):

И въ грусти томный духъ
Находитъ наслажденье.

VII. Къ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО (стр. 233). Благонамѣренный 1818, ч. III, подъ заглавіемъ: „Надпись къ портрету Жуковскаго". Въ исправленной редакціи вошло въ изд. 1826 г. Текстъ журнала представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Пройдетъ вѣковъ таинственную даль,
Услыша ихъ, воспламенится младость,
Безмолвная утѣшится печаль...

VIII. Жуковскому (стр. 233). Сынъ Отеч. 1821, № 52, съ подзаглавіемъ: „По прочтеніи изданныхъ имъ книжекъ Для немногихъ" и съ выноской: „Сочинитель не подписалъ своего имени; но кто не узнаетъ здѣсь того поэта, который въ такія лѣта, когда другіе еще учатся правиламъ стихотворства, сталъ уже наряду съ нашими первоклассными писателями!" Перепечатано безъ измѣненій въ изд. 1826 г. причемъ помѣтка: „На изданіе книжекъ его Для немногихъ" перенесена изъ текста въ оглавленіе книжки. Затѣмъ, въ изд. 1829 г. помѣщено уже въ новой, передѣланной и сокращенной редакціи, которая нами и воспроизведена въ текстѣ; здѣсь же приводимъ первоначальную редакцію журнала и изд. 1826 г., отмѣчая въ подстрочныхъ выноскахъ варіанты по списку, сообщенному Жуковскимъ кн. Вяземскому въ письмѣ отъ 17 апр. 1818 изъ Москвы (Рус. Арх. 1896, кн. III, стр. 206):

Когда младымъ воображеньемъ
Твой гордый геній окрыленъ,
Тревожитъ лѣни праздный сонъ,
Томясь мятежнымъ упоеньемъ; *)
Когда возвышенной душой

*) Томясь волшебнымъ упоеньемъ.

Летя къ мечтательному міру,
Ты держишь на колѣняхъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ,—
Ты правъ: творишь ты для немногихъ!
Не для подкупленныхъ судей,
Ревнивыхъ милостью своей *),
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбитъ счастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ!
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный **) получилъ удѣлъ
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ ***) и яснымъ!
Смотри, какъ пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свитокъ генія склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ!
Онъ духомъ — тамъ, въ дыму столѣтій:
Предъ нимъ волнуются толпой
Злодѣйства, мрачной славы дѣти,
Съ сынами доблести прямой;
Отъ сна воскресшими вѣками

*) Ревнивой милостью твоей.
**) Въ завидный..
***) Восторгомъ сладостнымъ...

Онъ бродитъ тайно окруженъ,
И благодарными слезами
Карамзину приноситъ онъ
Живой души благодаренье
За мигъ восторга золотой,
За благотворное забвенье
Безплодной суеты земной, —
И въ немъ трепещетъ вдохновенье.

По поводу этого посланія кн. Вяземскій писалъ Жуковскому изъ Варшавы, 25 апр. 1818: „Стихи чертенка - племянника чудесно хороши. Въ дыму столѣтій! Это выраженіе — городъ. Я все отдалъ бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестія! Надобно намъ посадить его въ желтый домъ; не то, этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ. Знаешь-ли, что Державинъ испугался бы дыма столѣтій? О прочихъ и говорить нечего!“ (Кн. П. П. Вяземскій, „Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива“, Спб., 1880, кн. I-я, стр. 27). Характерно, что въ 1829 г., передѣлывая свое посланіе, Пушкинъ выкинулъ изъ него весь приведенный выше конецъ, гдѣ говорится о Карамзинѣ и гдѣ находится выраженіе, приведшее въ такой восторгъ кн. Вяземскаго. Книжки „Для немногихъ“ (Für Wenige) издавались Жуковскимъ въ 1818 г. въ Москвѣ для велик. княгини (впослѣдствіи — императрицы) Александры Ѳеодоровны, которой онъ преподавалъ русскій языкъ. Въ этихъ книжкахъ, которыя не поступали въ продажу, а раздавались немногимъ избраннымъ лицамъ, помѣщались переводимыя Жуковскимъ стихотворенія нѣмецкихъ поэтовъ вмѣстѣ съ оригиналомъ en regard. Всѣхъ книжекъ вышло шесть.

IX. Въ альбомъ Е. Я. Сосницкой (стр. 234). Анн. VII, 81. — Елена Яковлевна Сосницкая, урожденная Воробьева, дочь извѣстнаго въ свое время пѣвца, вышла замужъ за артиста Ив. Ив. Сосницкаго (1794-1871) въ 1817 г. Она была очень хороша собой и выдѣлялась талантомъ среди ученицъ кн. Шаховского. Оставаясь неразлучной подругой своего мужа на сценѣ, она прошла черезъ всѣ „амплуа", до комической старухи включительно, и скончалась въ 1855 г.

X. Добрый человѣкъ (стр. 235). Издд. 1826 и 1829 гг.

Акад. изданіемъ отнесено къ 1817 г., но въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2364, л. 58 об., находится рядомъ съ черновыми стихами изъ 3-й пѣсни „Руслана и Людмилы", такъ что представляется написаннымъ не ранѣе 1818 г. Рукописный текстъ отличается отъ позднѣйшаго печатнаго слѣдующими варіантами:

[1] Глупецъ надутый и мудреный,
Онъ важно вретъ все объ одномъ.

XI. Эпиграммы на Карамзина (стр. 235). Первая напечатана въ сборникѣ Погодина „Утро", ч. III (М. 1859), а вторая — у Анн., VII, 99.

„Мнѣ приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ",—говорилъ Пушкинъ впослѣдствіи, вспоминая о своихъ отношеніяхъ къ Карамзину, и тутъ же прибавилъ: „Это — не лучшая черта моей жизни." Эпиграмма была, по всей вѣроятности, отголоскомъ толковъ объ исторіи Карамзина, слышанныхъ поэтомъ въ кружкѣ „молодыхъ якобинцевъ", недовольныхъ основной мыслью и изложеніемъ исторіографа. Нѣ-

сколько лѣтъ спустя, въ 1825 г., объ этой эпиграммѣ узналъ А. И. Тургеневъ и съ негодованіемъ писалъ кн. Вяземскому 28 апр. (см. Ост. Арх., III, 117): „Похваливъ талантъ Пушкина, я не меньше, особливо съ нѣкотораго времени, чувствую омерзеніе къ лицу его. Въ немъ нѣтъ никакого благородства. По душѣ онъ для меня хуже Булгарина. Этотъ— полякъ безмозглый, да и только; чего отъ него требовать, и почему Карамзинъ долженъ быть для него священъ?.. Но Пушкинъ учился читать по страницамъ Карамзина; но Пушкинъ плакалъ, и не разъ, за столомъ его; но Карамзинъ за него рыцарствовалъ. Я ни слова не сказалъ о Карамзинѣ, просвѣтителѣ Россіи въ нѣкоторомъ смыслѣ; ибо Пушкинъ щеголяетъ нерусскимъ чувствомъ и думаетъ, что сердце у него не лежитъ къ Россіи. Ему хочется быть и въ этомъ Байрономъ; но и Байронъ имѣлъ друзей въ Англіи: онъ любилъ Мура; а Пушкинъ поднялъ руку на отца по крови и на отца-Карамзина. Все это — между нами совершенно: вырвалось изъ души, которой не вижу ни въ стихахъ, ни въ душѣ Пушкина.“ Упреки Тургенева, вѣроятно, переданы были Вяземскимъ Пушкину, который писалъ 10 іюня 1826 г.: „Что ты называешь моими эпиграммами противъ Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе, и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна; а другія, сколько знаю, глупы и бѣшены. Ужели ты мнѣ ихъ приписываешь?..“ Впрочемъ, Тургеневъ скоро пересталъ сердиться на Пушкина, узнавъ, что эпиграмма написана уже давно (Ост. Арх., III, 121).

Вторая эпиграмма намекаетъ на неоконченную сказку Карамзина „Илья-Муромецъ“ (1795).

XII. На кн. Голицына (стр. 235). Библ. Зап. 1858, ст. 367.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (1773-1844) былъ съ 1816 до мая 1824 г. министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; онъ же былъ и учредителемъ, въ 1813 г., Росс. Библейскаго Общества и первымъ его президентомъ. Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій (1737-1814) былъ однимъ изъ вице-президентовъ и устроителемъ московскаго отдѣленія этого Общества, вскорѣ ставшаго центромъ мистицизма въ Россіи. Какъ главный начальникъ цензуры, кн. Голицынъ строго преслѣдовалъ всякія свободныя проявленія умственной жизни общества и всякіе протесты противъ мистическихъ увлеченій; наоборотъ, книги мистическаго содержанія при немъ разрѣшались безпрепятственно. Бантышъ-Каменскій былъ мистикъ, и его имя въ эпиграммѣ Пушкина, какъ и въ позднѣйшемъ посланіи „Къ цензору“ 1824 употреблено, кажется, какъ нарицательное, — для обозначенія вообще извѣстнаго литературнаго лагеря. Александра Петровна Хвостова, племянница Хераскова, о которой упоминаетъ Вигель въ своихъ запискахъ (изд. Рус. Арх. 1891-1893, ч. II, 225-227), была въ большой дружбѣ съ извѣстнымъ реакціоннымъ писателемъ графомъ Жозефомъ де-Местромъ, имѣвшимъ значительное вліяніе на Голицына. Она принадлежала также къ основанному баронессой Криднеръ обществу „мечтательницъ“.

О кн. Голицынѣ см. Е. П. Карновича: „Кн. А. Н. Голицынъ и его время“, Ист. Вѣстн. 1882, №№ 4 и 5; А. Н. Пыпина: „Россійское Би-

блейское Общество", Вѣстн. Евр. 1868, №№ 8, 9, 11 и 12.

XIII. На Фотія (стр. 236). Библ. Зап. 1858, ст. 367.

Архимандритъ новгородскаго Юрьева монастыря Фотій (Спасскій) извѣстенъ, какъ вдохновитель реакціи послѣднихъ лѣтъ александровскаго царствованія. Біографія его, составленная С. И. Мирополь-скимъ, напеч. въ Вѣстн. Евр. 1878, №№ 11 и 12.

XIV. На Каченовскаго (стр. 236). Остафьевскій Архивъ, т. I (1899), стр. 122, въ письмѣ А. И. Тургенева къ кн. П. А. Вяземскому изъ Петербурга, отъ 18 сент. 1818.

Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій (р. 1 ноября 1775, ум. 19 апр. 1842), академикъ и профессоръ московскаго университета и съ 1805 по 1830 г. — издатель и редакторъ „Вѣстника Европы", возбуждалъ негодованіе друзей Карамзина своими рѣзкими критическими отзывами объ его произведеніяхъ и вообще нападками на новое направленіе въ литературѣ, во имя стараго классицизма, рѣшительнымъ сторонникомъ котораго онъ былъ. Дмитріевъ, Вяземскій и др. прозвали его за это „зоиломъ" и осыпали эпиграммами. Причину вражды кн. Вяземскій, въ замѣткѣ „О двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ В. Европы" (Соч., I, 84), объясняетъ тѣмъ, что этотъ журналъ, „съ тѣхъ поръ, какъ онъ составляемъ г. Каченовскимъ, сдѣлался, какъ-бы для оправданія сего выраженія, составомъ оскорбленій, изливаемыхъ щедрою рукою на имена, почтеннѣйшія въ области литературы нашей". Тотъ же кн. Вяземскій писалъ Тургеневу изъ Варшавы, 31 авг. 1818: „Скажи поэту Пуш-

кину, что ему непремѣнно должно высѣчь мстительнымъ стихомъ мерзавца Каченовскаго... Не надобно личностей, но сильный приговоръ къ смерти: sans phrases". Тургеневъ на это отвѣчалъ: „Маленькій Пушкинъ давно уже плюнулъ на него эпиграммою que voici" — и привелъ эпиграмму, которой послѣдній стихъ заимствованъ изъ эпиграммы Дмитріева, написанной въ 1806 г. въ отместку за неблагопріятную критику въ Вѣстн. Евр. 1806, №№ 8 и 9. Эта эпиграмма Дмитріева напечатана впервые въ Рус. Арх. 1867, ст. 985. Аббатъ Дефонтенъ (1685-1745) — одинъ изъ литературныхъ враговъ Вольтера.

XV. Про себя (стр. 236). Библ. Зап. 1858, ст. 370.

XVI. Наденькѣ (стр. 237). Тамъ же. Оба эти четверостишія не сохранились въ пушкинскихъ автографахъ.

XVII. К*** (стр. 237). Анн., Мат., 338. Находится въ рукописи Моск. Публ. Музея, № 2364, л. 41 об., между стихотвореніемъ къ Огаревой (см. выше, стр. 224) и черновымъ наброскомъ: „Дубравы, гдѣ въ тиши свободы" (стр. 519); слѣд., написано въ концѣ 1817 или въ началѣ 1818 г.

XVIII. Черновые наброски (стр. 237-238). Рус. Стар. 1884, т. 41, стр. 649, 650, 651; изд. Лит. Ф., I, 196-197. Нами вновь свѣрены съ рукописями Моск. Публ. Музея и отчасти дополнены.

Первый набросокъ („Позволь душѣ моей...") по мнѣнію М. Е. Халанскаго (Харьк. унив. сборн.

въ пам. Пушкина, 1900, стр. 384), относится, вѣроятно, къ сестрѣ поэта Ольгѣ Сергѣевнѣ. Въ той же музейной рукописи № 2364 (л. 78 об.) находимъ еще перечеркнутые стихи, изъ которыхъ можно разобрать:

Я мало жилъ и наслаждался мало,
Но иногда цвѣты веселья рвалъ;
Я жизни видѣлъ лишь начало...
[Кто знаетъ]...

Второй набросокъ („Какъ сладостно...“) — въ рукописи № 2364, л. 48. Непосредственно за нимъ слѣдуетъ еще исчерканный чернякъ, гдѣ можно прочесть:

Кому красавица назначена судьбами,
Тотъ будетъ милъ и счастливъ будетъ...
. . . . . .
Кому . . . . . судьбою вѣчной
Дѣвичье сердце суждено,
Тотъ овладѣетъ имъ, конечно...
. . . . . .

Третій набросокъ („И я слыхалъ...“) — въ той же рукописи, л. 49 об. Вмѣсто стиха: „Но знаю чувство я другое“ сначала написано было: „Послушай, чувство есть другое“; послѣ стиха: „Всегда не дремлетъ и горитъ“ зачеркнуто:

[Все ненавистно становится,
Сіятельный Аристофанъ!]

Значеніе этого обращенія къ кн. Шаховскому (см. выше, стр. 516) остается для насъ непонятнымъ.

Къ 1818 г. относится также шуточное стихотвореніе: „Сказки (Noël)“ — пародія рождественскихъ поздравительныхъ французскихъ пѣсенокъ, написанная въ осмѣяніе слуховъ, распространившихся въ публикѣ послѣ рѣчи имп. Александра при открытіи перваго сейма въ Варшавѣ, $^{15}/_{27}$ марта 1818 (см. Ост. Арх., I, 472 - 479 и 483 - 484). Стихотвореніе это состоитъ изъ четырехъ строфъ, изъ которыхъ мы можемъ привести двѣ послѣднія:

. . . . . .
„Узнай еще, въ прибавку,
„Что сдѣлаю потомъ:
„Лаврову *) дамъ отставку,
„А Соца **) — въ желтый домъ;
„Законъ постановлю на мѣсто вамъ Горголи ***)
„И людямъ всѣ права людей,
„По . . . . . милости моей,
„Отдамъ изъ доброй воли.

Отъ радости въ постелѣ
Распрыгалось дитя:
„Неужто въ самомъ дѣлѣ?
„Неужто не шутя?“
А мать ему: „Бай-бай! Закрой свои ты глазки!
„Пора уснуть бы, наконецъ,
„Послушавши, какъ . . . . отецъ
„Разсказываетъ сказки!“

О подобныхъ стихотвореніяхъ Пушкина П. В. Анненковъ (Пушк., 83 - 84) говоритъ: „Его оды,

*) Цензоръ.
**) Тоже.
***) Иванъ Саввичъ (1770 — 1862), спб. оберъ-полицеймейстеръ съ 1811 по 1821 г.

эпиграммы, посланія, особенно — извѣстная пѣсенка Noël, сильно распространенная въ оппозиціонныхъ кругахъ обѣихъ столицъ, слушались съ одобреніемъ и такими людьми, которые нисколько не сочувствовали ихъ духу и, конечно, при случаѣ не задумались бы показать автору самымъ ощутительнымъ образомъ, какъ далеко они расходятся съ его образомъ мыслей. Памфлеты Пушкина видимо составляли тогда для всѣхъ нѣчто вродѣ запрещенной поэтической игры, за которой слѣдить позволялось только до извѣстнаго предѣла. Пушкину, однакожь, казалась дѣятельность эта и важной, и почетной. Соблазнительными, но остроумными произведеніями отчасти эротической, а отчасти революціонной своей музы онъ устраивалъ себѣ какое-то особенное положеніе, создавалъ изъ себя какое-то подобіе силы, правда, — ничтожной до крайности, ребячески-безпомощной и легко устранимой при первомъ движеніи противниковъ, но все же такой, мимо которой нельзя было долго проходить безъ вниманія".

1819.

I. На А. М. Колосову (стр. 239). Рус. Стар. 1879, т. 25, ст. 380.

Александра Михайловна Колосова (1802-1880), дочь извѣстной въ свое время танцовщицы, впослѣдствіи вышла за трагика Вас. Андр. Каратыгина (1802-1853) и считалась одной изъ лучшихъ русскихъ актрисъ въ трагедіи и высокой комедіи. Она выступила на сцену въ первый разъ 16 дек. 1818

въ роли Антигоны („Эдипъ въ Аѳинахъ“ Озерова), во второй — 30 дек., въ роли Моины („Фингалъ“), и въ третій — 3 янв. 1819, въ роли Эсѳири, которую она проходила подъ руководствомъ П. А. Катенина. Въ этой роли прежде отличалась Ек. Сем. Семенова, и Пушкинъ, принадлежавшій къ числу ея поклонниковъ, встрѣтилъ ея молодую соперницу эпиграммой, за которую извинялся впослѣдствіи, въ 1821 г., въ стихотвореніи къ Катенину: „Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ“ (стр. 283). См. воспоминанія А. М. Каратыгиной: „Мое знакомство съ Пушкинымъ“ въ Рус. Стар. 1880, т. 28, стр. 565-574; П. Н. Араповъ, Лѣтопись. рус. театра, Спб. 1861, стр. 271-274. Ср. также „Замѣчанія“ Пушкина о рус. театрѣ, въ VI томѣ настоящаго изданія. Письма П. А. Катенина къ Колосовой — въ Рус. Стар. 1893, т. 77 и 78.

П. Ѳ. Ф. Юрьеву (стр. 239). Изд. 1860. О Юрьевѣ см. выше, стр. 529. Въ сохранившемся автографѣ написано въ видѣ пѣсни, съ повтореніемъ перваго куплета послѣ каждаго изъ послѣдующихъ.

„Лампа надежды“ — дружескій кружокъ, собиравшійся у Никиты Всеволодовича Всеволожскаго и усвоившій названіе „Зеленой Лампы“. Это было нѣчто вродѣ веселой масонской ложи, всѣ члены которой были театралами и въ непринужденныхъ бесѣдахъ за ужиномъ обсуждали разные театральные вопросы и проказы, причемъ вели даже протоколы своихъ собраній. Участниками этого кружка были: родственникъ Всеволожскаго и адъютантъ генерала Депрерадовича Пав. Бор. Мансуровъ, офицеръ лейбъ-егерскаго полка Дм. Ник. Барковъ, много писавшій для театра, офицеръ генеральнаго штаба Мих. Андр. Щербининъ, лейбъ-уланъ Юрьевъ,

лейбъ-гусаръ Каверинъ (см. выше стр. 496), извѣстный своими дуэлями Александръ Ив. Якубовичъ (впослѣдствіи — декабристъ), В. В. Энгельгардтъ, Як. Ник. Толстой, Пушкинъ и др. Свѣдѣнія объ этомъ обществѣ — въ ст. Бартенева, Моск. Вѣд. 1855, № 143, и Журавлева — тамъ же, № 146, въ книгѣ Анненкова „Пушкинъ", стр. 63-64, и въ письмѣ Я. Н. Толстого къ М. Н. Лонгинову изъ Парижа, отъ 1/13 ноября 1856, въ Соврем. 1857, № 4, отд. V, стр. 265.

III. Къ *** (стр. 240). Издд. 1826 и 1829. — Въ Акад. отнесено въ 1817 г.; но въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2364 (л. 72 об.) находится между черновыми стихотвореніями: „Къ Щербинину" (л. 71 об.) и „Платонизмъ" (л. 73), которыя оба написаны въ 1819. Здѣсь стихотвореніе озаглавлено: „Унынie". Выше этого заглавія написано: „Онъ улетѣлъ, прекрасный день *) любви. 27 ноябр. 1817" и проведена черта; непосредственно же подъ стихотвореніемъ имѣется помѣта: „1819, 8 mars" и приписка: „Я человѣкъ не свободный". Какъ эта помѣта, такъ и мѣсто, занимаемое стихотвореніемъ въ рукописи, заставляютъ насъ остаться при мнѣніи, высказанномъ въ изд. Лит. Ф., I, 202, что это стихотвореніе относится не къ 1817, а къ 1819 г.

Въ сравненіи съ печатнымъ текстомъ, рукопись представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Въ твоихъ объятіяхъ я вѣчно омраченъ.
[2] Короткій день блаженствовать дано:
Отъ юности, отъ жизни, сладострастья...

*) А не „мигъ любви", какъ напечатано въ Рус. Стар. 1884, т. 41, стр. 660, и въ Акад., прим., 414.

IV. Веселый пиръ (стр. 240). Мнемозина, изд. В. Кюхельбекеромъ и кн. В. Одоевскимъ (1824), II, 85, подъ заглавіемъ: „Вечеръ“ и съ опечатками: „засѣдатель“ вм. „предсѣдатель“ и „Но кружокъ бутылокъ“... вм. „А кружокъ бутылокъ“... Изд. 1826.

Находится въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2364, л. 52, среди черновыхъ набросковъ IV-й пѣсни „Руслана и Людмилы“. Въ концѣ стихотворенія можно разобрать еще одинъ куплетъ:

Я люблю въ моемъ стеклѣ
Часто видѣть перемѣну,
Радъ я вафлямъ на столѣ,
Пирогу я знаю цѣну.

V. Отвѣтъ на вызовъ (стр. 241). Соревнователь Просвѣщенія, 1819, № 10, стр. 70, съ подписью: А. П....нъ. При жизни Пушкина не перепечатывалось. — Черновое находится въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2364, л. 42 об., гдѣ 1-й стихъ читается: „На лирѣ дикой, благородной“. Автографъ, сохранившійся въ альбомѣ Н. А. Маркевича, озаглавленъ: „Къ Н. Я. П“. По объясненію Л. Н. Майкова (Пушк., 89), эти буквы означаютъ Наталью Яковлевну Плюскову (ум. 23 янв. 1845). Это была фрейлина имп. Елизаветы Алексѣевны (а потомъ — имп. Маріи Ѳеодоровны), женщина умная, образованная и близко знакомая съ лучшими представителями литературы начала XIX в., — Державинымъ, Карамзинымъ, Жуковскимъ и др. Особенно дружна была она съ И. И. Дмитріевымъ, который переписывался съ нею до конца своей жизни. „Вызовъ“, на который отвѣчаетъ Пушкинъ, былъ, очевидно, сдѣ-

ланъ ею; стихотвореніе написано, вѣроятно, въ мартѣ 1819 г., потому что 12 марта А. И. Тургеневъ уже сообщалъ объ этой новости кн. Вяземскому: „Пушкинъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ стиховъ о Елизаветѣ Алексѣевнѣ, императрицѣ“ (Ост. Арх., I, 202). О Плюсковой см. Ост. Арх., I, 585-586 и Соч. Державина, 2-е акад. изд., II, 318.

VI. Оленькѣ Массонъ (стр. 241). Анн., VII, 26, подъ заглавіемъ: „Ольга“ и съ пропускомъ двухъ стиховъ, пополненнымъ въ Библ. Зап. 1858. Настоящее заглавіе дано П. А. Ефремовымъ (изд. 1880), потому что стихотвореніе такъ озаглавливается въ рукописныхъ копіяхъ (автографа не сохранилось). Прежними издателями относилось къ 1820 г.; нами отнесено къ 1819, на основаніи письма А И. Тургенева къ кн. Вяземскому отъ 18 іюня, гдѣ говорится, что Пушкинъ „простудился, дожидаясь у дверей одной....., которая не пускала его въ дождь къ себѣ, для того, чтобы не заразить его своею болѣзнью. Quel combat de générosité et d'amour et de libertinage!“ (Ост. Арх., I, 253).

VII. Орлову (стр. 242). Сѣв. Звѣзда 1829, подъ заглавіемъ: „Къ ***, отсовѣтовавшему мнѣ вступить въ военную службу“, съ подписью: Ап., съ пропусками и передѣлками; оттуда перепечатано Анн., II, 238; поправки и дополненія даны въ Библ. Зап. 1858, ст. 337-338 и Рус. Арх. 1876, № 10; наконецъ, по автографу напечатано П. А. Ефремовымъ въ Рус. Стар. 1880, т. 28, стр. 539-542 (посланіе было прислано Пушкинымъ А. И. Тургеневу при письмѣ изъ Михайловскаго, отъ 9 іюля 1819).

Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ (1787-1862),

тогда — генералъ-майоръ, а впослѣдствіи — генералъ отъ кавалеріи, графъ, князь и предсѣдатель Государственнаго Совѣта. О немъ см. соч. Вяземскаго, VIII, 179 - 180.

Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ (1788 - 1872) былъ тогда генералъ-майоромъ и состоялъ при императорѣ, который отличалъ его особеннымъ довѣріемъ, давая различныя командировки и дипломатическія порученія. Въ 1819 г. онъ сдѣлался начальникомъ штаба 2-й арміи, находившагося въ м. Тульчинѣ, Подольской губ., гдѣ подъ его начальствомъ служили будущіе декабристы—Пестель, кн. Волконскій, кн. Трубецкой и др. Въ Тульчинъ же собирался и Пушкинъ; но Орловъ убѣдилъ его отказаться отъ мысли о военной службѣ. П. Д. Киселевъ былъ въ молодости близкимъ пріятелемъ кн. Вяземскаго. Впослѣдствіи (1839) онъ былъ возведенъ въ графское достоинство и сдѣланъ министромъ госуд. имуществъ, а въ 1856 - 62 гг. былъ посломъ въ Парижѣ. О немъ см. книгу А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго: „Графъ П. Д. К. и его время“ (Сбп. 1882).

VIII. В. В. Энгельгардту (стр. 244). Издд. 1826 и 1829 гг., подъ заглавіемъ: „NN“ и съ перемѣнами:

[1] Какъ прежде . . . . . .
[2] Пировъ и нѣги . . . . . .
[3] Венеры вѣтреный поклонникъ.
[4] (Эти четыре стиха отсутствуютъ).
[5] (Остальные стихи замѣнены двумя строками точекъ).

Василій Васильевичъ Энгельгардтъ (р. 14 іюня 1785, ум. 20 окт. 1837), внукъ одной изъ сестеръ кн. Потемкина, полковникъ въ отставкѣ, товарищъ

кн. Вяземскаго по іезуитскому пансіону и членъ „Зеленой Лампы", былъ „хорошо и всенародно знакомъ Петербургу. Расточительный богачъ, не пренебрегающій веселіями жизни, крупный игрокъ, впрочемъ, кажется, на вѣку своемъ болѣе проигравшій, нежели выигравшій, построитель въ Петербургѣ дома, сбивающагося немножко на парижскій Пале-Рояль со своими публичными увеселеніями, кофейнями, ресторанами. Построеніе этого дома было событіемъ въ общественной жизни столицы. Пушкинъ очень любилъ Энгельгардта за то, что онъ охотно игралъ въ карты, и за то, что очень удачно игралъ словами. Острыя выходки и забавные куплеты его ходили по городу." (Соч. Вяз., т. I, стр. XVII-XVII).

Пушкинъ въ февралѣ 1819 г. серьезно заболѣлъ: „Старое пристало къ новому — и пришлось ему опять за поэму приниматься... Венера пригвоздила его къ постели", писалъ 22 февр. кн. Вяземскій Тургеневу (Ост. Арх., I, 191, 193); но 5 марта Тургеневъ уже сообщалъ, что „П. опять на ногахъ и идетъ въ военную службу" (тамъ же, 200). „Онъ не на шутку сбирается въ Тульчинъ, а оттуда — въ Грузію, и бредитъ уже войною. Я имѣю надежду отправить его въ чужіе краи, но онъ уже и слышать не хочетъ о мирной службѣ" (202). Въ половинѣ іюня онъ опять заболѣлъ — горячкою и, прохворавъ около мѣсяца, въ началѣ іюля уѣхалъ въ Михайловское, откуда вернулся въ августѣ „обритый" и съ VI-ю пѣснью „Руслана и Людмилы" (293, 636). Къ этой болѣзни относится черновой набросокъ, сохранившійся въ рукописи М. Публ. Музея № 2364, л. 64:

За старые грѣхи наказанный судьбой,
[Съ поэмой въ головѣ]

Я стражду восемь дней, съ лѣкарствами въ желудкѣ,
Съ Меркуріемъ въ крови, съ раскаяньемъ въ разсудкѣ,—
[Я стражду...] Эскулапъ [ругается] смѣется надо мной...

IX. Къ Щербинину (стр. 145). Москвитянинъ 1841, № 4, съ пропусками, пополненными въ Библіогр. Зап. 1858, № 11. Черновое — въ рукописи М. Публ. Музея, № 2364 л. 71 об., представляетъ первоначальные варіанты:

1 Кто мимо Біанки поутру
Въ саду въ двойной . . . . играетъ
И кто въ театрѣ ввечеру
. . . . . засыпаетъ;
Кто Наденьку подъ вечерокъ...
2 Проводитъ пламенную ночь
3 Съ младой наперсницей Цитеры...
4 . . . . . милый другъ забавы.

Прежними изданіями это посланіе относилось къ 1818 г.; но Тургеневъ сообщилъ о немъ Вяземскому, какъ о новинкѣ, только 13 августа 1819 г. (Ост. Арх., I, 288).

Михаилъ Андреевичъ Щербининъ (р. 1795, ум. ?), членъ кружка „Зеленой Лампы“, участвовалъ въ отечественной войнѣ, вмѣстѣ съ гвардіей былъ въ 1814 г. въ Парижѣ, затѣмъ, до ноября 1817 г., состоялъ подъ начальствомъ Ермолова при посольствѣ въ Персію; оттуда командированъ въ распоряженіе Главнаго штаба, при начальникѣ котораго находился во время путешествій Александра I, въ 1818-19 гг. Уволенъ отъ службы 22 марта 1824. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ не имѣется; въ изд. 1882 и Лит. Ф. ошибочно сказано, что этотъ са-

мый Щербининъ былъ первымъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати: эту должность занималъ совсѣмъ другой Щербининъ, Михаилъ Павловичъ, ум. въ 1881 г. (см. некрологъ въ Нов. Вр. 1881, 7 сент.)

X. Стансы (стр. 246). Издд. 1826 и 1829, подъ заглавіемъ: „Т—му“. Въ изд. 1826 г. къ стиху: „Зови же сладкое бездѣлье“ сдѣлано было характерное для тогдашней цензуры примѣчаніе: „Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, поэтъ шутитъ надъ философіею эпикурейцевъ. Читатель, безъ сомнѣнія, не будетъ смѣшивать чистыхъ душевныхъ наслажденій съ удовольствіями чувственными.“

Яковъ Николаевичъ Толстой (р. 1791, ум. 15 февр. 1866) воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ въ кампаніи 1812-1814 гг., въ 1817 опредѣленъ старшимъ адъютантомъ къ А. А. Закревскому, бывшему тогда дежурнымъ генераломъ Гл. штаба; съ Пушкинымъ сошелся въ кружкѣ „Зеленой Лампы“. Въ 1818 г. издалъ отдѣльной книжкой свой переводъ одной элегіи Тибулла (Роспись Смирдина, № 7994); въ 1819 напечаталъ „Посланіе къ Петру Михайловичу Каменскому“; въ 1821 вышло „Мое праздное время, или собраніе нѣкоторыхъ стихотвореній Якова Толстого“ (Спб). Впослѣдствіи служилъ при посольствѣ въ Парижѣ, откуда писалъ корреспонденціи въ „Моск. Телеграфъ“; сотрудничалъ также и въ парижскихъ журналахъ (Revue Encyclopédique и проч.). Письмо къ нему Пушкина, со стихами, см. въ т. VIII.

„Стансы“ написаны въ отвѣтъ на посланіе Толстого къ Пушкину (напеч. въ сборникѣ „Мое праздное время“, стр. 48-51, и у В. В. Каллаша: „Рус-

скіе поэты о Пушкинѣ", М. 1899, стр. 8-10), изъ котораго приводимъ слѣдующія строки:

О ты, который съ юныхъ лѣтъ
Прельщаешь лирой золотою!
. . . . . .
Склонись, о Пушкинъ, Феба ради,
На просьбу слабаго пѣвца
И вспомни, какъ, къ моей отрадѣ,
Ты мнѣ посланье обѣщалъ;
Припомни также вечеръ ясный,
Когда до дому провождалъ
Тебя, піитъ мой сладкогласный,
И ты мнѣ руку съ словомъ далъ;
Когда стихами и шампанскимъ
Свои разсудки начиня
И дымомъ окурясь султанскимъ,
Едва дошли мы до коня,
Усѣлись кое-какъ на дрожкахъ,
Качаясь, ѣхали въ тѣни,
И гасли медленно въ окошкахъ
Чуть-чуть замѣтные огни;
Зыбясь, въ Фонтанкѣ отражалась
Столбомъ серебрянымъ луна,
И отъ строеній разстилалась
Густая тѣнь, какъ пелена...
. . . . . .
Въ то время мчались мы съ тобою
Въ пустыхъ коломенскихъ краяхъ...
Ты вспомни, какъ, тебя терзая,
Согласье выпросилъ тогда,
Какъ соннымъ голосомъ, зѣвая,
На просьбу ты мнѣ молвилъ: „Да!"
Но вотъ, проходитъ ужь вторая

Недѣля съ вечера того, —
Я слышу: пишешь ты ко многимъ,
Ко мнѣ жь, покамѣстъ, ничего.
И я перомъ своимъ убогимъ
Тебѣ рѣшился докучать,
Доколѣ ты не сдержишь слово:
Бездѣлку трудно ль написать?
. . . . . .
На что мнѣ длинное посланье?
Твоихъ стиховъ десятка три —
Вотъ, Пушкинъ, все мое желанье;
Меня ты ими подари.
Пускай трудится мрачный мистикъ
Надъ кучей древнихъ теоремъ,—
Ты напиши одинъ мнѣ листикъ,
И я доволенъ буду тѣмъ!
. . . . . .

Біографія Я. Н. Толстого, составл. Б. Л. Модзалевскимъ, напеч. въ Рус. Стар. 1899, т. 99, стр. 587-614 и т. 100, стр. 175-199.

XI. Деревня (стр. 247). Первая половина (до звѣздочки) явилась въ изд. 1826 г., подъ заглавіемъ: „Уединеніе“; часть (14 стиховъ) тотчасъ же перепечатана въ альманахѣ М. П. Бестужева-Рюмина „Сиріусъ“, подъ заглавіемъ: „Возвращеніе на родину. Элегія“, съ подписью: „Н. Б.“ и съ присочиненными плохими стихами. Вторая половина появилась вполнѣ только въ изд. 1870 г., а до тѣхъ поръ изъ нея были напечатаны только отрывки — въ Библ. Зап. 1858, № 11 и (заключительное четверостишіе) въ Моск. Вѣд. 1861, № 11, въ рѣчи М. П. Погодина (12 янв.).

[1] Въ изд. 1826 и 1829 гг.: ..... дворъ цирцей.

[2] Михайловская усадьба, гдѣ написано это стихотвореніе, расположена къ сѣверу, на краю обрыва, внизу котораго находится озеро Лучаново, на пространствѣ 150 десятинъ, а неподалеку, на западъ отъ усадьбы, другое озеро Маленецъ, десятинъ въ восемь (Рус. Стар. 1887, т. 53, стр. 237).

Заключительныя строки „Деревни“ нѣсколько напоминаютъ одно мѣсто изъ стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго „Петербургъ“:

Съ чела оратая сотрется потъ неволи,
Природы старшій сынъ, ближайшій братьевъ другъ,
Свободно проведетъ въ поляхъ наслѣдный плугъ,
И свѣтлыхъ нивъ просторъ, пріютъ свободы мирной,
Не будетъ для него темницею обширной.

А. И. Тургеневъ, въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 26 авг. 1819, сообщая, что Пушкинъ написалъ „Деревню“, отзывался, что въ ней „есть сильные и прелестные стихи, но и преувеличенія насчетъ псковскаго хамства“ (Ост. Арх., I, 296). М. И. Жихаревъ, въ своей статьѣ о Чаадаевѣ (В. Евр. 1871, № 7, стр. 196), говоритъ, что императоръ Александръ Павловичъ, желая ознакомиться съ произведеніями Пушкина, обратился къ кн. И. А. Васильчикову, которому его адъютантъ Чаадаевъ и доставилъ „Деревню“. Стихотвореніе понравилось государю, и онъ сказалъ князю: „Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent“. Объ этихъ словахъ Пушкинъ вспомнилъ 17 лѣтъ спустя, говоря о себѣ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.

XII. Домовому (стр. 249). Полярная Звѣзда 1824; изд. 1826. Въ „П. Зв.“ второй стихъ читается:

[1] Тебя молю, нашъ добрый домовой.

Въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2364, л. 43 об., находимъ крайне исчерканный и неразборчивый набросокъ, по содержанію своему повторяющій ту же мысль, только въ иной формѣ:

Чудесный *) богъ садовъ, паду передъ тобой.
Твой ликъ уродливый поставилъ я съ мольбой,
Не съ тѣмъ, чтобъ удалялъ ты своенравныхъ козъ
И птичекъ отъ плодовъ незрѣлыхъ;
Тебя украсилъ я вѣнкомъ изъ дикихъ розъ...
. . . . . .

XIII. Недоконченная картина (стр. 249). Моск. Вѣстникъ 1828, № 15, и изд. 1829. Въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2364, л. 56, об., находится черновой первоначальный набросокъ, начинающійся такъ:

Чья мысль восторгомъ угадала
Безмолвну тайну красоты?
Чья кисть, о боги, рисовала
[Сіи небесныя] черты?
Кто . . . . . въ тихомъ упоеньѣ
Сей . . . . . восторга полный взоръ,
Кто далъ устамъ ея движенье,
Кто понялъ мысли вдохновенье,
Кто слышалъ сердца разговоръ?

*) Было: Могущій.

Любовь! Но гдѣ поэта пламень?

. . . . . .

XIV. Возрожденіе (стр. 250). Невскій Альманахъ (Аладьина) 1828; изд. 1829.

XV. Записка къ Жуковскому (стр. 250). Вѣстн. Евр. 1888, № 9, стр. 431, съ автографа, находящагося въ альбомѣ С. Н. Батюшковой (Имп. П. Б-ка).

Въ запискѣ упоминается Николай Николаевичъ Раевскій (1801-1843), младшій сынъ знаменитаго героя 1812 г., офицеръ л.-гв. гусарскаго полка, стоявшаго въ Царскомъ Селѣ, гдѣ онъ познакомился и подружился съ Пушкинымъ, посвятившимъ ему впослѣдствіи поэму „Кавказскій Плѣнникъ“ и стихотвореніе „Андрей Шенье“. Въ 1825 г. Р. былъ эскадроннымъ командиромъ Ольвіопольскаго уланскаго полка; во время персидской войны участвовалъ въ елисаветпольскомъ дѣлѣ, а потомъ, получивъ Нижегородскій драгунскій полкъ, дѣйствовалъ подъ Ахалцыхомъ и Карсомъ. Преслѣдованія военнаго министра гр. Чернышева и ссора съ Паскевичемъ заставили его выйти въ отставку и поселиться въ своемъ имѣніи, гдѣ онъ и умеръ. См. Л. Н. Майкова: „Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ“ (Пушк., 137 - 161).

[1] Николай Раевскій и его старшій братъ Александръ, будучи еще дѣтьми, сопровождали своего отца на войну и 11 іюля 1812 г. были свидѣтелями сраженія подъ Дашковкой, причемъ у Николая была прострѣлена пола сюртука. „А знаешь ли“,—спросилъ его отецъ, — „для чего я бралъ васъ съ собою?“ — Чтобы вмѣстѣ умереть, отвѣчалъ маль-

чикъ. Впослѣдствіи Раевскій-отецъ отрицалъ этотъ фактъ (Соч. Батюшкова, Спб., 1887, II, 328); но Жуковскій упомянулъ о немъ въ своемъ „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ“:

Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! Передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.

То же повторилъ и Пушкинъ въ посвященіи „Кавказскаго Плѣнника“:

. . . . въ объятіяхъ покоя
Едва-едва расцвѣлъ — и вслѣдъ отца-героя,
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьихъ стрѣлъ,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ.

[2] „Boris“, nouvelle par A Saint-Hippolyte, Paris, 1819. Здѣсь въ предисловіи сказано, что на тотъ же сюжетъ знаменитымъ русскимъ поэтомъ Жуковскимъ написана баллада („Громобой“). Содержаніе повѣсти Сентъ-Ипполита взято изъ древне-русской жизни и основано на легендѣ о продажѣ души сатанѣ. Книга эта была послана Жуковскому кн. Вяземскимъ изъ Варшавы, черезъ А. И. Тургенева, въ іюлѣ 1819 г. (Ост. Арх., I, 256, 263, 605). Сентъ-Ипполитъ перевелъ также „Марѳу Посадницу“ Карамзина („Marpha, ou Novgorod conquise“, P. 1818).

А. И. Кирпичниковъ напечаталъ въ Рус. Стар. 1897, т. 89, стр. 275 другую шуточную записку, будто бы написанную Пушкинымъ на дверяхъ квартиры Жуковскаго (найдена въ бумагахъ Н. М. Коншина):

Штабсъ-капитану, *) Гете, Грею,
Томсону, Шиллеру — привѣтъ!
Имъ поклониться честь имѣю,
Но сердцемъ истинно жалѣю,
Что никогда ихъ дома нѣтъ.

XVI. Русалка (стр. 251). Изд. 1826, съ помѣтой: „баллада". Тотчасъ же было перепечатано въ журналѣ А. Ѳ. Воейкова „Новости Литературы" (1826, янв.), съ припиской: „Изъ прекраснаго собранія мелкихъ стихотвореній, на сихъ дняхъ только отпечатаннаго. Сія книга продается у комиссіонера Россійской Академіи Сленина по 10 р. за экземпляръ, а съ пересылкою по 11 рублей". Въ этой перепечаткѣ Воейковъ произвольно измѣнилъ послѣдній стихъ: „Русалки дергали въ водѣ". — Затѣмъ стихотвореніе вошло въ изд. 1829 г. Въ запискѣ, представленной гр. Бенкендорфомъ государю по поводу „Бориса Годунова" въ 1826 г., есть указаніе, что „Русалка", вмѣстѣ съ „Чернецомъ" Козлова, „подвергались гоненію духовенства, и на нихъ были приносимы жалобы министру просвѣщенія" (Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи по рус. лит. и просвѣщенію, Спб. 1889, II, 221). Цензура, въ свое время, дѣйствительно запретила „Русалку": „Читалъ ли ты? Если нѣтъ, то пришлю: старая піеса, прелестная, неодобренная еще Тимковскимъ", писалъ о ней Тургеневъ кн. Вяземскому (Ост. Арх. III, 3).

XVII. Вольность (стр. 253). Отрывки — въ

*) Жуковскій, служа въ московскомъ ополченіи 1812 г., состоялъ при дежурствѣ главнокомандующаго Кутузова, вмѣстѣ съ другими волонтерами находился подъ Бородинымъ въ строю и за отличіе былъ награжденъ чиномъ штабсъ-капитана и орденомъ св. Анны II степени.

издд. 1880 и 1882 гг.; вполнѣ — въ Полярной Звѣздѣ, кн. II (Лондонъ 1856).

Это стихотвореніе, послужившее поводомъ къ удаленію Пушкина на югъ Россіи и извѣстное также подъ названіемъ: „Ода на свободу", написано, по всей вѣроятности, лѣтомъ 1819 г.: о немъ упоминаетъ А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ Вяземскому отъ 5 августа (Ост. Арх. I, 280), говоря: „Вообрази себѣ двѣнадцатилѣтняго юношу, который шесть лѣтъ живетъ въ виду дворца и въ сосѣдствѣ съ гусарами, и послѣ обвиняй Пушкина за его оду на свободу". Въ письмѣ отъ 22 октября того же года Тургеневъ сообщалъ Вяземскому: „Пушкинъ переписалъ для тебя стансы на свободу, но я боюсь и за него, и за тебя посылать ихъ къ тебѣ. Les murs peuvent avoir des yeux et même des oreilles!" (Тамъ же, 335). По разсказу Ф. Ф. Вигеля (Записки, изд. Рус. Архива 1891-93, ч. VI, стр. 10), ода написана въ квартирѣ Тургеневыхъ, на Фонтанкѣ, прямо противъ Михайловскаго замка. Впослѣдствіи, говоря о своихъ литературныхъ заслугахъ, Пушкинъ указывалъ, между прочимъ, что вслѣдъ Радищеву возславилъ онъ свободу. Дѣйствительно многія мѣста этой оды довольно близко воспроизводятъ мысли, высказанныя Радищевымъ въ одѣ съ тѣмъ же заглавіемъ: „Вольность", помѣщенной въ „Путешествіи изъ С.-Петербурга въ Москву" (глава „Тверь"). Приводимъ нѣсколько параллельныхъ мѣстъ изъ этой послѣдней оды къ соотвѣтствующимъ строфамъ пушкинской.

Къ строфѣ I:

О даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ,
О вольность, вольность, даръ безцѣнный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.

Къ строфѣ II:

Но мститель — трепещи! — грядетъ.
Онъ молвитъ, вольность прорекая,
И се — молва отъ край до края,
Глася свободу, протечетъ.

Къ стр. IV и V:

Возводитъ строгія зѣницы,
Льетъ радость, трепетъ вкругъ себя,
Равно на всѣ взираетъ лицы,
Ни ненавидя, ни любя.
Онъ лести чуждъ, лицепріятства,
Породы, знатности, богатства;
Гнушаясь мертвенныя тли,
Родства не знаетъ, ни пріязни,
Равно дѣлитъ и мзду, и казни;
Онъ — образъ Божій на земли!

Ср. слова о законѣ въ главѣ „Хотиловъ“: „Первый властитель въ обществѣ есть законъ, ибо онъ для всѣхъ одинъ“.

Къ стр. VI и VII:

Возстанетъ рать повсюду бранна,
Надежда всѣхъ вооружитъ,
Въ крови мучителя вѣнчанна
Омыть свой стыдъ ужь всякъ спѣшитъ.
Мечъ остръ, — я зрю, — вездѣ сверкаетъ,
Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ,
Надъ гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя *).

*) Говорится о смерти Карла I.

Послѣдній стихъ XI-й строфы также взятъ изъ оды Радищева:

Вѣщай, злодѣй, мной увѣнчанный!
Противъ меня возстать какъ смѣлъ?

Въ строфѣ X-й стихъ 1-й: „Онъ слышитъ Кліи страшный гласъ“ напоминаетъ стихъ Батюшкова въ посланіи: „Къ другу“:

И Кліи мрачныя скрижали.

Къ этому стиху Пушкинъ замѣтилъ: „Кліо, какъ депо, не склоняется; но это правило было бы затруднительно“ (Майковъ, Пушк., 312).

Въ стр. II Пушкинъ упоминаетъ „возвышеннаго галла“, воспѣвавшаго свободу „средь грозныхъ бѣдъ“. Это первое по времени упоминаніе нашего поэта объ А. Шенье, которому онъ не разъ подражалъ впослѣдствіи. Marie-André de Chénier, сынъ французскаго генеральнаго консула и гречанки, род. въ Константинополѣ 20 окт. 1762, въ раннемъ дѣтствѣ былъ привезенъ во Францію и уже въ юности, прекрасно изучивъ греческій языкъ и литературу, выступилъ съ оригинальными стихотвореніями въ древнемъ стилѣ. Пробывъ очень недолго въ арміи, онъ вышелъ въ отставку, побывалъ въ Швейцаріи и Лондонѣ, а въ 1790, поселившись въ Парижѣ, посвятилъ себя исключительно литературѣ. Увлеченный событіями революціи, онъ принялъ участіе въ политическихъ распряхъ того времени и въ газетѣ Journal de Paris рѣшительно возсталъ противъ анархіи, нападалъ на Робеспьера и Колло д'Эрбуа, прославлялъ Шарлоту Кордэ и защищалъ Людовика XVI. Это навлекло на него гоненіе Робеспьера, онъ былъ

заключенъ въ тюрьму, преданъ суду и казненъ 7 термидора II года (25 іюля 1794). Изъ его произведеній въ особенности замѣчательны: идилліи, элегіи, оды („Свобода", „Молодая узница" и пр.), гимны и посланія. Собраніе его сочиненій появилось только въ 1819 г. и, слѣдовательно, тотчасъ же стало извѣстно Пушкину, который съ этихъ поръ начинаетъ черпать у французскаго поэта новые мотивы. По отзыву современнаго намъ французскаго критика (Gustave Lanson, Hist. de la littérature française, P. 1895, pp. 837 - 838), произведенія А. Шенье не имѣютъ себѣ ничего подобнаго во французской литературѣ: „они кажутся подлинными произведеніями древности, безъ всякой искусственности; это — поэзія легкая, ясная, пластическая, проникнутая свѣтомъ, выражающаяся въ гармоническихъ и изящныхъ формахъ, развитіе которыхъ представляется вполнѣ естественнымъ, — искусство увѣренное и строгое, нигдѣ не выступающее на первый планъ, но чувствуемое всюду". Въ своихъ „Замѣткахъ при чтеніи книгъ" (1825) Пушкинъ говоритъ о Шенье, какъ о поэтѣ, пропитанномъ древностью, коего недостатки проистекаютъ отъ желанія дать французскому языку формы греческаго стихотворенія. А въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 4 ноября 1823 онъ говоритъ, что Шенье — „изъ классиковъ классикъ, истинный грекъ, отъ котораго такъ и пахнетъ Ѳеокритомъ и анѳологіей". О вліяніи Шенье на Пушкина см. С. Любомудрова, Античные мотивы въ поэзіи Пушкина, изд. 2-е, Спб. 1901, стр. 22 - 29.

XVIII. Н. В. Всеволожскому (стр. 256). Изд. 1826 и 1829, подъ заглавіемъ: „В***му", съ слѣдующими измѣненіями:

[1] Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы,
Любимецъ музъ, поклонникъ моды
И Терпсихоры, и стиховъ!
Ты въ жизни любишь перемѣну:
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ сладко дремлютъ наяву
И наслажденьямъ знаютъ цѣну.
Разнообразной и живой
Москва плѣняетъ пестротой...
[2] И тяжкой знатности похмѣлье...

Поправки даны въ Библіогр. Зап. 1858, № 11, стр. 338, а въ Рус. Стар. 1880, т. 27, стр. 191, посланіе напечатано П. А. Ефремовымъ по автографу, изъ котораго приведены слѣдующіе первоначальные варіанты:

Стр. 256.
ст. 12. Въ старинной кичкѣ...
13. Москва предобрая старушка.
Стр. 257.
ст. 1. И вотъ, въ пріютѣ отдаленномъ
5. [Клубится дымъ изъ братскихъ трубокъ]
Въ густомъ дыму завѣтныхъ трубокъ
9. И мчится радостный досугъ
14. Ихъ сладострастныя движенья
19—20. Отъ рѣзвыхъ игръ удалена,
Томится плѣнница младая.

Въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2364, л. 64 об., находится, повидимому, еще болѣе ранній черновой набросокъ послѣднихъ восьми стиховъ посланія, представляющій слѣдующіе варіанты:

[3] [Прощай], возьми себѣ вѣнокъ

(въ автографѣ г. Ефремова: „Лети, возьми себѣ вѣнокъ“ и „Итакъ, возьми себѣ вѣнокъ“);

4 И доплети... но ты знатокъ
Въ наукѣ . . . . счастья.

(у г. Ефремова: „Въ разительной наукѣ счастья“).

Никита Всеволодовичъ Всеволожскій, очень извѣстный въ кругу „золотой молодежи“ 20-хъ гг. балетоманъ, основатель кружка „Зеленой Лампы“ (см. выше, стр. 545), собиравшагося въ его домѣ на Екатерингофскомъ проспектѣ (нынѣ — домъ Финляндскаго Статсъ-Секретаріата), недалеко отъ котораго, на Екатерининскомъ каналѣ, помѣщалось Театральное училище. Объ одной изъ воспитанницъ этого училища, танцовщицѣ Овошниковой, и говоритъ Пушкинъ въ своемъ посланіи, называя ее „младой плѣнницей“.

XIX и XX. Кн. А. М. Горчакову (стр. 258). „Раутъ“, сборникъ Н. В. Сушкова (М. 1854), кн. III, стр. 248; Анн., VII, 22-24. Подлинная рукопись неизвѣстна. Въ „Раутѣ“ оба стихотворенія соединены въ одно; П. В. Анненковъ ихъ раздѣлилъ, признавъ послѣдніе 8 стиховъ отрывкомъ изъ другого посланія.

Упоминаемый въ этомъ стихотвореніи Бутурлинъ — Дмитрій Петровичъ (1790 - 1849), служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ отечественной войнѣ, съ 1817 г. былъ флигель-адъютантомъ Александра I; въ 1832 г. поступилъ на гражданскую службу и былъ сенаторомъ (1840), членомъ Государственнаго Совѣта, директоромъ Имп. Публ. Б-ки

и предсѣдателемъ знаменитаго комитета 2 апрѣля 1848 г. для высшаго наблюденія за литературой. Написалъ нѣсколько сочиненій по военной исторіи на франц. яз., а по-русски — Исторію смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка, 2 ч., Спб. 1839-41. См. о немъ Рус. Арх. 1873, кн. I 726-727; Соч. П. А. Вяземскаго, X, 120; Ост. Арх. I, 540-541.

Шенингъ — въ прежнихъ изданіяхъ печаталось: „Шеппингъ"; но въ черновой рукописи Посланія къ Чаадаеву 1821 г. (Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 7 об.), гдѣ также упоминается это имя, вполнѣ четко написано: „Гони ты Шенинга отъ нашего порога". Лицо, о которомъ идетъ рѣчь, осталось намъ неизвѣстнымъ.

XXI. Платонизмъ (стр. 260). Библіогр. Записки 1858, № 11, ст. 341. Прежними изданіями относилось къ 1820 г.; но въ письмѣ отъ 10 декабря 1819 г. А. И. Тургеневъ сообщалъ кн. П. А. Вяземскому, что „Пушкинъ написалъ посланіе à une branleuse, — и, право, первой стыдливости читать можно" (Ост. Арх. I, 371). Черновое стихотвореніе находится въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2364, лл. 73 и 73 об.; тамъ же, на л. 78, написано отдѣльно два стиха, которыми первоначально начиналась эта пьеса:

Повѣрь, я [точно] угадалъ,
Кому ты жертвуешь украдкой...

Это — переводъ отрывка изъ стихотворенія Парни: „Coup d'oeil sur Cythère" (1787), гдѣ дѣвица, о которой идетъ рѣчь, носитъ имя Noeris.

Тотъ же отрывокъ переведенъ былъ въ 1821 г. К. Ѳ. Рылѣевымъ (Соч., изд. 1875 г., стр. 170 и 333):

Повѣрь, я знаю ужь, Дорида,
Про то, что скрыть желаешь ты...

Любопытно, что въ черновой рукописи Рылѣева первоначально вмѣсто Дориды тоже была Лиденька: „Повѣрь, о Лиденька, я знаю“ (исправлено: „Повѣрь, ужь мнѣ извѣстно, Лида“).

XXII. Дорида (стр. 261). Невскій Зритель 1820, ч. I, № 2; перепечатано въ Новостяхъ Литературы 1823, № 34 и въ „Опытѣ рус. анѳологіи“ М. Яковлева.

Отнесено нами, вмѣстѣ съ слѣдующимъ стихотвореніемъ, къ 1819 г., потому что находится среди произведеній этого года въ рукописи Моск. Публ. Музея, № 2364, л. 53 об., гдѣ первый стихъ читается:

[1] [Мнѣ въ Лидѣ] нравятся...

Первый стихъ этого стихотворенія напоминаетъ Батюшкова: „Въ Лаисѣ нравится улыбка на устахъ“.

XXIII. Доридѣ (стр. 261). Невскій Зритель 1820, ч. I, № 1, съ подписью: А. П. — Издд. 1826 и 1829. Рукопись этого стихотворенія была извѣстна П. В. Анненкову, по словамъ котораго послѣдній стихъ первоначально читался:

[1] И ласковыхъ рѣчей младенческая нѣжность.

Этотъ стихъ заимствованъ Пушкинымъ у А. Шенье
Et des mots caressants la mollesse enfantine.

Необходимо прибавить, что остальные стихи этой пьесы Шенье (Элегія XXV) не имѣютъ ничего общаго съ содержаніемъ пушкинскаго стихотворенія.

XXIV. Ты и я (стр. 262). Библ. Записки 1858, ст. 369. Нами печатается съ пропускомъ двѣнадцати заключительныхъ стиховъ.

XXV. Черновые наброски (стр. 262-264). Первый („Напрасно, милый другъ...“) по рукописи М. Публ. Музея № 2364, л. 56, напечатанъ въ Рус. Стар. 1884, т. 41, стр. 654, и въ изд. Лит. Ф. I, 213; второй („Воспоминаньемъ упоенный...“) — у Анн., Мат., 84; въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2367, л. 9, озаглавлено: „Элегія“. Въ другой рукописи (№ 2364, л. 77 об.) этому наброску придана иная редакція:

Къ Кагульскому памятнику *).
Побѣды памятникъ надменный!
Съ благоговѣньемъ и тоской
Объемлю грозный мраморъ твой,
Воспоминаньемъ оживленный.
Не подвигъ росса, не султанъ,
Не задунайскій великанъ
[Тревожатъ]....
1819. 30 mars.

П. В. Анненковъ сначала (Мат., 84) видѣлъ въ этомъ наброскѣ доказательство того, что Пушкинъ въ 1821 г., во время своихъ странствованій съ цыганами, „доходилъ до самыхъ границъ Имперіи“, а

*) Памятникъ Кагульской побѣды гр. Румянцова — въ Царскомъ Селѣ, среди пруда.

потомъ (Пушк., 43) говорилъ, что въ этихъ стихахъ — „намекъ на одну изъ любовныхъ шашней, которыми былъ такъ богатъ первоначальный Лицей". Послѣднее объясненіе, кажется, вѣроятнѣе.

Третій набросокъ („Скажи, какія заклинанья...") написанъ карандашомъ въ рукописи М. Публ. Муз. № 2364, л. 70, и напечатанъ въ Рус. Стар. 1884, т. 41, стр. 659 и въ изд. Лит. Ф. I, 214. — Четвертый („Все призракъ, суета...") находится въ той же рукописи, л. 77 об., и напечатанъ въ Рус. Ст., l. c. 661 и въ изд. Лит. Ф. I, 214. — Пятый („Недавно, тихимъ вечеркомъ...") — въ той же рукописи, л. 66 об., и въ Рус. Ст., l. c. 658. Имя Наташи встрѣчается еще въ одномъ наброскѣ, въ той же рукописи, л. 49 (Рус. Ст., l. c. 651):

Но все Наташи не забылъ,
И чувства прежнія свои,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратилъ.

Къ 1819 г. относится еще неизвѣстное въ печати посланіе Пушкина къ А. И. Тургеневу, который (въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 2 апрѣля,— Ост. Арх. I, 210) приводитъ его начало:

Въ себѣ всѣ блага заключая,
Ты, наконецъ, къ ключамъ отъ рая
Привяжешь камергерскій ключъ...

Въ другомъ письмѣ — отъ 26 авг. 1819 (тамъ же, 296) Тургеневъ сообщаетъ, что Пушкинъ „дорогой изъ Царскаго Села въ Павловскъ писалъ по-

сланіе о Жуковскомъ къ павловскимъ фрейлинамъ, но еще не кончилъ". Объ этомъ стихотвореніи также ничего неизвѣстно.

1820.

I. Мнѣ бой знакомъ... (стр. 265). Издд. 1860, 1880, 1882 (съ ошибкой). П. А. Ефремовъ (изд. 1882, I, 507) приводитъ изъ автографа слѣдующіе первоначальные варіанты:

[1] И мысль объ ней сладка душѣ моей.
[2] . . . . восторга полный воинъ...
[3] Тотъ полнаго веселія не зналъ...

II. Эпиграммы на Аракчеева (стр. 265 - 266). Первая — въ изд. 1880, V, 533; вторая — въ изд. 1882, I. „Безъ лести преданъ" — извѣстный девизъ гр. Аракчеева (р. 23 сент. 1769, ум. 21 апр. 1834).

III. Погасло дневное свѣтило... (стр. 266). Сынъ Отеч. 1820, № 46, подъ заглавіемъ: „Элегія", безъ подписи, но съ помѣтой: „Черное море. 1820. Сентябрь". Въ письмѣ къ брату отъ 24 сентября 1820 Пушкинъ сообщаетъ, что написалъ эту элегію ночью, на кораблѣ, при переѣздѣ изъ Ѳеодосіи въ Юрзуфъ съ Раевскими. Въ тетради, съ которой печаталось изданіе 1826 г., стихотвореніе имѣло, по словамъ П. В. Анненкова, заглавіе: „Черное море" и эпиграфъ изъ пѣсни Чайльдъ-Гарольда: „Good night, my native land!" Но въ печати какъ заглавіе,

такъ и эпиграфъ были отброшены, и только въ оглавленіи поставлено: „Подражаніе Байрону“. Въ такомъ же видѣ перепечатано это стихотвореніе и въ изд. 1829 г. Первоначальная печатная редакція („С. От.“) представляетъ, сравнительно съ позднѣйшею, слѣдующіе варіанты:

[1] Смущенный духъ во мнѣ кипитъ и замираетъ.
[2] Неси меня, корабль, неси къ предѣламъ дальнымъ...
[3] . . . . . мятежныхъ заблужденій...
[4] (Въ рукописи:) Глубокихъ сердца ранъ...

Въ записной книжкѣ Пушкина 1820-21 гг. (Имп. Публ. Б-ка), л. 7, находится крайне исчерканный конецъ этого стихотворенія, писанный перомъ по карандашу, съ многочисленными поправками. Здѣсь можно разобрать:

И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Свободою, и славой, и душой,
И вы, весны моей...

Тутъ же, сбоку написано:

Въ забвеньи ночи насладись,
Наслушайся рѣчей волшебныхъ,
Красы небесной наглядись...

А на оборотѣ, карандашомъ:

Безпечной, жадною душой
Лови . . . . мгновенья...

Въ этой элегіи обнаруживаются первые слѣды вліянія Байрона на Пушкина: она воспроизводитъ

нѣкоторые мотивы „Чайльдъ-Гарольда“ и, между прочимъ, — 1-й стихъ 179-й строфы IV пѣсни байроновской поэмы:

Roll on, thou deep and dark blue Ocean, — roll!

Батюшковъ (Соч., изд. 1887, I, 293) передалъ этотъ стихъ съ тѣмъ же эпитетомъ: „угрюмый“:

Шуми же ты, шуми, угрюмый океанъ!

V. Нереида (стр. 268). Полярн. Звѣзда 1824, съ опечаткой, въ ст. 4: „Какъ ясной...“, что заставило Пушкина перепечатать стихотвореніе въ Литер. Листкахъ (Булгарина) 1824, № 4. Въ издд. 1826 и 1829 гг. 3-й стихъ былъ измѣненъ:

Сокрытый межь деревъ, едва я смѣлъ дохнуть.

Стихотвореніе написано въ Каменкѣ, имѣніи Раевскихъ-Давыдовыхъ, Чигиринскаго уѣзда Кіевской губ., гдѣ Пушкинъ гостилъ нѣсколько разъ въ 1820 и 1821 гг. Имѣніе это принадлежало матери знаменитаго генерала Н. Н. Раевскаго, Екатеринѣ Николаевнѣ, урожденной Самойловой (племянницѣ свѣтлѣйшаго Потемкина), которая, овдовѣвъ, вышла за Льва Денисовича Давыдова и отъ этого второго брака имѣла двухъ сыновей, Александра и Василія Львовичей Давыдовыхъ. Послѣдній былъ впослѣдствіи декабристомъ, а въ началѣ 20-хъ годовъ Каменка служила своего рода центромъ, гдѣ собиралась не только семья Раевскихъ и Давыдовыхъ, но и ихъ друзья, будущіе участники тайнаго общества. О пребываніи тамъ Пушкина см. Записки И. Д. Якушкина (Лейпцигъ, 1874) и статью А. М. Лободы: „П. въ Каменкѣ“ въ Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ 1899, № 5, стр.

81-99. По словамъ комментаторовъ, „Нереида“ относится къ Ек. Ник. Раевской; желая скрыть это, П. въ изданіи 1826 вмѣсто „оливъ“ поставилъ: „деревъ.“

VI. Таврическая звѣзда (стр. 268). Такъ озаглавлено это стихотвореніе въ автографѣ, принадлежавшемъ Л. Н. Майкову. Напечатано оно безъ заглавія въ Пол. Звѣздѣ 1824, безъ позволенія Пушкина, который за это очень сердился на издателя альманаха, А. А. Бестужева (см. письма къ нему отъ 12 янв. и 29 іюня 1824) и въ издд. 1826 и 1829 гг. вмѣсто „таврическія“ волны поставилъ „полуденныя“ и отбросилъ послѣдніе три стиха, замѣнивъ ихъ строкою точекъ.

VII. Дочери Кара-Георгія (стр. 269). Издд. 1826 и 1829 гг. — Въ записной книжкѣ Пушкина 1820-21 гг. (Имп. П. Б-ка), л. 25, озаглавлено: „Дочери Георга Чернаго“; къ этому заглавію чужой рукой и оригинальнымъ почеркомъ (можетъ быть, — какого-нибудь серба) приписано въ скобкахъ: „Кара-Георгій.“ Другой черновикъ — въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 18 об., озаглавленъ: „Дочери К. Г.“ и снабженъ помѣтой: „1820.“ Ниже приводятся варіанты по обѣимъ рукописямъ, причемъ московская отмѣчается буквою М:

[1] На поясѣ его ты трогала кинжалъ,
Проклятіемъ небесъ запечатлѣнный.

(Въ М послѣдній стихъ зачеркнутъ и надъ нимъ написано: „На гибель многихъ обреченный“).

[2] Какъ часто, разбудивъ свирѣпый сердца жаръ

[3] Злодѣйства дерзкаго обдумывалъ ударъ,

И улыбалась ты лица его веселью.
[4] Но ты, прекрасная, мятежный вѣкъ отца
Невинной жизнію предъ Богомъ искупила...
Въ М: Внезапно мечъ блеснулъ и дни его
пресѣкъ;
Но ты, прекрасная, отца преступный вѣкъ
Невинной жизнію предъ небомъ искупила...

Кромѣ того, въ М. къ стиху: „Покрытый кровію святой“ сдѣлана выноска: „Отца и брата.“

Кара-Георгій, — Георгій Петровичъ, прозванный „Чернымъ“ (по-турецки карá) за то, что убилъ своего отца, не хотѣвшаго присоединиться къ сербскому возстанію 1787 г. (см. въ т. II-мъ XI пѣсню зап. славянъ), род. въ 1760-хъ гг., участвовалъ въ сказанномъ возстаніи, затѣмъ дрался съ турками въ 1788-90 подъ австрійскими знаменами и въ припадкѣ гнѣва повѣсилъ своего брата. Въ 1804 поднялъ новое возстаніе противъ турокъ, въ 1806 овладѣлъ Бѣлградомъ и правилъ Сербіею до 1813 г., когда турки снова завоевали эту страну. Разбитый турками, Кара-Георгій бѣжалъ въ Россію; но въ 1817 г. тайно возвратился въ Сербію. Узнавъ объ этомъ, сербскій князь Милошъ Обреновичъ, по приказу турокъ, подослалъ къ нему убійцъ; Кара-Георгія зарѣзали, и голову его отослали къ султану. Семейство сербскаго вождя долго жило въ Хотинѣ, недалеко отъ Кишинева; но, какъ увѣряетъ И. П. Липранди (Рус. Арх. 1866, стр. 1265), дочери Кара-Георгія Пушкинъ никогда не видалъ, разсказы же о немъ могъ слышать отъ русскихъ офицеровъ, сражавшихся вмѣстѣ съ сербами въ турецкую войну, и отъ сербскихъ воеводъ, поселившихся въ Кишиневѣ и встрѣчавшихся съ нимъ у Липранди.

VIII. Мнѣ васъ не жаль... (стр. 269). По автографу (записная кн. 1820-21 въ Имп. Публ. Б-кѣ, л. 5) напеч. въ изд. Лит. ф. I, 230. Нѣкоторые стихи близко напоминаютъ соотвѣтствующія выраженія въ элегіи: „Погасло дневное свѣтило“ (см. стр. 267: „И вы забыты мной, измѣнницы младыя...“) и въ посланіи 1817 къ Дельвигу (стр. 210: „Но гдѣ же вы, минуты упоенья...“).

IX. Къ портрету кн. Вяземскаго (стр. 270). Полярн. Звѣзда 1824, безъ подписи и съ заглавіемъ: „Къ портрету ***“; повторено въ издд. 1826 и 1829 гг.. Отнесено нами къ 1820 г., потому что находится въ записной книжкѣ 1820-21 гг. (л. 28), среди черновыхъ набросковъ этого года, непосредственно передъ „Черной Шалью“. Въ рукописи Моск. Публ: Муз. № 2367, л. 3, озаглавлено: „Къ портрету В.“, и первый стихъ исправленъ:

[1] Чудесные дары судьба явила въ немъ.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (р. 12 іюля 1792, ум. 10 ноября 1878) извѣстный поэтъ, критикъ и журналистъ, познакомился и близко сошелся съ Пушкинымъ еще въ бытность послѣдняго въ Лицеѣ. Письма къ нему см. въ т. VIII; біографическія свѣдѣнія о немъ, списокъ его сочиненій и пр. — въ Запискахъ Ак. Наукъ, 1880, т. 36; см. ст. В. Д. Спасовича въ Рус. Мысли 1890, № 1, стр. 51-82. Полное собраніе его сочиненій изд. гр. С. Д. Шереметевымъ, Спб. 1878 и слл. — Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, изд. гр. С. Д. Шереметьева, подъ ред. и съ примѣчаніями В. И. Саитова, Спб. 1899 и слл.

X. Черная шаль (стр. 270). Сынъ Отеч. 1821, № 15, Благонамѣренный 1821, ч. XIV, № 10, стр. 142, съ примѣчаніемъ: „Напечатана съ ошибками въ 15-мъ номерѣ Сына Отечества“. Черновое — въ записной книжкѣ 1820-21 гг. (Имп. Публ. Б-ка), л. 28 об. Первоначальные варіанты:

[1] Въ рукописи: Давно мою душу терзаетъ печаль;
Гляжу я на саблю, на черную шаль.
Въ С. О.: Гляжу я безмолвно на черную шаль
[2] Изд. 1826: Гречанку младую...
[3] Въ рукописи: Прелестная дѣва любила меня...
[4] Въ рукописи: Я позвалъ однажды...
[5] Въ рукописи: . . . . раба своего.
[6] Изд. 1826: . . . . на борзомъ конѣ
[7] Изд. 1826: Вхожу въ отдаленный покой я одинъ...
Въ рукописи: Въ покой отдаленный вошелъ я одинъ...
[8] Въ рукописи: Я вспыхнулъ, — ужасный булатъ загремѣлъ...
[9] Въ рукописи: Я помню моленья, и слезы, и кровь...
[10] Въ рукописи: . . . . Какъ ночная спустилася мгла...
[11] Въ рукописи: . . . . . коварныхъ очей...

По словамъ Ф. Ф. Вигеля (Записки, изд. Рус. Арх. 1891-93, ч. VI, стр. 153), Пушкинъ записалъ эту пѣсню со словъ жившей въ Кишиневѣ гречанки Калипсо Полихрони, о которой см. ниже, въ примѣч. къ стихотворенiи „Гречанкѣ“. Но Липранди опро-

вергаетъ это сообщеніе, говоря, что пѣсня записана отъ молдаванки Маріулы, служанки въ одной изъ кишиневскихъ ресторацій. Въ 1823 г. „Черная Шаль“ положена была А. Н. Верстовскимъ на музыку и, подъ названіемъ Кантаты, исполнялась на московской сценѣ Булаховымъ (Рус. Арх. 1864, ст. 811). Это вызвало рѣзкое осужденіе со стороны Вѣстн. Евр. (1824, № 1, стр. 70): „Почему это кантата? Что за кантата? Такія ли кантаты у Ж.-Б. Руссо? Какой-то молдаванинъ убилъ какую-то красавицу, которую соблазнилъ какой-то армянинъ!..“ Журналъ упрекалъ композитора за то, что онъ расточилъ такъ много музыкальнаго таланта на „темное злодѣяніе какихъ-то неизвѣстныхъ людей“, и пр.

Пѣсня переведена на франц. яз. В. Л. Пушкинымъ въ Bulletin du Nord 1828, № 1.

XI. Увы, зачѣмъ (стр. 272). Полярн. Зв. 1823, подъ заглавіемъ: „Элегія“, откинутымъ въ издд. 1826 и 1829 гг. Перепечатано Воейковымъ въ Новостяхъ Литературы 1823, № 1. Черновое — въ записной книжкѣ 1820-21 (Имп. П. Б-ка), л. 4 об., гдѣ находится и помѣтка: „Юрзуфъ“; но на другой сторонѣ того же листа написано заключительное четверостишіе, съ двумя помѣтами: „8 февраля 1821. Кіевъ“ и „9 fev. ap. d.“ (т. е. 9 février après dîner?). Помѣта: „1820. Юрзуфъ“; находится въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2367, л. 2 об. и 3. Вѣроятно, элегія написана въ Юрзуфѣ, но окончательную отдѣлку получила позже, именно — въ 1821 г., къ которому отнесена и въ изд. 1826 г. Рукопись И. П. Б-ки представляетъ слѣдующіе первоначальные варіанты:

[1] Не долго жизнью молодою
Безпечно наслаждаться ей... *)
[2] Несчастной матери своей...
[3] Не долго милой остротою
Бесѣды наши услаждать
[4] Больную душу оживлять **)
[5] Спѣшу съ волненьемъ думъ тяжелыхъ...
[6] [Одна минута разлученья]
[Ужасна]
И краткій мигъ уединенья
Несносенъ для души моей.

Стихотвореніе относится къ одной изъ дочерей генерала Н. Н. Раевскаго, Еленѣ Николаевнѣ; старшая ея сестра, Екатерина Николаевна, вышла въ 1821 г. за Мих. Ѳед. Орлова, а младшая, Марія Николаевна, — за кн. Сергѣя Григорьевича Волконскаго, впослѣдствіи — декабриста.

XII. Эпиграмма на Каченовскаго (стр. 272). Рус. Арх. 1865, № 12. Записная книжка 1820-21 гг. (Имп. П. Б-ка), л. 8, представляетъ слѣдующіе первоначальные варіанты:

[1] Угрюмый враль, невѣжда закоснѣлый,
[2] Въ грязи...
[3] Каналья золъ!..

XIII. Когда бъ писать... (стр. 273). Тамъ же. — Записная книжка, л. 8.

---

*) Въ Полярной Звѣздѣ: Не долго жизнью молодою
Въ забвеньи наслаждаться ей...
**) Въ Пол. Звѣздѣ: Больную душу услаждать.

XIV. Какъ брань... (стр. 273). Тамъ же. — Записная книжка, л. 8, даетъ варіантъ:

[Я не бездѣльникъ, хоть] безъ дѣла.

XV. На Ѳ. И. Толстого (стр. 273). Тамъ же. Графъ Ѳедоръ Ивановичъ Толстой (р. 6 фер. 1782, ум. 24 окт. 1846), племянникъ извѣстнаго собирателя рукописей гр. Ѳед. Андр. Толстого, пріятель В. Л. Пушкина и кн. Вяземскаго, участвовалъ въ плаваніи Крузенштерна (1803-6) и за непослушаніе былъ высаженъ на берегъ русской колоніи въ Сѣв. Америкѣ. Оттуда онъ отправился на Алеутскіе острова, посѣтилъ дикія племена колошей и сухимъ путемъ вернулся въ Россію. „Съ этихъ поръ", по словамъ Булгарина („Воспоминанія", т. V, Спб. 1848, стр. 202-203), „его прозвали американцемъ... Дома онъ одѣвался по-алеутски, и стѣны его увѣшаны были оружіемъ дикарей." Въ 1808 г., будучи поручикомъ Нейшлотскаго гарнизоннаго батальона, участвовалъ въ Шведской кампаніи, а съ 1809 г., послѣ двукратнаго разжалованія въ солдаты за дуэли и разныя безчинства, проживалъ частнымъ человѣкомъ въ Москвѣ. Въ войну 1812 г. былъ ратникомъ ополченія и своей отчаянной храбростью вновь заслужилъ офицерскій чинъ. По окончаніи войны поселился въ Москвѣ и въ 1821 г. женился на цыганкѣ Авдотьѣ Максимовнѣ Тугаевой, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей. Изъ нихъ старшая Сарра, (1821-1838), получила впослѣдствіи извѣстность какъ писательница (Ост.Арх.. I, 518-519; Записки Вигеля, II, 143-144 и III, 43-44, 74-75; Соч. В. Л. Пушкина изд. 1893, стр. 86-88; Соч. кн. П. А. Вяземскаго, III, 161 и IV, 8; Воспоминанія М. Ѳ. Каменской въ Ист. Вѣстн. 1894, т. 37, стр. 41-45).

„Плотный, сильный, небольшого роста брюнетъ съ смуглымъ лицомъ и черными блестящими глазами, Т. по натурѣ былъ эксцентрикъ, любившій во всемъ однѣ крайности. Отчаянный головорѣзъ и храбрецъ, онъ до страсти любилъ дуэли, въ которыхъ, несмотря на пылкость характера, отличался замѣчательнымъ хладнокровіемъ. Это же хладнокровіе никогда не покидало его въ сраженіяхъ и въ карточной игрѣ. Побѣждая имъ своихъ противниковъ, онъ постоянно выигрывалъ огромныя суммы, которыя безумно тратилъ на кутежи, предаваясь всевозможнымъ излишествамъ. Живя открыто и роскошно, онъ въ особенности любилъ задавать обѣды, отличавшіеся тончайшею гастрономіей. Поэтому кн. Вяземскій, въ своемъ посланіи къ нему, и называетъ его: „Обжоръ властитель, другъ и богъ...“ Съ прекраснымъ образованіемъ онъ соединялъ знаніе нѣсколькихъ языковъ, любилъ музыку, литературу, много читалъ и охотно сближался съ артистами и писателями“ (В. И. Саитовъ въ Ост. Арх. I, 519-520). Кн. Вяземскій, въ посланіи, написанномъ 19 окт. 1818, даетъ слѣдующую характеристику Т.:

Американецъ и цыганъ,
На свѣтѣ нравственномъ — загадка,
Котораго, какъ лихорадка,
Мятежныхъ склонностей дурманъ
Или страстей кипящихъ схватка
Всегда изъ края мечетъ въ край,
Изъ рая — въ адъ, изъ ада — въ рай;
Котораго душа есть пламень,
А умъ — холодный эгоистъ;
Подъ бурей рока — твердый камень,
Въ волненьи страсти — легкій листъ.

Два послѣдніе стиха этого посланія Пушкинъ хотѣлъ взять эпиграфомъ къ „Кавказскому Плѣннику“, но, поссорившись съ Толстымъ изъ-за какой-то нескромности кн. Шаховского, отбросилъ эпиграфъ и написалъ на Толстого эпиграмму, выраженія которой почти дословно повторилъ въ посланіи 1821 г. къ Чаадаеву (см. стр. 285). Толстой отвѣчалъ также эпиграммой, о которой упоминаетъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату отъ 22 апр. 1825 г.; но впослѣдствіи они помирились, и Т. явился даже посредникомъ въ сватовствѣ П. къ Н. Н. Гончаровой.

Къ Толстому же относятся извѣстныя слова Репетилова въ IV д. „Горя отъ ума“:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку не чистъ...

XVI. Черновые наброски (стр. 274). Первый — у Анн., Мат., 337; второй печатается здѣсь впервые по автографу въ записной книжкѣ 1820-21 гг. (Имп. П. Б-ка), л. 6 об., и относится, можетъ быть, къ доктору Рудыковскому, который, находясь въ семьѣ Раевскаго, лѣчилъ Пушкина въ Екатеринославѣ и во время поѣздки на Кавказъ и оставилъ объ этомъ воспоминанія, напеч. въ Рус. Вѣстн. 1841, т. II, стр. 273-274, и у Анн., Мат., 65-67.

1821.

Въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2365, л. 53 находится составленный Пушкинымъ слѣдующій (неполный) списокъ его произведеній 1821 и 1822 гг. Къ сожалѣнію, снизу листа оторванъ клочекъ, на которомъ находился конецъ списка за 1821 г. (См. Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 103-104).

Въ 1821. Конецъ Кавказскаго Плѣнника.—Я пережилъ.—Кинжалъ.—Чаадаеву.—Чернильница.—Три элегіи.—Плешѣеву *).—Наполеонъ.—Овидію.—Л... (на этомъ словѣ листъ оборванъ).

1822. Братья-разбойники. — Олегъ. — Царь Никита.—Цензору.—Ѳедору Глинкѣ.—Старайся и пр. **).—Гречанкѣ.

I. Земля и море (стр. 275). Новости Литературы 1825, т. XI, № 1, стр. 27. Изд. 1826 и 1829 гг. гдѣ подзаглавіе: „Идиллія Москха“ поставлено только въ оглавленіи. Черновое—въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 1 об., съ заглавіемъ: „Морской берегъ, идиллія Москха“, помѣтой: „8 февраля 1821. Кіевъ“ и варіантомъ въ ст. 7: „И забываю важныхъ музъ“.

Пушкинъ не зналъ греческаго языка, и мы не знаемъ, съ какого подлинника перевелъ онъ эту идиллію Москха. Можетъ быть, съ этимъ поэтомъ позна-

*) Т. е. Плещееву. Къ этому лицу относили прежде стихотвореніе: „Зачѣмъ безвременную скуку“; но на автографѣ его, находящемся въ Чертковской Библіотекѣ въ Москвѣ, имѣется помѣта: „1 ноября 1826 г., Москва,“ вслѣдствіе чего мы и помѣстили его въ ряду стихотвореній 1826 г. Пьеса же съ заглавіемъ: „Плещееву“ намъ неизвѣстна.

**) Т. е. Примѣты („Старайся наблюдать...“ см, стр. 318).

комилъ его еще въ Лицеѣ проф. Кошанскій, издавшій въ 1811 книгу „Цвѣты греческой поэзіи", гдѣ, между прочимъ, помѣщено нѣсколько переводовъ изъ Біона и Мосха. Греческій текстъ идилліи приведенъ въ кн. С. Любомудрова „Античные мотивы въ поэзіи Пушкина", Спб. 1901, стр. 35. Тамъ же — и точный ея переводъ:

Если лазурное море безтрепетно вѣтеръ колышетъ, —
Робкой душой стремлюсь я къ нему; земля не мила мнѣ;
Глади морской тишина невольно къ себѣ привлекаетъ.
Если жь застонетъ сѣдая пучина, и моря поверхность
Гребни валовъ взбороздятъ, и длинныя волны помчатся, —
Къ сушѣ я трепетно жмусь, къ дубравѣ отъ моря бѣгу я:
Здѣсь коль и вихрь пронесется, — въ отвѣтъ загудятъ ему сосны.
Тяжка жизнь рыбака; ладья его—домъ ненадежный;
Трудъ его—на морѣ зыбкомъ, добыча невѣрная — рыба;
Я жь сладкимъ сномъ забываюсь подъ тѣнью густого платана.
Все бы я слушалъ ручей, что по камешкамъ возлѣ струится:
Онъ селянина журчаньемъ своимъ веселитъ, не пугаетъ.

II. Дѣва (стр. 276). Соревнователь просвѣщенія, 1825, № 3, безъ заглавія, которое дано изд. 1826 г. Рукопись Моск. Публ. Музея № 2367, л. 4

об. Въ журналѣ ст. 8-й читается, какъ и въ рукописи:

[1] Жужжатъ вокругъ нея влюбленныя мольбы.

По догадкѣ Л. Н. Майкова (Пушк., 106), относится къ дочери кишиневскаго боярина („Кукона") Пульхеріи Егоровнѣ Варѳоломей, о которой интересныя свѣдѣнія сообщаетъ А. Ѳ. Вельтманъ въ своихъ бессарабскихъ воспоминаніяхъ (тамъ же, 121 - 124), между прочимъ, называющій ее „автоматомъ". „Пульхерица,—говоритъ онъ,—была необъяснимый феноменъ въ природѣ... Многіе искали ея руки, отецъ изъявлялъ свое согласіе; но едва желающій быть нареченнымъ приступалъ къ исканію сердца, — всѣ вступленія къ объясненію чувствъ и желаній Пульхерица прерывала: „Ah, quel vous êtes!.." И все отступалось отъ исканій." Впослѣдствіи, уже въ 30-хъ годахъ, она вышла за Мано, греческаго консула въ Одессѣ.

III. Діонея (стр. 276). Изд. 1826. Въ первоначальной редакціи — въ Новостяхъ Литературы 1825, № 4:

Антологическій отрывокъ.

Подруга милая, я знаю, отчего
Ты съ нынѣшней весной [1] отъ нашихъ игръ отстала;
Я тайну сердца твоего
Давно, повѣрь мнѣ, угадала:
Кларисъ [2] въ тебя влюбленъ; онъ молодъ — и не разъ
Украдкою вдвоемъ я замѣчала васъ;
Ты слушаешь его въ безмолвіи, краснѣя,
Твой взоръ потупленный желаніемъ [3] горитъ,
И долго послѣ, Галатея,
Улыбку нѣжную лицо твое хранитъ.

Черновой текстъ, въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 9 об., озаглавленъ: „Идиллія“ и представляетъ слѣдующіе варіанты къ этой первоначальной редакціи стихотворенія:

[1] Ты съ нынѣшней весны...
[2] Кромидъ въ тебя влюбленъ...
[3] . . . . любовію горитъ.

Въ другой рукописи, № 2364, л. 39 об., стихотвореніе набросано безъ окончаній словъ и стиховъ (см. Рус. Стар. 1884, т. 41, стр. 97), и ст. 2-й читается: „Ты прошлою весной отъ нашихъ игръ отстала“. Наконецъ, въ той же рукописи, но выше (л. 34), находимъ еще два стиха: „И долго послѣ, Хризеида, улыбку нѣжную лицо твое хранитъ“.

М. В. Юзефовичъ въ Рус. Арх. 1880, III, 440, разсказываетъ, что Александръ Ник. Раевскій, которому Пушкинъ прочелъ это стихотвореніе, пародировалъ его при гостяхъ, читая 2-й стихъ: „Ты нынѣшней весной отъ нашихъ игръ удрала“. Эта шутка, будто бы, и заставила Пушкина отбросить начальное четверостишіе.

IV. Красавица передъ зеркаломъ (стр. 276). Соревнователь просвѣщенія 1825, № 3, съ подписью: „А. Пушкинъ“. Изд. 1826. Въ журналѣ, а также и въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 2, находимъ первоначальные варіанты:

[1] Мила красавица...
[2] . . . . цвѣтами убираетъ...

V. Муза (стр. 277) Сынъ Отеч. 1821, съ подписью „А. Пушкинъ“ и съ помѣтой: „Кишиневъ,

5 апрѣля 1821.“ Помѣта, поставленная нами въ текстѣ, взята изъ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 4, которая представляетъ слѣдующія первоначальные варіанты:

[1] Она трествольную...
[2] И пѣсни легкія веселыхъ пастуховъ.
[3] И дивно оживленъ божественнымъ дыханьемъ,
Тростникъ меня плѣнялъ святымъ очарованьемъ

По указанію С. Любомудрова („Античные мотивы въ поэзіи Пушкина“, изд. 2, Спб. 1901, стр. 24), матеріаломъ для этого стихотворенія послужилъ отрывокъ III изъ идиллій А. Шенье:

Toujours ce souvenir m'attendrit et me touche,
Quand lui-même, appliquant la flûte sur ma bouche,
Riant et m'asseyant sur lui, près de son coeur,
M'appelait son rival et déjà son vainqueur.
Il façonnait ma lèvre inhabile et peu sure
A souffler une haleine harmonieuse et pure,
Et ses savantes mains prenaient mes jeunes doigts,
Les levaient, les baissaient, recommençaient vingt fois,
Leur enseignant ainsi, quoique faibles encore,
A fermer tour à tour les trous du buis sonore.

„При передѣлкѣ Пушкинъ замѣняетъ какого-то неизвѣстнаго учителя французскаго оригинала граціознымъ образомъ музы, — и пьеса оживаетъ: обыкновенный урокъ на флейтѣ обращается въ группу античнаго стиля. Что рисуетъ намъ Шенье? Тѣсная комната, пюпитръ съ нотами, любящій учитель, прилежный ученикъ; какъ это все прозаично, какъ это все приглядѣлось! Посмотрите, что вышло у Пушкина: въ тѣни дубовъ геніальный ученикъ наигры-

ваетъ дѣтскими перстами свои первыя пѣсни; съ улыбкой внимаетъ муза своему любимцу; вотъ она беретъ его свирѣль,—чудныя пѣсни льются изъ тростника и наполняютъ очарованіемъ душу мальчика. Какъ все здѣсь дышитъ непринужденностью и легкостью, этими всегдашними спутниками таланта! Это — урокъ Моцарта, подобно тому, какъ въ пьесѣ Шенье — урокъ Сальери... "(Любомудровъ, 1 с.).

П. А. Плетневъ напечаталъ разборъ этого стихотворенія въ Трудахъ Вольнаго Общ. люб. русск. слов. 1822, XIX, 17 (ср. его Соч., изд. 1885, I, 53). Здѣсь, между прочимъ, говорится: „Въ четырнадцати стихахъ заключено все, что можетъ требовать воображеніе и чувство. Нѣтъ ни одного слова лишняго, ни одного стиха невыдержаннаго, ни одной картины недодѣланной. Нужно-ли прибавлять, что гармонія стиховъ въ семъ сочиненіи представляетъ пріятнѣйшую музыку для слуха?.. Какая вѣрность въ выраженіяхъ и свѣжесть въ подборѣ эпитетовъ", и пр. Самъ поэтъ очень цѣнилъ это стихотвореніе: Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ въ Москвит. 1842, № 3, стр. 147, разсказываетъ, что въ 1828 г. въ Москвѣ Пушкинъ вписалъ „Музу" въ его альбомъ и на вопросъ, почему именно это стихотвореніе, а не другое, пришло ему на умъ, отвѣчалъ: „Я люблю его,— оно отзывается стихами Батюшкова."

VI. Желаніе (стр. 277). Посм. IX, 125. Черновыя находятся въ рукописи Моск. Публ. Муз, № 2365, л. 25 и 25 об., и въ записной книжкѣ 1820-21 гг. въ Имп. П. Библіотекѣ, лл. 43 об.-45. Обѣ эти рукописи, изъ которыхъ первую отмѣчаемъ буквой **М**, а вторую—буквой **П**, представляютъ слѣдующіе варіанты:

[1] Я помню водъ веселыя струи **М**

[2] **М**: Все живо тамъ, все тамъ—очей отрада:
Сады татаръ, селенья, города,
И шелковицъ, и тополей прохлада,
Въ морской дали плывущія суда;
Янтарь виситъ на лозахъ винограда,
Въ лугахъ шумятъ бродящія стада...

[3] **П**: Все живо тамъ,—и тополей прохлада,
И въ ихъ тѣни уснувшія стада,
Склоненныхъ скалъ приморская громада,
Развалины, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И на волнахъ крылатыя суда,
И яркій блескъ лучей златого Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба.

П: Забывъ молву и свѣта суеты...

П: Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
Счастливая пѣвица красоты,

[5] **М**: Пѣвица нѣгъ, любови и разлуки

МП: Найдетъ ли вновь утраченные звуки *)?

[6] **П**: Увижу ль я роскошные лѣса

[7] **П**: Еще заснуть на лонѣ тихой лѣни.

[8]

Въ **П** затѣмъ былъ начато еще продолженіе, но все перечеркнуто:

Какъ я любилъ надъ [*блещущимъ*] заливомъ
Развалины, вѣнчанныя плющемъ...

Въ **М** есть еще два стиха, можетъ быть относящіеся къ этому же стихотворенію:

Когда луны сіяетъ ликъ двурогій,
И лучъ ея во мракѣ серебритъ...

---

*) Въ **М** два послѣдніе стиха переставлены одинъ на мѣсто другого.

Стихотвореніе это, вызванное воспоминаніями о Крымѣ и повторенное въ слѣдующемъ году, въ иной формѣ, въ заключеніи „Бахчисарайскаго Фонтана“, написано, вѣроятно, въ Кишиневѣ.

VII. Я ПЕРЕЖИЛЪ... (стр. 279). Новости Литературы 1823, № 48, подъ заглавіемъ: „Элегія“. — Издд. 1826 и 1829 — безъ заглавія. Въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 3 озаглавлено: „Элегія (изъ поэмы „Кавказъ“).“ Какъ въ этой рукописи, такъ и въ журналѣ 2-я строфа читается:

[1] Безмолвно жребію послушный,
Влачу страдальческій вѣнецъ,
Живу печальный *), равнодушный,
И жду: придетъ ли мой конецъ?

Въ другой рукописи Музея, № 2365, л. 13, то же стихотвореніе написано безъ концовъ строчекъ;

Я пережилъ мои желанья, и пр.

Какъ видно изъ этой рукописи, элегія должна была войти въ текстъ „Кавказскаго Плѣнника“ (носившаго первоначально заглавіе: „Кавказъ“), именно— во II-й части, въ рѣчи Плѣнника, послѣ стиховъ:

Безъ упованья, безъ желаній,
Я вяну жертвою страстей...

Но потомъ Пушкинъ выдѣлилъ ее и переписалъ отдѣльно 22 февраля 1821 („Кавк. Плѣнникъ“ оконченъ 20 февраля). Въ 1824 г. она переведена Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ на французскій яз. Переводъ

*) Въ рукописи: з а б ы т ы й.

этотъ, сообщенный А. И. Тургеневымъ кн. Вяземскому въ письмѣ отъ 4 апрѣля, напеч. въ Ост. Арх. III, 29.

VIII. Къ Аглаѣ (стр. 279). Анн. VII, 27. — Въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2367, л. 23 (черновое) озаглавлено: „Кокеткѣ“; набѣло переписано въ записной книжкѣ 1820 - 21 г. (И. П. Б - ка), л. 46 об. - 47. Приводимъ варіанты изъ Московской (**М**) и петербургской (**П**) рукописей:

[1] **М**: Вамъ вѣрно, съ вашей стороны,
Измѣны также надоѣли;
Остепенясь, мы охладѣли...
[1] **П**: Вамъ также, съ вашей стороны,
Давно мущины надоѣли;
Давно сердца въ насъ охладѣли...
[2] **М**: Сначала были мы друзья;
Но скука... случай... мужъ ревнивый..
Безумнымъ притворился я,
Вы притворилися стыдливой...
[3] **М**: Клеона полюбили вы...
[4] **М**: Могли бъ мы жить безъ дальнихъ ссоръ
Опять и дружно, и спокойно;
Но нѣтъ! Сегодня поутру
Вы вдругъ, въ трагическомъ жару...
[4] **П**: Такую воскресили древность...
[5] **П**: Я не дитя, хотя поэтъ.

Старшій сынъ владѣлицы Каменки, Ек. Ник. Давыдовой, Александръ Львовичъ, котораго Пушкинъ называлъ „рогоносцемъ величавымъ“, былъ женатъ на графинѣ Грамонъ, Аглаѣ Антоновнѣ, которая, по словамъ одного современника (Рус. Стар. 1872,

т. V, стр. 632), „была магнитомъ, привлекающимъ къ себѣ всѣхъ желѣзныхъ дѣятелей александровскаго времени. Отъ главнокомандующихъ до корнетовъ, все жило и ликовало въ Каменкѣ, но главное — умирало у ногъ прелестной Аглаи...“ Въ 1822 г. Пушкинъ написалъ на нее еще другую, злую эпиграмму, которую и сообщилъ своему брату въ письмѣ отъ 24 янв. 1822 (см. т. VIII). Настоящее же посланіе, судя по мѣсту, занимаемому имъ въ записной книжкѣ поэта, должно относиться къ концу февраля или къ началу марта 1821 г.

IX. Война (стр. 281). Полярная Звѣзда 1823, подъ заглавіемъ: „Мечта воина“, безъ подписи, взамѣнъ которой поставлены двѣ звѣздочки **. Изд. 1826, подъ заглавіемъ: „Война“. Текстъ альманаха представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Война!.. Развиты, наконецъ...
[2] .... ихъ чуждое призванье...
[3] .... и братьевъ, и друзей..
[4] Ни грозные труды...
[5] ..... моихъ тревожныхъ думъ...

По поводу этихъ неудачныхъ варіантовъ П. писалъ брату Льву 30 янв. 1823: „Мечта воина привела въ задумчивость воина, что служитъ въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бесарабской канцеляріи. Эта „Мечта“ напечатана съ ошибочнаго списка — призванье вмѣсто взыванье; тревожныхъ думъ — слово, употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, но которое по-русски ничего не значитъ; воспоминаніе и брата и друзей — стихъ трогательный, а въ Звѣздѣ — просто плоскій...“

По словамъ Анненкова, въ рукописи была помѣта: „29 ноября“; но въ Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 12, гдѣ находится это стихотвореніе (съ заглавіемъ „Война“), оно помѣчено только „1821“, безъ числа. По указанію Л. Н. Майкова (Пушк., 119-120), первыя строки стихотворенія намекаютъ на освященіе знаменъ Александра Ипсиланти въ Яссахъ, о которомъ П. писалъ Раевскому въ мартѣ 1821 г. (Ипсиланти переправился черезъ Прутъ въ Молдавію 22 февраля).

X. Кинжалъ (стр. 282). Рус. Арх. 1876, стр. 453; изд. 1880, I, 370. Намъ извѣстны двѣ рукописи этого стихотворенія: 1) черновой автографъ въ записной книжкѣ 1820-21 гг. (Имп. П. Б-ка), лл. 45 об. — 46 и 64, по которому стихотвореніе напеч. въ изд Лит. Ф. I, 239 (въ то время эта рукопись была разобрана нами не вполнѣ удовлетворительно); 2) перебѣленная писцомъ копія въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 3015 (изъ б-ки С. Д. Полторацкаго), гдѣ конецъ, со словъ: „О Зандъ, твой вѣкъ угасъ...“ дописанъ самимъ поэтомъ, который тутъ-же подписался: „Не А. Пушкинъ.“ Этотъ послѣдній текстъ и воспроизводится въ настоящемъ изданіи, какъ позднѣйшій, а изъ записной книжки приводятся слѣдующіе первоначальные варіанты:

[1] . . . . . недремлющій кинжалъ
[2] Таишься ты...
[3] Подъ блескомъ праздничнымъ одеждъ.
[4] . . . . . ударъ нежданный твой
[5] На ложѣ нѣгъ...
[6] Воздвигся Брутъ вольнолюбивый...

[7] Кинжалъ, ты кровь излилъ...
[8] Исчадье мятежа...
[9] Апостолъ гибели...
[10] Остался гласъ...

Кромѣ того, въ записной книжкѣ стихи первой строфы переставлены такъ: 4, 3, 1, 2, а строфы слѣдуютъ одна за другою въ такомъ порядкѣ:

I, III, IV, V, II, VI - IX.

В. Д. Спасовичъ въ Вѣстн. Евр. 1888, № 3, стр. 61, указалъ на заимствованіе Пушкинымъ нѣсколькихъ стиховъ изъ оды Шенье: „A Charlotte Corday" (у Пушкина — „дѣва-Эвменида"):

Et des choeurs sur ta tombe, en une sainte ivresse,
Chanteraient Némésis, la tardive déesse,
Qui frappe le méchant sur son trône endormi.
. . . . . .
O Vertu! Le poignard, seul espoir de la terre,
Est ton arme sacrée, alors que le tonnerre
Laisse venger le crime et le rend à ses lois.

Стихотвореніе Пушкина написано, по всей вѣроятности, въ іюлѣ 1821 г. Въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2365, л. 46, среди набросковъ, относящихся къ этому времени, находимъ рисунокъ, изображающій нѣсколько человѣческихъ фигуръ; здѣсь, между прочимъ, двѣ одинаковыя головы съ рѣзкими чертами лица, въ ночной повязкѣ и съ подписью: Marat, и голова длиннокудраго юноши, съ подписью: Sand (ср Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 100). Тюбингенскій студентъ Карлъ-Людвигъ Зандъ (1795 - 1820), увлекаясь господствовавшими въ средѣ тогдашней молодежи политическими идеями, 23

марта 1819 убилъ въ Мангеймѣ состоявшаго при русскомъ посольствѣ извѣстнаго писателя Августа Коцебу (1761 - 1819), который своими постоянными издѣвательствами надъ академической свободой навлекъ на себя подозрѣніе въ томъ, что путемъ доносовъ враждебно настраиваетъ нѣмецкихъ государей и русскій кабинетъ противъ нѣмецкой молодежи. Зандъ былъ преданъ суду и казненъ 26 мая 1820 г. Пушкинъ восторгался „подвигомъ“ Занда, точно такъ же, какъ и дѣяніемъ фанатика Пьера Лувеля (1783 - 1820), который, рѣшивъ „искоренить“ родъ Бурбоновъ, какъ враговъ Франціи, убилъ 13 февраля 1820 г. герцога Шарля Беррійскаго (1778 - 1820), второго сына графа д'Артуа и отца извѣстнаго впослѣдствіи претендента на франц. престолъ гр. Шамбора. Одинъ изъ пріятелей Пушкина, А. Г. Родзянко, увѣрялъ знакомыхъ, что „самъ видѣлъ, какъ Пушкинъ, сидя въ театрѣ въ креслѣ, показывалъ находившимся подлѣ его лицамъ портретъ Лувеля съ надписью: „Урокъ царямъ“ (Рус. Стар. 1890, ноябрь, 504 - 505). Тотъ же Родзянко сочинилъ на Пушкина сатиру, изъ которой извѣстно только два стиха:

И всѣ его права — иль два, иль три „Ноэля“,
Гимнъ Занду — на устахъ, въ рукѣ — портретъ Лувеля.

(Каллашъ, Рус. поэты о Пушкинѣ, М. 1899, стр. VIII).

Вспоминая о своемъ стихотвореніи четыре года спустя, Пушкинъ писалъ Жуковскому, въ маѣ или іюнѣ 1825 г.: „Кинжалъ не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отно-

шеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно" (см. т. VIII).

XI. П. А. Катенину (стр. 283). Издд. 1826 и 1829 гг., съ заглавіемъ: „К***ну." Черновая — въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 5, гдѣ имѣется помѣта: „5 апр.," и 12-й стихъ читается: „Предъ Мельпоменой и Моиной" (такъ и въ изд. 1826; поправка: „Селименой" явилась только въ изд. 1829). Въ записной книжкѣ 1820-21 г. (И. П. Б-ка), л. 61 есть нѣсколько исчерканныхъ и неразборчивыхъ стиховъ, представляющихъ первоначальный набросокъ:

Но оскорбилъ я красоту
Въ досадѣ, можетъ быть, неправой;
Когда она блистала славой
Въ вѣнцѣ любви...
Въ дыму пылающихъ кадилъ,
Хвалы я свистомъ заглушилъ...

Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ извиняется за рѣзкую эпиграмму, которою онъ встрѣтилъ дебюты А. М. Колосовой (см. выше, стр. 239, 544-5). Въ письмѣ отъ 3 февраля 1826 Катенинъ, между прочимъ, спрашивалъ его: „Скажи, пожалуй, къ какому К***ну ты пишешь нѣчто о Колосовой? Многіе думаютъ, что ко мнѣ; но я въ первый разъ прочелъ эти стихи въ печатной книгѣ" (см. сборникъ П. И. Бартенева „Пушкинъ" М. 1880, I, 60). — „Стихи о Колосовой", отвѣчалъ Пушкинъ, „были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полнаго твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актри-

сою показалось бы немного страннымъ." 11 мая 1826 К. писалъ Пушкину: „Меня просила Колосова непремѣнно въ первомъ къ тебѣ письмѣ сказать за нее пропасть хорошихъ вещей; только гдѣ я ихъ возьму? Положимъ, что онѣ сказаны, и твоя очередь отвѣчать" (Тамъ же, 62-63).

Павелъ Александровичъ Катенинъ (р. 11 дек. 1792, ум. 23 мая 1853) въ 1810 г. поступилъ въ преображенскій полкъ, участвовалъ въ отечественной войнѣ, сражался подъ Бородинымъ, Люценомъ, Кульмомъ, Лейпцигомъ. Рано началъ писать стихи и уже въ 1811 г. поставилъ на сцену переводъ „Аріадны" Корнеля, а въ 1816 перевелъ „Эсѳирь" Расина. Кромѣ того, писалъ баллады („Наташа", „Убійца") и перевелъ въ 1816 „Ленору" Бюргера, подъ заглавіемъ: „Ольга." Этотъ переводъ, напеч. въ Сынѣ Отеч. 1816, № 24, вызвалъ полемику въ томъ же журналѣ (№№ 27 и 30) между Гнѣдичемъ („Житель Тентелевой деревни") и Грибоѣдовымъ. Съ Пушкинымъ К. познакомился очень оригинально въ 1818 г.: поэтъ явился къ нему и, подавая свою трость, сказалъ: „Я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисѳену: побей, но научи!" — „Ученаго учить — портить", отвѣчалъ Катенинъ. Съ тѣхъ поръ ихъ дружеская связь уже не прерывалась. К. былъ знатокъ языковъ и европейскихъ литературъ; отчасти ему обязанъ Пушкинъ осторожностью въ оцѣнкѣ иностранныхъ поэтовъ, литературнымъ эклектизмомъ и особенно — хладнокровіемъ при жаркихъ спорахъ, скоро возникшихъ у насъ по поводу классицизма и романтизма. Между прочимъ, К. помирилъ Пушкина съ Шаховскимъ: онъ самъ привезъ Пушкина къ князю, который принялъ поэта очень радушно. Когда они возвращались ночью, въ саняхъ,

отъ Ш., Пушкинъ сказалъ Катенину: „Savez-vous qu'il est très bon homme au fond. Jamais je ne croirai qu'il ait voulu nuire sérieusement à Ozerof, ni à qui que ce soit". — Vous l'avez cru pourtant, отвѣчалъ К., vous l'avez écrit et publié: voilà le mal. — „Heureusement, возразилъ П., personne n'a lu ce barbouillage d'écolier; pensez-vous qu'il en sache quelque chose?" — Non, car il ne m'en a jamais parlé. — „Tant mieux, faisons comme lui et n'en parlons jamais." — Точно такъ же К. помирилъ Пушкина и съ Колосовой (Анн., Мат., 50-51).

Страстный театралъ, имѣвшій большое вліяніе на развитіе таланта трагика В. А. Каратыгина, Катенинъ въ 1821 г. (7 ноября) былъ высланъ гр. Милорадовичемъ изъ Петербурга за шиканье въ театрѣ Семеновой и почти 10 лѣтъ прожилъ въ своей деревнѣ, Кологривскаго уѣзда Костромской губ., занимаясь литературой. Въ 1819 г. онъ написалъ драматическій отрывокъ „Пиръ Іоанна Безземельнаго"; въ 1821 передѣлалъ комедію Грессé „Le Méchant" подъ заглавіемъ: „Сплетни"; въ 1822 перевелъ „Сида" Корнеля, въ 1827 — „Андромаху" Расина, а въ 1830 напечаталъ въ Лит. Газетѣ „Размышленія и разборы." Въ 1832 г. снова поселился въ Петербургѣ и издалъ „Сочиненія и переводы въ стихахъ" (2 ч.), которымъ Пушкинъ посвятилъ особую замѣтку въ Лит. Прибавл. къ Рус. Инвалиду 1833, № 26 (наст. изд. т. VI). Въ 1833 (7 янв.) избранъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, въ члены Россійской Академіи. Въ мартѣ 1834 вступилъ въ эриванскій карабинерный полкъ и отправился на Кавказъ, гдѣ былъ въ 1836 г. комендантомъ крѣпости Кизляра. Въ 1838 г., выйдя въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора, поселился въ костромской своей деревнѣ, гдѣ

и жилъ почти безвыѣздно до самой смерти. См. біографическій очеркъ, сост. Е. В. Пѣтуховымъ, въ Истор. Вѣстн. 1888, т. XXXIII, 553-575; Соч. П. А. Вяземскаго, VII, 148; М. И. Сухомлинова, Исторія Россійской Академіи, VIII, 89-91; Вигеля, Записки, изд. Рус. Арх., III, 148; Н. П. Макарова, „Мои семидесятилѣтнія воспоминанія", Спб. 1882, стр. 26-28.

XII. Чаадаеву (стр. 284). Сынъ Отеч. 1821, № 35, подъ заглавіемъ: „Ч***ву" и съ помѣтой: „Кишиневъ, 20 апрѣля 1821"; въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2367 (лл. 5 об. - 7 об.) слѣдуетъ непосредственно за посланіемъ къ Катенину и помѣчено: „6 апрѣля 1821. Кишиневъ" *). Въ издд. 1826 и 1829 перепечатано съ пропускомъ восьми стиховъ, указанныхъ ниже и возстановленныхъ только у Анн. VII, 56. Кромѣ того, замѣненъ былъ точками третій стихъ отъ конца. Въ Сынѣ Отеч., по сравненію съ позднѣшимъ текстомъ, есть три варіанта: „Глупца — философа..." „Въ минуту гибели надъ бездной разъяренной" и „Знакомыхъ мертвецовъ живые приговоры."

[1] Эти восемь стиховъ въ изд. 1826 г. замѣнены строкой точекъ, а въ примѣчаніи (№ 9), въ концѣ книги (стр. 191), сказано: „Всѣ пропуски въ стихотвореніяхъ, означенные точками, сдѣланы самимъ авторомъ." Въ изд. 1829 г. уже нѣтъ ни точекъ, ни

---

*) Въ другой рукописи Музея, № 2365, л. 26 об., записано нѣсколько стиховъ изъ первоначальной редакціи посланія:

Высокая душа и просвѣщенный умъ...
. . . . . .
Тебя, хранителя моихъ душезныхъ силъ,
Тебя, которому давно я посвятилъ
И чувства чистыя, спасенныя тобою...

примѣчанія: стихи напечатаны слитно, какъ будто и не было никакого пропуска.

Этотъ пропускъ дѣйствительно сдѣланъ былъ самимъ Пушкинымъ, по настоянію кн. Вяземскаго, которому поэтъ писалъ въ апрѣлѣ 1826 г.: „Изъ посланія къ Чаадаеву вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились, — единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ, а не потому, что они другимъ не по нутру.“ Тогда же онъ писалъ и брату: „О посланіи къ Чаадаеву скажу тебѣ, что пощечины повторять не нужно. Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Онѣгина, если его пасквиль этого стоитъ“, и пр.

Въ стихахъ этихъ повторяется эпиграмма на „американца“ Толстого (см. выше, стр. 273), а два послѣдніе стиха, въ которомъ говорится объ „ораторѣ Лужниковѣ“, относятся къ М. Т. Каченовскому, подписывавшему нѣкоторыя свои критическія замѣтки въ Вѣстн. Евр. псевдонимомъ: „Лужницкій старецъ“ (Лужники — часть Москвы, гдѣ жилъ К.). Этотъ псевдонимъ вызвалъ впослѣдствіи цѣлую книгу: „Разсказы Лужницкаго старца и мои воспоминанія о немъ“ (М. 1828, in. 12⁰, 125 стр.), о которой данъ отзывъ въ Моск. Тел. 1828, ч. 20, № 8, стр. 512-513. Въ этой рецензіи, между прочимъ, говорится: „Въ то время, когда пустынникъ Жуи *) началъ славиться описаніями современныхъ нравовъ, вездѣ явились пустынники, передразнивавшіе его... Въ Москвѣ они заселили окрестности и предмѣстія; одинъ изъ нихъ жилъ въ Лужникахъ и передѣлывалъ описанія Жуи на русскій ладъ. Уже давно ничего не слышно о Лужницкомъ старцѣ. Теперь

*) Victor-Joseph de Etienne Jouy (1764 - 1846), авторъ цѣлаго ряда нравоописательныхъ очерковъ: „L'Hermite de la Chaussée d'Antin“ и пр.

только отъ времени до времени являются письма къ нему, и письма эти пишутся обыкновенно въ такомъ случаѣ, когда хотятъ побранить романтизмъ или новыхъ поэтовъ, подтвердить какое-нибудь обветшалое повѣрье и пр. Разсказчикъ о Лужницкомъ старцѣ описываетъ какого-то желтолицаго старичка, впрочемъ — добраго и любезнаго, который жилъ въ Лужникахъ, имѣлъ нѣкоторыя странности, не любилъ буквы э, любилъ греческій языкъ до того, что на собакъ кричалъ по-гречески, и пр... Вообще, все описаніе забавно и хорошо разсказано."

Нѣсколько далѣе, стихъ посланія: „И сплетней разбирать игривую затѣю" былъ принятъ Катенинымъ за намекъ на его комедію „Сплетни", о которой говорили, что въ ней, въ лицѣ Зельскаго, выведенъ Пушкинъ. Ср. въ т. VIII наст. изд. письма къ Катенину отъ 19 іюля и къ Л. С. Пушкину отъ 21 іюля 1822 г.

[2] Въ изд. 1826 и 1829 гг.: „Поспоримъ, перечтемъ..."

[3] Этотъ стихъ былъ вычеркнутъ цензоромъ при печатаніи посланія въ журналъ. „Ужь эта мнѣ цензура!" писалъ Пушкинъ Гречу 21 сентября 1821 г. „Жаль, мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится: оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral, оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ..."

[4] Въ изд. 1826 и 1829 гг.: Гони ты ***"... Въ рукоп. Музея № 2367, л. 7 об.: „Шенинга". Ср. выше, стр. 566.

Въ этомъ—третьемъ по счету—посланіи своемъ къ Чаадаеву Пушкинъ вспоминаетъ о томъ заботливомъ участіи, съ которымъ Ч. отнесся къ своему мо-

лодому другу „въ минуту гибели“. Съ своей стороны, и Ч. всегда съ удовольствіемъ и гордостью вспоминалъ о своемъ удачномъ заступничествѣ за поэта. Убѣждаемый Погодинымъ, онъ собирался написать воспоминанія о Пушкинѣ, но, къ сожалѣнію, не исполнилъ этого намѣренія, потому что не зналъ, „какъ быть съ тѣмъ, чего сказать нельзя“. Въ 1854 г., прочитавъ статьи о Пушкинѣ П. И. Бартенева въ Моск. Вѣд., Ч. увидѣлъ въ нихъ „умышленное забвеніе“ своихъ отношеній къ поэту и былъ этимъ очень обиженъ. „Давно ли его не стало“, писалъ онъ С. П. Шевыреву, — „и вотъ какъ правдолюбивое потомство, въ угодность своимъ взглядамъ, хранитъ преданія о немъ!.. Не пустое тщеславіе побуждаетъ меня говорить о себѣ, но уваженіе къ памяти Пушкина, котораго дружба принадлежитъ къ лучшимъ годамъ жизни моей, къ тому счастливому времени, когда каждый мыслящій человѣкъ питалъ въ себѣ живое сочувствіе ко всему доброму, какого бы цвѣта оно ни было, когда каждая разумная и безкорыстная мысль чтилась выше самаго безпредѣльнаго поклоненія прошедшему и будущему...“ (Майковъ, Пушк., 326 - 328). Три письма Чаадаева къ Пушкину напечатаны въ сборникѣ г. Бартенева „Пушкинъ“, I, 150 - 159; письма Пушкина къ нему—въ т. VIII настоящаго изданія.

Посланію Пушкина подражалъ Баратынскій въ своемъ посланіи Гнѣдичу: „Такъ, для отрадныхъ чувствъ еще я не погибъ“ (напеч. въ „Новостяхъ Литературы“ 1823):

Я мыслю, чувствую: для духа нѣтъ оковъ;
То вопрошаю я преданія вѣковъ,
Всемірныхъ перемѣнъ читаю въ нихъ причины;

Наставленъ давнею превратностью судьбины,
Учусь покорствовать судьбинѣ я своей;
То, занятъ свойствами и нравами людей,
Поступковъ ихъ ищу прямыя побужденья...
То вдохновеніе, Парнаса благодать,
Мнѣ душу радуетъ восторгами своими;
На мигъ обвороженъ, на мигъ обманутъ ими,
Дышу свободнѣе — и, лиру взявъ свою,
И дружбу, и любовь, и нѣгу я пою.

. . . . . .

Съ тобой желалъ бы я бесѣдовать опять,
Мужъ, дарованьями, душою превосходный,
Въ стихахъ возвышенный и въ сердцѣ благородный!..

XIII. Къ моей чернильницѣ (стр. 236). Посм. IX, 245; исправлено по рукописи Моск. Публ. Музея № 2365, л. 31 об. — 33 об., гдѣ между лл. 31 и 32 вырванъ цѣлый листъ, такъ что въ стихотвореніи надо предполагать значительный пропускъ.

XIV. Еврейкѣ (стр. 289). Въ изд. Лит. Ф. (I, 277) ошибочно отнесено къ 1822 г. Находится въ рукописяхъ Моск. Публ. Музея № 2365, л. 24 об. (черновой набросокъ съ варіантомъ: „И то готовъ тебѣ вручить“) и № 2367, л. 8 (по которой здѣсь и печатается).

По указанію Анненкова (Пушк., 178) относится къ содержательницѣ одного постоялаго дома въ Кишиневѣ. Изъ другихъ указаній извѣстно, однако, что „Еврейкой“ или „Ревеккой“ звали, въ шутку, Марью Егоровну Эйхфельдтъ (урожденная Мило, жена оберъ-бергауптмана Ивана Ивановича), за ея воображаемое сходство съ Ревеккой изъ романа Вальтеръ Скотта „Айвенго“. См. о ней и ея мужѣ Рус. Арх.

1866, стт. 1125, 1157, 1224 — 25. Объ ней упоминаетъ Пушкинъ и въ своемъ шуточномъ стихотвореніи на кишиневскихъ дамъ (см. выше, стр. 314).

Въ музейной рукописи № 2365, л. 39, есть исчерканный, неразборчивый набросокъ, также относящійся къ „еврейкѣ“:

Не удивляйся, милый мой,
Ея израильскому платью;
Ее Всевышній осѣнилъ
Своей небесной благодатью;
Она . . . жертвуетъ игрой
. . . . . занятью...

XV. НАПЕРСНИЦА ВОЛШЕБНОЙ СТАРИНЫ (стр. 290). Анн., Мат., 37. Рукопись этого стихотворенія, была извѣстна Анненкову, но отсутствуетъ въ собраніи пушкинскихъ бумагъ Моск. Публ. Музея.

Ср. „Муза“ (стр. 277).

XVI. СѢТОВАНІЕ (стр. 291). Посм. IX, 128, съ пропускомъ 8-го стиха, оставшагося неизвѣстнымъ и сыну Давыдова, напечатавшему это посланіе въ изданіи сочиненій отца (М. 1860, 3 части).

Извѣстный поэтъ-партизанъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ (р. 16 іюня 1784, ум. 22 апр. 1839), 17-ти лѣтъ поступилъ въ кавалергардскій полкъ; за сатирическіе стихи переведенъ былъ въ армію — въ бѣлорусскій гусарскій полкъ, былъ адъютантомъ при кн. Багратіонѣ и участвовалъ въ походахъ 1807 и 1808 г. въ Германіи, Молдавіи и Финляндіи. Во время отечественной войны служилъ въ ахтырскомъ гусарскомъ полку и первый началъ, съ небольшимъ отрядомъ, партизанскія дѣйствія, которымъ Кутузовъ далъ

впослѣдствіи болѣе широкое развитіе. Въ 1814 г. Д. находился въ арміи Блюхера и участвовалъ съ нею во всѣхъ крупныхъ дѣлахъ. Въ 1815 произведенъ въ генералъ-маіоры и вскорѣ затѣмъ, выйдя въ отставку, поселился въ Москвѣ и занялся преимущественно литературною дѣятельностью. При воцареніи имп. Николая I, снова принятый на службу, участвовалъ въ войнѣ съ Персіей (1827) и въ усмиреніи польскаго возстанія (1831), о которомъ оставилъ любопытныя записки, напеч. его сыномъ въ Рус. Стар. 1872, т. IV и V.

По словамъ кн. П. А. Вяземскаго, Д. до самой кончины сохранилъ изумительную молодость сердца и нрава; онъ былъ душою и пламенемъ дружескихъ бесѣдъ. Изъ его стихотвореній особенной извѣстностью пользуются тѣ, въ которыхъ онъ воспѣваетъ гусарскія забавы и попойки („Посланіе Бурцову", „Гусарскій пиръ", „Пѣсня стараго гусара" и пр.); но кромѣ стихотвореній этого рода, онъ писалъ также и элегіи, и другія лирическія произведенія, сатиры, басни, эпиграммы и пр. Пушкинъ познакомился съ Давыдовымъ, вѣроятно, въ „Арзамасѣ", членомъ котораго Д., подъ прозвищемъ „Армянина", былъ съ 1816 г.; на читанные въ юности его стихи нашъ поэтъ впослѣдствіи ссылался, какъ на образцы, по которымъ онъ учился не поддаваться чужому вліянію (Рус. Арх. 1874, кн. II, стр. 732; ср. тамъ же, 1880, кн. III, стр. 444).

Послѣднее и наиболѣе полное изданіе сочиненій Давыдова вышло въ Спб. 1893 (Библіотека „Сѣвера"), подъ ред. А. О. Круглаго. Біографическія свѣдѣнія о немъ — въ Рус. Стар. 1881, т. V.

„Уставъ Наѣздника" — сочиненіе Давыдова „Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія", Спб. 1821.

По всей вѣроятности, къ Давыдову же относится черновой набросокъ, сохранившійся въ одной изъ пушкинскихъ тетрадей того же 1821 г. (№ 2365, л. 38) и напечатанный, не точно, въ изд. Лит. Ф., I, 264:

Я слушаю тебя — и сердцемъ молодѣю,
Мнѣ сладокъ жаръ твоихъ рѣчей,
Повѣрь, я снова пламенѣю
Воспоминаньемъ прежнихъ дней.

Пѣвецъ-гусаръ, ты пѣлъ биваки,
Раздолье ухарскихъ пировъ,
И пылкую потѣху драки,
И завитки своихъ усовъ.

Съ веселыхъ *[струнъ]*, во дни покоя,
Походную сдувая пыль,
Ты славилъ, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутыль...

Далѣе все исчеркано; можно прочесть только:

Въ печальной сѣверной пустынѣ
. . . . . любовь воспѣлъ,
. . . . . .
Гдѣ бъ ни былъ ты, тебя отнынѣ
Люблю . . . . . .

XVII. Н. С. Алексѣеву (стр. 291). Полярн. Звѣзда 1825, стр. 109, подъ заглавіемъ: „А — ву"; издд. 1826 и 1829 г., подъ заглавіемъ: „Алексѣеву". Рукопись Моск. Публ. Музея №, 2367 л. 13-14, даетъ приводимыя ниже дополненія.

[1] Баратынскій — въ посланіи Коншину:

Шепчу я часто съ умиленьемъ
Въ тоскѣ задумчивой моей:
Нельзя ль найти подруги нѣжной,
Съ кѣмъ могъ бы въ счастливой глуши
Предаться нѣгѣ безмятежной
И чистымъ радостямъ души?

[2] Послѣ этого стиха въ рукописи слѣдуютъ еще четыре, не зачеркнутые, но и не внесенные Пушкинымъ въ печатный текстъ посланія:

Вдали штыковъ и барабановъ
Такъ точно старый инвалидъ
Встрѣчаетъ молодыхъ улановъ
И имъ о битвахъ говоритъ.

[3] Послѣ заключительнаго стиха зачеркнуто:

Я былъ рожденъ для наслажденья;
Въ моей утраченной веснѣ
Какъ мало нужно было мнѣ
Для милыхъ сновъ воображенья!
Зачѣмъ же въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ
Мнѣ стало чуждо сладострастье? *)
Зачѣмъ же вдругъ увяло счастье
И ни къ чему стремленья нѣтъ? **)
И что жь? Измѣной хладнокровной
Я ль стану дружеству вредить
И снова тактики любовной
Уроки хитрые твердить? ***)

*) Мнѣ измѣнило сладострастье
**) И ни къ чему надежды нѣтъ
***) Уроки тайные твердить

Нѣтъ, милый! Если голосъ томный,
Обманъ улыбки, нѣжный взоръ,
Умильный видъ печали скромной
Тобой владѣютъ до сихъ поръ, —
Люби, ласкай свои желанья,
Надеждѣ, взору слѣпо вѣрь...
Увы! Пройдутъ любви мечтанья, —
И станешь то, что я теперь. *)

Изъ этихъ стиховъ въ Пол. Звѣздѣ напечатаны: 9 - 12 и 17 - 20, причемъ ст. 18 читается:

Надеждѣ, сердцу слѣпо вѣрь.

Въ изд. 1826 г. эти стихи уже откинуты.

Николай Степановичъ Алексѣевъ, дальній родственникъ П. Д. Киселева, познакомился и подружился съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ, гдѣ онъ служилъ при ген. Инзовѣ. По словамъ И. П. Липранди (Рус. Арх. 1866, ст. 1123), онъ изъ числа мѣстныхъ чиновниковъ былъ одинъ, въ лицѣ котораго Пушкинъ могъ видѣть въ Кишиневѣ подобіе образованнымъ столичнымъ людямъ, къ обществу которыхъ онъ привыкъ. Письма Алексѣева къ Пушкину напечатаны П. И. Бартеневымъ въ сборникѣ „Пушкинъ“, I, 81 - 86; въ одномъ изъ этихъ писемъ Алексѣевъ сѣтуетъ на пропуски, съ которыми посланіе Пушкина явилось въ печати: „Я намѣренъ объяснить тебѣ давнишнее мое неудовольствіе на цензуру и на издателей: литера **А** не показываетъ еще Алексѣева, а выкинутые лучшіе стихи испортили всю пьесу. Именемъ всего прошу тебя, — исправь эту ошибку; мо

*) Надеждѣ и Еврейкѣ вѣрь...
Какъ тѣнь, пройдутъ любви мечтанья
И станешь тѣмъ, что я теперь

самолюбивое желаніе было, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ сказали: Пушкинъ былъ пріятель Алексѣева, который, не равняясь съ нимъ ни въ славѣ, ни въ познаніяхъ, превосходилъ всѣхъ чувствами привязанности къ нему".

XVIII. Гробъ юноши (стр. 292). Изд. 1826. Въ черновой (Моск. Музея № 2366, л. 2) озаглавлено: „Элегическій отрывокъ" и начинается такъ:

Увы! Навѣки скрылся онъ...

Здѣсь находятся варіанты:

Ст. 2, 3: Вокругъ него глубокій сонъ
И сѣнь могилы безмятежной.

Ст. 15: И наши искрились умы.

Ст. 18, 19: И также, міра гость игривый,
Исчезнетъ твой забытый слѣдъ.

Ст. 22-26: И безъ него друзья пируютъ,
Ужь многихъ полюбить успѣвъ,
И друга рѣдко именуютъ
Въ бесѣдѣ черноокихъ дѣвъ.
Изъ вѣтренницъ, которыхъ очи
Онъ прежде втайнѣ привлекалъ,
Которымъ онъ во мракѣ ночи
Младыя бдѣнья посвящалъ,
Изъ милыхъ женъ, его манившихъ...

Послѣ ст. 30 зачеркнуто:
Не воззоветъ! Его гробница
Уединенна и темна;
Надъ нею спитъ ночная птица,
Вблизи ея журчитъ волна.

Ст. 32-45: Гробницы въ рощѣ вѣковой,
Съ ихъ суевѣрными крестами,
Таятся тихою семьей.
За ними, на краю дороги,
Въ тѣни березъ одна стоитъ, —
Нашъ бѣдный юноша сокрытъ.
Ласкается ли лучъ денницы,
Луна ли ходитъ средь небесъ,
И вкругъ безчувственной гробницы
Волна журчитъ и шепчетъ лѣсъ, —
Не выдетъ онъ взглянуть на горы,
Осеребренныя луной,
[Не улыбнется онъ], и взоры
Не встрѣтятъ утра надъ рѣкой.
Напрасно [сельская дѣвица
Съ корзиной въ ближній лѣсъ
идетъ...]

Въ другой рукописи, видѣнной П. А. Ефремовымъ (изд. 1882, I, 516), названо: „Отрывокъ изъ элегіи“ и представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Навѣкъ, навѣкъ сокрылся онъ...
[2] Бывало, старцы любовались...
[3] И будешь то, что стали мы.
Будь веселъ, міра гость игривый,
А намъ постылъ ужь бѣлый свѣтъ...
[4] Напрасно свѣтитъ лучъ денницы...
[5] Напрасно утромъ за малиной
Спѣшитъ красавица съ корзиной
Къ ручью, иль въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ
И озабоченной рукой
Края одежды [подымаетъ] подбираетъ...

XIX. Наполеонъ (стр. 294). Изд. 1826, съ пропускомъ строфъ IV, V, VI и VIII и 3-го стиха X-й, замѣненныхъ точками. Дополненія даны въ изд. Анн. VII, 57, и Библіогр. Зап. 1858, стр. 349. Черновыя строфы,—въ рукописяхъ Моск. Публ. Муз. №№ 2365 и 2367. Въ первой изъ этихъ рукописей стихотворенію предшествуетъ эпиграфъ: „Ingrata patria“ и замѣтка: „18 juillet. Nouvelle de la mort de Napoléon. Bal chez l'archevêque Arménien.“ Тутъ же набросана и краткая программа:

„Народы спрашиваютъ: тотъ ли ты, который... Гдѣ онъ?.. Угасъ тотъ, который то и то—и Россію... Но да не упрекнетъ его русскій... Россія славна—бѣдная Франція въ униженіи... Онъ объ ней мыслилъ... Островъ Елены — тамъ онъ думалъ объ Россіи...“

Рукописи представляютъ слѣдующіе важнѣйшіе варіанты:

[1] И се въ величіи постыдномъ...
[2] Счастливца душу возмущалъ.
[3] На Русь! Возстань, племенъ царица!
Воспомни прежнія права!
[4] Въ Москвѣ не царь, въ Москвѣ—Россія!
[5] Со скалъ Елены завѣщалъ.

Въ рукописи № 2367 стихотвореніе озаглавлено „На смерть Наполеона“. Впослѣдствіи Пушкинъ, видимо, желалъ еще разъ вернуться къ этому предмету: въ одной изъ тетрадей 1824 г. (Моск. Публ. Муз. № 2370, л. 7) сохранился черновой набросокъ, начинающійся стихами:

Зачѣмъ ты посланъ былъ, и кто тебя послалъ?
Чего, —добра иль зла ты чудный былъ свершитель
Земли чудесный посѣтитель?..

Далѣе, на той же страницѣ, находимъ слѣдующія исчерканныя и крайне неразборчивыя строки (Лит. Ф. I, 255):

Дряхлѣли троны, алтари,
Надъ ними туча собиралась,
Вѣщали книжники, тревожились цари,
Свободы буря поднималась —
И вдругъ нагрянула... Упали
Во прахъ и кровь великія скрижали...
Явился мужъ... Рабы земныхъ судебъ
. . . . . .
и живо вновь
Мечи и цѣпи зазвучали.
И гордо онъ прошелъ...
Порочныя сердца застыли,
развратъ,
За злато брата продалъ братъ,
Отечество безумные забыли...
Рекли въ отчаяніи: „Нѣтъ свободы!“
И имъ повѣрили народы...
. . . . . .
Добро и зло — все стало тѣнью...
. . . . . .

На л. 8 той же тетради Пушкинъ записалъ нѣсколько строфъ о Наполеонѣ изъ стиховъ Жуковскаго, пѣтыхъ на празднествѣ англійскаго посла:

Гдѣ тотъ, предъ кѣмъ гроза не смѣла
Валовъ покорныхъ воздымать,
Когда ладья его летѣла
Съ Фортуной къ берегу пристать?

Къ стопамъ рабовъ бросалъ онъ троны,
Срывалъ съ царей красу порфиръ,

Сдвигалъ народы въ легіоны
И мыслилъ весь заграбить міръ.

И гдѣ онъ?... Міръ его не знаетъ,
Забытъ разбитый истуканъ,
Лишь предъ изгнанникомъ зіяетъ
Неумолимый океанъ.

И все, что рушилъ онъ, природа
Уже красою облекла,
И по слѣдамъ его свобода
Съ дарами жизни протекла и пр.

XX. Умолкну скоро я... (стр. 288). Издд. 1826 и 1829 гг. Черновая — въ рукописяхъ Моск. Публ. Муз. №№ 2365 и 2367; въ послѣдней озаглавлено: „Элегія". Ошибка Анненкова противъ издд. 1826 и 1829 гг. „пѣсни" вмѣсто „струны" во 2-мъ стихѣ повторена всѣми послѣдующими изданіями: одно изъ доказательствъ небрежнаго отношенія позднѣйшихъ редакторовъ къ печатному пушкинскому тексту. Рукописи представляютъ слѣдующіе варіанты и дополненія:

(Въ началѣ зачеркнуто четыре стиха):
Нѣтъ! Поздно, милый другъ, узналъ я наслажденье:
Ничто души моей уже не воскреситъ;
Ей чуждо страсти упоенье,
И счастье тихое меня не веселитъ.
[2] И дѣвы, тихому предавшись умиленью,
Печальные стихи читали въ тишинѣ.
[3] Позволь одушевить завѣтный лиры звукъ
Священнымъ именемъ любовницы прекрасной
(Послѣ этого стиха зачеркнуто):

Не бойся вѣтреныхъ невѣждъ,
Не бойся клеветы ревнивой,
Не обмани моихъ надеждъ
Своею скромностью пугливой.
Надъ ранней урною пусть молвятъ съ умиленьемъ
Онъ Лидой былъ любимъ, онъ мнѣ былъ одолженъ
Послѣдней радостью, послѣднимъ вдохновеньемъ.

(Далѣе въ № 2365, л. 47, слѣдуетъ еще:
...И скоро, милая, меня не будетъ,
Но сердце чье-нибудь поэта не забудетъ,
Когда меня навѣкъ обниметъ хладный сонъ...
. . . . . .

Стихотвореніе это относится къ княгинѣ Маріи Аркадіевнѣ Голицыной, урожденной Суворовой (внучка генералисимуса, супруга (съ 9 мая 1820) ген.-л. Мих. Мих. Голицына).

XXI. Къ *** (стр. 299). Новости Литературы 1825, № 3, стр. 149, съ заглавіемъ: „Къ ***". Издд. 1826 и 1829 гг. — безъ заглавія и съ добавкою въ 4-мъ стихѣ отъ конца начальныхъ словъ: „Быть можетъ, навсегда", которыхъ въ журналѣ не было. Черновое — въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2365, л. 47 об., съ помѣтой: „24 августа, въ ночь" и съ нѣкоторыми варіантами:

[1] Мой другъ, не узнавай слѣды минувшихъ лѣтъ...

(Первоначально было написано: „не узнавай минувшаго слѣды" и для третьяго стиха намѣчена рифма: „сердечныя бѣды", а потомъ третій стихъ исправленъ: „Что взяло мертвое забвенье").

[2] Безпечно вѣрь ему, веселья мигъ лови...
Относится къ той же княгинѣ М. А. Голицыной.

XXII. Подражаніе (стр. 299). Въ издд. 1826 и 1829 гг. нѣтъ ни заглавія, ни подзаглавія, и стихотвореніе отнесено къ 1825 г.; но оно находится въ кишиневской тетради 1821 г. (Моск. Публ. Муз. № 2365, л. 53), съ слѣдующей программой: „Пѣснь Пѣсней царя Соломона. — Да лобзаетъ меня лобзаніемъ устъ своихъ. Перси твои пріятнѣе вина. Запахъ мура твоего лучше всѣхъ ароматъ, имя твое сладостно, какъ изліянное муро, для того, юная, возлюбилъ я тебя.

Лобзай меня, твои лобзанья
Мнѣ слаще мура и вина
Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой упоена..."

Ср. Пѣснь Пѣсней, гл. I, ст. 1 и 2: „Да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ; яко блага сосца твоя паче вина и воня мура твоего паче всѣхъ ароматъ. Муро изліяное имя твое: сего ради отроковицы возлюбиша тя."

XXIII. Къ Овидію (стр. 300). Полярн. Звѣзда 1823, съ заглавіемъ: „Овидію" и двумя звѣздочками вмѣсто подписи. „Ради Бога, люби двѣ звѣздочки", писалъ П. брату Льву 30 янв. 1823: „онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылѣеву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ." Перепечатано въ издд. 1826 и 1829 гг., гдѣ, какъ и въ альманахѣ, послѣдніе два стиха читаются:

И чуждые холмы, поля и рощи сонны
И музы милыя мнѣ были благосклонны.

Эта цензурная поправка устранена по рукописи только въ Библ. Зап. 1858, стр. 342. Черновыя въ Моск. Публ. Муз. №№ 2365 и 2867 представляютъ нѣсколько незначительныхъ варіантовъ (напр., начало: „Овидій, я брожу у тѣхъ же береговъ“, и пр.). Тамъ же находится и помѣта: „26 декабря 1821.“ Въ этотъ день Пушкинъ посѣтилъ Аккерманъ, старинную крѣпость, расположенную на мысѣ Днѣпровскаго лимана, противъ которой лежитъ гор. Овидіополь. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, поэтъ провелъ цѣлую ночь на прибрежной башнѣ, любуясь городомъ, который оттуда виднѣется на краю горизонта, — и результатомъ этой „бесѣды съ Овидіевой тѣнью“ явилось посланіе, которое П. очень любилъ, предпочитая его даже „Наполеону“. „Каковы стихи къ Овидію?“ — писалъ онъ брату въ вышеуказанномъ письмѣ:— „Душа моя, — и „Русланъ“, и „Noël“, и все — дрянь въ сравненіи съ ними!“

Въ рукописи было предисловіе, не попавшее въ печать и явившееся потомъ въ примѣчаніи къ строфѣ VIII первой главы „Онѣгина“, — о мѣстѣ ссылки Овидія. И. П. Липранди (Рус. Арх. 1866, стт. 1267 - 1279) подробно разсказываетъ о томъ, какъ Пушкинъ старался отыскать гробницу Овидія и вообще интересовался свѣдѣніями объ опальномъ римскомъ поэтѣ, въ судьбѣ котораго находилъ сходство съ своей собственной судьбой.

XXIV. Десятая заповѣдь (стр. 303). Библіогр. Зап. 1858, ст. 342; Атеней 1858, ч, III, стр. 596. Принадлежность Пушкину этого стихотворенія, неиз-

вѣстнаго въ подлинной рукописи, утверждается только преданіемъ.

XXV. П. С. Пущину (стр. 304). Анн., Пушк., 199. Бригадный генералъ Павелъ Сергѣевичъ Пущинъ былъ учредителемъ и предсѣдателемъ существовавшей въ Кишиневѣ „Овидіевой“ масонской ложи. По словамъ Анненкова, приведенное восьмистишіе представляетъ конецъ экспромпта, обращеннаго къ генералу. Въ рукописи оно намъ неизвѣстно.

О масонахъ въ Кишиневѣ того времени см. разсказъ И. П. Липранди въ Рус. Арх. 1866, ст. 1248

XXVI. Г-жѣ Эйхфельдъ (стр. 304). Напечатано въ „Выдержкахъ изъ дневника“ В. П. Горчакова въ Москвитянинѣ 1850, л. I, стр. 157.

О Марьѣ Егоровнѣ Эйхфельдтъ см. выше, стр. 602. Зоя — ея племянница. По словамъ Горчакова, стихотвореніе оканчивалось такими подробностями, что его уже нельзя было отдать той, кому оно назначалось.

XXVII. Лизъ страшно полюбить... (стр. 305). Анн. VII, 100. Рукопись Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 10 об. Въ другой, позднѣйшей тетради (1824 г., № 2370, л. 41 об.) записано безъ первыхъ трехъ стиховъ, въ такомъ видѣ:

Лида, новая Діана,
Притаила нѣжну страсть, и пр.

XXVIII. Всегда такъ будетъ... (стр. 305). Альманахъ „Листки Грацій“, М. 1829, стр. 56, и Анн. VII, 97. Въ альманахѣ первый стихъ читается:

Всегда такъ будетъ какъ бывало.

XXIX. На Качеповскаго (стр. 305). Библ. Зап. 1858, стр. 6, въ письмѣ П. къ брату отъ 24 января 1822 г. Рукопись Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 3 об.

XXX. Эпиграмма (стр. 305) Лит. Ф. I, 263. Крайне неразборчивый и исчерканный черновой набросокъ въ записной книжкѣ 1820-21 гг., въ Имп. Публ. Библіотекѣ (л. 59 об.), озаглавленъ: „К. Г.“ и, со включеніемъ зачеркнутыхъ словъ, можетъ быть прочитанъ еще и такъ:

[Мишурный князь] — [составъ] негодной смѣси,
Составленъ онъ изъ [глупости] подлости и спеси
[Но подлости побольше спеси]
Я не видалъ негоднѣй смѣси, и пр.

XXXI. Черновые наброски:

Первый („Завидую тебѣ“, стр. 306) — Анн., Мат., 344 (по рукописи Моск. Публ. Муз. № 2369, л. 12). Въ рукописи за послѣднимъ стихомъ можно еще прочесть:

Привѣтствуетъ тебя свободный океанъ...

Относится къ неизвѣстному намъ лицу, но не къ Ѳ. Ѳ. Матюшкину, какъ предполагалъ Анненковъ: этого своего товарища и ровестника Пушкинъ, очевидно не могъ назвать „въ буряхъ посѣдѣлымъ.“

Второй („Наперсница моихъ сердечныхъ думъ“, стр. 306) печатается здѣсь впервые по автографу въ записной книжкѣ 1820-21 гг. (Имп. Публ. Библіотека), л. 56 об. Ср. 2-ю строфу въ стихотвореніи „Уныніе“, стр. 182:

И ты со мной, о лира, пріуныла,
Наперсница души моей больной, и пр.

Третій („Вечерня отошла давно", стр. 306) печатается здѣсь впервые по записной книжкѣ, л. 51 об. — 52.

Четвертый („Не тѣмъ горжусь я..." стр. 307). Лит. Ф. I, 264, по зап. книжкѣ, лл. 48-49. Здѣсь печатается въ исправленномъ видѣ. Ср. въ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ" (стр. 359):

Мои слова, мои напѣвы
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда, и пр.

Пятый („Въ твою свѣтлицу..." стр. 308). Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 99, по рукописи Моск. Публ. Муз. № 2365, л. 42 об. Первые четыре стиха находятся также въ записной книжкѣ 1820-21 (Имп. Публ. Библіот.), л. 49 об.

Шестой („Вотъ муза", стр. 308). Бартеневъ, Пушк., I, 130, по рукописи Московск. Публ. Музея № 2365, л. 39. Здѣсь печатается въ исправленномъ видѣ.

Седьмой („Чугунъ Кагульскій..." стр. 308). Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 334, по рукописи М. П. Муз. № 2366, л. 30 об. Ср. 262: „Воспоминаньемъ упоенный" и стр. 568: „Къ Кагульскому памятнику".

Восьмой („Въ Юрзуфѣ бѣдный мусульманъ", стр. 308). Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 94 и Лит. Ф. I, 266, по рукописи М. П. Музея № 2365, л. 34 об. — 35 об., гдѣ стихотвореніе во многихъ

мѣстахъ, особенно же въ концѣ, не поддается прочтенію. Жена Мехмета въ первый разъ названа „Селима“, а затѣмъ вездѣ „Фатима“; слова: „она была тогда брюхата“ исправлены (приблизительно) такъ:

[1] . . . она въ то время
Несла *[трехмѣсячное]* бремя.

На стр. 309 стихи 13-11 снизу вѣрнѣе читать такъ:

Мехметъ раздумался, собрался,
Въ кушакъ старинную жестянку завязалъ,
Съ Фатимою поцѣловался —
И мигомъ въ ближнюю долину побѣжалъ...

Стихотвореніе прерывается на томъ, что Мехметъ отдыхаетъ въ блаженствѣ, равномъ царскому:

Все такъ. Мехметъ, какъ царь, лежитъ въ долинѣ.
Положимъ, что царямъ дано
Подъ балдахиномъ . . . . . .
Хоть это, впрочемъ, мудрено.

Девятый (Изъ неоконченной сатиры, стр. 310): отрывки 1-4 — Анн. Пушк., 176-177; 5-й—Анн. VII, 88, по рукописи Моск. Публ. Музея № 2370, л. 54 об. (не вполнѣ); Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 29. Рукопись представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Здѣсь пусто... Тамъ, гораздо далѣ.
[2] Усердно жарятъ поросенка
(Или:)
Метутъ, торопятъ поваренка
(Всѣ эти варіанты зачеркнуты).

[3] (дополненіе):
Я дамой... — „Крой!“ — Я бью тузомъ!
— „Позвольте, козырь.“ — Ну, пойдемъ.

По словамъ П. В. Анненкова, эти отрывки принадлежатъ къ задуманной поэтомъ большой политической и общественной сатирѣ, дѣйствіе которой должно было происходить при дворѣ сатаны. Здѣсь въ числѣ грѣшниковъ и гостей должны были явиться нѣкоторые кишиневскіе жители (напр., докторъ Фрикенъ) и наиболѣе знаменитые политическіе дѣятели Россіи. Эта сатира была оставлена Пушкинымъ и уступила мѣсто другой, „не менѣе сатанинской“, программа которой находится въ той же тетради (№ 2365, л. 28, см. Рус. Стар. 1884 т. 42, стр. 91).

Десятый (В. Л. Давыдову, стр. 312). Анн. Пушк., 183 - 184 и Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 92 - 93 по рукописи Моск. Публ. Музея № 2365, л. 30-31. Это черновое посланіе къ одному изъ владѣльцевъ знаменитой Каменки, Василію Львовичу Давыдову (впослѣдствіи — декабристу) написано въ концѣ марта 1821 г. Здѣсь говорится о приготовленія къ свадьбѣ Михаила Ѳедоровича Орлова *) съ Екатериной Николаевной Раевской; о возстаніи „безрукаго князя“ Александра Ипсиланти младшаго (1783-1828) который служилъ въ русской арміи, участвовалъ въ походахъ 1812 и 1813 гг. и лишился правой руки въ битвѣ подъ Дрезденомъ, а въ 1821 г. поднялъ возстаніе противъ турокъ въ дунайскихъ княже-

*) М. Ѳ. Орловъ (1788 - 1842), членъ „Арзамаса“, подъ прозвищемъ „Рейна“, одинъ изъ выдающихся генераловъ Александровскаго времени, заключившій въ 1814 г. капитуляцію Парижа, за участіе въ образованіи Союза Благоденствія былъ въ 1826 г. уволенъ отъ службы и жилъ частнымъ человѣкомъ въ Москвѣ. Его біографія въ Рус. Стар. 1872, т. 5.

ствахъ; о смерти кишиневскаго митрополита Гавріила Банулеско. Послѣ словъ: „Велѣлъ жить долго всей Россіи“, въ рукописи двѣ строчки отмѣчены сбоку синимъ карандашемъ и затѣмъ совершенно замазаны чернилами; нѣсколько ниже, послѣ словъ:„ . . . вовсе не варитъ“, такъ же отмѣчено и замазано нѣсколько строкъ, о которыхъ Анненковъ (Пушк., 184) говоритъ, что въ нихъ Пушкинъ доходитъ до послѣднихъ предѣловъ глумленія“ (?). Въ концѣ стихоренія, подъ именами тѣхъ и той, говорится объ итальянскихъ карбонарахъ и о свободѣ.

Одиннадцатый (Кишиневскія дамы, стр. 313). Бартеневъ, Пушк., I, 129, и Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 96-97, по рукописи Моск. Публ. Музея № 2365, л. 37.

Эти шуточные куплеты написаны размѣромъ „джока“, т. е. пѣсенъ, которыя пѣлись молдаванами во время этого мѣстнаго танца. См. Рус. Арх. 1866, ст. 1158-59; Бессарабскія воспоминанія А. Ѳ. Вельтмана — у Майкова, Пушк., 92-136; Халиппа, Городъ Кишиневъ временъ жизни въ немъ Пушкина (Киш. 1899). Упоминаемыя въ куплетахъ лица: Константинъ Антоновичъ Катакази, кишиневскій губернаторъ; Тарсисъ — его сестра, по словамъ Липранди, — „дѣва лѣтъ сорока, не красивая, но образованная“; г-жа Богданъ, страстная любительница игры въ банкъ (см. записки Вигеля, VI, 194); М. Е. Эйхфельдтъ, прозванная „Еврейкой“ (см. выше, стр. 602); Тодорашка — Ѳедоръ Егоровичъ Крупенскій, братъ кишиневскаго вице-губернатора.

Двѣнадцатый („Тодорашка въ васъ влюбленъ“, стр. 315) нап. тамъ же. Относится, вѣроятно, къ г-жѣ Эйхфельдтъ, надъ которою П. вообще подшучивалъ.

Тринадцатый („Повѣрь мнѣ...", стр. 315). Бартеневъ, Пушк., I, 131, по рукописи № 2365, л. 41 об. Панглоссъ — одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ повѣсти Вольтера „Кандидъ".

Четырнадцатый (Эпиграмма, стр. 316). Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 340, по рукописи М. П. Музея № 2367, л. 4 об.

Пятнадцатый („Ты правъ...", стр. 316) печатается здѣсь впервые по рукописи Моск. Музея № 2367, л. 5. Въ прежнихъ изданіяхъ печаталось въ измѣненной редакціи, съ отнесеніемъ къ 1817 г.:

„Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный,
„Эмилій человѣкъ пустой".
Да ты чѣмъ полонъ, шутъ нарядный?
А, — понимаю: самъ собой!
Ты полонъ дряни, милый мой!

„Людмилинъ", конечно, означаетъ самого Пушкина, — автора „Руслана и Людмилы".

1822.

I. Люблю вашъ сумракъ... (стр. 317). Моск. Телегр. 1826, ч. VII, стр. 5 и 6, подъ заглавіемъ: „Элегія". Изд. 1829 — безъ заглавія. Первоначальный текстъ находится въ рукописи Моск. Публ. Музея, № 2369, л. 14; онъ напечатанъ въ Посм. IX, 168, съ перемѣнами, которыя, можетъ быть, и не принадлежатъ Пушкину. Приводимъ этотъ текстъ по рукописи, отмѣчая подъ строкою варіанты изъ Посм.

Отрывокъ.

Ты, сердцу непонятный мракъ,
Пріютъ отчаянья слѣпого,
Ничтожество, пустой призракъ, —
Не алчу твоего покрова!
Веселья жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка,
Я все не вѣрую въ тебя:
Ты чуждо мыслямъ человѣка,
Тебя страшится гордый умъ.
Такъ путникъ, съ вышины внимая
Ручьевъ кавказскихъ вѣчный шумъ
И взоръ свой въ бездны погружая *),
Внезапнымъ ужасомъ томимъ,
Дрожитъ, шатается **); предъ нимъ
Предметы движутся, темнѣютъ;
Въ немъ чувства хладныя нѣмѣютъ;
Вотще оплота ищетъ онъ, —
И все во взорахъ исчезаетъ,
И обморокъ, какъ страшный сонъ,
На край горы его бросаетъ...
Но если духъ безсмертенъ мой,
То, улетѣвъ въ міры иные, ***)
Ужели съ ризой гробовой
Всѣ чувства сброшу я земныя,
И чуждъ мнѣ станетъ міръ земной?
Ужели тамъ, гдѣ все блистаетъ

*) И взоромъ бездну измѣряя.
**) Дрожитъ, колеблется...
***) Кругомъ оплота ищетъ онъ;
Все мчится, меркнетъ, исчезаетъ,
И хладный обморока сонъ
На край горы его бросаетъ...
Но, улетѣвъ въ міры иные, и пр.

Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранитъ душа моя, —
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я?
Любви! Но что же за могилой
Переживетъ еще меня?
Онъ мой, онъ вѣченъ, образъ милой:
Что безъ него душа моя? *)

. . . . . .

Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни тайною толпой
Отъ береговъ печальной Леты
Слетаются на брегъ земной;
Онѣ уныло посѣщаютъ **)
Мѣста, гдѣ жизнь была милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Въ Элизій поджидаютъ ихъ,
Какъ въ праздникъ ждетъ семья родная
Замедлившихъ гостей своихъ...

. . . . . .

Мечты поэзіи прелестной,
Благословенныя мечты!
Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный
И ваши тайные цвѣты.

II. Примѣты (стр. 318). Издд. 1826 и 1829. Въ

*) Во мнѣ безсмертна память милой, –
Что безъ нея душа моя?
**) Что съ унынiемъ посѣщаютъ

рукописи Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 17, озаглавлено: „Отрывокъ“ и представляетъ варіантъ:

[1] Пастухъ и рыболовъ...

Въ рукописи, принадлежащей гр. П. И. Капнисту, стихотвореніе называется „Примѣты“, и третій стихъ читается вѣрнѣе печатнаго:

Взглянувъ на небеса, на западную сѣнь.

Въ издд. 1826 и 1829 гг. помѣчено 1821-мъ годомъ, но въ собственноручномъ спискѣ стихотвореній (см. выше, стр. 582) отнесено къ 1822.

III. Друзьямъ (стр. 318). Полярн. Звѣзда 1824, стр. 24. Перепечатано въ Новостяхъ Литературы 1824, № 10, стр. 159, и въ издд. 1826 и 1829 гг. Автографъ, озаглавленный: „К — у, П — имъ и Г — ву“ (т.-е. „Кеку, Полторацкимъ и Горчакову“), находится въ Имп. Публ. Б-кѣ и напечатанъ въ ея Отчетѣ за 1888, стр. 177. Онъ представляетъ слѣдующіе первоначальные варіанты:

[1] При блескѣ чашъ, *) при звукахъ лиръ
[2] Зачеркнуто: [пылкую] [вѣчную] [юноши]
[3] Скорбь исчезала предо мной
Какъ исчезала въ чашахъ пѣна
Надъ зашипѣвшею струей.

Написано послѣ прощальнаго обѣда, даннаго въ Кишиневѣ, у М. А. Полторацкаго, по случаю отъѣзда одного изъ общихъ знакомыхъ, свитскаго офицера Валерія Тимоѳеевича Кека. См. статью В. П. Горчакова въ Моск. Вѣд. 1858, № 19. Пушкинъ

*) Такъ и напечатано въ Пол. Звѣздѣ.

отослалъ эти стихи въ Петербургъ, гдѣ они были прочитаны А. А. Бестужевымъ въ публичномъ засѣданіи Вольнаго Об-ва Любителей Росс. Словесности, 22 мая 1823 г. См. „Труды“ этого общества, ч. XXII, стр. 296-297.

IV. Узникъ (стр. 319). Изд. 1832 г. (т.-е. 3-я часть изд. 1829 г.). Черновое — въ записной книжкѣ (Имп. Публ. Б-ка), л. 58, представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] [Гляжу я въ окошко темницы сырой]
И тихо, и грустно въ темницѣ глухой...
Плѣненъ, обезкрыленъ, орелъ молодой,
Мой вѣрный товарищъ въ изгнаньи моемъ...
[2] Онъ вымолвить хочетъ: „Давай, улетимъ!
„Давай, встрепенемся! Пора намъ, пора!
„Острогъ намъ — не ближній, тюрьма — не сестра *),
„Мы — вольныя птицы, ты, братъ мой, и я,
„Гдѣ соколъ летаетъ, тамъ наша семья!“

Стихотвореніе, несомнѣнно, имѣетъ автобіографическое значеніе: въ письмахъ Пушкина 1822 г. постоянно выражается страстное желаніе свободы и надежды на скорое возвращеніе въ Петербургъ. Ср., напр., письма къ брату отъ 24 января, 21 іюля, 6 октября; къ Катенину — 19 іюля; къ Толстому — 26 сентября.

V. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ (стр. 320). Сѣв. Цвѣты 1825, стр. 253; издд. 1826 и 1829 гг. Въ черновой (Моск. Публ. Муз. № 2366, л. 4) къ стиху

[1] Твой щитъ на вратахъ Цареграда

*) Туда, гдѣ [за тучами блещетъ] синѣетъ и блещетъ гора.

сдѣлана выноска: „Но не съ гербомъ Россіи, какъ нѣкто сказалъ (для риѳмы къ Византіи), во-первыхъ — потому, что во времена Олега Россія не имѣла еще герба. Нашъ двуглавый орелъ есть гербъ Римской имперіи и знаменуетъ раздѣленіе ея на Западную и Восточную; у насъ же онъ ничего не значитъ". Ср. въ письмѣ къ брату, янв. 1823. Дѣло идетъ о думѣ Рылѣева „Олегъ Вѣщій" (Новости Литературы 1822, № 11), гдѣ говорится, что Олегъ „прибилъ свой щитъ съ гербомъ Россіи къ царьградскимъ воротамъ".

Рукопись Моск. Публ. Музея № 2366, л. 4, содержитъ нѣсколько первоначальныхъ чтеній, большею частью тутъ же исправленныхъ:

Строфа I, ст. 6: . . . . . на смирномъ конѣ.
„ II, „ 2: Идетъ просторѣчный кудесникъ.
„ „ „ 6: И къ гордому старцу....
„ III, „ 4: Могильной покроюся тьмою.
„ IV, „ 5: День смерти для многихъ таится во мглѣ.

Послѣ строфы V зачеркнуто:

И вновь, какъ на тризну, стремишься на брань,
И вновь вознесенъ и прославленъ;
Твой мечъ собираетъ кровавую дань,
Твой недругъ во прахѣ раздавленъ.
Незримый хранитель могущему данъ,
И ты подъ бронею не вѣдаешь ранъ.

Строфа VI, ст. 2: И вѣтеръ въ часы непогоды
„ „ „ 5-6: Не знаю, но вижу паденье твое;
Запомни же нынѣ ты слово мое.
VII, „ 1: Твой конь былъ товарищъ опасныхъ трудовъ

Строфа VII, ст. 5: Трудъ, голодъ и сѣча ему — ничего.
„ VIII, „ 1: . . . . . но скоро чело
„ „ „ 3: И молча, рукой . . . . .
„ „ „ 5: Онъ вѣрнаго друга . . . .
„ IX, „ 2: Служилъ ты мнѣ долгое время
„ „ „ 4: Въ твое заслуженное стремя.
„ „ „ 6: Вы, отроки, тотчасъ возьмите коня!
„ XI, „ 4: Надъ гордой [ветхой] главою кургана.
„ „ „ 6: И битвы, гдѣ дружно [славно] рубились они.
„ XII, „ 4-6: „Все тотъ-же ль онъ борзый, игривый?“
Давно ужь [Тоскуя] заснулъ непробуднымъ онъ сномъ,
И кости бѣлѣютъ на холмѣ крутомъ.
„ XIII, „ 2: . . . . . „Что же сказанья?
„ „ „ 4-6: „Презрѣть бы мнѣ было гаданья:
„Мой конь до могилы носилъ бы меня!“
И хочетъ самъ видѣть могилу коня.
„ XIV, „ 1: И ѣдетъ . . . . . .
„ „ „ 3: Вотъ видятъ: на холмѣ, близъ тока Днѣпра,
„ „ „ 6: Надъ ними струится сѣдая ковыль.
„ XV, „ 2: . . . . . „Спи, конь одинокій!
„ „ „ 5: Не ты надо мною ковыль обагришь
„ XVI, „ 5: На ногу какъ черная лента вiясь,

Строфа XVII:

Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина играетъ у брега,
Ковши круговые, запѣнясь, кипятъ
На тризнѣ плачевной Олега.
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

VI. Птичка (стр. 323). Литер. Листки 1823, № 2, стр. 28, подъ заглавіемъ: „На выпускъ птички", съ подписью: **А. П.** и выноской Булгарина: „Сіе относится къ тѣмъ благодѣтелямъ человѣчества, которые употребляютъ свои достатки на выкупъ изъ тюрьмы невинныхъ должниковъ и пр." Вошло затѣмъ въ издд. 1826 и 1829 гг. Стихотвореніе было сообщено Пушкинымъ въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 13 мая 1822 въ иной редакціи (см. это письмо въ т. VIII наст. изд.).

VII. Уединеніе (стр. 323). Изд. 1826. Черновая этого стихотворенія, записанная безъ окончанія стиховъ, находится въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2364, л. 52 об., среди набросковъ „Руслана и Людмилы", а потому было бы, можетъ быть, правильнѣе отнести „Уединеніе" не къ 1822, а къ 1819 г. Надо, однако, имѣть въ виду, что Пушкинъ, пересматривая свою старую тетрадь, могъ внести въ нее это стихотвореніе и позже, особенно — въ такомъ неполномъ видѣ, какъ онъ это сдѣлалъ. Послѣдніе два стиха приведены имъ въ письмѣ къ брату изъ Михайловскаго, дек. 1824 (см. т. VIII). Стихи 2 и 3 въ рукописи читаются:

Вдали тирановъ и невѣждъ,
Живетъ между трудовъ и лѣни.

VIII. Пріятелю (стр. 324). Издд. 1826 и 1829 гг. — Относится, вѣроятно, къ Н. С. Алексѣеву, который, въ письмѣ къ Пушкину отъ 30 окт. 1826, говоритъ: „Не смотря на названія лукаваго соперника и чернаго друга, я могу сказать, что мы были друзья-соперники и жили пріятно“ (Бартеневъ, Пушк. I. 81). Въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 24, седьмой стихъ первоначально читался: „Она, къ несчастію, не дура“; но затѣмъ былъ исправленъ, какъ въ печатномъ.

IX и X. Баратынскому (стр. 324 и 325). Сѣв. Цвѣты 1826, стр. 29, и изд. 1829. Въ черновой (Моск. Публ. Муз. № 2366, л. 1 об.; № 2367, л. 24 об.) послѣдніе стихи переставлены:

Но, другъ, — Овидія живого
Въ тебѣ обнять милѣе мнѣ.

Тутъ же начато было еще другое стихотвореніе на ту же тему:

Изгнанье славно, — спору нѣтъ,
Но промѣнялъ бы я...

Бессарабія „воспѣта Державинымъ“ въ одѣ на взятіе Измаила.

XI. Гречанкѣ (стр. 325). Пол. Звѣзда 1823, стр. 107; издд. 1826 и 1829 гг. Гречанка Калипсо Полихрони бѣжала изъ Константинополя сначала въ Одессу, а потомъ, съ половины 1821 г., поселилась въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ своей матерью. По словамъ Ф. Ф. Вигеля (Записки, VI, 152-154) и

И. П. Липранди (Рус. Арх. 1866, ст. 1246-47), она была нехороша собой: маленькаго роста, съ едва замѣтной грудью, съ длиннымъ, сухимъ лицомъ, всегда нарумяненнымъ, съ большимъ носомъ и огромными „огненными“ глазами. „У ней былъ голосъ нѣжный, увлекательный, не только когда она говорила, но даже когда съ гитарой пѣла ужасныя, мрачныя турецкія пѣсни; одну изъ нихъ съ ея словъ Пушкинъ переложилъ на рус. яз. подъ именемъ „Черной Шали“ (ср. выше, стр. 577). Кромѣ турецкаго и греческаго, она знала арабскій, молдавскій, итальянскій и французскій языки. Ни въ обращеніи ея, ни въ поведеніи не видно было ни малѣйшей строгости; если бы она жила въ вѣкъ Перикла, — исторія вѣрно сохранила бы намъ имя ея вмѣстѣ съ именами Фрины и Лаисы“ (Вигель). О ней разсказывали, будто она была когда-то любовницей Байрона. Объ этомъ говоритъ и Пушкинъ, въ письмѣ къ Вяземскому отъ 5 апр. 1823 г.: „Я познакомлю тебя съ гречанкой, которая цѣловалась съ Байрономъ“. О дальнѣйшей судьбѣ Калипсо существуетъ романическій разсказъ румынскаго писателя Негруци въ книгѣ „Pacatele Fineretilor“ (Грѣхи юности), изд. въ 1857 г., перев. въ Бессарабск. Областн. Вѣдом. 1866, № 44 и въ ст. Х. С. Кирова „Пушкинская гречанка“ — въ Ист. Вѣстн. 1884, № 2, стр. 337.

Бытъ можетъ, къ ней же относится исчерканный и недоконченный набросокъ въ рукописи Моск. Муз. № 2365, л. 34, гдѣ можно разобрать слѣдующія строки:

Гречанка, — я люблю тебя!
Затмились прелести другія,
Горю тобой.....

Я твой навѣкъ, Элевѳерія *)...
. . . . . .
Жива сама Элевѳерія,
И пылкой южной красотѣ
Вредна холодная Россія:
Привыкнешь тамъ...

XII. Адели (стр. 326). Пол. Звѣзда 1824, стр. 60, подъ заглавіемъ: „Въ альбомъ малюткѣ“ и съ полною подписью. Изд. 1826 и 1829 гг. — подъ загл.: „Адели“.

Въ черновой (Моск. Муз. № 2367, л. 8 об.) вмѣсто стиховъ 9-12 читаемъ:

Для наслажденій,
Для упоеній
Ты рождена;
Живую радость,
Минуты сладость
Лови, лови и пр.

Адель — дочь А. Л. Давыдова и его жены Аглаи Антоновны, см. выше, стр. 593. И. Д. Якушкинъ въ своихъ Запискахъ (Лпц. 1874, стр. 70) говоритъ, что Пушкинъ „вообразилъ себѣ (или вѣрнѣе, напустилъ на себя видъ), что онъ въ нее влюбленъ, безпрестанно на нее заглядывался и, подходя къ ней, шутилъ съ нею очень неловко“.

XIII. Первое посланіе къ цензору (стр. 327). Анн., VII, 30, подъ заглавіемъ: „Первое посланіе къ Аристарху“ и съ многочисленными пропусками, воз-

*) Ἐλευθερία — свобода. Пушкинъ пишетъ „Эллеферія“.

становленными только въ позднѣйшихъ изданіяхъ. До сихъ поръ относилось издателями къ 1824 г.; но самимъ Пушкинымъ внесено въ списокъ стихотвореній 1822 (см. выше, стр. 582) и, кромѣ того, упоминается въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ отъ 6 февр. 1823: „Читалъ ли ты мое посланіе Бирукову? Если нѣтъ, — вытребуй его отъ брата или отъ Гнѣдича".

Объ Александрѣ Степановичѣ Бируковѣ (род. 2 іюня 1772, ум. 31 мая 1844) Пушкинъ впослѣдствіи говорилъ, что благодаря ему и Красовскому, въ послѣднее пятилѣтіе царствованія Александра I вся русская литература сдѣлалась рукописною. А. С. Шишковъ, находившій, что „цензоры во всѣ времена были у насъ большею частью худы", обвинялъ Бирукова въ излишней строгости и бо́язни, „соединенной съ неразумѣніемъ силы языка" (Ост. Арх. II, 521). Бируковъ началъ службу учителемъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ, затѣмъ служилъ въ главномъ правленіи училищъ, а со 2 апр. 1821 по 2 окт. 1826 былъ цензоромъ Спб. Цензурнаго Комитета. Его имя часто встрѣчается на обложкахъ выходившихъ въ ту пору произведеній Пушкина.

Въ посланіи упоминается нѣсколько старыхъ и новыхъ писателей: Анна Петровна Бунина (1774-1829) — почетный членъ Бесѣды люб. росс. слова, издавшая въ Спб. 1819-1821 три части своихъ стихотвореній (о ней см. ст. М. Д. Хмырова: „Рус. писательницы прошлаго времени" въ журн. „Разсвѣтъ" 1861, № 11, стр. 213-229); Александръ Петровичъ Куницынъ (1783-1841), бывшій въ пушкинское время профессоромъ нравственныхъ и политическихъ наукъ въ Лицеѣ и въ 1821 г. уволенный отъ должности профессора Спб. университета

по постановленію Главнаго Правленія училищъ, признавшаго, согласно мнѣнію Рунича, книгу Куницына „Право естественное“ (Спб. 1818) противорѣчащею явно истинамъ христіанства и клонящеюся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ“. Куницыну посвящено Пушкинымъ восторженное четверостишіе въ Лицейской Годовщинѣ 1825 г. (см. т. II наст. изд., стр. 19). Пѣвецъ „Пировъ“ — авторъ поэмы „Пиры“ (1821) Евг. Абр. Баратынскій, извѣстный поэтъ (р. 19 февр. 1800, ум. 29 іюня 1844); князь Петръ Ив. Шаликовъ (1768-1852), стихотворецъ и издатель „Моск. Зрителя“ (1806), „Аглаи“ (1808-1812) и „Дамскаго Журнала“ (1823-1833), надъ которымъ многіе, въ томъ числѣ и Пушкинъ, часто потѣшались; „наперстникъ Душеньки“ — Богдановичъ; аббатъ Милло, котораго „Всеобщая Исторія“, въ 14-ти частяхъ, издана была въ рус. переводѣ въ Спб. 1820 и, повидимому, пострадала отъ цензуры, и др. Далѣе, вспоминая „дней Александровыхъ прекрасное начало“, Пушкинъ, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду цензурный уставъ, составленный въ 1804 г. академиками Озерецковскимъ и Фусомъ и отличавшійся большой терпимостью. Представляя этотъ уставъ министру нар. просвѣщенія, Озерецковскій писалъ: „Благо, проистекающее изъ благоразумной свободы печати, такъ велико и прочно, зло же, сопровождающее злоупотребленіе этою свободою, такъ рѣдко и мимолетно, что нельзя не сожалѣть о необходимости, въ которую становится правительство, во всѣхъ прочихъ дѣлахъ рѣшительно вступившее на почву либеральныхъ принциповъ, полагать границы этой свободѣ...“

XIV. Къ Ѳ. Н. Глинкѣ (стр. 330). Отрывокъ — въ Моск. Вѣд. 1855, № 145, стр. 592; вполнѣ — Совр. 1856, № 7 и Анн:, VII, 29, подъ заглавіемъ: „Ѳ. Г.“

Сообщено Пушкинымъ въ письмѣ къ брату въ янв. 1823 г. и представляетъ отвѣтъ на поэтическое привѣтствіе Ѳ. Н. Глинки, напечатанное вскорѣ послѣ высылки Пушкина изъ Петербурга, въ Сынѣ Отеч. 1820, ч. 64, стр. 231:

О Пушкинъ, Пушкинъ! Кто тебя
Училъ плѣнять въ стихахъ чудесныхъ?
. . . . . .
Судьбы и времени сѣдого
Не бойся, молодой пѣвецъ!
Слѣды исчезнутъ поколѣній,
Но живъ талантъ, безсмертенъ геній!

Въ редакціи, сообщенной брату, посланіе читается въ рукописи Моск. Муз. № 2367, л. 16 об.; далѣе, на л. 47, оно находится уже въ иномъ, исправленномъ видѣ:

Давно оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Гдѣ голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!
Пускай мнѣ слава измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь;
Пускай судьба опредѣлила
Мнѣ темныя гоненья вновь, —
Какъ хладный киникъ, я забуду
Несправедливость ихъ обидъ:
Онѣ ничтожны, если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

Разсказъ Глинки о высылкѣ Пушкина — въ Рус. Арх. 1866, ст. 917; имъ же написано впослѣдствіи (1837) „Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина“, въ стихахъ (см. Каллаша, Русскіе поэты о Пушкинѣ, М. 1899, стр. 6, 94). О самомъ Ѳедорѣ Николаевичѣ Глинкѣ и его литературной дѣятельности см. ст. Н. В. Путяты и А. А. Котляревскаго въ Бесѣдахъ Общ. люб. рус. слов. 1867, т. I, стр. 33 и слл.; ст. А. П. Милюкова въ Истор. Вѣстн. 1880, №№ 3 и 7.

XV. У Клариссы... (стр. 331). Изд. 1826. Рукопись Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 11 об., съ варіантомъ во 2-мъ стихѣ:

[1] Ты богатъ, — иди жь къ вѣнцу...

XVI. Нѣтъ ни въ чемъ... (стр. 331). Альманахъ Погодина „Уранія“ 1826 стр. 109, и изд. 1829 г.

XVII. Жалоба (стр. 331). Посм. IX, 151, съ перемѣнами въ стт. 4 и 5:

И дива нѣтъ, — не вы одинъ
Потомокъ предковъ благородныхъ.

Въ рукописи Моск. Муз. № 2369, л. 22 об., находимъ еще варіанты:

Ст. 2: А вы — вы модный господинъ...
Стт. 5-7: Потомокъ предковъ благородныхъ,
Я бѣденъ, и въ моей роднѣ
Никто не шьетъ мнѣ фраковъ модныхъ...

Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ (1791-1865), товарищъ Вяземскаго по іезуитскому пансіону (Соч.

Вяз., т. I, стр. XVI-XVIII) и Пушкина — по „Арзамасу“ (гдѣ онъ носилъ прозвище „Рѣзваго Кота“), сынъ воспитанницы баронессы А. С. Строгоновой, Анны Григ. Брагиной, вышедшей за сослуживца Дмитріева, гвардейскаго капитана П. И. Сѣверина, бывшаго въ конца XVIII и началѣ XIX в. витебскимъ губернаторомъ. Въ 1807 г. поступилъ на службу въ Моск. архивъ коллегіи иностр. дѣлъ, въ 1809 — въ мин. юстиціи, подъ начальство Дмитріева, потомъ служилъ въ коллегіи иностр. дѣлъ и былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи и посланникомъ въ Баваріи. О ссорѣ своей съ Сѣверинымъ Пушкинъ упоминаетъ въ письмѣ къ Вяземскому изъ Одессы, 14 окт. 1823.

XVIII. Русскому Гесснеру (стр. 332). „Опытъ русской анѳологіи“ М. Л. Яковлева, Спб. 1828, стр. 181. Перепечатано Лонгиновымъ въ Моск. Вѣд. 1856, № 153, и Анн., VII, 101.

Эпиграмма на извѣстнаго въ свое время идиллика Вл. Ив. Панаева (1792-1859). Его „Разсужденіе о пастушеской поэзіи“ нап. въ „Благонамѣренномъ“ 1818, № 10, а „Идилліи“ — въ Спб. 1820. Записки его — въ Вѣстн. Евр. 1867, №№ 9 и 12. О немъ см. книжку Б. М. Ѳедорова: „В. И. Панаевъ, воспоминаніе, съ обозрѣніемъ его идиллій“, Спб. 1861.

XIX. Наброски:

I. Начало посланія къ кн. Вяземскому (стр. 332) — Лит. Ф., I, 283, по рукописи Моск. Музея № 2365, л. 36, гдѣ 2-й стихъ первоначально читался: „И смѣлой колкостью, и шутками богатый“.

2. Начало посланія къ брату (стр. 332) — Анн., Мат., 228 и рукопись Моск. Муз. № 2369, л. 4. Ср. письмо къ Л. С. Пушкину изъ Кишинева, 21 іюля 1822: „Скажи мнѣ, выросъ ли ты? Я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ...“

Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ род. 1806, ум. 19 іюля 1852. Свѣдѣнія о немъ — въ запискахъ Н. И. Лорера, Рус. Арх. 1874, Г. И. Филипсона, Рус. Арх. 1883, въ „Старой записной книжкѣ“ кн. П. А. Вяземскаго (Соч., т. VIII) и въ книгахъ: Л. Н. Майкова „Пушкинъ“ и Л. С. Павлищева „Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ“, М. 1890.

3. Изъ записки къ пріятелю (стр. 333) — Анн., VII, 85. Тардифъ, извѣстный въ свое время петербургскій кухмистеръ, жилъ въ началѣ 20-хъ гг. въ Кишиневѣ (см. Записки Вигеля, VI, 95 и Липранди, Рус. Арх. 1866, ст. 1458-59). Коленкуръ— французскій посолъ въ Россіи 1807-1811.

4. Мой другъ, уже три дня... (стр. 333) — Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 326, по рукописи Моск. Муз. № 2366, л. 8.

Своимъ Орестомъ поэтъ называетъ, можетъ быть, Н. С. Алексѣева, съ которымъ онъ близко сошелся въ Кишиневѣ (см. выше, стр. 607). Въ стихотвореніи говорится о двухнедѣльномъ арестѣ Пушкина, за то, что онъ побилъ молдаванскаго боярина Теодора Бальша, жена котораго сказала поэту какую-то дерзость (Майковъ, Пушк., 8, 127; Рус. Арх. 1866, ст. 1168-69, 1242, 1246, 1421-23). „Смиренный Іоаннъ“ — ген.-лейт. Иванъ Никитичъ Инзовъ (1768-1845), главный попечитель колонистовъ южнаго края (въ Екатеринославѣ), подъ наблюденіе котораго былъ посланъ Пушкинъ въ началѣ 1821 г. назначенъ былъ на мѣсто Алексѣя Николаевича Бах-

метьева (1774-1841) исправляющимъ должность намѣстника Бессарабской области въ Кишиневѣ, а въ іюлѣ 1822 г. переведенъ въ Одессу, испр. д. Новороссійскаго ген.-губернатора, въ которой его смѣнилъ, черезъ годъ, гр. М. С. Воронцовъ. Воспоминанія объ Инзовѣ см. въ Моск. Вѣстникѣ 1847, I, 217. Одесск. Вѣстн. 1847, №№ 13 и 14; журн. „Югъ“ 1882, № 2; „Воспоминанія“ А. М. Ѳадѣева, Одесса 1897.

5. Къ *** (стр. 334). Анн., Мат. 82-83, по рукописи Моск. Муз. № 2365, лл. 56. об. — 57. Болѣе правильное чтеніе этого мало разборчиваго отрывка дано Л. Н. Майковымъ (Матеріалы, 174-175). Такъ, послѣ 2-го куплета можно прочесть еще два стиха:

Я зналъ любовь съ прелестною мечтой,
Очарованьемъ, упоеньемъ...
. . . . . .

5-й куплетъ предшествуетъ 4-му и долженъ читаться такъ:

Но все прошло. Остыла въ сердцѣ кровь.
Въ ихъ наготѣ теперь я вижу
И свѣтъ, и жизнь, и дружбу, и любовь,
Угрюмый опытъ ненавижу.

За послѣднимъ стихомъ, въ которомъ слово „Угрюмый“ написано вм. зачеркнутаго „И мрачный“, можно разобрать еще нѣсколько отдѣльныхъ строкъ:

Разоблачивъ плѣнительный кумиръ,
Я вижу . . . . . .

Какъ бьется лань, пронзенная стрѣлой,
И силится . . . . . .
. . . . . .
Ужели онъ казался прежде мнѣ
Столь величавымъ и прекраснымъ?
Ужель въ презрѣнной . . . . . глубинѣ
Я наслаждался сердцемъ яснымъ?
Что жь видѣлъ въ немъ безумецъ молодой,
Кого любилъ, къ чему стремился?
Кого жь поэтъ возвышенной мечтой
Боготворить не постыдился?...

Здѣсь же, сбоку, набросана черновая программа, повидимому, имѣющая отношеніе къ той же пьесѣ:

„Ко всему была охота, ко всему охладѣлъ; вѣтреный, я сталъ безчувств... Теперь кого упрекну . . . . ? И это смѣшно. Хочу возобновить дружбу, — какъ мертвецъ, не въ силахъ... любовь; труды, не могу."

Анненковъ предполагаетъ, что мысль этого стихотворенія дана была Пушкину письмомъ, въ которомъ его упрекали въ раболѣпствѣ передъ обычаями и привычками толпы и совѣтывали углубиться въ самого себя. Дальнѣйшіе наброски, взятые изъ той же рукописи (№ 2365, л. 36 об.), представляютъ развитіе той же мысли. Ср. въ „Дневникѣ Онѣгина" отрывокъ 4-й.

6. Красы Лаисъ... (стр. 335). Рус. Стар. 1884 т. 42, стр. 95, по рукописи № 2365, л. 36 об. Первый стихъ третьяго куплета точнѣе читается:

Любилъ я [жизнь и] славу, и любовь...

Какъ по размѣру, такъ и по содержанію, наброски 5-й и 6-й представляютъ сходство съ слѣ-

дующими строфами изъ посланія Батюшкова „Къ другу“:

Скажи, мудрецъ младой, — что прочно на земли?
Гдѣ постоянно жизни счастье?
Мы область призраковъ обманчивыхъ прошли,
Мы пили чашу сладострастья...
Но гдѣ минутный шумъ веселья и пировъ,
Въ винѣ потопленныя чаши?
Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ умовъ,
Гдѣ твой фалернъ и розы наши?

7. Пиры, любовницы, друзья... (стр. 335) Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 332, по рукописи № 2366, л. 17.

Ср. Байрона, Донъ-Жуанъ, п. II, строфа 166: „Что касается англійскихъ женщинъ, то о нихъ я ничего не могу сказать въ отдаленіи отъ британскаго моднаго свѣта, въ которомъ я въ свое время блисталъ, подобно другимъ шелопаямъ, и даже имѣлъ кое какія страстишки. Но все это прошло, какъ прошло многое другое. Всѣ эти глупцы, которыхъ я прежде могъ бичевать, враги, друзья, мужчины, женщины, все это для меня теперь — только сонъ, который прошелъ и не вернется.“

8. Я говорилъ... (стр. 335). Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 105, по рукописи № 2364, л. 58. Въ текстѣ надо добавить второй стихъ:

Языкомъ истины свободной.

Стихотвореніе въ рукописи еще продолжалось, но затѣмъ было исчеркано до полной невозможности что-либо разобрать. За нимъ слѣдуетъ нѣчто вродѣ программы:

Вездѣ яремъ, сѣкира иль вѣнецъ,
Вездѣ злодѣй иль малодушный...
Предразсужденья —
Тиранъ, — льстецъ,
Предразсужденій рабъ послушный.

9. Таврида (стр. 336). Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 331, по рукописи № 2366, лл. 13 и 16. Подъ заглавіемъ, кромѣ эпиграфа, выставленъ 1822 г. и написано: „Strop[hes] 4 croisées, 4 de suite et deux.“ Самое стихотвореніе очень исчеркано, при чемъ нѣкоторые стихи повторяются нѣсколько разъ. Среди этихъ повтореній есть и варіанты, напр., къ ст. 2: „Воскресли чувства, ясенъ умъ“; къ ст. 14: „И слышу водъ знакомый гласъ“ или „Знакомыхъ водъ мнѣ внятенъ гласъ.“ По содержанію ср. „Желаніе“, стр. 277.

10. Какъ наше сердце своенравно... (стр. 336). Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 336, по рукописи № 2366, л. 34.

11. На тихихъ берегахъ... (стр. 337). Тамъ же, стр. 333, по рукописи № 2366, л. 18 об.

Ср. въ Посланіи Батюшкова къ Д. В. Дашкову:

И тамъ, гдѣ мирно почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ...

На поляхъ своего экземпляра „Опытовъ“ Батюшкова, противъ этихъ стиховъ, Пушкинъ написалъ: „Прелесть!“ (Майковъ, Пушк., 297).

12. Зачѣмъ раздался громъ войны... (стр. 337). Тамъ же, стр. 333 и 335, по рукописи № 2366, л. 18 об. и 33 об.

13. Себѣ ты выбралъ... (стр. 338). Тамъ же стр. 105, по рукописи № 2365, л. 58 об. Оба эти наброска, вѣроятно, представляютъ первоначальную мысль задуманной, но не написанной поэмы.

14. Кто, волны, васъ остановилъ... (стр. 338). Тамъ же, стр. 555, по рукописи № 2369, л. 9.

15. Венерѣ, Фебу и Ѳемидѣ... (стр. 338). Тамъ же, стр. 566. Въ рукописи № 2369, л. 35 об., находится среди набросковъ второй главы „Онѣгина", но, кажется, не имѣетъ отношенія къ этому роману.

16. Въ голубомъ эѳира полѣ... (стр. 338). Библ. Зап. 1858, № 1, — изъ бумагъ Л. С. Пушкина; въ изд. Анн., VII, 99, первые два стиха читаются иначе:

[1] Ночь свѣтла; въ небесномъ полѣ
Ходитъ Весперъ золотой...

Продолженіе къ этимъ стихамъ написано А. Н. Майковымъ.

17. Въ лѣсахъ Гаргаріи... (стр. 339). Анн. VII, 84; въ изд. Лит. Ф. I, 231, невѣрно пріурочено къ 1820 г.: находится въ рукописи Моск. Муз. № 2365, л. 56 об., тамъ же, гдѣ набросокъ 5-тый.

Гаргарія — собственно Гаргаръ или Гаргара, — одна изъ вершинъ горы Иды, въ предѣлахъ троянскихъ. Актеонъ — знаменитый ѳиванскій герой и охотникъ, воспитанникъ кентавра Хирона. Разгнѣванная Артемида, которую онъ подсмотрѣлъ во время купанья, превратила его въ оленя, — и Актеонъ былъ растерзанъ собаками.

18. О, Геліосъ... (стр. 339). Печатается здѣсь

впервые по рукописи Моск. Муз .№ 2366, лл. 37-38 (см. Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 336). Опытъ перевода гекзаметромъ идилліи А. Шенье: „Слѣпецъ". Вотъ стихи, переведенные Пушкинымъ:

„Dieu dont l'arc est d'argent, dieu de Claros, écoute,
„O Sminthée-Apollon! Je périrai sans doute,
„Si tu ne sers de guide à cet aveugle errant."
C'est ainsi qu'achevait l'aveugle en soupirant,
Et près des bois marchait, faible, et sur une pierre
S'asseyait. Trois pasteurs, enfants de cette terre,
Le suivaient, accourus aux abois turbulents
Des molosses, gardiens de leurs troupeaux bélants.
Ils avaient, retenant leur fureur indiscrète,
Protègè du vieillard la faiblesse inquiète;
Ils l'écoutaient de loin, et s'approchant de lui:
„Quel est ce vieillard blanc, aveugle et sans appui?
„Serait-ce un habitant de l'empire cèleste?
„Ses traits sont grands et fiers; de sa ceinture agreste
„Pend une lyre informe, et les tons de sa voix
„Emeuvent l'air et l'onde, et le ciel, et les bois".
Mais il entend leurs pas, prête l'oreille, espère,
Se trouble, et tend dèjà les mains à la prière.
„Ne crains point, disent-ils, malheureux étranger,
„(Si plutôt, sous un corps terrestre et passager,
„Tu n'es point quelque dieu protecteur de la Grèce,
„Tant une grâce auguste ennoblit ta vieillesse!)
„Si tu n'es qu'un mortel, vieillard infortuné,—
„Les humains près de qui les flots t'ont amené,—
„Aux mortels malheureux n'apportent point d'injures.
„Les destins n'ont jamais de faveurs qui soient pures.
. . . . . .

1823.

I. Изъ записки къ В. П. Горчакову (стр. 340). Моск. Вѣд. 1858, № 19. Владиміръ Петровичъ Горчаковъ, офицеръ, состоявшій при расположенной въ Кишиневѣ 16-й пѣхотной дивизіи, оставилъ интересныя „Выдержки изъ дневника“ о Пушкинѣ, нап. въ Москвитянинѣ 1850, янв., кн. 2, стр. 146-182; февр., кн. I, стр. 233-264; апр., кн. I, стр. 169-198; Моск. Вѣд. 1858, № 19, стр. 79-84; Рус. Арх. 1899, кн. II, стр. 340 и 1900, кн. I, стр. 403.

II. Демонъ (стр. 340). Мнемозина 1824, кн. III, стр. 11, подъ заглавіемъ: „Мой Демонъ“ и съ ошибками, на которыя Пушкинъ сердился: „Не стыдно ли Кюхлѣ напечатать ошибочно „Моего Демона“! Моего „Демона“! Послѣ этого онъ и Вѣрую напечатаетъ ошибочно!“ писалъ поэтъ брату 4 дек. 1824 г. Стихотвореніе перепечатано въ Сѣв. Цвѣтахъ 1825, стр. 275, уже безъ ошибокъ, и затѣмъ вошло въ изд. 1826 и 1829 гг. Въ „Мнемозинѣ“ были слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Когда еще мнѣ были новы
2: Всѣ наслажденья бытія
8: Мнѣ сильно волновали кровь
9: Въ часы надеждъ и упоеній
12: Сталъ втайнѣ навѣщать меня
22: На жизнь съ насмѣшкою глядѣлъ

Въ слѣдующей IV-й книжкѣ „Мнемозины“, стр. 35 слл., напечатана ст. кн. В. Ѳ. Одоевскаго: „Но-

вый демонъ", въ которой, между прочимъ, говорится: „Съ какимъ сумрачнымъ наслажденіемъ читалъ я произведеніе, гдѣ поэтъ Россіи такъ живо олицетворилъ тѣ непонятныя чувствованія, которыя холодятъ нашу душу посреди восторговъ самыхъ пламенныхъ! Глубоко проникнулъ онъ въ сокровищницу сердца человѣческаго, изъ нея похитилъ ткани, неприкосновенныя для простолюдина, которыми облекъ онъ своего таинственнаго Демона. Но не только внутри существуетъ сей злобный геній: онъ находится и внѣ насъ; послѣдній не такъ опасенъ, какъ первый, но не менѣе мучителенъ..."

При появленіи своемъ въ печати стихотвореніе вызвало толки; многіе думали, что въ лицѣ Демона поэтъ хотѣлъ изобразить Александра Николаевича Раевскаго, которому и посвящено стихотвореніе и который, отличаясь выдающимся умомъ, успѣлъ внушить Пушкину такое высокое о себѣ понятіе, что нашъ поэтъ предрекалъ ему блестящую извѣстность (см. письмо къ Л. С. Пушкину 24 сент. 1820). Отголоски вызванныхъ „Демономъ" толковъ проникли даже въ печать, такъ что Пушкинъ приготовилъ было по этому поводу особую замѣтку, которую собирался послать въ журналы, безъ подписи и какъ бы отъ посторонняго лица. Приводимъ ее — по тексту, сообщенному Анненковымъ (Пушк., 152):

„... Многіе были того же мнѣнія, и даже указывали на лицо, которое Пушкинъ хотѣлъ будто бы изобразить въ этомъ странномъ стихотвореніи... Кажется, они не правы; по крайней мѣрѣ, я вижу въ „Демонѣ" цѣль болѣе нравственную. Не хотѣлъ ли поэтъ олицетворить сомнѣніе? Въ лучшее время жизни сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало

по малу вѣчныя противорѣчія существенности рождаютъ въ немъ сомнѣніе, — чувство мучительное, но не продолжительное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души... Недаромъ великій Гете называлъ вѣчнаго врага человѣчества — духомъ отрицающимъ... И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ „Демонѣ“ олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ пріятной картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка?“

Изъ письма къ Пушкину декабриста кн. С. Г. Волконскаго отъ 18 окт. 1824 (напеч. П. И. Бартеневымъ, Пушк., I, 145) видно, что А. Н. Раевскій самъ принималъ „Демона“ на свой счетъ: онъ, въ шутку, сердился, зачѣмъ у Пушкина сначала было сказано: „благословить онъ не хотѣлъ“, а потомъ: „благословить онъ не умѣлъ“; первое ему больше нравилось. Я. К. Гротъ (Пушк., 52), со словъ Ек. Ник. Раевской-Орловой, разсказываетъ, что „Ал. Раевскій, замѣтивъ свое вліяніе на Пушкина, вздумалъ подтрунить надъ нимъ и сталъ представлять изъ себя ничѣмъ не довольнаго, разочароваинаго, надъ всѣмъ глумящагося человѣка. Поэтъ поддался искусной мистификаціи и написалъ своего „Демона“. Раевскій долго оставлялъ его въ заблужденіи, но, наконецъ, признался въ своей шуткѣ, и послѣ они часто и много смѣялись, перечитывая вмѣстѣ это стихотвореніе, объ источникахъ и значеніи котораго впослѣдствіи такъ много было писано и истощено догадокъ“.

А. Н. Раевскій, старшій сынъ знаменитаго генерала, р. въ 1795 г. на Кавказѣ, въ Новогеоргіевской крѣпости, служилъ въ лейбъ-егерскомъ полку и потомъ — во Франціи, адъютантомъ кн. Воронцова,

а въ 1818 г. — на Кавказѣ. По дѣлу декабристовъ онъ содержался двое сутокъ въ Петропавловской крѣпости; но подозрѣнія на него не подтвердились, и государь пожаловалъ его въ камергеры. Въ 30-хъ гг. онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ жилъ много лѣтъ, а скончался 22 окт. 1868 г. въ Ниццѣ, гдѣ и похороненъ. Одно письмо его къ Пушкину нап. Бартеневымъ, Пушк., I, 75.

Стихотвореніе Пушкина очень понравилось Жуковскому: „Обнимаю тебя за твоего Демона", писалъ онъ 1 іюня 1823 г. (Рус. Арх. 1889, кн. III, стр. 113). „Къ чорту чорта! — вотъ, пока, твой девизъ. Ты созданъ попасть въ боги, — впередъ! Крылья у души есть, вышины она не боится: тамъ настоящій ея элементъ. Дай свободу этимъ крыльямъ, — и небо твое: вотъ моя вѣра. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогрѣетъ надеждою за тебя..."

Въ рукописяхъ поэта (Моск. Муз. № 2366, лл. 41 об., 42) осталось нѣсколько черновыхъ набросковъ, повидимому, имѣющихъ отношеніе къ „Демону", хотя поэтъ воспользовался ими, отчасти, и для „Онѣгина":

Таковъ онъ былъ...
Мое спокойное незнанье
Страстями... возмущалъ,
И я его существованье
Съ своимъ, невиннымъ, сочеталъ *)
Я видѣлъ міръ его глазами...
Онъ обѣщалъ...
Истолковать мнѣ все творенье

*) И я мое существованье
Съ его навѣкъ соединилъ...

И разгадать добро и зло...
Непостижимое волненье
Меня къ лукавому влекло...
. . . . . .
Я сталъ взирать его глазами,
Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ,
Съ его неясными словами
Моя душа звучала въ ладъ...
. . . . . .
Мнѣ было грустно, тяжко, больно,
Но, одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ.
Я сталъ взирать его очами,
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ...
. . . . . .
Мою задумчивую младость
Онъ для восторговъ охладилъ.
Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ;
Я сталъ взирать его очами;
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ;
Открылъ я жизни бѣдной кладъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій,
Въ замѣну вѣры и надеждъ
Для легкомысленныхъ невѣждъ...

Ср. Онѣгина, гл. I, строфа XLV.

Въ Рус. Арх. 1876, № 4, разсказывается, будто Пушкинъ однажды читалъ „Демона“ на какомъ-то вечерѣ въ Москвѣ. Онъ замѣтилъ, что одна изъ слушательницъ зѣвнула вслѣдъ за стихами:

И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ —

и тотчасъ же прибавилъ:

Но укротился пламень гнѣвный
Свирѣпыхъ, злобныхъ адскихъ силъ,
И онъ Варвары Алексѣвны
Зѣвоту вдругъ благословилъ.

Подробному разбору „Демона“ посвящена статья Л. Поливанова: „Демонъ Пушкина“ въ Рус. Вѣстн. 1886, № 8.

III. Княгинѣ М. А. Голицыной (стр. 341). Въ альманахѣ Вал. Олина: „Карманная книжка для любителей рус. старины и словесности на 1830 годъ“, стр. 30, подъ заглавіемъ: „Княгинѣ Голицыной, урожденной Суворовой“. При жизни Пушкина не перепечатывалось.

Рукопись Моск. Публ. Муз. № 2369, л. 44 об. представляетъ нѣсколько первоначальныхъ (тутъ же исправленныхъ) варіантовъ:

Ст. 5: Твержу я стихъ.....
„ 9: Вновь лирѣ слезъ и хладной [горькой] скуки
„ 13: Умолкну въ гордости моей,
„ 14: Но мыслить буду...

IV. Надгробная надпись (стр. 342). Библ. Зап. 1858, ст. 496. На надгробномъ памятникѣ въ Александро-Невской лаврѣ вырѣзано съ варіантами:

Отраднымъ ангеломъ на землю онъ явился
И счастье райское принесъ съ собою къ намъ;
Но, житель горнихъ мѣстъ, онъ міромъ не прельстился, и пр.

Князь Александръ Голицынъ, сынъ кн. Николая Борисовича и княгини Елены Александровны, рожденной княжны Салтыковой, род. 15 марта 1822, ум. 24 іюля 1823.

V. Элегія: „Простишь ли мнѣ...“ (стр. 342). Полярн. Звѣзда 1824, стр. 314, подъ заглавіемъ: „Элегія“, съ звѣздочкой вмѣсто подписи и съ ошибками, которыя заставили Пушкина перепечатать стихотвореніе въ Литерат. Листкахъ Булгарина 1824, № 4, стр. 134, гдѣ, однако, было пропущено три стиха. См. въ т. VIII, письма къ Бестужеву отъ 12 янв. и къ Булгарину отъ 1 февр. 1824 г. Въ издд. 1826 и 1829 гг. напечатано безъ заглавія; въ автографѣ, прин. гр. П. И. Капнисту, озаглавлено: „Элегія XII“. Черновая — въ Моск. Муз. № 2369, лл. 15 об. и 16, представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Моей души несчастное волненье
[2] Увѣрена въ любви моей безумной,
Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ шумной
[3] Но ты вѣрна, — тебя я понимаю...

Кромѣ того:
Ст. 18: Когда со мной красавица другая
„ 19: Двусмысленный заводитъ разговоръ
„ 21-22: Предательски тобою ободренный,
Соперникъ мой надменный,
Вездѣ, всегда преслѣдуетъ меня.
Онъ вѣчно тутъ, колѣна преклоня.
Являюсь я, — блѣднѣетъ онъ...
Иль иногда, предупрежденный мной...

Къ кому относится эта элегія, — мы не можемъ опредѣлить; но по содержанію ея очевидно, что она

не можетъ относиться къ г-жѣ Ризничъ, такъ какъ здѣсь говорится о матери той особы, къ которой обращено стихотвореніе, а г-жа Ризничъ жила въ Одессѣ не съ матерью, а съ мужемъ.

VI. Ночь (стр. 343). Издд. 1826 и 1829 гг. Помѣта: „26 окт. 1823. Одесса“ находится въ рукописи Моск. Муз. № 2367, л. 25.

VII. Возстань, о Греція... (стр. 343). Анн. VII, 87, съ пропускомъ въ ст. 7-мъ слова: „Святые“.

Написано подъ впечатлѣніемъ извѣстій о началѣ греческаго возстанія и, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ строфы 73-й пѣсни II-й байроновскаго „Чайльдъ-Гарольда“:

„Прекрасная Грецiя! Печальный остатокъ драгоцѣннаго прошлаго, безсмертная, хотя уже не существующая, великая, хотя и павшая! Кто объединитъ твоихъ разсѣянныхъ дѣтей и уничтожитъ издавна привычное рабство? Не таковы были тѣ твои сыны, которые нѣкогда стояли безъ надежды, добровольно осужденными воителями, въ мрачномъ гробовомъ ущельѣ Θермопилъ. О, кто возродитъ этотъ доблестный духъ и воззоветъ тебя изъ могилы?“

Тиртей — спартанскій поэтъ VII в. до Р. Х., воспламенявшій своими пѣснями мужество спартанцевъ во время второй мессенской войны. Константинъ Рига (или Ригасъ) — авторъ „греческой марсельезы“: Δεῦτε, παῖδες τῶν Ἑλλήνων, казненный турками въ 1798 г.

VIII. Сказали разъ царю... (стр. 344). Изд. 1870. Въ черновомъ и перебѣленномъ видѣ нахо-

дится въ рукописи Моск. Муз. № 2370, лл. 57 и 85, откуда мы заимствуемъ слѣдующіе варіанты:

[1] Всѣхъ разсмѣшилъ проворный приговоръ.
Ріэго былъ предъ Фердинандомъ грѣшенъ.
[2] [Царю смѣшно такое доброхотство]
Не захотѣлъ улыбкой наградить
[3] И въ подлостяхъ немного благородства
(Исправлено):
И въ подлости осанку благородства.
Ст. 3: „Я очень радъ“, сказалъ полуподлецъ
„ 6: Всѣхъ разсмѣшилъ трусливый приговоръ
„ 8: И подѣломъ онъ былъ повѣшенъ.
11,12: Тяжелый видъ такого доброхотства
Могло царю подчасъ не угодить.

Кромѣ того, въ той же рукописи, л. 2 об., набросано три первоначальныхъ стиха той же эпиграммы:

Неловкій льстецъ за трапезой царя,
О Ріэго казненномъ говоря...
Хоть подлецомъ однимъ на свѣтѣ...

Эпиграмма вызвана восклицаніемъ гр. М. С. Воронцова по полученіи извѣстія о казни испанскаго революціонера Рафаэля Ріэго-и-Нуньеца, въ ноябрѣ 1823 г.: „Quelle heureuse nouvelle, Sire!“ См. Записки Басаргина въ сборникѣ: „Девятнадцатый Вѣкъ“, М. 1872, т. I, стр. 83.

IX. Сѣятель (стр. 344). Рус. Арх. 1866, № 4, ст. 655, Рукописи Моск. Публ. Муз. № 2366, л. 41; 2367, л. 25 об.; 2369, л. 25. Сообщено Пушкинымъ

А. И. Тургеневу въ письмѣ отъ 1 дек. 1823, снимокъ съ котораго помѣщенъ въ Историческ. Вѣстникѣ 1899.

Въ рукописи № 2366, л. 41, гдѣ написана эта притча, находятся еще слѣдующіе стихи:

Увидѣлъ ихъ надменныхъ, низкихъ,
Глупцовъ, всегда злодѣйству близкихъ...
Предъ боязливой ихъ толпой
Ничто и опытъ вѣковой...
Напрасно...

X. Недвижный стражъ дремалъ... (стр. 345). Только вторая половина, со словъ: „и нѣкій духъ...— въ Соврем. 1857, № 11, и у Анн., VII, 108. Вполнѣ, но съ искаженіемъ одного стиха, — въ Рус. Арх. 1876, кн. III, 232. Рукопись Моск. Муз. № 2369, л. 41 об., представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Отъ замка Грузина до башенъ Гибралтара
[2] Но вновь свободою Гишпанія кипѣла.

Данное въ этомъ отрывкѣ изображеніе Наполеона любопытно сравнить съ прежними стихотвореніями Пушкина, гдѣ также говорится о французскомъ императорѣ. Такъ, отрывокъ по размѣру подходитъ къ „Воспоминаніямъ въ Царскомъ Селѣ“ (см. стр. 83), а стихъ:

[3] Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари —

представляетъ перифразъ стиховъ изъ названной пьесы 1815 г.:

Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

Тотъ же стихъ, въ измѣненной формѣ, повторенъ Пушкинымъ и впослѣдствіи, въ стихотвореніи 1830 г. „Герой“ (см. т. II, стр. 132):

. . . . . пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирялися цари,
Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій, какъ тѣнь зари...

XI. Телѣга жизни (стр. 347). Сообщено Пушкинымъ кн. Вяземскому въ письмѣ отъ 29 ноября 1824 г., въ нѣсколько иномъ видѣ (см. это письмо въ т. VIII), и нап. въ Моск. Телегр. 1825, № 1, стр. 49, подъ заглавіемъ „Телѣга жизни“; затѣмъ перепечатано въ изд. 1826, подъ заглавіемъ: „Тѣлега жизни“; и въ изд. 1829 г., подъ заглавіемъ: „Телега жизни“. Текстъ изд. 1826 представляетъ два варіанта: „Потише, дуралей“ и въ послѣднемъ стихѣ: „И Время гонитъ лошадей“. Образъ Времени-возницы встрѣчаемъ еще въ посланіи къ Пущину 1815 г. (см. стр. 109):

[1] Пускай старикъ крылатый
Летитъ на почтовыхъ!

У Баратынскаго есть стихотвореніе „Прогоны жизни“, — подражаніе „Телѣгѣ“ Пушкина:

Въ дорогу жизни снаряжая
Своихъ сыновъ, безумцевъ, насъ,
Сновъ золотыхъ судьба благая
Даетъ извѣстный намъ запасъ.
Насъ быстро годы почтовые
Съ корчмы довозятъ до корчмы,
И снами тѣми роковые
Прогоны жизни платимъ мы.

1824.

I. А. Л. Давыдову (стр. 348). Моск. Вѣстн. 1829, № 1, стр. 107; изд. 1829 г., подъ заглавіемъ: „Д***у“.

Александръ Львовичъ Давыдовъ, старшій сынъ Ек. Ник. Самойловой отъ второго брака (см. выше, стр. 590), мужъ „Аглаи“, былъ добродушный человѣкъ, любившій хорошо покушать и пріятно провести время. Пушкинъ называлъ его не только „толстымъ Аристиппомъ“, но и „величавымъ рогоносцемъ“ (см. письмо кн. С. Волконскаго въ сборникѣ Бартенева „Пушкинъ“, I, 146). Упоминаемая въ стихотвореніи ода Горація къ Виргилію — 3-я ода I-й книги:

Богиня Кипра твой да охраняетъ путь,
Елены братія, блестящія свѣтила,
И самъ отецъ вѣтровъ, не позволяя дуть
Всѣмъ прочимъ, одному Япигѣ давши крыла.
Тебя, которому Виргилій ввѣренъ самъ,
Молю тебя, корабль, снеси черезъ пучину
Его мнѣ бережно къ аттическимъ брегамъ
И сохрани души другую половину...

II. Иностранкѣ (стр. 349). Издд. 1826 и 1829 гг. въ послѣднемъ — безъ помѣтки: „Въ альбомъ“. Первоначальный очеркъ этого стихотворенія находится еще въ записной книжкѣ 1820-21 гг. (Имп. Публ. Библіотека), л. 63 об., гдѣ оно оканчивается стихами:

Я не забуду, другъ любимый,
Во тьмѣ [плѣнительныхъ] ночей

Твой поцѣлуй неутолимый
И жаръ томительныхъ очей...

Затѣмъ мы находимъ это стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Въ альбомъ“, въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 26, съ помѣтой, приведенной въ текстѣ, которую Анненковъ прочелъ: „Point de Deguilly“ (имя француза, съ которымъ Пушкинъ дрался въ Кишиневѣ, въ 1821 г., см. письмо къ нему въ т. VIII наст. изд.); ту же ошибку повторяетъ и г. Ефремовъ, не смотря на то, что въ рукописи ясно написано: „pl. s. D'.“ Смыслъ этой помѣтки для насъ утраченъ. Другой черновой набросокъ этого же стихотворенія находится въ тетради 1822 г. (рукопись Моск. Муз. № 2369, л. 1 об.). Рукописный текстъ отличается отъ печатнаго слѣдующими варіантами:

[1] Вниманья милаго прошу
[2] Мой другъ, покамѣстъ не увяну
(Вм. зачеркнутаго: „доколѣ“)
Въ разлукѣ сердце погубя.

Кромѣ того, 3-й и 4-й стихи съ конца читаются въ № 2369: „Вѣрь, ангелъ, [вѣчно] сердцу моему, какъ нынче вѣришь ты ему“.

Такимъ образомъ, это стихотвореніе болѣе трехъ лѣтъ оставалось въ тетрадяхъ Пушкина не отдѣланнымъ, и окончательную свою форму получило только въ 1824 г. Къ кому оно относится, — сказать трудно. П. В. Анненковъ (Мат., 79) сообщилъ, что эта особа уѣзжала за границу, и на прощанье Пушкинъ оставилъ ей въ альбомъ эти строки. „Что же это значитъ?“ спросила она. — „Покажите это за

границей любому русскому, и онъ вамъ скажетъ", отвѣчалъ поэтъ. Позднѣйшіе комментаторы склонны видѣть въ этой особѣ Амалію Ризничъ, жену жившаго въ Одессѣ иностраннаго негоціанта Ивана Ризнича, памяти которой Пушкинъ посвятилъ впослѣдствіи элегію: „Подъ небомъ голубымъ..." Но г-жа Р., какъ видно изъ справки, сообщенной Зеленецкимъ въ Библ. Запискахъ 1858, ст. 137, получила заграничный паспортъ изъ одесскаго городского магистрата 30 апрѣля 1824 г., слѣд. уѣхала раньше того дня, которымъ помѣчено стихотвореніе. Объ отношеніяхъ ея къ Пушкину см. ст. К. Зеленецкаго въ Рус. Вѣстн. 1856, т. I, № 11 (іюнь), совр. лѣтопись, стр. 203-209, и М. С. Халанскаго, Харьк. унив. сборникъ въ пам. Пушк., (Х. 1900), 423-6.

III. Тимковскій царствовалъ... (стр. 349). Изд. 1880, I, 451. „Извѣстный своимъ скудоуміемъ и юродствомъ Александръ Ивановичъ Красовскій (р. 1776, ум. 19 ноября 1857) занималъ должность цензора съ 26 ноября 1821 г., а съ 11 марта 1833 по смерть былъ предсѣдателемъ комитета цензуры иностранной". (Ост. Арх., II, 520-521). О немъ см. Рус. Стар. 1871, т. 4, 1872, т. 6 и 1874, т. 9. Ср. посланія Пушкина къ цензору.

IV. На Воронцова (стр. 349). Изд. 1880, I, 452. Графъ (впослѣдствіи — свѣтлѣйшій князь и ген.-фельдмаршалъ) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ (1782-1856) сынъ русскаго посла въ Лондонѣ, въ ранней молодости участвовалъ въ покореніи Кавказа, затѣмъ — въ кампаніи 1806 и 1807 гг. въ Пруссіи, въ турецкой войнѣ 1810-1811 гг., въ

отечественной войнѣ, и былъ командиромъ оккупаціоннаго корпуса, занимавшаго Францію до 1818 г. По возвращеніи въ Россію, командовалъ 3-мъ пѣх. корпусомъ, а 7 мая 1823 г. назначенъ былъ на мѣсто Инзова новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области. Затѣмъ, въ 1828-29 гг. участвовалъ въ турецкой войнѣ, въ 1844 назначенъ былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ и намѣстникомъ кавказскимъ, а въ 1853 вышелъ въ отставку и поселился въ Одессѣ, гдѣ и умеръ. Объ отношеніяхъ его къ Пушкину см. письма въ т. VIII наст. изд., Анненкова „Пушкинъ", гл. VI и Липранди въ Рус. Арх. 1866, ст. 1470-79. По поводу эпиграммы Липранди говоритъ: „Пушкинъ завѣрялъ меня, что стихи эти написаны не были, но какъ-то раза два или три были имъ повторены и такъ попали на бумагу. Услужливость нѣкоторыхъ тотчасъ распространила ихъ". Приказомъ гр. Воронцова отъ 22 мая 1824, № 7976, Пушкину поручено было отправиться въ уѣзды Херсонскій, Елисаветградскій и Александрійскій и по прибытіи въ города Херсонъ, Елисаветградъ и Александрію явиться въ тамошнія общія уѣздныя присутствія и потребовать отъ нихъ свѣдѣній: въ какихъ мѣстахъ саранча возродилась, въ какомъ количествѣ, какія учинены распоряженія къ истребленію оной и какія средства къ тому употребляются. Послѣ сего осмотрѣть важнѣйшія мѣста, гдѣ саранча наиболѣе возродилась, и обозрѣть, съ какимъ успѣхомъ дѣйствуютъ употребленныя ко истребленію оной средства и достаточны ли распоряженія, учиненныя для этого уѣздными присутствіями, и обо всемъ, что по сему найдено будетъ, донести (Библ. Зап. 1858, ст. 137-139). Пушкинъ обидѣлся этимъ порученіемъ, принявъ его

за оскорбленіе и месть со стороны Воронцова за ходившія по городу эпиграммы, и, будто бы, написалъ вмѣсто рапорта стихи:

Саранча летѣла, летѣла —
И сѣла.
Сидѣла, сидѣла,
Все съѣла,
И вновь улетѣла.

Эпиграмма сообщена была Пушкинымъ кн. Вяземскому въ письмѣ отъ 10 октября 1824 г. въ иной редакціи (см. т. VIII). Выраженіе „полуподлецъ“ см. въ варіантахъ къ стихотворенію о Ріэго, стр. 655.

П. А. Ефремовъ (изд. 1903, I, 502) сообщаетъ, что В. Е. Якушкинъ въ рукописяхъ Пушкина нашелъ набросокъ, который и приводитъ, не ручаясь за правильное чтеніе двухъ послѣднихъ стиховъ:

Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ,
Но повалилъ же Голіаѳа,
Который былъ [и] генералъ,
И поло[женьемъ выше] графа.

V. Къ морю (стр. 350). Мнемозина 1824, IV, 102 (съ ошибками); издд. 1826 и 1829 гг. Черновая — Моск. Публ. Муз. № 2370, лл. 12 об. — 13 и 18, озаглавлена: „Морю“ и представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Прощай, любезная стихія!
[2] Въ прощальный разлученья часъ
[3] Скользитъ безпечно средь зыбей
(такъ и въ изд. 1826)

Первоначально V строфа была написана такъ:

Ты тихъ, какъ сельская рѣка,
И бѣдный парусъ рыбака,
Твоею прихотью гонимый,
Скользитъ поверхъ твоихъ зыбей;
Но ты взыгралъ, неодолимый,—
И тонутъ стаи кораблей.
Что бъ далъ ты мнѣ? Куда бы нынѣ
Я бѣгъ безпечный устремилъ?
(въ изд. 1826: „путь отважный“)

Предпослѣдняя строфа и начало послѣдней были первоначально написаны такъ:
[Не удалось... Но] Прощай же, море! Не забуду...
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, [тоскою] [печалью] любовью полнъ...

Текстъ „Мнемозины“ отличается отъ изд. 1826 г. слѣдующими варіантами:

Ст. 21: И тонетъ стая кораблей.
26: Мой поэтическій набѣгъ.
29: Могущей страстью очарованъ
45: Реви, волнуйся непогодой!
(такъ и въ автографѣ, принадл. В. Е. Якушкину)
58: И долго, долго помнить буду
59: Твой шумъ въ вечерніе часы.

Кромѣ того, въ строфѣ 13-й оставлено только два слова: „Міръ опустѣлъ“ и къ этому стиху сдѣлана выноска: „Въ семъ мѣстѣ авторъ поставилъ $3^1/_2$ строки точекъ. Издателямъ сіе стихотвореніе доставлено кн. П. А. Вяземскимъ въ подлинникѣ, и

здѣсь отпечатано точно въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ-подъ пера самого Пушкина. Нѣкоторые списки онаго, ходящіе по городу, искажены нелѣпыми прибавленіями. Изд." Въ изд. 1826 только три послѣдніе стиха 13-й строфы замѣнены двумя строками точекъ, а въ изд. 1829 г. опять оставлены только слова: „Міръ опустѣлъ" и $3^1/_2$ строки точекъ.

Выраженіе: „нелѣпыя прибавленія" относится, по всей вѣроятности, къ встрѣчающимся въ рукописныхъ копіяхъ варіантамъ послѣдняго стиха этой строфы:

[5] Гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ
Иль просвѣщенье, иль тиранъ.

Пушкинъ говоритъ здѣсь о „просвѣщеніи" въ томъ же отрицательномъ смыслѣ, какъ и въ написанной одновременно съ этимъ стихотвореніемъ поэмѣ „Цыгане": условная ложь городской „цивилизаціи" разрушаетъ счастье людей такъ же, какъ и стѣсненіе свободы произволомъ „тирановъ". Это не было понято переписчиками стихотворенія, которые старались замѣнить „просвѣщенье" другими словами, напр.:

Непросвѣщенье иль тиранъ (Библ. Зап. 1858, № 11).
Коварство, злоба иль тиранъ (Изд. 1870)
Стоитъ неистовый тиранъ (одна изъ рук. копій)
Иль самовластье, иль тиранъ (Издд. 1880 и 1882)

Послѣдній „варіантъ", особенно нелѣпый, потому что „самовластье" и „тиранъ" значатъ одно и то же, принятъ и г. Ефремовымъ въ послѣднемъ, будто бы „провѣренномъ по подлиннымъ рукописямъ", изданіи

соч. Пушкина 1903, I, 505. Въ дѣйствительности „подлинная рукопись“ № 2370 никакихъ варіантовъ къ этому стиху не даетъ.

Стихотвореніе Пушкина представляетъ поэтическое прощаніе съ моремъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспоминаніе о „властителѣ думъ“ нашего поэта въ одесскую пору его жизни, — Байронѣ. Авторъ „Чайльдъ-Гарольда“ скончался въ гор. Мисолонги 19 (7) апрѣля 1824 г.; эта дата и отмѣчена Пушкинымъ на внутренней сторонѣ переплета той тетради, въ которой находится стихотвореніе. Въ Моск. Телегр. 1825 т. I, № 1, стр. 31, помѣщена статья: „Характеръ лорда Бейрона“, а на стр. 39 — слѣдующее „Прибавленіе къ предыдущей статьѣ“:

„Великій Бейронъ, необыкновенное явленіе въ нравственномъ мірѣ нашего времени, не долженъ быть судимъ какъ человѣкъ обыкновенный; въ немъ все превышало посредственность ума и чувствъ, столь обыкновенную въ нашемъ вѣкѣ. Никто изъ поэтовъ, принесшихъ дань памяти Бейрона, не изобразилъ его такъ правдиво и сильно, какъ нашъ Пушкинъ (въ стихахъ: „Прощаніе съ моремъ“, которые будутъ напечатаны въ 4-й части „Мнемозины“), говоря:

Реви, волнуйся непогодой!
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ, и т. д.

VI. Аквилонъ (стр. 352). Лит. Приб. къ Рус. Инвалиду 1837, № 1; Посм. IX, 162. По свидѣтельству Анненкова, имѣвшаго въ рукахъ подлинную рукопись, это стихотвореніе, написанное въ 1824 г. въ Михайловскомъ, исправлено въ Болдинѣ, 7 сент. 1830. Первоначальный текстъ представлялъ слѣдующіе варіанты:

[1] Зачѣмъ ты, бурный Аквилонъ *)
[2] Зачѣмъ на чуждый небосклонъ
[3] Ты облака такъ бурно гонишь?
[4] Сводъ неба мрачно облегался

Въ газетѣ, въ строфахъ I и IV, вмѣсто облако читается облачко.

VII. Прозерпина (стр. 353). Сѣв. Цвѣты 1825, стр. 293; издд. 1826 и 1829 гг. Черновое — въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2367, л. 27, съ помѣтою: „26 августа 1824“ — представляетъ варіанты:

[1] Тайно къ нимфамъ Пеліона... **)
[2] И вздохнувъ, онъ отпираетъ...

Первоначальный набросокъ находится въ рукописи № 2365, л. 29 об.:

Плещутъ волны Флегетона,
И брега его дрожатъ;
Кони грознаго Плутона
Оставляютъ мрачный Адъ.
Вдоль туманнаго залива
Ѣхалъ онъ путемъ глухимъ;
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Въ тайнѣ шла путемъ однимъ.
Предъ богинею суровой
. . . . . .
Въ ней пылаетъ пламень новый...

*) Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 85.
[Къ нѣжнымъ] нимфамъ Пеліона
[Бога смерти тайно] мчатъ.

Это стихотвореніе — вольный переводъ 28-й картины изъ поэмы Парни: „Les déguisements de Vénus“, о которой см. выше, стр. 456. Флегетонъ— адская огненная рѣка, по Виргилію (Эн. VI, 548 слл.), окружающая Тартаръ.

VIII. Испанскій романсъ (стр. 354). Литер. Музеумъ (изд. В. Измайлова) 1827, съ нотами А. Н. Верстовскаго; Моск. Вѣстн. 1827, № 8, съ выноской: „Романсъ сей напечатанъ былъ въ Литературномъ Музеумѣ съ ошибками, а здѣсь помѣщается съ поправками“. Въ изд. 1829 г. заглавіе дано только въ оглавленіи книги.

IX. Къ Языкову (стр. 355). Литер. Газета 1830, № 16, стр. 125, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ посланія къ Языкову“ ($32^1/_2$ стиха); изд. 1832 (т. е. 3-я часть изд. 1829 г.). Въ газетѣ и изд. Анн. II, 358, —цензурный варіантъ, вопреки риѳмѣ:

[1] Куда подуетъ непогода...

Въ Лит. Газ. — варіантъ 8-го стиха:

Языковъ, близокъ я къ тебѣ.

Въ полномъ видѣ, по рукописи гр. Корфа, напечатано П. А. Ефремовымъ въ Соврем. Обозрѣніи 1868, № 5, стр. 223.

Пушкинъ лично познакомился съ Н. М. Языковымъ (1803-1846) только въ 1826 г., черезъ общаго пріятеля, дерптскаго студента Алексѣя Николаевича Вульфа. Объ отношеніяхъ между обоими поэтами см. ст. Д. Н. Садовникова; „Отзывы современни-

ковъ о Пушкинѣ", въ Истор. Вѣстн. 1883, № 12, стр. 520 и слл. Одновременно съ этимъ посланіемъ Пушкинъ написалъ и Вульфу письмо со стихами, помѣщенное нами въ т. VIII.

X. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ (стр. 356) напечатанъ въ видѣ предисловія къ отдѣльному изданію I-й главы „Евгенія Онѣгина", Спб. 1825; переп. въ 4-й ч. изд. 1835 г. При первомъ изд. была выноска:

„Замѣтимъ для щекотливыхъ любителей приличій, что Книгопродавецъ и Поэтъ — оба лица вымышленныя. Похвалы перваго — не что иное, какъ свѣтская вѣжливость, притворство, необходимое въ разговорѣ или въ журналѣ". Черновая, подъ заглавіемъ: „Разговоръ между книгопродавцемъ и поэтомъ", — въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2370, лл. 13 об. — 17, съ помѣтой: „26-го сентября 1824". Въ той же тетради, л. 2 об., написано четыре стиха, представляющіе варіантъ:

[1] Стихи питомца музъ и грацій...

Заключая въ себѣ характеристику поэтическаго творчества, это стихотвореніе имѣетъ цѣнное автобіографическое значеніе и, мѣстами, представляетъ отзвуки нѣкоторыхъ прежнихъ произведеній Пушкина. Такъ, стихи:

Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, музу призывалъ

воспроизводятъ стихи изъ посланія „Къ моей чернильницѣ" (стр. 287):

И музу призывалъ
На пиръ воображенья.

[2] Байронъ говоритъ о славѣ въ 1-й пѣсни „Донъ-Жуана", строфа 218: „Въ чемъ конечный исходъ славы? Въ томъ, что имя наше наполнитъ нѣсколько столбцовъ лживой бумаги. Нѣкоторые сравниваютъ ее съ карабканьемъ на высокую гору, которой вершина, подобно всѣмъ горамъ, покрыта туманомъ. Для того ли люди пишутъ, говорятъ, проповѣдуютъ, герои убиваютъ, поэты жгутъ то, что называютъ своей полуночной лампадой, — чтобъ заслужить имя, портретъ или бюстъ, когда самый оригиналъ обратится въ пыль?" (Ср. „Чайльдъ-Гарольда" п. III, строфа 112).

Жуковскій въ „Свѣтланѣ" говоритъ:

Слава — насъ учили — дымъ,
Свѣтъ — судья лукавый!

и въ посланіи къ кн. Вяземскому и В. Пушкину:

Страшись къ той славѣ прикоснуться
Которою прельщаетъ свѣтъ, —
Обвитый розами скелетъ;
Любуйся издали, поэтъ,
Чтобы вблизи не ужаснуться!
. . . . . .
Что предъ тобой ничтожный судъ
Толпы, въ рѣшеніяхъ пристрастной,
И вѣтреной, и разногласной?..

[3] Коринна — красавица, воспѣтая Овидіемъ.

[4] Эти четыре стиха, выпущенные въ пушкинскомъ изданіи, приведены Анненковымъ, VII, 60.

Ср. набросокъ 1821 г. „Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ“, стр. 307.

[5] Въ изд. 1825 г. этотъ стихъ читался:

Пускай ихъ Шаликовъ поетъ...

„Спросите у братца Леона“, писалъ Пушкинъ Вяземскому 25 мая 1825: „онъ скажетъ вамъ, что увидѣвъ у меня имя князя Шаликова, онъ присовѣтывалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ. Я было и послушался, да стало жаль, — et j'ai remis bravement Chalikof!“

[6] Ср. набросокъ 1822 г.: „Ты правъ, мой другъ“... стр. 334. Въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2366, л. 41, находимъ стихи, представляющіе, повидимому, первоначальную редакцію этого мѣста:

Чего, мечтатель молодой,
Ты въ немъ искалъ, къ чему стремился,
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился?

Вообще, Пушкинъ нерѣдко пользовался набросками, занесенными въ черновыя тетради, для позднѣйшихъ своихъ произведеній.

Слѣдующіе четыре стиха: „Ахъ, лира, лира, что же ты“ и пр. — были откинуты поэтомъ при печатаніи „Разговора“ и возстановлены только у Анн., VII, 60. Точно такъ же откинуты были и 8 стиховъ, начиная стихомъ: „Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?“ Пушкинъ называлъ ихъ „любовнымъ бредомъ“. Приводя ихъ по рукописи, Анненковъ сближаетъ съ ними найденную въ одной изъ тетрадей поэта замѣтку:

„Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues; toutes se sont passablement moquées de moi, — toutes, à l'exception d'une seule, ont fait avec moi les coquettes“ ...

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще два варіанта изъ печатныхъ пушкинскихъ изданій „Разговора“:

На стр. 361, ст. 7-й въ изд. 1835 г. читается: „Гдѣ жь ты была“ ...

На стр. 362, ст. 14 снизу, въ изд. 1825 г. читается: „Но тутъ не вижу я стыда“, и поправка: „Но васъ я знаю, господа“ приведена въ спискѣ опечатокъ. Такимъ образомъ, Пушкинъ исправилъ стихотвореніе, такъ сказать, въ послѣднюю минуту. „Разговоръ съ книгопродавцемъ“, писалъ Пушкину Плетневъ 22 янв. 1825, — верхъ ума, вкуса и вдохновенія. Я ужь не говорю о стихахъ: меня убиваетъ твоя логика. Ни одинъ нѣмецкій профессоръ не удержитъ въ пудовой диссертаціи столько порядка, не помѣститъ столько мыслей и не докажетъ такъ ясно своего предложеиія. Между тѣмъ, — какая свобода въ ходѣ!“

XI. Второе посланіе цензору (стр. 363). Анн. VII, 33, подъ заглавіемъ: „Второе посланіе къ Аристарху“ и съ значительными пропусками, пополненными отчасти въ Вибл. Зап. 1858, ст. 348; вполнѣ явилось только въ изд. 1880, I, 468. Первоначальный черновой текстъ въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2370, лл. 21 и 22, представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] На трудномъ поприщѣ...
[2] . . . . . мой старый собесѣдникъ
[3] . . . . . цензурой притѣсненъ

[4] Потѣшилъ дерзости... .
[5] Шишковъ наукъ уже . . . . . .
[6] . . . . . онъ блещетъ у народа
[7] Онъ славенъ славою...
[8] (Эти два стиха переставлены одинъ на мѣсто другого).
[9] Мужъ твердый въ правилахъ, душою превосходный.
[10] Ввѣрялись бѣдныя, безвинныя науки.
[11] Итакъ, спѣшу тебя, пріятель, мой поздравить...

„Наслѣдникъ Тимковскаго“ — тотъ же Бируковъ, къ которому обращено и первое посланіе Пушкина. Это второе посланіе вызвано назначеніемъ на постъ министра нар. просвѣщенія знаменитаго адмирала А. С. Шишкова, который, между прочимъ, старался умѣрить излишнюю придирчивость цензуры. „Съ перемѣною министерства ожидаю и перемѣны цензуры“, писалъ Пушкинъ брату Льву 13 іюня 1824 г. „А жаль... la coupe était pleine. Бируковъ и Красовскій невтерпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться... Ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему (Шишкову) лобзаніе не яко Іуда-арзамасецъ, но яко разбойникъ-романтикъ“... Въ посланіи Пушкинъ вспоминаетъ только что минувшее управленіе „святого отца“ — мистика кн. А. Н. Голицына и его ближайшихъ помощниковъ въ преслѣдованіи просвѣщенія — Магницкаго и Кавелина. Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій (1788-1855) членъ главнаго правленія училищъ, потомъ попечитель казанскаго учебнаго округа, извѣстенъ своимъ гоненіемъ на казанскій университетъ и его профессоровъ.

О немъ см. книгу Е. М. Ѳеоктистова „Магницкій“, М. 1865 и „Очерки изъ ист. рус. лит. и просвѣщенія“ М. И. Сухомлинова, Спб. 1889, т. I. — Дмитрій Александровичъ Кавелинъ (1778-1851), съ 1817 г. — директоръ главнаго педагогическаго института, съ 1819 — директоръ спб. университета, при попечителяхъ гр. Уваровѣ и Руничѣ, принималъ дѣятельное участіе въ судѣ надъ Галичемъ и другими профессорами университета въ 1821 г. Подробности этого дѣла — въ указанной выше кн. Сухомлинова и въ Чтеніяхъ Общ. Ист. 1866, кн. III; о самомъ же Кавелинѣ — въ Запискахъ Вигеля, V, 43 и въ ст. Д. А. Корсакова „Д. Кавелинъ“, въ Вѣстн. Евр. 1886, № 1. Кавелинъ былъ нѣкогда членомъ „Арзамаса“, почему Пушкинъ и называетъ его „своимъ“.

XII. О дѣва-роза! (стр. 365). Изд. 1826 и 1829 гг., подъ заглавіемъ: „Подражаніе турецкой пѣснѣ“. Прежними издателями относилось къ 1820 г.; но въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2370, л. 35, находится первоначальный набросокъ этого стихотворенія среди черновыхъ „Клеопатры“ и подражаній Корану, — въ такомъ видѣ:

Я царь... Но я въ твоихъ оковахъ...
[Я] не стыжусь своихъ оковъ...
И соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Окованъ близь своей прекрасной,
Невольникъ розы сладострастной,
Ей пѣсни томныя поетъ...

Байронъ въ началѣ своего „Гяура“, говоритъ

о любви соловья и розы, указывая въ примѣчаніи, что это — мотивъ персидской сказки:

Султаншу-розу тамъ поетъ
И на скалахъ, и межь вѣтвей,
Въ нее влюбленный соловей
И, нѣжной радости полна,
Подъ пѣснь его цвѣтетъ она...
(Пер. Студитскаго).

Сходные мотивы изъ восточныхъ поэтовъ указаны Н. Ѳ. Сумцовымъ: „А. С. Пушкинъ, изслѣдованія", Харьк. 1900, стр. 174-179.

XIII. Фонтану Бахчисарайскаго дворца (стр. 365). Изд. 1826 и 1829 гг. Также помѣщалось въ прежнихъ изданіяхъ подъ 1820 г.; но черновое находится въ тетради Моск. Публ. Муз. № 2370 (л. 38), все содержаніе которой относится къ 1824-26 гг. Стихотвореніе написано въ Михайловскомъ и навѣяно воспоминаніями о Крымѣ. Черновая рукопись представляетъ слѣдующіе варіанты:

Строфа III, ст. 4: Но про Марію ты молчалъ.
V, 1-4: Иль яркій лучъ воображенья
Во тьмѣ пустой нарисовалъ
Души неясныя видѣнья,
[Любви безумной] идеалъ?

XIV. Виноградъ (стр. 366). Изд. 1826 и 1829 гг. Относительно хронологіи — то же замѣчаніе, что и къ № XII и XIII: черновое — на той же страницѣ рукописи.

XV. Ненастный день... (стр. 366). Изд. 1826, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ"; изд. 1829 — безъ заглавія. Въ рукописи намъ неизвѣстно, но по содержанію несомнѣнно написано не въ Одессѣ (какъ полагали прежніе издатели), а въ Михайловскомъ, осенью 1824 г., и относится не къ г-жѣ Ризничъ (ни одна черта не идетъ ни къ ней, ни къ Одессѣ, гдѣ нѣтъ ни горъ, ни скалъ), а къ М. Н. Раевской, представляя опять-таки воспоминаніе о Крымѣ. Н. Ѳ. Сумцовъ („Пушкинъ", стр. 210-222) удачно сближаетъ эту элегію съ стихотвореніемъ: „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда", какъ „двѣ стороны одной и той же монеты, одного художественнаго настроенія".

Точки въ этомъ стихотвореніи поставлены самимъ Пушкинымъ, и замѣненные ими стихи, при отсутствіи рукописи, не могутъ быть возстановлены.

XVI. Коварность (стр. 367). Моск. Вѣстн. 1828, № 6, стр. 136; изд. 1829. По словамъ Анненкова, видѣвшаго рукопись этого стихотворенія (теперь неизвѣстную), оно было помѣчено: „18 октября 1824. Михайловское".

XVII. Подражаніе А. Шенье (стр. 368). Изд 1826 и 1829 (заглавіе дано только въ оглавленіи книги и французскаго стиха нѣтъ). Черновое — въ Моск. Публ. Муз. № 2370, л. 84 съ варіантомъ

[1] На розовыхъ устахъ...

Кромѣ того, въ ст. 9-мъ написано: „...межь ими", между тѣмъ какъ въ печатномъ — „межь ними".

Довольно близкій къ подлиннику, но сжатый (у Шенье — 24 стиха, у Пушкина — 20) переводъ. Для сравненія приводимъ начало элегіи Шенье:

Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire.
Tu fuis, tu ne ris plus; rien ne saurait te plaire.
La soie à tes travaux offre en vain des couleurs;
L'aiguille sous tes doigts n'anime plus des fleurs.
Tu n'aimes qu'à rêver, muette, seule, errante,
Et la rose pâlit sur ta bouche mourante...

XVIII. Подражанія Корану (стр. 369). Кромѣ № 4-го, напеч. въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1826 г., всѣ впервые напечатаны въ изд. 1826 и затѣмъ вошли, съ нѣкоторыми поправками, въ изд. 1829 г. Въ первомъ изъ этихъ двухъ изданій находится посвященіе П. А. Осиповой, имя которой въ изд. 1829 г. замѣнено заглавными буквами: П. А. О. Черновыя въ рукописяхъ Моск. Публ. Муз. № 2367, лл. 28, 28 об. и 32 (Подражанія 3-е, 4-е, и 5-е) и № 2370, л. 9 (подраж. 2-е), 13 (подраж. 1-е), 18 об. (3-е), 19 (6-е), 20 (4-е), 22 (5-е), 35 об. (6-е, послѣдняя строфа) 37 (6-е все, начисто переписанное, и 7-е) 38 об. (8-е) и 39 (9-е). Кромѣ того, въ № 2370, л. 18 об., находимъ начало наброска, повидимому, имѣющаго отношеніе къ этимъ подражаніямъ:

Слабъ и робокъ человѣкъ,
Слѣпъ умомъ, — и все тревожитъ...

на листѣ 68 об. — другой набросокъ:

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
Читалъ я сладостный Коранъ;
Внезапно ангелъ утѣшенья,
Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ.
Его таинственная сила
. . . . . .

Слова святыя начертила
На немъ безвѣстная рука.

По сравненію съ окончательнымъ текстомъ 1829 г., рукописи и изд. 1826 г. представляютъ слѣдующіе варіанты:

[1] Клянуся утренней зарей (изд. 1826)
[2] Стекаясь къ трапезѣ его (изд. 1826)
[3] Не замѣчая нечестивыхъ (рук.)
[4] Недаромъ видѣлъ васъ во снѣ (рук.)
[5] Подр. 8-е въ рукописи озаглавлено: „Милостыня".
[6] И странное чудо... (изд. 1826).

Какъ видно изъ рукописей, „Подражанія" написаны осенью 1824 г. Подробный ихъ разборъ представленъ Л. Поливановымъ во 2-мъ томѣ школьнаго изданія Пушкина и Н. Черняевымъ въ ст. „Пророкъ" Пушкина и его связь съ Подражаніями Корану" (Рус. Обозр. 1897 и отд., М. 1898). „Ни въ одной европейской литературѣ, говоритъ г. Черняевъ, нѣтъ ничего подобнаго пушкинскимъ Подражаніямъ Корану. Въ нихъ отразился весь Исламъ, съ его чувственностью, съ его воинственнымъ пыломъ, съ его космогоніей, легендами, мистикой и моралью. Кто вчитается и вдумается въ Подражанія Корану, тотъ уже не встрѣтитъ въ немъ ничего новаго для себя и будетъ имѣть ключъ къ разгадкѣ и вѣрному пониманію священной для всего мусульманскаго міра книги. Всѣ девять подражаній составляютъ одно стройное, гармоническое цѣлое, несмотря на полную самостоятельность каждаго изъ нихъ. Они находятся въ такомъ же отношеніи другъ къ другу и такъ же

тѣсно связаны между собой, какъ отдѣльныя части музыкальной симфоніи или сюиты. Пушкинъ хотѣлъ передать въ нихъ то впечатлѣніе, какое производилъ на него Коранъ, и написалъ столько подражаній, сколько нужно было, чтобы возсоздать его духъ, языкъ и поэзію... Создавая свои Подражанія Корану, Пушкинъ не былъ его переводчикомъ и не заботился о точномъ воспроизведеніи своего оригинала и образца... Риѳмованную прозу Магомета онъ замѣнилъ риѳмованными стихами; поэтическіе образы Корана онъ дополнялъ мусульманскими преданіями и то сгущалъ краски „Несомнѣнной книги“ и усиливалъ ея и безъ того сильный языкъ, то смягчалъ его оттѣнкомъ нѣжности и скорби. Но, дѣлая тѣ или другія отступленія отъ подлинника, соединяя въ одно стройное цѣлое изреченія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ Корана... П. имѣлъ въ виду только одну цѣль — воспроизвести его паѳосъ и ту чисто арабскую поэзію, которою дышитъ Коранъ“.

Первое подражаніе представляетъ поэтическую обработку 93-й суры Корана, которая въ точномъ переводѣ читается такъ:

„Клянусь утреннимъ солнечнымъ блескомъ, клянусь ночью, когда она темнѣетъ, — Господь не оставилъ тебя и не презрѣлъ; будущее для тебя лучше настоящаго. Господь твой скоро ущедритъ тебя, и ты будешь доволенъ. Не сиротой ли Онъ нашелъ тебя и пріютилъ? Не блуждающимъ ли Онъ нашелъ тебя и на прямой путь поставилъ? Онъ нашелъ тебя бѣднымъ — и обогатилъ. А потому сироты не притѣсняй, нищаго отъ себя крикомъ не отгоняй, но благость Господа твоего имъ проявляй!“

Проф. Сумцовъ (Пушк., стр. 100) сопоставляетъ это подражаніе съ стихотвореніемъ Ротчева, впи-

саннымъ въ 1826 г. въ альбомъ М. А. Максимовича (Кіевск. Стар. 1882, I, 159) подъ заглавіемъ: „Съ арабскаго“:

Клянусь коня волнистой гривой
И блескомъ искръ его копытъ, и пр.

Это совпаденіе заставляетъ предполагать общій источникъ, которымъ въ данномъ случаѣ не могла служить 93-я сура; но указать этотъ источникъ до сихъ поръ не удалось.

Напоминаніе Аллаха о томъ, какъ онъ скрылъ своего пророка отъ гоненія, взято изъ 9-й суры, гдѣ повѣствуется, какъ Магометъ съ Абу-Бекромъ, будучи изгнаны невѣрными изъ Мекки, скрывались въ пещерѣ.

Источникомъ для второго подражанія послужила 33-я сура, гдѣ, между прочимъ, говорится: „О вѣрующіе! Не входите безъ дозволенія въ домъ пророка, а только тогда, когда онъ пригласитъ васъ къ своей трапезѣ... Выходите по одиночкѣ послѣ трапезы и не распространяйте вашу бесѣду: вы его оскорбили бы, а онъ посовѣстился бы сказать вамъ это... Если вы имѣете что-нибудь попросить у его женщинъ, то сдѣлайте это сквозь покрывало: такъ сохранятъ чистоту и ваши, и ихъ сердца“, и т. д.

Третье подражаніе начинается близкимъ переводомъ двухъ первыхъ стиховъ 80-й суры, носящей названіе „Суровое чело“ (а не „Слѣпецъ“, какъ обозначено Пушкинымъ):

„Пророкъ явилъ суровое чело и отвратилъ глаза, потому что слѣпецъ предсталъ передъ нимъ“.

Комментаторы Корана объясняютъ этотъ случай разсказомъ о томъ, какъ одинъ слѣпецъ предсталъ

передъ Магометомъ въ то время, когда пророкъ старался объ обращеніи одного богатаго и могущественнаго корейшита; потому слѣпецъ былъ принятъ дурно. Но потомъ онъ вернулся и принятъ былъ благосклонно. Нравоученіе этой суры заключается въ томъ, что не слѣдуетъ отстранять отъ себя убогихъ и обращаться только къ богатымъ. Пушкинъ исключилъ этотъ укоръ Магомету за пренебреженіе слѣпцомъ, и принялъ названіе послѣдняго въ нравственномъ смыслѣ — нечестивца, строптиваго, а потому тотчасъ же перешелъ къ упреку неблагодарнымъ людямъ, забывающимъ Бога, и къ напоминанію о страшномъ судѣ. Въ подлинникѣ соотвѣтствующее мѣсто Корана читается такъ:

„Да погибнетъ злой! Кто могъ сдѣлать его невѣрнымъ? Изъ чего создалъ его Богъ?—Изъ грязи. Онъ далъ ему привлекательный видъ. Онъ облегчилъ ему путь, ведущій къ жизни. Онъ посылаетъ ему смерть и низводитъ его въ могилу. Онъ воскреситъ его, когда захочетъ... Мы изливаемъ дождь изъ тучъ; Мы открываемъ лоно земли; Мы повелѣваемъ произрастать сѣмени, завязываться виноградной лозѣ, зеленѣть травѣ, произрастать маслинѣ, пальмѣ и деревьямъ, украшающимъ сады ваши... Когда прогремитъ труба, — братъ оставитъ брата, сынъ — своего отца и мать, мужъ покинетъ жену и дѣтей своихъ. Всякій будетъ занятъ только великимъ дѣломъ. Лица будутъ сіяющія; на нихъ будетъ блистать довольство и радость. Другія лица будутъ покрыты прахомъ; мрачный покровъ помрачитъ ихъ: такими явятся невѣрные и злодѣи.“ Ср. изд. Поливанова, II, 135.

Четвертое подражаніе представляетъ поэтическую обработку 260-го стиха второй суры:

„Не слышалъ ли ты о томъ, который, споря съ Авраамомъ о Господѣ его, отрицалъ, что Богъ далъ ему царство? Когда Авраамъ сказалъ: „Господь мой — тотъ, который оживляетъ и умерщвляетъ", тогда тотъ сказалъ: „Я оживляю и умерщвляю." Авраамъ сказалъ: „Богъ велитъ солнцу восходить съ востока, ты вели ему восходить съ запада." Невѣрный изумился."

Пушкинъ заставилъ „невѣрнаго" спорить не съ Авраамомъ, а съ самимъ Богомъ, но во всемъ остальномъ остался вѣренъ тексту Корана.

Пятое подражаніе основано на разныхъ мѣстахъ Корана. Первая строфа соотвѣтствуетъ 39-му стиху 35-й суры: „Богъ поддерживаетъ небеса и землю, дабы они не обрушились; если они обрушатся, то никто, кромѣ Его, не можетъ поддержать ихъ, потому что Онъ кротокъ, прощающій." Вторая строфа заимствована изъ 35-го стиха 24-й суры: „Богъ есть свѣтъ небесъ и земли. Свѣтъ его подобенъ свѣтильнику въ стѣнѣ: свѣтильникъ въ стеклянномъ сосудѣ; стеклянный сосудъ сіяетъ, какъ звѣзда. Въ немъ горитъ благословенное дерево, маслина, какой нѣтъ ни на востокѣ, ни на западѣ..." Третья строфа написана самостоятельно, но выдержана въ духѣ Корана.

Шестое подражаніе основано на 48-й сурѣ: Богъ осуществилъ сонъ пророка, давъ ему услышать такія слова: „Вы войдете въ священный домъ молитвы, если угодно Богу, здравы и невредимы, обривъ ваши головы или остригши ихъ. У васъ не будетъ страха..." Въ другихъ стихахъ той же суры говорится: „Если вы захватите вѣрную добычу, — о, тогда арабы, остававшіеся дома, скажутъ вамъ: „Позвольте намъ идти съ вами!" Они хотятъ измѣнить слово Божіе.

Скажи имъ: „Не ходите съ нами!..“ „Не вѣрьте, что павшіе, сражаясь на пути Божіемъ, мертвы: они живутъ близь Бога и отъ Него получаютъ пищу.“

Седьмое подражаніе представляетъ, по указанію г. Черняева, вольное и сокращенное переложеніе 3-й суры, напоминая, въ то же время, и другія мѣста Корана, въ которыхъ говорится о ночныхъ бдѣніяхъ, напр., начало суры 73-й: „О, завернувшійся въ одежду, стой эту ночь и читай Коранъ.“

Восьмое подражаніе самостоятельно воспроизводитъ предписанія Корана о щедрой милостынѣ. Этому предмету посвящена сура 107-я; о воздаяніи сторицею говорится въ ст. 263 суры второй: „Тѣ, которые употребляютъ свои богатства на защиту святого дѣла, подобны зерну, производящему семь колосьевъ, изъ коихъ каждый приноситъ сто зеренъ.“ О творящемъ милостыню изъ тщеславія въ стихѣ 266 той же суры сказано: „Такой подобенъ скалѣ, покрытой пылью. Пройдетъ обильный дождь — и оставитъ только жесткій камень.“

Девятое подражаніе воспроизводитъ 261-й стихъ второй суры:

„Не воспоминается ли вамъ тотъ путешественникъ, который, проходя возлѣ города, погребеннаго подъ развалинами, сказалъ: „Какъ Богъ оживитъ жителей этого разрушеннаго города?“ Богъ повелѣлъ ему умереть, и онъ оставался въ этомъ положеніи сто лѣтъ; потомъ Онъ воскресилъ его и спросилъ: „Сколько времени пребывалъ ты здѣсь?“ — День или нѣсколько часовъ, — отвѣчалъ путникъ.—„Посмотри на пищу и на питье свое,—прибавилъ Богъ,—они еще цѣлы. Взгляни на осла твоего. Мы произвели это чудо, дабы примѣръ твой наставилъ людей. Посмотри, какъ Мы соберемъ и покроемъ тѣ-

ломъ кости осла твоего." При видѣ чуда, путникъ воскликнулъ: Теперь я знаю, — могущество Бога безконечно!"

Проф. Сумцовъ (Пушк., стр. 168 - 174) приводитъ рядъ параллельныхъ этой легендѣ сказаній изъ разныхъ литературъ, западныхъ и восточныхъ.

XIX. Дружба (стр. 375). Изд. 1826 г. Рукопись Моск. Муз. № 2370, лл. 28 об. и 35. Прежними издателями относилось къ 1825 г.

XX. Признаніе (стр. 376). Библ. для Чт. 1837, № 5, стр. 5; Анн., II, 360 и VII, 59. Написано къ одной изъ дочерей П. А. Осиповой, Александрѣ Ивановнѣ, вышедшей потомъ за Беклешова. По указанію Б. В. Никольскаго (Истор. Вѣстн. 1899, т. 77, стр. 207), послѣдніе два стиха напоминаютъ 1-ю элегію IV-й книги Парни:

Qu'il est facile d'abuser
L'amant qui s'abuse lui-même!

XXI. Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ... (стр. 377). Рус. Слово 1861, № 1. Принадлежность этого стихотворенія Пушкину не удостовѣрена автографомъ, но косвенно подтверждается французскими стихами, которые Пушкинъ записалъ въ одной изъ раннихъ своихъ тетрадей, — Моск. Муз. № 2364, л. 41 об.:

Je t'aime tant,
Je t'aime tant,
Je ne puis assez te le dire,
Je le répète cependant
A chaque instant que je respire.

Относится, вѣроятно, къ той же А. И. Осиповой, что и предыдущее.

XXII. Туманскій правъ (стр. 377). Анн., Мат. 328, гдѣ неправильно отнесено къ „Альбому Онѣгина“, — ошибка, повторенная всѣми позднѣйшими изданіями. Стихотвореніе Туманскаго, о которомъ говоритъ здѣсь Пушкинъ, неизвѣстно въ печати.

XXIII. Воспитанный подъ барабаномъ... (стр. 378). Рус. Вѣстн. 1869, т. 84, стр. 71. Гр. М. А. Корфъ, въ своей запискѣ о Пушкинѣ, приводитъ, со ссылкой на Treumund Welp (Pelz), Petersburger Skizzen, Berl. 1842, III, 70, еще одну эпиграмму въ этомъ же родѣ:

Хотѣлъ издать Ликурговы законы —
И что же издалъ онъ? Лишь кангъ на панталоны.

См. Рус. Стар. 1899, т. 99, стр. 306. (въ ст. Л. Н. Майкова: „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа“).

XXIV. Охотникъ до журнальной драки... (стр. 378) Издд. 1826 и 1829 гг. Въ рукописи Моск. Муз. № 2367, л. 28, стихи 2 и 3 читаются:

Сей упоительный зоилъ
Разводитъ ядъ своихъ чернилъ

Относится, вѣроятно, къ Каченовскому, за которымъ въ пушкинскомъ кругу утвердилось прозвище „зоила“.

XXV. Лихой товарищъ... (стр. 368). Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 343, по рукописи Моск. Муз. № 2367, л. 28, гдѣ эта эпиграмма, подъ № VI, слѣдуетъ непосредственно за предыдущею, помѣченною № V.

XXVI. На наводненіе (стр. 368). Рук. Моск. Муз. № 2370, л. 29 об. — Полярн. Звѣзда 1859, кн. V, стр. 26. Изд. 1880, I, 502. Александръ Александровичъ Бестужевъ (р. 23 окт. 1797, ум. 7 іюня 1837), извѣстный впослѣдствіи подъ псевдонимомъ Марлинскаго, издалъ въ 1823 - 25 гг., вмѣстѣ съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, три книжки замѣчательнаго въ свое время альманаха „Полярная „Звѣзда“, въ которомъ участвовалъ и Пушкинъ. Біографическія и литературныя свѣдѣнія объ А. Бестужевѣ см. въ Критико - біогр. Словарѣ рус. писателей С. А. Венгерова, III, 147 - 177, и въ ст. Богучарскаго „Семейство Бестужевыхъ“, въ Мірѣ Бож. 1902, № 9.

XXVII. Наброски:

1. Все кончено... (стр. 379). Первые 4 стиха — Анн., Мат., 338; полнѣе, но съ ошибками — Бартеневъ, Пушк., I, 144; въ исправленномъ видѣ — въ Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 569, по рукописи Моск. Муз. № 2369, л. 43 об.

2. Графу О*** (стр. 379). Рус. Стар. 1884, т. 43. стр. 11, по рукописи Моск. Муз. № 2370, л. 32, Въ болѣе исправномъ видѣ — въ изд. Лит. Ф., I, 334. Здѣсь печатается съ новыми дополненіями и исправленіями по той же рукописи.

[1] Этотъ стихъ такъ и написанъ, съ пробѣломъ въ серединѣ, и г. Ефремовъ, „провѣрявшій“ стихи Пушкина по „подлиннымъ рукописямъ“, совсѣмъ

напрасно вставилъ здѣсь выдуманное слово „торжествовали“, котораго у Пушкина нѣтъ (см. изд. Суворина, 1903, I, 556). Рукопись, кромѣ внесенныхъ нами въ текстъ поправокъ и дополненій, представляетъ, послѣ этого стиха, еще два зачеркнутыхъ варіанта:

И матерей у васъ видали...
И всѣ вы злобой трепетали...

Конецъ посланія теряется въ многочисленныхъ помаркахъ, среди которыхъ уже ничего нельзя разобрать. Начало его повторено было въ 1831 г. въ стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи“.

3. Презрѣвъ и шопотъ укоризны... (стр. 380). Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 14-15, по рукописи Моск. Муз. № 2370, л. 35 об. Здѣсь печатается въ исправленномъ видѣ. Относится къ мысли о побѣгѣ за границу, занимавшей Пушкина въ концѣ 1824 г. См. письма въ т. VIII и Анненкова Пушк., 285 и слл.

4. Едва уста краснорѣчивы... (стр. 381). Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 535, по рукописи Моск. Муз. № 2368, л. 17, гдѣ конецъ стихотворенія отрѣзанъ.

5. Надо мной въ лазури ясной... (стр. 381). Анн., Мат., 335.

6. Стою печально на кладбищѣ... (стр. 381). Анн., Мат., 336.

7. Два чувства дивно близки къ намъ... (стр. 382). Анн., Мат., 338.

8. Забывъ и рощу, и свободу... (стр. 382). Анн., Мат., 338.

Этихъ четырехъ набросковъ, напечатанныхъ Ан-

ненковымъ по рукописи Пушкина, въ настоящее время нѣтъ въ собраніи Моск. Публ. Муз.

9. Младенцу (стр. 382). Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 9, по рукописи Моск. Публ. Муз. № 2370, л. 24. Здѣсь стихотвореніе представляетъ крайне исчерканную черновую, въ которой, кромѣ напечатанныхъ, можно разобрать еще отдѣльныя строки:

Прощай, прелестное дитя,
Я не скажу тебѣ причины...
. . . . . .
Быть можетъ, о судьбѣ моей
Она современемъ услышитъ...

10. Мнѣ жаль великія жены... (стр. 382). Изд. Лит. Фонда, I, 336, по рукописи Моск. Муз. № 2370, л. 19; для настоящаго изданія вновь свѣрено съ рукописью. Въ серединѣ стихотворенія нами пропущено нѣсколько стиховъ.

11. Что же? Будетъ ли вино?... (стр. 383). Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 18-19, по рукописи Моск. Муз. № 2370, л. 42. Черновая записка къ брату. Среди исчерканныхъ строкъ, кромѣ напечатаннаго, можно еще разобрать: послѣ стиха: „И терпимость всякихъ винъ“ зачеркнутый стихъ: „Самъ себѣ я господинъ“; въ концѣ стихотворенія —

Часто пью, — но
Рѣдко, рѣдко пьянъ...

12. Сабурову (стр. 383). Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 15, по рукописи Моск. Муз. № 2370 л. 35 об. Яковъ Николаевичъ Сабуровъ — одинъ изъ тѣхъ лейбъ-гусаровъ, съ которыми Пушкинъ

сблизился еще въ бытность свою въ Лицеѣ. Его имя мелькаетъ кое-гдѣ въ перепискѣ поэта первой половины 20-хъ гг. См. выше, стр. 500, „Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“.

Дополнительныя примѣчанія.

Къ стр. 27. Автографъ „Пѣсни“ въ 1876 г. подаренъ былъ Я. К. Гротомъ Чешскому Музею въ Прагѣ. Снимокъ съ него помѣщенъ въ „Извѣстіяхъ“ книжнаго магазина Вольфа, 1899, № 6, стр. 125. Въ виду того интереса, какой представляетъ это первое извѣстное намъ стихотвореніе Пушкина, воспроизводимъ его здѣсь такъ, какъ оно написано, со всѣми помарками и поправками, насколько онѣ поддаются прочтенію [въ скобкахъ поставлены зачеркнутыя слова].

О Делія драгая!
Спѣши, моя краса —
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса.
[Въ туманѣ] Безмолвно мѣсяцъ покатился —
Спѣши — твой [сторожъ] Аргусъ [усыпился]
удалился
И тронулъ сонъ его глаза —
Оставь [свой страхъ....]
[Подъ сѣнью потаенной]
[Веселаго] [Средь милаго лѣска]
замка
робка
рука

Дубравной [темноты] тишины
[Гдѣ дремлетъ потаенной]
Гдѣ токъ уединенной
[Гдѣ . . . . .] [ручейка]
[. . . . .] волны
Журчитъ съ унылой Филомелой —
[Приди въ] Готовъ любви пріютъ веселой —
[Сіяньемъ] И блескомъ освѣщенъ луны —
[Окутаны покровомъ]
Накинутъ [сонны] *тѣни*
[Свои покровы намъ]
[Покровы полу]*ночи*
Покровы намъ свои
Покровы скроютъ очи
[Но] *И быстро часъ любви*
Летитъ — и [быстро] *исчезаетъ*
[А съ нимъ и радость] улетаетъ
[Веселье быстро] улетаетъ
[Но время быстро] улетаетъ
За нимъ и щастье улетаетъ —
Лети жь въ объятія мои.

Какъ видно изъ этой крайне исчерканной черновой, стихотвореніе потребовало отъ юнаго поэта большихъ усилій *). Замѣчательно, что уже въ этомъ первомъ своемъ опытѣ Пушкинъ прибѣгаетъ къ пріему, который мы не разъ встрѣчаемъ въ его рукописяхъ впослѣдствіи, — къ записыванію „запасныхъ“ риѳмъ, часто остающихся неиспользованными (замка, робка, рука, ручейка...). Любопытно также слово „усыпился“, поставленное въ стихъ, но тотчасъ же и зачеркнутое.

*) Послѣдній куплетъ, въ окончательной формѣ, данной ему Пушкинымъ, напечатанъ курсивомъ.

Къ стр. 228. Ѳ. Ф. Юрьеву. Первое изданіе этого стихотворенія было сдѣлано около 1819 г. негласно и составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость: единственный извѣстный экземпляръ находится у П. А. Ефремова, который получилъ его изъ бумагъ Юрьева. Это изданіе состоитъ изъ листка ватманской бумаги съ водянымъ знакомъ „1819“, въ 4-ку; двѣ страницы листка заняты стихами, подъ заглавіемъ „Ю-ву“; цензурнаго одобренія нѣтъ, точно такъ же, какъ и подписи автора. Майковъ, (Мат., 7)

Къ стр. 232. Мечтателю. Варіантъ изъ музейной рукописи:

Ты въ огорченіи находишь наслажденье...
. . . . . .
И трепетъ сладостный желанья.
Тотъ любитъ, кто нигдѣ не зритъ себѣ пріюта...
Скажи: въ забвеньи чувствъ, любовью упоенный,
Ты падалъ ли къ ногамъ любовницы надменной,
Гремѣлъ ли рѣчью передъ ней,
Срывалъ ли ты запоръ со замкнутыхъ дверей?

Къ стр. 241. Отвѣтъ на вызовъ. Черновой набросокъ изъ музейной рукописи:

На лирѣ [дикой и свободной] благородной
Царя [царей] боговъ я не хвалилъ
И счастью, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ.
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей,
Природу лишь умѣя славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Не мнѣ совѣтовать — прибавить

Вѣнковъ торжественныхъ царей
Но, признаюсь, подъ Геликоно̀мъ
Гдѣ Иппокрены токъ шумѣлъ,
Я, вдохновенный Аполлономъ,
Царицу нашу втайнѣ пѣлъ.
Небесной прелести свидѣтель,
. . . . . .
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтною красой.
Любовь и смѣлая свобода
Внушали сердцу гимнъ простой,
И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

Къ стр. 245. Щербинину. Еще нѣсколько варіантовъ изъ музейной черновой:

Стт. 10-14: Какъ вѣрный сынъ цитерской вѣры,
Проводитъ пламенную ночь
Съ младой монашенкой Венеры.
Поутру, въ спальномъ колпакѣ,
Съ похабной книжкою въ рукѣ,
Коптитъ онъ пенковую трубку,
Гуляетъ...
20: Безпечны, молоды и здравы
23: Имъ чувства наши измѣнятъ...
26: Безъ милыхъ, вѣтреныхъ желаній...
30: Скажу тебѣ у края гроба.

Къ стр. 247. Деревня. Еще за два года до перваго собранія стихотвореній Пушкина, въ альманахѣ М. А. Бестужева-Рюмина Майскій Листокъ, Спб. 1824, стр. 1-5, появилась элегія: „Возвращеніе на родину“, состоящая изъ 74 стиховъ съ под-

писью — *нъ*. Эпиграфомъ къ ней взяты 14 стиховъ изъ „Деревни“ Пушкина, съ подписью: *П.* Затѣмъ, въ Сиріусѣ, издателемъ котораго былъ тотъ же Бестужевъ-Рюминъ, элегія перепечатана, но въ такомъ видѣ, что эпиграфъ съ текстомъ самаго стихотворенія составляютъ какъ бы одно цѣлое (Майковъ, Мат., 40.)

Къ стр. 251. Русалка. Черновой текстъ въ рукописи Моск. Муз. № 2364, л. 76 об., представляетъ слѣдующіе первоначальные варіанты:

Строфа I, ст. 3-4: Забывши о мірскихъ забавахъ,
Всегда въ молитвѣ и трудахъ.
7: И лишь о смерти онъ, блаженный,
„ II, „ 3-4; Отшельникъ мой молился Богу;
Ужь сумракъ дѣлался темнѣй.
„ III, вм. стт. 1 и 2 стоятъ 3 и 4; затѣмъ слѣдуетъ:
Глядитъ монахъ, боязнью полный,
Кого то жаждетъ увидать...
Строфа IV, ст. 4: Но смотритъ...
„ V, „ 1: Всю ночь не спалъ монахъ несчастный
„ „ „ 3: Передъ собою инокъ страстный.
„ VI, „ 1-2: Манитъ, киваетъ головою,
Смѣется, какъ дитя...
VII, „ 1: На третій день монахъ несчастный

3: Сидѣлъ и ждалъ своей прекрасной
8: Русалки дергали въ водѣ.

Этотъ послѣдній стихъ и явился въ Новостяхъ Литературы.

Къ стр. 260. Платонизмъ. Вѣрнѣе озаглавить это стихотвореніе: „Платоническая любовь“, какъ оно и надписано въ автографѣ, сохранившемся въ Остафьевскомъ архивѣ. Текстъ этого автографа представляетъ слѣдующіе варіанты противъ печатнаго:

Ст. 3: Ты посвятила свой досугъ
34: Въ уединенномъ наслажденьи
36: Напрасно! Въ самомъ упоеньи

Въ музейной рукописи № 2364 стихотвореніе начинается такъ:

Не смѣйся надъ моей догадкой:
Я знаю, Лиденька, мой другъ, и пр.

Въ дальнѣйшихъ стихахъ находимъ слѣдующіе зачеркнутые варіанты:

Ст. 7: Непостоянный, легкокрылый
20-22: Его волшебною наградой
Воображенье дорожитъ;
Онъ любитъ сѣнь уединенья...
29: Твои напрасныя мечты
36, 37: И въ долгомъ нѣжномъ изступленьи
Вздыхаешь и томишься вновь
41: Любовь зоветъ тебя напрасно.

Къ стр. 263. Конецъ наброска: „Скажи, какія заклинанья...“:

Присвисни, позвони, — и мигомъ
Явлюсь. Что дѣлать? Я служу,
Живу, крехчу подъ вѣчнымъ игомъ,
Какъ нянька бѣдная, хожу
За вами, слушаю, гляжу...

Къ стр. 266. Погасло дневное свѣтило... Къ словамъ этой элегіи была сочинена музыка извѣстнымъ въ свое время композиторомъ Геништою. „Въ Москвѣ“, писалъ кн. Вяземскій, „домъ кн. Зинаиды Волконской въ 20-хъ годахъ былъ изящнымъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ замѣчательныхъ и отборныхъ личностей современнаго общества. Посреди артистовъ и во главѣ ихъ стояла сама хозяйка дома. Слышавшимъ ее нельзя было забыть впечатлѣніе, которое производила она своимъ полнымъ и звучнымъ контральто... Помнится и слышится еще, какъ она, въ присутствіи Пушкина и въ первый день знакомства съ нимъ, пропѣла элегію его, положенную на музыку Геништою. Пушкинъ былъ живо тронутъ...“ (Рус. Арх. 1873, кн. I, стр. 1085).

„Минутной младости минутные друзья“ — ср. письма Пушкина къ Я. Н. Толстому, 25 сент. 1822, и къ А. А. Бестужеву, 29 іюня 1824.

Къ стр. 267. Чаадаеву — Сѣв. Пчела 1825, № 12, подъ заглавіемъ: „Къ Ч.“ и съ подписью *А. П.*; Сѣв. Цвѣты на 1826, стр. 104, въ статьѣ: „Отрывокъ изъ письма А. С. Пушкина къ Д.“; издд. 1826 и 1829 гг. Въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ отнесено къ 1820 г. и сопровождается припиской:

„Съ морского берега Тавриды“; притомъ, и самъ Пушкинъ, въ упомянутомъ письмѣ къ Дельвигу, писанномъ въ декабрѣ 1824 г., говоритъ: „Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я баснословныя развалины храма Діаны. Видно, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ, тутъ посѣтили меня риѳмы...“ и далѣе приводитъ свое посланіе. Между тѣмъ, въ рукописи Моск. Муз. № 2369, л. 44 об., черновой набросокъ посланія находится между пьесой: „Къ М. А. Г.“ (см. стр. 341) и черновымъ письмомъ къ Бестужеву отъ 12 января 1824 г., почему Л. Н. Майковъ (Мат., 197) отнесъ его къ тому же 1824 г. Трудно рѣшить, насколько это правильно. Рукопись представляетъ слѣдующіе первоначальные варіанты:

Ст. 2: Я вѣрю: здѣсь былъ [дивный] храмъ
4: Свершались жертвоприношенья
[Гдѣ тайна страшная была]
[Гдѣ дѣва грозная Тавриды]...
6: Вражда [безбожной] Эвмениды
9, 10: Здѣсь былъ алтарь, гдѣ совершилось
[Священной] дружбы торжество...
15, 16: Хотѣлъ развалинамъ инымъ
Оставить имя роковое.
Послѣднихъ строкъ въ этомъ наброскѣ еще нѣтъ.

Къ стр. 268. ТАВРИЧЕСКАЯ ЗВѢЗДА — находится въ рукописи Моск. Муз. № 2367, л. 1, съ помѣтой: „Каменка“ и съ варіантами:

Ст. 8: Надъ мирною страной, гдѣ все для взо-
ровъ мило

13: Тамъ нѣкогда, въ горахъ, сердечной нѣги
полный.

НЕРЕИДА — въ той же рукописи, л. 1. Оба стихотворенія имѣютъ еще общее заглавіе: „Эпиграммы во вкусѣ древнихъ“.

Къ стр. 275. ЗЕМЛЯ И МОРЕ. Л. Н. Майковъ (Мат., 79) приводитъ варіанты изъ рукописи Музея № 2367 и изъ альбома Н. Н. Раевскаго. Послѣдніе указываются нами въ выноскахъ.

Ст. 4: И челны робкіе лелѣетъ (такъ и въ альб.)
7, 8: И забываю важныхъ музъ:
Мнѣ волныя смирныя *) милѣе.
Или: Мнѣ моря тихій видъ милѣе.
17-20: Въ опасномъ **) онъ челнѣ живетъ:
Его труды среди пучины;
Я внемлю шуму смирныхъ водъ
Подъ темнымъ яворомъ долины ***).
Или: Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
Я въ безопасной тишинѣ
Внимаю шумъ ручьевъ долины.

Къ стр. 276. ДѢВА. Первоначальныя чтенія музейной рукописи:

Ст. 2-4: Увы! Она сердца влечетъ невольной силой;
Она — волшебница; нельзя, нельзя
при ней
Другую замѣчать, иныхъ искать очей.
6: Томится близь нея . . . . .

*) мирныя.
**) На утломъ.
***) Я внемлю шумъ веселыхъ водъ
Ручья, текущаго въ долинѣ.

8: Жужжатъ [у ногъ ея напрасныя] мольбы
Жужжатъ вокругъ нея ревнивыя мольбы.

Кромѣ того, въ Соревнователѣ послѣдній стихъ читается:

И, очи опустя...

Къ стр. 281. Война. Первоначальныя (зачеркнутыя) чтенія въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2367, л. 12:

Ст. 1: Война!.. Развиты, наконецъ
„ 4, 5: Засвищетъ вкругъ меня погибельный свинецъ!
И сколько новыхъ впечатлѣній
„ 7, 8: Движенье ратныхъ ополченій,
Тревоги стана, громъ мечей
„ 10: Паденье грозное Беллониныхъ друзей.
„ 16: И смерти близкой ожиданье.
„ 22: Свобода пылкихъ чувствъ, къ высокому стремленье
„ 27: Ни грозные труды...

Еще раньше, чѣмъ въ „Полярн. Звѣздѣ“, стихотвореніе напечатано было въ Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ, изд. 2-е, ч. VI, Спб. 1822, стр. 221, безъ подписи и подъ заглавіемъ: „Мечта воина“; отсюда и перепечатано въ „Пол. Зв.“ 1823, стр. 338, а затѣмъ вошло въ издд. 1826 и 1829 гг.

Къ стр. 284. Чаадаеву. Варіанты чернового текста по рукописи № 2365:

Ст. 3: Гдѣ для меня молва — предметъ заботы малой.

Ст. 6, 7: Не трудно было мнѣ оставить шумъ пировъ,
Гдѣ блещетъ праздный умъ...
„ 11: Оставилъ милыя, быть можетъ, заблужденья
„ 26-28: Воспѣлъ мечты мои — геройство и любовь,
И дружбу сладкую, и милые предметы,
Которые меня плѣняли въ прежни лѣты...
„ 31: Я пѣньемъ оглашалъ обитель мира, лѣни
„ 33, 34: Но дружбы нѣтъ со мной: напрасно вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, роскошные края
„ 36: Ничто не замѣнитъ въ разлукѣ [сердцу] друга
„ 44-46: Ты сердцу замѣнилъ надежду и покой,
Ты поддержалъ меня надежною рукой,
Въ минуту гибели, надъ бездною глубокой
„ 54: Холопа знатнаго въ Андреевской звѣздѣ
„ 69: На жизненномъ пути останься ты со мной
„ 76: И вѣтреной толпы недвижный наблюдатель.

Въ рукописи № 2367 посланіе является уже въ перебѣленномъ видѣ, но съ нѣкоторыми исправленіями, надписанными надъ строкой. Отличія этого текста отъ окончательной редакціи — слѣдующія:

Ст. 10: . . . . . я не жалѣлъ объ нихъ
„ 29: . . . . . еще невѣдомый никѣмъ
„ 32: И Царскаго Села хранительныя сѣни.
„ 60: . . . . . своимъ [безвреднымъ] осиплымъ лаемъ.

Новѣйшія изданія
Книгоиздательскаго Товарищества
„ПРОСВѢЩЕНІЕ“.
С.-Петербургъ, 7 рота, собствен. домъ № 20.

„Библіотека Просвѣщенія“.

				Въ перепл.	
		Р.	К.	Р.	К.
№ 1.	***Карлъ Марксъ.*** Нищета философіи	—	39	—	51
№ 2.	***В. Зомбартъ.*** Рабочій вопросъ . .	—	27	—	39
№ 3.	***Н. Сувировъ.*** Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи . . .	—	49	—	61
№ 4.	***Большіе города,*** ихъ общественное, политическое и экономическое значеніе. Сборникъ статей проф. *К. Бюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля* и др. .	—	44	—	56
№ 5.	***А. Менгеръ.*** Право на полный продуктъ труда	—	30	—	42
№ 6.	***Ф. Мерингъ.*** Объ историческомъ матеріализмѣ	—	15	—	27
№ 7.	***П. Гере.*** Какъ священникъ сталъ соціаль-демократомъ	—	6	—	—
№ 8.	***Т. Курти.*** Всенародное голосованіе въ Швейцаріи	—	7	—	—
№ 9.	***Г. Грейлихъ.*** Буржуазная революція и освободительная борьба рабоч. класса	—	8	—	—
№ 10.	***Э. Зелигманъ.*** Экономическое пониманіе исторіи	—	17	—	29
№ 11.	***А. Менгеръ.*** Гражданское право и неимущіе классы	—	45	—	57
№ 12.	***А. Бебель.*** Шарль Фурье, его жизнь и ученье	—	42	—	54
№ 13.	***Ш. Боржо.*** Учрежденіе и пересмотръ конституцій въ Европѣ и Америкѣ; вып. I	—	35	—	47
№ 14.	***Ш. Боржо.*** Учрежденіе и пересмотръ конституцій въ Европѣ и Америкѣ; вып. II	—	35	—	47
№ 15.	***П. Струмлькій.*** Самоорганизація рабочаго класса	—	50	—	62
№ 16.	***Францъ Мерингъ.*** Исторія германской соціаль-демократіи, в. I . .	—	35	—	47
№ 17.	***Э. Виллей.*** Какъ производятся въ Западн. Европѣ выборы въ парламентъ	—	15	—	27

				Въ перепл.	
		Р.	К.	Р.	К.
№ 18.	***Карлъ Марксъ.*** Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 гг.	—	25	—	37
№ 19.	***В. Вейтлингъ.*** Человѣчество, каково оно есть и какимъ оно должно быть	—	12	—	—
№ 20.	***Л. Мовичъ.*** Великое Учредительное Собраніе 1789 г.	—	45	—	57
№ 21.	***А. Шеффле.*** Квинтъ-эссенція соціализма	—	18	—	30
№ 22.	***Лиссагарэ.*** Исторія Коммуны; вып. I	—	60	—	72
№ 23.	***Лиссагарэ.*** Исторія Коммуны; вып. II	—	65	—	77
№ 24.	***Г. Роландъ-Гольстъ.*** Всеобщая стачка и соціалъ-демократія . .	—	45	—	57
№ 25.	***В. Либкнехтъ.*** Робертъ Блюмъ и революція 1848 г. въ Германіи, вып. I	—	40	—	52
№ 26.	***В. Либкнехтъ.*** Робертъ Блюмъ и революція 1848 г. въ Германіи, вып. II	—	40	—	52
№ 27.	***В. Зомбартъ.*** Политическая экономія промышленности	—	50	—	62
№ 28.	***А. Менгеръ.*** Новое ученіе о нравственности	—	20	—	32
№ 29.	***Шарлъ Жидъ.*** Соціально-экономическіе итоги XIX столѣтія	—	55	—	67
№ 30.	***Г. Грейлихъ.*** О матеріалистическомъ пониманіи исторіи	—	7	—	—
№ 31.	***В. Либкнехтъ.*** Обоснованіе Эрфуртской программы	—	10	—	—
№ 32.	***Фр. Мерингъ.*** Исторія германской соціалъ-демократіи, вып. II	—	50	—	62
№ 33.	***Записки рабочаго.*** Съ предисловіемъ *П. Гере*	—	55	—	67
№ 34.	***Г. Мохъ.*** Постоянная армія и милиція	—	55	—	67
№ 35.	***К. Фроме.*** Монархія или республика	1	—	1	12
№ 36.	***В. Зомбартъ.*** Пролетаріатъ въ Америкѣ	—	30	—	42
№ 37.	***Эм. Калеръ.*** Вильгельмъ Вейтлингъ	—	35	—	47
№ 38.	***Д-ръ Г. Люксъ.*** Этьеннъ Кабэ и Икарійскій коммунизмъ	—	65	—	77
№ 39.	***Н. Г. Помяловскій.*** Очерки бурсы	—	75	—	87
№ 40.	***Н. Г. Помяловскій.*** Вуколъ .	—	10	—	—
№ 41.	***Н. Г. Помяловскій.*** Мѣщанское счастье	—	50	—	62
№ 42.	***Н. Г. Помяловскій.*** Молотовъ	—	75	—	87
№ 43.	***К. Марксъ.*** Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта	—	30	—	42

			Въ перепл.	
	Р.	К.	Р.	К.
№ 44. ***Фр. Энгельсъ.*** Анти-Дюрингъ . .	1	—	1	12
№ 45. ***Роза Люксембургъ.*** Соціальная реформа или революція?	—	30	—	42
№ 46. ***Г. Гекк.*** Интернаціоналъ	—	80	—	92

На складъ Т-ва „Просвѣщеніе“ поступило новое изданіе:

Театръ Еврипида. Стихотворный перев. ***И. Ѳ. Анненскаго.*** I томъ . . . . . 6 — 7 25

Куль хлѣба и его похожденія. Соч. ***С. В. Максимова.*** 5-ое богато иллюстриров. изданіе 1 25 1 75

Бродячая Русь Христа-ради. Соч. ***С. В. Максимова.*** 2 тома по . . . . . 1 50 2 —

Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Соч. ***Т. А. Богдановичъ,*** составл. по новѣйш. источникамъ, съ прилож. текста японской конституціи. 440 стр., 25 худож. прилож. 1 25 1 75

Сибирь и ея экономическая будущность. Соч. ***Кл. Оланьона,*** съ предисл. *Фр. Пасси.* 15 иллюстр. прилож. . . 2 — 2 50

Манчжурія. Соч. ***А. Домбровскаго и В. Ворошилова.*** Составл. по новѣйш. даннымъ. Приложенія (геогр. карта, русско-китайскій словарь и пр.). . . . . — — 1 60

Жизнь бабочекъ. Соч. проф. ***Штандфусса.*** Пер. и доп. подъ ред. *И. Я. Шевырева.* 200 рис. 2 50 3 25

Изданіе ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. для фунд. библ. ср. уч. за-ній, въ котор. препод. естествовѣдѣніе, а равно и учит. инст. и сел-й.*

Хрестоматія *для устн. и письм. соч.,* съ приложен. 15 картинъ. Составили преподаватели ***В. П. Куницкій*** и ***А. Л. Погодинъ*** . . . . . — 60 — —

			Въ перепл.	
	Р.	К.	Р.	К.
Популярно-научные альбомы картинъ по естествознанію и географіи.				
Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ. Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго*, съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера*. 258 рис.	—	—	1	75
Альбомъ карт. по зоологіи птицъ. Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго*, съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера*. 238 рис	—	—	1	75
Альбомъ карт. по зоологіи рыбъ. Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго*. 208 рис.	—	—	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи низшихъ животныхъ. Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Перев. *Г. Г. Якобсона*. 292 рис.	—	—	1	75
Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ“ Брэма. *Отдѣлъ зоологіи.* 55 табл. Больш. альбомъ in folio въ папкѣ	—	—	1	75
Альбомъ картинъ по географіи растеній. Текстъ д-ра ***М. Кронфельда.*** Пер. прив.-доц. *А. Г. Генкеля*. 216 рис. . . .	—	—	1	75
Альбомъ картинъ по географіи Европы. Текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Пер. *А. П. Нечаева*, съ пред. *Д. А. Коропчевскаго*. 233 рис.	—	—	1	50
Альбомъ картинъ по географіи внѣевропейскихъ странъ. Текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Пер. *А. П. Нечаева*, съ пред. проф. *Д. А. Коропчевскаго*. 325 рис. . .	—	—	1	75
Календарь на 1908 г., на металлическ. подставкѣ, съ дугами для перелистыванія .	—	90	—	—

Открыта подписка на новое изданіе:

Исторія германской соціалъ-демократіи. Сочиненіе ***Фр. Меринга.*** 8 томовъ. Цѣна по подпискѣ	3	—	—	—